А. С. ГРИБОЕДОВ

Материалы
к биографии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ГРИБОЕДОВ
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
С. А. ФОМИЧЕВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Рецензенты:

Л. М. АРИНШТЕЙН, И. С. ЧИСТОВА

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

А. С. ГРИБОЕДОВ

Материалы к биографии

Утверждено к печати
Институтом русской литературы АН СССР
(Пушкинский Дом)

Редактор издательства *В. Г. Степанова*
Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Л. М. Бова* и *А. Х. Салтанаева*

ИБ № 33374

Сдано в набор 2.08.88. Подписано к печати 30.03.89. М-30141.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18.0 + 0.12 вкл. Усл. кр.-от. 18.12. Уч.-изд. л. 20.48
Тираж 9500. Тип. зак. 372. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-034, Менделеевская лин., 1.

2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Г $\frac{4603020101-545}{042(02)-89}$ 459-89

ISBN 5-02-027908-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общим местом рассуждений о жизни Грибоедова, размышлений о его судьбе — чуть ли не изначально и до самых последних лет — стало сожаление о полной неразработанности его биографии.

«Написать его биографию, — писал в 1835 г. Пушкин, — было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [1]

«Нет до сих пор обстоятельной биографии Грибоедова <...>, — констатировал в начале XX в. А. Н. Пыпин. — Еще в половине девятнадцатого столетия даже знаменитейшие имена нашей общественности и литературы бывали предметом устных преданий, чуть ли не мифологии. О Грибоедове также знали только немногое: была слава таланта, остроумия, оригинального характера, но не было понятия о действительной истории этого сильного ума, о котором современники говорили одними общими местами восхваления. Как вырос этот ум, какими впечатлениями окружен был писатель, как они действовали на него, что возбудило его творчество, какая господствующая идея была в его глубине, — на все эти вопросы могло ответить лишь само произведение, но полное понимание произведения возможно только при изучении развития и внутреннего мира писателя <...>». [2]

«Судьба Грибоедова, — писал уже в наше время Б. М. Эйхенбаум, — сложная историческая проблема, почти не затронутая наукой и вряд ли разрешимая научными методами из-за отсутствия материалов». [3]

---

[1] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 8, кн. 1. С. 462.

[2] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. 3-е изд. СПб., 1907. Т. 4. С. 313—314.

[3] Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания, размышления, встречи. М., 1966. С. 80.

И наконец, цитата из книги А. Лебедева, предваряющая его гипотезу личности и судьбы писателя: «Да, конечно, все это версия, гипотеза. Но дело в том, что с утратой „грибоедовских бумаг“, каких-то, возможно и вероятнее всего, особенно важных его „бумаг“ мы *навсегда* потеряли возможность „вспомнить“, как и куда он шел, утратили возможность проникнуть „внутрь“ грибоедовской мысли».[4]

Неужели пушкинская сентенция оказалась пророчеством на все времена? Неужели судьба Грибоедова так и не возбудила у его соплеменников любопытства и не нашла в исторической науке и литературоведении своих подвижников? Простой перечень только советских исследователей, казалось бы, должен поколебать это мрачное пророчество — Н. К. Пиксанов, В. Н. Орлов, О. И. Попова, М. В. Нечкина, С. В. Шостакович, В. С. Шадури, И. К. Ениколопов — только за этими именами целая библиотека книг, посвященных различным периодам биографии Грибоедова. Может быть, эти книги касались лишь частностей? Нет, не так. Вполне очевидно, что люди, до сих пор сетующие на полную неразработанность главнейших проблем биографии Грибоедова, имеют в виду иное: неубедительность высказанных в науке концепций.

Между тем, очевидно, настало время трезво оценить: что уже сделано и что предстоит сделать в научной разработке грибоедовской биографии. И тогда выясняется: что бы ни говорили о роковой «загадочности», о непроницаемой тайне судьбы Грибоедова некоторые современные авторы, основные вехи его биографии, и в особенности последние годы его жизни, к настоящему времени прояснены относительно неплохо: не в меньшей степени, нежели биография Пушкина, например. Дежурные разговоры о полной почти потере (уничтожении) документов и письменных источников грибоедовской биографии — это, по меньшей мере, застарелый штамп, а подчас и результат «ленивости и нелюбопытства» самих авторов, сетующих об этом.

Пресловутые «загадки» личности и судьбы Грибоедова, о которых обычно пишут, начинаются как раз там, где фактов много, настолько много, что они «мешают». «Мешают», конечно, в том случае, если мы нарушаем главнейший принцип исследования любого общественного явления — принцип историзма в оценке и интерпретации этих фактов. Ограничусь лишь двумя примерами на этот счет. Сколько недоумений высказано и продолжает высказываться о приятельских отношениях, которыми был связан Грибоедов с Булгариным! Сколько было попыток именно под этим углом зрения истолковать и проблематику комедии «Горе от ума» и общественно-политическую позицию писателя вообще. Но вспомним хотя бы два письма к этому же Булгарину, которые на виду у всех.

---

[4] *Лебедев А. А.* Грибоедов. Факты и гипотезы М., 1980. С. 47.

«Вы принадлежите к малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы» (1 февраля 1824 г.).[5]

«Напрасно думали Вы, любезнейший Фаддей Венедиктович, чтоб я мог забыть свое обещание — Дельвиг и я непременно явимся к вам с повинным желудком сегодня в $3^1/_2$ часа. Голова и сердце мое давно Ваши» (ноябрь 1827 г.).[6]

Автор этих писем — Пушкин, и относятся они примерно к тем годам, когда Грибоедов с Булгариным был близок. О чем свидетельствуют со всей несомненностью эти письма при всей их вполне очевидной этикетности? Вероятно, если не о Булгарине самом по себе, то о его репутации в литературном мире. Вскоре эта репутация пошатнулась, и постепенно его имя стало самым презренным в среде порядочных людей. Но ведь к этому времени Грибоедова уже не было в живых.

Столь же много разных остроумных концепций судьбы Грибоедова построено на фундаменте одного известного пушкинского высказывания о нем: «Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств».[7] Между тем достаточно обратиться к пушкинскому словарю, чтобы эту фразу понять по-пушкински. В официальной записке, написанной по прямому требованию царя в 1826 г., Пушкин скажет о своем (т. е. и о грибоедовском) поколении: «Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий», — а дальше процитирует строки из царского манифеста о декабрьском восстании: «Не просвещению, но праздности ума... недостатку твердых познаний должно приписать сие своеволие мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель».[8] Именно в этих высказываниях поясняется словарь подцензурных, печатных рассуждений о декабристском движении. Декабристская тема в «Путешествии в Арзрум» была основной и определяющей. Было бы странно, если бы «грибоедовский эпизод» в этом произведении не был связан внутренне с этой темой. Поэтому, говоря о «пылких страстях» и «могучих обстоятельствах», Пушкин, несомненно, имеет в виду именно идейную причастность Грибоедова к основному общественно-политическому движению своего времени. Это, конечно, не решает вопроса об организационной принадлежности Грибоедова к декабристским обществам (который при существующем уровне знаний можно решать лишь гипотетически), но свидетельствует об

---

[5] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 85.

[6] Там же. С. 346.

[7] Там же. Т. 8, кн. 1. С. 461.

[8] Там же. Т. 11. С. 43—44. Подробнее об этом см.: *Фомичев С. А.* «...затемнена некоторыми облаками» // Русская речь. 1987. № 1. С. 18.

идейной позиции Грибоедова в ту пору, когда, по словам Пестеля, «дух преобразований заставлял умы клокотать».

Но является ли высказанное в данном случае замечание о гипотетичности представлений о Грибоедове противоречащим высказанному выше тезису об основательной разработанности основных проблем биографии Грибоедова? Нет, не является. Напомним одно точное замечание Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» в контексте его рассуждений об относительной и абсолютной истине. Даже в науках, имеющих дело с простейшими формами материи (с неживой природой) — подчеркивает Ф. Энгельс, — «находишься среди гипотез, словно в центре пчелиного роя»,[9] и это ни в коей мере не компрометирует науку как таковую.

Вполне очевидно поэтому, что решение «проблемы Грибоедова» имеет в настоящее время не фактологическую, а методологическую направленность. До сих пор достаточно распространенные представления о Грибоедове основаны на легенде о нем, созданной еще в первой половине прошлого века. Именно в ту пору обострился общественный интерес к личности Грибоедова в связи с широким распространением списков его комедии и глухими известиями о трагической гибели писателя-дипломата.

Тогда по законам легенды и сложился образ скептика и трезвого прагматика эпохи общественной реакции, которая наступила вслед за поражением декабрьского восстания. Показательно в этом смысле высказывание А. Блока: «„Горе от ума“ <...> гениальнейшая русская драма, но как поразительно случайна она! И родилась она в какой-то сказочной обстановке: среди грибоедовских пьесок, совсем незначительных, в мозгу петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе, с лицом неподвижным, в котором „жизни нет“, мало того: неласковый человек с лицом холодным и тонким, ядовитый насмешник и скептик — увидал „Горе от ума“ — во сне. Увидал сон — и написал гениальную русскую драму. Не имея предшественников, он не имел и последователей, себе равных».[10]

Сказано по-блоковски страстно, но каждый фрагмент этого высказывания не выдерживает исторической критики. Чего стоит хотя бы определение: «...в мозгу петербургского чиновника с лермонтовской желчью и злостью в душе». Здесь налицо аберрация и во времени, и в пространстве: петербургским чиновником Грибоедов почти не был. Его биография во всяком случае складывалась не в столичной канцелярии, а на огромном пространстве, открытом всем бурям эпохи. «Лермонтовская желчь и злость» — были качеством иной эпохи, нежели та, которая формировала личность Грибоедова и определила тем са-

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 20. С. 89.
[10] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 138—139.

мым его судьбу. О людях этого поколения писал, например, Кюхельбекер в стихотворении «На смерть Якубовича»:

Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал...

И прежде всего — при гениальном уме — Грибоедов был по преимуществу не скептическим созерцателем, а деятелем.

«Познания, которыми я владею, — писал Грибоедов с 1820 г. в письме к неизвестному, — заключаются в знании языков: славянского и русского, латинского, французского, английского, немецкого. В бытность мою в Персии я занялся персидским и арабским. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще недостаточно иметь много выражений для одной и той же идеи, как говорит Ривароль: чем человек просвещеннее, тем он полезнее своему отечеству». Идея общественной пользы в данном высказывании — по своему смыслу просветительская, столь близкая декабристской идеологии. И еще одно характерное рассуждение Грибоедова в «Путевых записках»: «Вот еще одна нелепость — изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как, будучи бесполезным в трудах и отяготительным в удовольствиях, он никуда не имеет доступа. Наблюдать деятельность других можно не иначе, как участвуя лично в делах <...>»

Можно только подивиться проницательности юной вдовы Грибоедова, начертавшей на могильном постаменте: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...»

Нельзя не заметить, что первым словом современников о Грибоедове было всегда — о его уме. «Он был очень умен», — вспоминал П. А. Вяземский, редко о ком так говоривший.[11] «Это один из самых умных людей в России», — замечал Пушкин.[12] «Мало людей мне по сердцу, — писал склонный к грубоватой патетике Д. В. Давыдов, — как этот урод ума, чувств, познаний и дарований».[13] Перечень высказываний подобного рода можно продолжить до бесконечности.

Конечно, в понятие «ум Грибоедова» входила и поразительная эрудиция его, основанная на глубоком, систематическом образовании, и развитая постоянными занятиями, не прекращающимися и в условиях его кочевой жизни. Достаточно упомянуть, что сохранившийся список книг Грибоедова, взятых им в свою последнюю поездку в Тегеран (а отправлялся он туда на месяц-два), насчитывает десятки названий (Декарт в 11 томах, Платон в 5 томах, Библиотека Востока, Лаплас в 11 томах, справочник по философии, Шеллинг и т. п.). Но меньше всего эта эрудиция засушивала ум: современники единодушны в свидетельствах о пылкости и увлекательности беседы Грибо-

---

[11] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 86.
[12] Там же. С. 160.
[13] Щукинский сборник. М., 1910. Вып. 9. С. 325.

едова, к сожалению, для нас трудно восстановимой. Несомненно, ум Грибоедова был не только систематический, но и пытливый, дерзающий, проникающий в суть вещей. Вот, например, его попутное замечание, набросанное на полях «Русской грамматики» Н. И. Греча: «Если предположить, что система языка не разом издана, а развивалась постепенно, то глаголы, конечно, придуманы прежде других частей речи. У дикого мало вещей, в которых он нуждается, и те около него, к чему станет он голову ломать, чтобы называть их по имени, когда одним движением пальца может их обозначить, укажет на что-нибудь и дело с концом. Но отношения между собой и вещами определить труднее. „Сечь", говорит он, это, например, значит, что дождь идет, и по аналогии „сечь" он произносит с угрозою, значит „высеку тебя (дождем посыплю на тебя удары)" или со страхом: „сечь", т. е. „ боюсь, чтобы тебя или меня, или нас обоих не высекли"». В этом попутном, развитом экспромтом высказывании (а сколько такого рода откровений было в живой беседе Грибоедова!) содержится в свернутом виде ряд фундаментальных идей по сложнейшей проблеме возникновения языка, которые Грибоедову в то время не у кого было почерпнуть (в лингвистике они были обоснованы значительно позже): о сочетании жеста и слова на заре рождения языка, о предикативности и эмоциональности первоначальных суждений, о роли образности и ассоциативности в развитии языка.

В понятие «ум Грибоедова» входило, конечно, и редкое сочетание разнообразных дарований и профессиональных знаний (поэт, музыкант, композитор, дипломат, экономист и пр.). Как это ни покажется странным, первейшее из этих дарований — поэтическое — до сих пор находится под подозрением. Конечно, никто уже не пустится в университетской лекции в откровения, как это случалось у профессора Петербургского университета И. А. Шляпкина (конспект его лекций за 1894—1895 гг. сохранился в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова), который всерьез утверждал: «Невольно является мысль, не принадлежит ли эта пьеса его кавказским сослуживцам и только пущена Грибоедовым в обращение». Печальный парадокс такого «откровения» заключался в том, что Шляпкин в 1889 г. издал Полное собрание сочинений Грибоедова в двух томах.

Но несоразмерность «Горя от ума» остальному литературному наследию Грибоедова до сих пор представляется разительной. Очевидно, в данном случае необходимо более тщательное исследование творческого пути Грибоедова — его ранних произведений и последних замыслов: до недавнего времени такому исследованию препятствовала стойкая легенда о Грибоедове как о «литературном однодуме», «авторе одного произведения».

Мировоззрение, художественные и научные искания, дипломатический талант и экономические проекты Грибоедова требуют глубокого, комплексного изучения и сами по себе и в

плане осмысления деятельного, активного ума Грибоедова, чтобы покончить, наконец, с тощими и умозрительными рассуждениями о некоем суррогате грибоедовского ума: «политическом скептицизме», «прагматизме» и т. п.

Само собой разумеется, необходимо дальнейшее обогащение источниковедческой базы грибоедовских исследований, в частности, широкое обследование архивных фондов — и прежде всего областных архивохранилищ, изученных далеко не достаточно. Особенно это касается раннего периода биографии Грибоедова, его детства, университетских лет, его военной службы — именно здесь много белых пятен, вплоть до неясности вопроса о годе его рождения. Хотелось бы возразить против модных скептических высказываний о том, что это задача неблагодарная по причине безвозвратной утраты документов.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Биография и творчество Грибоедова могут быть разносторонне исследованы только в результае коллективных усилий ученых разных специальностей. Необходима оперативная координация коллективных исследовательских интересов, постоянный и заинтересованный обмен мнений. Необходим и научный центр такого рода исследований. Хочется надеяться, что им станет музей-усадьба Грибоедова «Хмелита», а живым научным органом координации — регулярные (скажем, периодичностью один раз в три года) Грибоедовские чтения. Материалы Грибоедовских чтений, прошедших в январе 1986 г., и составили основу этого сборника.[14]

---

[14] О Грибоедовских чтениях см.: Русская литература. 1986. № 3. С. 239—244. Советская культура. 1986. № 12, 14; Советская Россия. 1986. № 28, 67; Литературная газета. 1986. № 7; Рабочий путь. Смоленск, 1986. № 27; Ленинский путь. Вязьма, 1986. № 17.

I. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ГРИБОЕДОВА

М. В. Строганов

ГОД РОЖДЕНИЯ ГРИБОЕДОВА, ИЛИ «ПОЛПУТИ ЖИЗНИ»

В письме Грибоедова от 4 января 1825 г. С. Н. Бегичеву сказано: «Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники».[1] Сколько это — «полпути моей жизни»?

В. В. Кожинов заметил, что «половина жизненного пути» — это реминисценция из «Божественной комедии» Данте. А поскольку по Данте половина жизненного пути — это 35 лет, то дата рождения Грибоедова, бесспорно, — 1790 г.[2] Специалисты-грибоедоведы уверенно разбили все построения В. В. Кожинова и только по поводу Данте отделались в сущности отговоркой: «В обыденной практике, говоря о половине жизни, вряд ли кто так строго придерживается цифры 35, обычно оценка гораздо приблизительней».[3] Это, конечно, неверно: в день своего рождения человек предпочитает точные даты, а не приблизительные.

Чтобы прояснить вопрос о «половине жизни», обратимся к Данте. В биографии его есть два очень важных равновеликих момента: 1295 и 1300 гг. Так как Данте родился в 1265 г., то в это время ему соответственно было 30 и 35 лет. В 1295 г. он становится членом цеха аптекарей и теперь, как горожанин, может принимать активное участие в жизни города, в борьбе гибеллинов и гвельфов, что и повлекло его на край гибели. В 1300 г. Данте после поражения гвельфов принужден бежать из Флоренции. В самом деле, к какому — к 1295 или 1300 году отнести слова:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.[4]

---

[1] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л. 1959. С. 555.

[2] *Кожинов В. В.* Легенды и факты (заметки о Грибоедове, Баратынском, Есенине) // Русская литература. 1975. № 2. С. 145—148.

[3] *Краснов П. С.* Еще раз о дате рождения Грибоедова // Русская литература. 1975. № 4. С. 153.

[4] *Данте А.* Божественная комедия / Пер. М. Л. Лозинского. М.; Л. 1967. С. 9.

Психологически более понятно такое толкование: «заблудился» Данте в 1295 г., когда вступил на путь политической борьбы, ввергшей его в пучину зол, а в 1300 г., отказавшись от участия в борьбе политических партий, он уже вышел на истинную дорогу.

Однако дантологи комментируют: «Серединой человеческой жизни, вершиной ее пути, Данте («Пир», IV, 23) считает тридцатипятилетний возраст».[5]

Но существует и иное мнение. Джованни Боккаччо был, как известно, одним из первых комментаторов «Комедии», именно ему принадлежит эпитет «божественная». Мнение его обладает исключительным авторитетом. Боккаччо, которого дантологи в данной связи не цитируют, сообщает: «Когда Данте с головой погрузился в свой достохвальный труд и уже написал семь песен первой книги, озаглавленной „Ад" <...> в это время произошли события, которые привели его к горестному изгнанию, правильнее сказать, к бегству из Флоренции, после чего он, бросив на произвол судьбы все свое имущество и среди прочего — начатую поэму, много лет скитался, живя поочередно то у кого-либо из друзей, то при княжеских дворах. <...> Некий человек, надеясь, быть может, найти бумаги, обеляющие поэта, рылся в его сундуках, в последнюю минуту укрытых в тайнике от буйства ворвавшейся в дом неблагодарной толпы, жаждущей скорее поживы, нежели справедливой мести, и в одном из этих сундуков он наткнулся на помянутые выше песни, прочел все семь с великим восхищением и, не зная, кто их автор, решил похитить исписанные листы, ловко исполнил задуманное, затем, поскольку песни так ему понравились, показал их нашему флорентийцу по имени Дино ди Ламбертуччо, известнейшему в городе стихотворцу, Дино угадал в авторе Данте, сообщил об этом маркизу Моруэлло, у которого тогда Данте жил, а маркиз показал посланные ему стихи Данте и спросил, не знает ли он, чье это творение, на что поэт, едва взглянув на листы, сказал, что это его собственное... „Я был убежден, — сказал Данте, — что в постигшем меня крушении вместе с другими моими сочинениями погибли и первые песни новой поэмы, и эта уверенность, а также множество забот, причина которых — изгнание, побудили меня поставить крест на высоком замысле, положенном в основу поэмы, но раз уж судьба столь неожиданно вернула мне ее начало, и вам оно понравилось, попытаюсь вспомнить некогда обдуманный мною план и, буде на то воля небес, воплотить его в стихах"».[6] Далее Боккаччо сообщает, что продолжение последовало с восьмой песни.

И. Н. Голенищев-Кутузов попытался в своем комментарии объяснить необычное вступление к восьмой песне: «Скажу,

[5] *Данте А.* Новая жизнь. Божественная комедия / Примеч. Евг. Солоновича, С. Аверинцева, А. Михайлова, М. Лозинского. М., 1967. С. 545.

[6] *Боккаччо Дж.* Малые произведения. Л., 1975. С. 561—563.

продолжив...» — не перерывом в работе, а чем-то иным: «Если Данте и получил посланье из Флоренции в это время, то только наброски или планы поэмы, быть может, первоначально задуманной по-латыни».[7] Неясно, почему свидетельство Боккаччо не заслуживает доверия: он писал свою книгу для современников и они могли его опровергнуть, но не сделали этого. Сейчас важен сам факт, что поэма могла быть задумана уже во Флоренции, когда поэт «заблудился в сумрачном лесу».

Тем не менее ни одного факта, указывающего на 1295 г., в поэме нет, есть только факты в пользу 1300 г. Однако и это не свидетельствует, что Данте «преполовением» своей жизни считал 35 лет. Это свидетельство сознательной работы поэта в известном направлении. 1300 г. понимался Данте как рубеж в истории человечества, и условность 1300 г. как времени действия в поэме вполне принята дантоведами: «...начало XIV в. обозначается (как и весь период конца XIII и первых десятилетий следующего столетия) в поэме условной датой 1300 г.».[8] Вот почему Данте пишет в «Пире»: *«Трудно установить,* где находится высшая точка этой дуги, однако я полагаю, что для большинства людей она находится между 30-м и 40-м годом жизни, и думаю, что у людей, от природы совершенных, она совпадает с 35-м» (курсив мой. — *М. С.*). Но «Пир» — это автокомментарий к собственным произведениям, а комментарий не может разойтись с текстом и соответствует ему. У Данте была личная мотивировка половины жизни, а читателю он дает общественно значимую.

Отметим также колебания Данте: «трудно установить», «между 30-м и 40-м годом». Эти колебания естественны: поэт нарушает традицию обозначения половины жизни.

Издавна срок человеческой жизни определяли семьюдесятью годами: «Дней лет наших — семьдесят лет, а при большей крепости — восемьдесят лет» (Пс. 89, ст. 10). Семерка — вообще «святое» число. У человека 7 возрастов, в неделе — 7 дней, за которые бог создал весь мир, вокруг Земли, как об этом знал Данте, вращались 7 блуждающих звезд, иначе планет (Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, Солнце), у самого Данте души мудрецов древности обретаются в семистенном замке, и сам Данте чтит 7 добродетелей.

Но 7 — это сложное число, его можно получить, сложив два простых «святых» числа: 3 и 4. Семь стен замка в Лимбе означают семь наук тривиума и квадриума: Грамматику, Диалектику, Риторику, Арифметику, Музыку, Геометрию, Астрономию,[9] в семь добродетелей входят три «богословских»: вера, надежда, любовь — и четыре «естественных»: мудрость, справедли-

---

[7] *Данте А.* Божественная комедия. С. 506.
[8] Дантовские чтения. М. 1976. С. 16.
[9] *Данте А.* Божественная комедия. С. 500.

вость, мужество, умеренность («Чистилище», песнь I. ст. 23—27, песнь VIII, ст. 85—93).[10]

И как 3+4=7, так и 30+40=70. Данте известно, что, по Луке-Евангелисту, Христос крестился тридцати лет: «Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати...» (Ев. от Луки, гл. 3, ст. 2, 3). 30 лет — это «символический возраст полноты зрелости», (С. Аверинцев)[11] «тридцать лет было Давиду, когда он воцарился» (2-е царств. гл. 5, ст. 4). После крещения Иисус уходит в пустыню на 40 дней, а потом проповедует 4 года.

Итак, даже если человеку суждено прожить 70 лет, половина его жизни падает не на 35, а на 30 лет. Не знать этого Данте не мог.

Но знал ли это Грибоедов?

Хотя Данте в грибоедовских текстах (исключая письмо от 4 января 1825 г.), не упоминается ни разу, вряд ли обоснованно было бы предполагать, что с самой «Комедией» Грибоедов не был знаком. Другое дело, знал ли он традиционное толкование первых строк поэмы дантологами. Узнать его он мог, скорее всего, от П. А. Катенина, но Катенин начал переводить первую песнь «Комедии» только в 1828 г., когда Грибоедов не переписывался с ним и вообще отношения между ними прекратились. Правда, отрывок из «Ада» — «Уголино» Катенин перевел раньше, но это не может служить доказательством, что Грибоедов знал традиционное толкование первых строк поэмы.

Но Библию Грибоедов знал, а псалмы Давида любил и переводил. Опирался он в своем письме на христианскую и русскую традицию. В русской же культурной традиции мы находим много свидетельств о половине жизненного пути — второй ряд наших доказательств.

В. А. Жуковский в 1819 г. создал надгробную элегию «На кончину ее величества, королевы Виртембергской», где писал, обращаясь к овдовевшему супругу:

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полупути ушел он от земного,
От бытия прелестно-молодого.[12]

---

[10] Там же. С. 560, 565.

[11] Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 492. 30 лет — возраст перехода от юности к зрелости («съвръшеный же мужь») учтен и древнерусской литературой вслед за древнегреческой (см.: *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 89).

[12] *Жуковский В. А.* Стихотворения: В 2 т. / Под ред. Ц. Вольпе. Л., 1939—1940. Т. 1. С. 19.

Речь здесь идет о «полпути» жизни, потому что великая княгиня Екатерина Павловна (королева Виртембергская) родилась в 1788, значит в 1818 г. ей было 30 лет.

В романе «Евгений Онегин» Пушкин также обозначает этот рубеж (строфы XIII—XIV):

Ужель мне скоро тридцать лет?
Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я. [13]

В. И. Даль в повести «Жизнь человека, или прогулка по Невскому проспекту» делит жизнь человека на две части: «...заключил, так сказать, первую половину прогулки своей по Невскому проспекту, прошедши в тридцать лет всю правую сторону его, от монастыря до Дворцовой площади <...>. Итак, вторая часть...» [14] А в повести «Вакх Сидоров Чайкин, или рассказ о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей» герой говорит: «Уроки, коими наделяла меня судьба постоянно, в течение тридцати лет, считая с самого дня рождения моего, могут быть поучительны не для меня одного». [15] Далее герой говорит: «Обещав рассказ о жизни моей только за тридцать лет, за первую половину, я бы должен был на этом закончить нынешние записки свои: но для полноты дела следует прихватить еще и часть тридцать первого года, с коего начинается вовсе для меня новая жизнь, новое летоисчисление». [16]

Учтем свидетельство Н. В. Гоголя: «По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут вперед его силы; дальше же этого срока в нем ничего не подвигается». [17]

Позже об этом писал Н. С. Гумилев:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной. [18]

Стихотворение помечено 1916 г., когда Гумилеву, родившемуся в 1886 г., было 30 лет.

Переход от одной половины жизни к другой связан с представлениями о присущем возрасту поведении. У Пушкина блажен тот,

---

[13] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Л., 1937. Т. 6. С. 136. Следует добавить, что слова «дожив без цели, без трудов до 26 годов» восходят к «Адольфу» Констана: «Вам 24 лет, вы достигните до половины жизни вашей, ничего не начав, ничего не свершив»; см.: *Ахматова А.* Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 62.

[14] *Даль В. И. (Казак Луганский).* Повести. Рассказы. Очерки. Сказки. М.; Л., 1961. С. 126.

[15] Там же. С. 142.

[16] Там же. С. 223.

[17] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Л., 1952. Т. 8. С. 264.

[18] *Гумилев Н.* Колчан. Стихи. Пг., 1916. С. 65.

Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.[19]

Пушкин исходит из поговорки: кто в 20 не умен, а в 30 не женат, в 40 не богат, от того толку не жди. Но в 30 лет женится и Вакх Сидоров Чайкин, о женитьбе ведет речь герой повести «Жизнь человека...» Н. И. Новиков писал в своем «Лечебнике» («Живописец») о волоките Миловидове: «Болезнь г. Миловидова минуется с летами, если он не стареет в 30 лет, буде же старее, то хотя болезнь сил и не опасная, но однако ж, неизлечимая».[20] Ему вторит М. Н. Загоскин: «— Повеса! Когда ты остепенишься?.. Подумай, ведь тебе скоро тридцать <...> тебе бы пора перестать любоваться всеми женщинами, а полюбить одну.

— И смотреть таким сентябрем, как ты?»[21]

Накануне своего тридцатилетия всерьез влюбляется в Татьяну Онегин — «на повороте наших дней». Накануне своего тридцатилетия о семейной жизни размечтался и Л. Н. Толстой, и ему «все грустнее и грустнее становилось <...> будущее одиночество».[22] Наконец, приведем свидетельство С. А. Есенина:

Видно, так уж суждено навеки —
К тридцати годам перебесясь,
Все сильней, прожженые калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.
Милая, мне скоро будет тридцать,
И земля милей мне с каждым днем.[23]

Таким образом, в контексте этих двух рядов фактов — выявления целенаправленности дантовского комментария к «Божественной комедии» и определения подлинного смысла выражения «полпути моей жизни» — грибоедовские слова приобретают вполне конкретное значение: в 1825 г. ему было 30 лет. В русской культуре существуют, правда, факты названия половиной жизни 35 лет, но они очень редки и не показательны, в то время как обозначения 30 лет как половины жизни и многочисленны (мы привели, конечно, не все), и более представительны.

Остается уточнить: зачем нужно было Грибоедову давать неточные сведения о себе, как возникла версия, о том, что он родился именно в 1790 г. Сейчас можно высказать такое предположение. Впервые дата 1790 г. появляется в послужных списках Грибоедова 1818 г. В это время его отправляли в составе

---

[19] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6. С. 169.
[20] *Новиков Н.* Смеющийся Демокрит. М., 1985. С. 81.
[21] *Загоскин М. Н.* Рославлев, или Русские в 1812 г. М., 1955. С. 19.
[22] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 260.
[23] *Есенин С. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1967. Т. 3. С. 163.

русской миссии в Персию, и Грибоедов не хотел ехать, поэтому выдвинул условие двойного повышения в чине, т. е. перевод с чина коллежского секретаря в чин коллежского асессора. Грибоедов рассчитывал, что его просьбу не удовлетворят, а если и удовлетворят, то вместе с новым чином повысят и жалование. Для получения же этого чина требовался соответствующий возраст, тогда он и проставил в списках дату 1790 г., которая закрепилась там автоматически.

ОТ РЕДАКТОРА.

Разноречие о годе рождения Грибоедова опирается на дискуссию, вспыхнувшую в научной литературе в последние годы,[1] хотя она не нова и продолжается практически с 30-х гг. прошлого века. Не останавливаясь на вторичных данных по этому вопросу, отметим основные аргументы (официальные документы, свидетельства друзей и близких драматурга), которые позволяют выдвигать в качестве даты рождения А. С. Грибоедова тот или иной год.

1795 г. Эту дату мы находим на надгробном памятнике Грибоедова, установленном после долгих хлопот вдовой писателя,[2] «причем по вопросу о дате рождения она переписывалась с матерью и сестрой Грибоедова, которые, понятно, лучше всех знали его год рождения».[3] На 1795 г. настаивал и ближайший друг драматурга С. Н. Бегичев, написавший в 1854 г. биографическую записку, а двумя десятилетиями раньше возражавший на биографическую статью о Грибоедове, подготовленную для словаря Плюшара: Грибоедов «родился 795-го, а не 793-го года».[4] В формулярном списке Грибоедова за 1813 г. (первом по времени из известных нам) указывается также возраст «18 лет».[5] И наконец, согласно исповедным книгам московской церкви Девяти мучеников, возраст Александра Грибоедова в 1805 г. указывается 10 лет, 1807 — 12 лет, 1810 г. — 15 лет.[6]

1794 г. В «Списке о службе и достоинстве штаб и обер-офицеров Иркутского полка», подававшимся при рапортах в Инспекторский департамент Военного министерства дважды в

[1] См.: *Ревякин А. И.* Новое о Грибоедове (по архивным материалам)// Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 11. Вып. 4; *Фомичев С. А.* Исследования и интерпретации (Обзор юбилейной Грибоедовской литературы. 1969—1970) // Русская литература. 1971. № 2; *Кожинов В. В.* Легенды и факты // Русская литература. 1975. № 2; *Краснов П. С.* Еще раз о дате рождения Грибоедова // Русская литература. 1975. № 4. *Мещеряков В. П.* // Новый мир. 1984. № 12. С. 209—219.

[2] Как сооружался памятник А. С. Грибоедову на горе Мтацминда // Там, где вьется Алазань Тбилиси, 1977. С. 64—68.

[3] Московские ведомости. 1895. № 1554. Отметим, что в начале XX в. дата рождения была на памятнике одно время помечена как 1791 // Утро России. 1907. № 191.

[4] Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 23, 33.

[5] Сенатский архив формуляров. СПб., 1813. № 35. Л. 175.

[6] *Розанов Н. П.* Заметка о годе рождения А. С. Грибоедова // Русская старина. 1874. Кн. 10. С. 300—301.

год (1 января и 1 июля), корнету Александру Грибоедову числится соответственно: 1 января 1814 г. — 20 лет; 1 июля 1814 г. — 20 лет; 1 января 1815 г. — 21 год.[7] Учитывая дату рождения А. С. Грибоедова (4 января), показания от 1 января 1814 и 1815 гг. несомненно следует оценить в пользу 1794 как года его рождения. Тот же возраст определяется в «паспорте», выданном Грибоедову 8 мая 1816 г. по оставлении им военной службы: «отроду 22 года».[8] За 1794 г. высказывались многие биографы Грибоедова прошлого века,[9] в наше время — А. И. Ревякин (его аргументация будет рассмотрена ниже).

1793 и 1792 гг. Хорошо осведомленный о жизни Грибоедова Ф. В. Булгарин свидетельствовал в 1830 г.: «Грибоедов родился около 1793 г».[10] Тот же год был указан О. И. Сенковским в «Энциклопедическом словаре» (1838. Т. 15. С. 31), несмотря на то, что (как упоминалось выше) против этого возражал С. Бегичев, просмотревший статью о Грибоедове до ее публикации. Н. Греч высказывался в пользу 1792 г.[11] Сведения эти, появившиеся после смерти драматурга, тем не менее чрезвычайно авторитетны, так как восходят к кругу ближайших петербургских знакомых Грибоедова середины 1820-х гг. Нельзя сомневаться, что они опирались на какие-то рассказы самого писателя. Известно, например, что в романе В. С. Миклашевич (гражданская жена А. А. Жандра) «Село Михайловское» прототипом одного из героев, Валерия Рузина, послужил Александр Грибоедов.[12] В виду указанных выше свидетельств Сенковского, Булгарина, Греча обращает на себя внимание один из диалогов в романе между Ильменевым (прототипом его был Рылеев) и Рузиным: «— А который тебе год, скажи-ка, милый Рузин? — Матушка мне считает восемнадцать лет, но я не верю женской хронологии, я думаю, что мне гораздо больше».[13]

1790 г. Начиная с 1818 г., т. е. со времени службы в Персидской миссии, в послужных списках Грибоедова указывается возраст, соответствующий 1790 г. рождения. Так, в 1818 г. возраст его показан 28 лет, 1819 — 29, в 1820 — 30, 1829 — 39.[14] В по-

---

[7] Цитируется по копиям, хранящимся в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова (ИРЛИ).

[8] Русское обозрение. 1895. № 3. С. 385—386.

[9] *Семевский М. И.* Несколько слов о фамилии Грибоедовых. // Москвитянин. 1856. № 12. С. 317; *Серчевский Е.*//Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. V; *Сосновский Т. А.* (псевдоним П. П. Каратыгина)//Русская старина. 1874. Май. С. 153; *Якушкин В.* // Русские ведомости. 1895. № 88.

[10] Сын отечества. 1830. № 1. С. 4.

[11] *Греч Н.* Учебная книга русской словесности. СПб., 1830. 2-е изд. Ч. 4. С. LI.

[12] *Вацуро В. Э.* Грибоедов в романе В. С. Миклашевич «Село Михайловское»//А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, Л., 1977.

[13] *Миклашевич В. С.* Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия. СПб., 1895. Ч. 2. С. 249.

[14] Русская правда. 1904. № 191. — Копия того же и следующего послужных списков из архива Министерства иностранных дел имеется в грибоедовских выписках Н. В. Шаломытова (ИРЛИ, № 14768, обложка тетради), ЦГТМ (ф. 104, № 24), Русский архив (1872. Стб. 1497).

казаниях Грибоедова на следствии о принадлежности к тайным обществам 24 февраля 1826 г. он также свидетельствовал: «родился в 1790 г.».[15]

К этому следует присовокупить и давно обратившее на себя внимание замечание Грибоедова в его письме С. Н. Бегичеву от 4 января 1825 г: «Нынче день моего рождения, и что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники».[16] Интерпретация М. В. Строганова данной фразы возможна, но следует напомнить о другом. За ней стоит длительная традиция (несомненно, известная Грибоедову). В трактате «Пир» Данте писал: «Аристотель, наставник нашей жизни <...> полагал, что наша жизнь не что иное, как некое восхождение и нисхождение <...> Трудно установить, где находится высшая точка этой дуги, однако я полагаю, что для большинства людей она находится между 30-м и 40-м годом жизни, и думаю, что у людей, от природы совершенных, она совпадает с 35-м».[17] Определение нормального срока человеческой жизни в 70 лет встречается в Библии («Дней лет наших — семьдесят лет» Псалом 89, ст. 10.) и у Геродота («Пределом человеческой жизни я считаю 70 лет»).[18] Характерно, что 10 июня 1832 г. В. К. Кюхельбекер также записал в своем дневнике: «Сегодня мне минуло 35 лет: итак, я уже ближе к старости, чем к молодости».[19]

Подчеркнем, что день рождения Грибоедова, 4 января, никогда не подвергался сомнению. Это позволяет, как справедливо доказал А. И. Ревякин, отвести 1792 и 1793 гг. в качестве даты его рождения, так как сохранилась запись в консисторском списке метрической книги Московского Спаса Преображения на Песках (Пречистенского сорока) за 1792 г.: «В доме Федора Михайловича Вельяминова, что стояща его отставного секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова, родися дочь Мария, крещена июля 4 дня, восприемником был бригадир Николай Яковлевич Тиньков, восприемница была надворного советника Ивана Никифоровича Грибоедова, жена его Прасковья Васильевна».[20]

Еще более интересна также обнаруженная А. И. Ревякиным другая запись (из метрической книги церкви Успения на Остоженке за 1795 г.): «Генваря 13 в доме девицы Прасковьи Ивановны Шушириной у живущего в ее доме секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел, крещен сего месяца 18 дня. Восприемником был генерал-майор Николай Яковлевич Тиньков».[21]

---

[15] Последняя цифра может быть прочитана как 6 (ЦГАОР, ф. 48, № 174, л. 18).

[16] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 555.

[17] *Данте А.* Малые произведения. М., 1968. С. 253, 254—255.

[18] *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972. С. 20.

[19] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 140.

[20] *Ревякин А. И.* Новое о Грибоедове. С. 113.

[21] Там же.

П. С. Краснов считает эту дату неточной. «Дело в том, — пишет он, — что по существующим тогда правилам, кроме восприемника, при крещении должна еще присутствовать и восприемница. Тщательный анализ ведомости привел нас к заключению, что запись, обнаруженная А. И. Ревякиным, составлена дьячком небрежно, и ей доверять нельзя. В ней отсутствуют не только сведения о восприемнице, но даже пропущен один из крестившихся в этой церкви в 1795 г. Эта ошибка выявилась случайно через 48 лет! <...>. Все это дает нам право утверждать, что <...> запись о рождении в 1795 г. Грибоедова Павла на самом деле относится к рождению будущего автора бессмертной комедии Александра Грибоедова». [22]

Ошибки в документе, конечно, возможны. Но очевидно, что на основании пропуска в записи упоминания о восприемнице еще нельзя сомневаться в точности содержащихся здесь сведений. Заметим, что имена домовладелицы, отца и восприемника ребенка переданы в консисторском списке вполне точно. Поэтому запись о рождении у С. И. Грибоедова сына Павла 13 января 1795 г. служит самым весомым опровержением семейного предания о том, что Александр Грибоедов родился в 1795 г. Следовательно, мы можем поверить взрослому Грибоедову, считавшему, что он родился в 1790 г.

Из всего вышесказанного следует, что дата рождения А. С. Грибоедова, пока не найдены документальные источники, подтверждающие ее безусловно, должна обозначаться так: «4 января 1790 г.» (по другим данным — 1795 г.).

Л. С. Дубшан

ИЗ МОСКОВСКИХ ЛЕТ ГРИБОЕДОВА

В Москве прошла первая половина жизни Грибоедова. Даже если принять годом его рождения самый поздний из предполагающихся, 1795-й, то получится, что в 1812 г., когда он впервые надолго покинул родные места, ему было 17 лет. До 1829 г. оставалось столько же. Причем, во втором семнадцатилетии дни и месяцы пребывания его в Москве в сумме составят лишь немногим более года. По-видимому, именно опытом юношеских лет драматурга в значительной мере насыщено «Горе от ума». Но знаем мы об этом периоде чрезвычайно мало.

* * *

22 декабря 1803 г., как сообщали «Московские ведомости», в Университетском благородном пансионе состоялся акт, на котором Грибоедов среди прочих учеников «средних и нижних

[22] Русская литература. 1975, № 4. С. 153—154.

классов» получил награду — «один приз» в «меньшом возрасте». Поощрения он был удостоен по результатам публичных экзаменов, проходивших 18, 19 и 21 декабря.[1]

В числе «известных воспитанников» Грибоедов назван знавшим его лично Н. В. Сушковым, автором книги, посвященной пансиону.[2] Другими сведениями о пребывании Грибоедова в этом учебном заведении мы не располагаем. Некоторые детали можно попытаться восстановить косвенным путем.

Существовало две категории воспитанников — полные пансионеры и полупансионеры: «Из пансионеров одни совершенно отдаются в сие место для жительства, воспитания и обучения; другие, живущие в здешнем городе у своих родителей, родственников или, по крайней мере, находящиеся под чьим-нибудь надежным смотрением, приезжают только учиться и имеют обеденный стол».[3] За обучение, питание и проживание в пансионе была установлена следующая плата: «Пансионеры, совсем сюда отдаваемые, взносят в год по 250 рублей, а приезжающие со стороны для учения по 150».[4] Грибоедов, будучи москвичом, относился, очевидно, к категории «приезжающих со стороны».

Что означала его принадлежность к воспитанникам «меньшего возраста» и одновременно к ученикам «средних и нижних классов»? Организационная структура пансиона была довольно сложной. В учебные часы пансионеры распределялись по классам. Классов было семь: три основных («вышний», «средний» и «нижний»), каждый из которых делился еще на старшее и младшее отделение, и — подготовительный.[5]

О принципах комплектования классов и перевода воспитанников из одного в другой подробно писал мемуарист В. Сафонович: «Поступавший по экзамену назначался в тот класс, который по каждому предмету соответствовал его познаниям. Иногда случалось так, что в одном предмете он был очень слаб, и его помещали в самом низшем классе, седьмом, в другом же был посильнее, и его сажали в высший класс, в шестой, в пятый, смотря по тому, какой курс пригоден был для его познаний в предмете. Таким образом, например, не знающий

---

[1] Московские ведомости. 1803. 26 дек. № 103. С. 1686—1687.

[2] *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. М., 1858. С. 32, 33, 81.

[3] Объявление о воспитании, учении и содержании в Благородном пансионе при Императорском Московском университете. М., 1802. С. 3. То же в «Объявлении о воспитании...» 1804 г. «Объявление о воспитании...» 1803 г. найти не удалось.

[4] Там же. С. 9. В частном пансионе в то же время брали 1200 р. ассигнациями за год (*Лыкошин В. И.* Из «Записок»//А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 33). — Далее ссылки на это издание даются в тексте (Восп. С.).

[5] *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. С. 43; *Свиньин П. П.* Второе письмо из Москвы //Отечественные записки. 1820. Ч. 2. № 3. С. 61; Воспоминания Валерьяна Ивановича Сафоновича // Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 118.

языков сидел в самом последнем классе, где преподавали только начальные правила языков, а по математике, которую знал хорошо, находился иногда в 4-м классе, где занимались уже геометрией и алгеброю». [6]

Во внеурочное время воспитанники делились на возрастные группы. Имелось три отделения, состоявшие в них пансионеры именовались «большие», «средние» и «меньшие». [7] Можно подумать, что между «вышними», «средними» и «нижними» классами и «большим», «средним» и «меньшим» отделениями существовало прямое соответствие. На самом деле не так: все три «возраста» объединяются в газетных публикациях об актах понятием «ученики-пансионеры средних и нижних классов». Особую группу составляли «студенты-пансионеры вышних классов» — те, кто имел право параллельно пансионским занятиям слушать лекции в университете.

Границы «возрастов» были довольно свободными. Выпускник пансиона А. Степанов рассказывал: «Я рос чрезвычайно скоро и <...> на одиннадцатом году моего возраста казался лет тринадцати, что было поводом поместить меня в комнату с «большими». [8] В классах же смешение воспитанников разных лет рождения, являясь прямым следствием распределения «по успехам», было особенно разительным — об этом тоже сказано в мемуарах А. Степанова: «О! Как я удивлялся тому, что иной 17-летний ученик сидит со мной вместе или в самых низших классах». [9]

Н. Сушков сообщает, что «меньшее» отделение должно было объединять воспитанников в возрасте от 9 до 12 лет. [10] Реально же, как удалось выяснить, диапазон возрастов в этом отделении был еще шире: 8—13 лет (случалось, что в «меньшие» попадали и шестилетние, и четырнадцатилетние мальчики). Эти данные не позволяют нам, к сожалению, уточнить возраст Грибоедова в пору его принадлежности к «меньшому» отделению: в зависимости от того, какой год рождения мы признаем истинным (по имеющимся версиям он мог приходиться на период 1790—1795 гг.), в 1803 г. Грибоедову могло быть как раз от 8 до 13 лет.

Столь же неясно, когда Грибоедов поступил в пансион, когда оставил его, сколько времени он там пробыл. Согласно официальному положению, туда принимались дворянские дети «не моложе осьми и не выше четырнадцати лет». [11] Если условно допустить, что Грибоедов родился в 1790 г., то, попав в пансион в 1798, он мог пройти к моменту поступления в универ-

---

[6] Воспоминания Валерьяна Ивановича Сафоновича. С. 118.

[7] Там же. С. 119; см. также: *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. С. 39.

[8] *Степанов А. И.* Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 22.

[9] Там же. С. 23.

[10] *Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион. С. 39.

[11] Объявление о воспитании... 1802. С. 3.

ситет (январь 1806 г.) полный семилетний курс пансионского обучения. Но это весьма маловероятно. За все время обучения в пансионе им был получен только один приз. Между тем, воспитанники награждались достаточно щедро, многие из года в год, иногда не одним, а двумя-тремя призами сразу. Например, в период 1800—1807 гг. из почти 400 упомянутых в газетах воспитанников однократно названы лишь 150 человек. Скорее всего, это были те, кто провел в пансионе мало времени. Часть контингента постоянно менялась: «Срока для пребывания в пансионе не определялось: воспитанники могли выходить из него, когда вздумают родители. Иные находились по шести и более лет, другие оставались недолго»,[12] — пишет В. Сафонович. Особая текучесть наблюдалась, очевидно, среди полупансионеров. Это угадывается по специальной оговорке, сделанной в положении об оплате. Там сказано, что полные пансионеры «платят вперед за год или за полгода», а полупансионеры «непременно за целый год, не делая, впрочем, никаких вычетов в деньгах, если кто-нибудь из них и не пробудет в пансионе до положенного срока».[13]

Не зная даты рождения Грибоедова, мы не можем судить о том, сколько времени он провел в пансионе до 1803 г. Но после получения приза он, как видно, покинул пансион довольно скоро. Во всяком случае, поступив в январе 1806 г. в университет, он не воспользовался льготой, имевшейся у пансионеров, которые, по словам М. Дмитриева, «...получали звание студента не по экзамену в университете, а объявлялись студентами на пансионском акте в конце декабря и после этого допускались к слушанию лекций».[14] О производстве того или иного воспитанника в «студенты-пансионеры» непременно сообщалось в «Московских ведомостях»; имя же Грибоедова в декабрьской публикации 1805 г. отсутствует. Кроме того, чтобы за два года (с декабря 1803 по декабрь 1805 г.) попасть в «студенты-пансионеры» из воспитанников «меньшего» отделения, нужно было бы все время достигать высоких учебных результатов. Некоторым пансионерам, товарищам Грибоедова в 1803 г. по «меньшему» возрасту, это удалось, и их успехи в 1804—1805 гг., когда они получали по два приза, отмечались в газетных отчетах.

Та единичная награда, которую Грибоедов получил в 1803 г., не знаменовала, вопреки мнениям многих биографов, каких-то особых успехов. Произведем простой расчет. В 1803 г. в пансионе училось примерно 200 человек.[15] В «меньшом» возрасте

---

[12] Воспоминания Валерьяна Ивановича Сафоновича. С. 119.
[13] Объявление о воспитании... 1802. С. 9.
[14] *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 179.
[15] Точных данных на 1803 г. нет. В 1804 г. в пансионе воспитывалось «более двухсот человек» (*Каченовский М. Т.* Взгляд на Благородный пансион при Императорском Московском Университете // Вестник Европы. 1804. Ч. 17. № 19. С. 233.). С годами численность воспитанников росла.

пребывало около четверти учащихся, т. е. 50-60 человек (остальные относились к отделениям «средних», «больших» и «студентов-пансионеров»). Из них, как нам известно по отчету в «Московских ведомостях», призы получил 31 воспитанник.[16] Таким образом, одновременно с Грибоедовым награждено было около половины его товарищей по «меньшему» возрасту.

Скорее всего, к поступлению в университет Грибоедов готовился дома. Не случайно Ф. Булгарин, рассказывая о его занятиях, пансион не упоминает вовсе: «Он получил первоначальное воспитание в Москве, в доме родительском. Лучшие профессора Московского университета и частные учителя преподавали ему уроки. После он стал посещать университетские публичные лекции». Ф. Булгарин не был свидетелем ранних лет Грибоедова, тот, возможно, сам рассказывал ему о них, не упомянув при этом пансион, пребывание в котором, было, очевидно, незначительным эпизодом в его биографии.

* * *

Выйдя из пансиона, Грибоедов сохранил, видимо, знакомства с некоторыми из своих товарищей. Во всяком случае, биографии более десятка пансионеров так или иначе соприкасаются с его судьбой. Правда, примерно половина пансионеров, ставших знакомыми Грибоедова, учились впоследствии в университете, так что с кем-то отношения могли сложиться и там, а также в армии, в Петербурге и т. д. Перечислим, однако, всех тех, чье знакомство с Грибоедовым отразилось в документальных или мемуарных материалах. Фамилии даются в алфавитном порядке. В случае неполной уверенности в том, что пансионер и будущий знакомый Грибоедова — одно лицо, делаются соответствующие оговорки.

Бобарыкин Дмитрий (в 1805 г. в «меньшом возрасте» — один приз) — может быть, Дмитрий Александрович (р. ок. 1795), который упоминается в связи с Грибоедовым в «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского, 6 февраля 1822 г. Описан инцидент, возникший между А. Грибоедовым и Н. Муравьевым-Карским на почве якобы имевшего место злословия Грибоедова о Муравьеве. Д. А. Бобарыкин выступил здесь в роли осведомителя Н. Муравьева. Н. Муравьев, в частности, сообщает: «Он (Грибоедов. — *Л. Д.*) извинился передо мною и просил, чтобы я забыл сие; но Бобарыкин, имея старые причины на него сетовать (разрядка моя. — *Л. Д.*), продолжал спорить с ним (Восп. С. 48—50). Не относится ли появление этих причин еще к пансионскому времени или университетским годам, когда Бобарыкин тоже мог встречаться с Грибоедовым?

---

[16] Московские ведомости. 1803. 26 декабря, № 103. С. 1686—1687.

Бурцов Иван Григорьевич (1795—1829). Назван М. В. Нечкиной в числе декабристов, вышедших из пансиона.[17] Встречался с Грибоедовым в Тифлисе в 1828 г. Автор «Мнения о составленном Грибоедовым и Завилейским „Проекте устава Российской Закавказской кампании“».

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839, в 1803 г. студент-пансионер). Упомянут Грибоедовым как знакомый в письме к С. Бегичеву (июнь 1824 г.).[18]

Дурново Алексей (в 1803 г. — в «большом возрасте» — один приз). Весьма вероятно, что это Алексей Михайлович (1792—около 1849), — будущий зять Грибоедова, муж Марии Сергеевны Грибоедовой. О пансионском А. Дурново есть у С. Жихарева: «Дурново, отлично играющий на скрипке и флейте и вообще величайший охотник до музыки, с энтузиазмом рассказывал об изобретении каким-то парижским часовщиком Лораном необыкновенной флейты из хрусталя, издающей такие очаровательные звуки, что, слушая их, какие бы кто крепкие нервы не имел, а непременно разразится рыданием».[19]

А. И. Колечицкая писала о грибоедовском зяте: «Мария Серг. вышла за Дурново, талантливого музыканта-любителя...» (Восп. С. 348). Сам Грибоедов упоминает А. М. Дурново в своих письмах дважды: в адресованном С. Бегичеву от 9 декабря 1826 г. из Тифлиса, где он просит сообщить, как развиваются отношения сестры и ее жениха («Что об этом знаешь? Конечно или вновь завязалось?») — (Соч. С. 585) и А. Жандру от 24 июня 1828 г. из Новороссийска, где рассказывает, как проездом на Кавказ был в гостях у сестры, уже замужней («Она с мужем бог знает в какой глуши, капусту садит, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно детей делает и сахар из свеклы») — (Соч. С. 614).

Жихарев Степан Петрович (1788—1860, в 1804 г. — ученик-пансионер «большого возраста»). О знакомстве его с Грибоедовым см. упоминание у Д. Смирнова в предисловии к публикации материалов «Черновой тетради».[20]

Свиньин Павел Петрович (1787—1839, в 1802 г. — студент-пансионер). Встречался с Грибоедовым в Крыму в 1826 г. (Восп., С. 160, 385) и в Петербурге в 1828 г. (Восп. С. 374). Сохранился стихотворный экспромт Свиньина, адресованный Грибоедову.[21]

Соковнин Сергей Михайлович (1785—1868, в 1803 г. — студент-пансионер). Согласно списку штаб- и обер-офицеров Мос-

---

[17] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977. С. 87.

[18] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 546. — Далее ссылки на это издание делаются в тексте (Соч. С.).

[19] *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 192.

[20] *Смирнов Д.* Черновая тетрадь Грибоедова // Русское слово. 1859. Ч. 4. С. 2.

[21] *Орлов Вл.* Вокруг Грибоедова // Звезда. 1941. № 5. С. 166.

ковского гусарского полка от 1 декабря 1812 г.,[22] числился там поручиком в одно время с Грибоедовым, который находился в чине корнета.

Тургенев Борис Петрович (1792 — около 1840; в 1802 г. — в «меньшом», а в 1804 г. — в «среднем» возрасте). Двоюродный брат А., Н. и С. Тургеневых. В письмах из Тифлиса от 27 января 1819 г., адресованных Я. Н. Толстому и Н. В. Всеволожскому, Грибоедов передает «усердный поклон» в числе прочих знакомых «Тургеневу Борису» (Соч. С. 511).

Языков Александр Семенович (1793—1843(?) в 1805 г. — в «меньшом» возрасте).

Языков Дмитрий Семенович (1793—1856, в 1802 г. — в «меньшом» возрасте, а в 1804 г. — в «среднем» возрасте).

Обоим Языковым Грибоедов передает «усердный поклон» в письме С. Бегичеву от 4 сентября 1817 г. из Петербурга (Соч. С. 501).

Якубович Александр Иванович (1792—1845). В списках награжденных пансионеров не значится, но М. В. Нечкина указывает на его принадлежность к этому учебному заведению.[23] Упомянут Грибоедовым в путевом письме к С. Бегичеву от 7 декабря 1825 г. (Соч. С. 574), а кроме того, во многих мемуарах, касающихся участия его в петербургском и тифлисском эпизодах «четверной дуэли».

Кроме названных, среди знакомых Грибоедова были и другие лица, учившиеся в пансионе, правда, несколько раньше или немного позднее, чем он. К числу первых относится **А. А. Вельяминов** (1785—1838), бывший начальником штаба кавказского корпуса при Ермолове; к числу вторых — **В. Д. Вольховский** (1798—1841), **М. А. Дмитриев** (1796—1866), **П. Г. Каховский** (1797—1826), **Н. Н. Раевский** (1801—1843), **Н. В. Сушков** (1796—1871). Сведения о характере их отношений с Грибоедовым нетрудно найти в документальных и мемуарных источниках.

* * *

Поступление Грибоедова в Московский университет датировано в пиксановской «Летописи» (со ссылкой на сенатский архив) 30-м января 1806 г. Каким документом располагал Н. Пиксанов, неизвестно, но дата, по-видимому, верна. В воспоминаниях В. И. Лыкошина рассказано, что в 1805 г. он, тогда тринадцатилетний подросток, сдавал вступительный экзамен в университет. «Это было, — пишет В. Лыкошин, — во время Аустерлицкой кампании» (Восп. С. 33). Итак, в конце 1805 г.[24]

---

[22] ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1415.
[23] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 90.
[24] Аустерлицкое сражение произошло 20 ноября 1805 г.

Лыкошин был принят в число студентов, а «скоро после того» (Восп. С. 34); (разрядка моя. — *Л. Д.)*, сообщает он, стал приходить на лекции и Александр Грибоедов. Таким образом, между данными, указанными Н. Пиксановым, и рассказом В. Лыкошина нет противоречия.

Если верить В. Лыкошину, вступительные экзамены были не слишком тяжелыми. Лыкошин сдал их вдвоем с братом как бы между прочим, у себя дома, во время обеда, которым угощали университетских профессоров: «За десертом и распивая кофе профессора были так любезны, что предложили Моберу (гувернеру братьев Лыкошиных. — *Л. Д.*) сделать нам несколько вопросов; помню, что я довольно удачно отвечал, кто был Александр Македонский и как именуется столица Франции и т. п. Но брат Александр при первом сделанном ему вопросе заплакал. Этим кончился экзамен, по которому приняты мы были студентами с правом носить шпагу; мне было 13, а брату 11 лет» (Восп. С. 33).

В каком же возрасте стал студентом Грибоедов? С. Бегичев указывает: «Тогда еще не были назначены лета для вступления в университет, и он вступил студентом тринадцати лет» (Восп. С. 23).

Годом рождения Грибоедова С. Бегичев твердо считал 1795 (Восп. С. 23, 334), относя, значит, поступление его в университет к 1808 г. Но поскольку нам известно, что это случилось в январе 1806 г., мы должны поправить С. Бегичева: либо он все же ошибается в дате рождения своего друга (что не исключено), либо был неточен в указании возраста поступления его в университет. Могло, конечно, оказаться, что в 1806 г. Грибоедов стал 11-летним студентом. Такой случай не был бы уникальным.[25]

* * *

В грибоедовскую пору в университете было четыре отделения: этико-политическое, физико-математическое, медицинское и словесное. Судя по тому, что в 1808 г. Грибоедов сделался кандидатом словесности, именно на словесное отделение он и поступил в 1806 г.

О тематике курсов, читавшихся на отделении, можно составить представление по ежегодно выпускавшимся печатным каталогам лекций. На титульных листах таких изданий значилось: «Объявление о публичных учениях в Императорском Московском университете».[26] Слово «публичный» в заголовке не

---

[25] В том же возрасте стали, например, студентами А. Н. Раевский, В. М. Прокопович-Антонский, А. И. Лыкошин.

[26] «Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете» за все годы обучения Грибоедова (1806—1812) хранятся в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ.

означало, что лекции имели общедоступный, популярный характер и адресовались широкой публике (хотя и такие читались и тоже назывались публичными). Здесь имелись в виду именно академические лекции для студентов, названные так, чтобы отличить их от «приватных» занятий, которые велись с желающими за особую плату.

Принадлежа к словесному отделению, Грибоедов не был обязан слушать непременно всех читавших там профессоров, но на ком он остановил свой выбор, неизвестно. При этом он вполне мог посещать лекции других отделений — этико-политического или физико-математического.

В дневнике Н. Тургенева, в следственном деле И. Якушкина, в воспоминаниях В. Лыкошина, А. Боровкова, И. Снегирева и других выпускников Московского университета перечисляются имена профессоров не менее, чем двух, а то и трех отделений, причем в ряде случаев ясно, что речь идет именно о параллельном посещении их лекций. Причиной тому была не только широта научных интересов студентов. Этого прямо требовал университетский устав 1804 г., в § 112 которого говорилось: «Между науками, в университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все, желающие быть полезными себе и Отечеству, какой бы род жизни и какую службу они ни избрали, и для того тот только может перейти в главное отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал науки приуготовительные».[27] Такой пропедевтический курс был, видимо, введен из-за неравномерности уровня подготовки поступавших в университет.

Таким образом, находящееся в следственном деле Грибоедова показание о том, что он «учился правам, наукам математическим и языкам» (Восп. С. 282), совсем не обязательно является свидетельством универсальной одаренности. Подобный «энциклопедизм» был в ту пору рядовой чертой учебной жизни многих студентов.

В 1808 г. Грибоедов был возведен в кандидатское достоинство. Возможность достижения степени определялась § 114 университетского устава: «Если кто из студентов по выслушании приуготовительных курсов, в которой-нибудь из наук, к Отделениям принадлежащих, до того достигнет, что в состоянии будет представить на испытание и доказать в оной знания, соответствующие степеням, на которые Университет возводить имеет право, тот может требовать испытания и получить степень, какую заслужил своими успехами».[28]

Судя по воспоминаниям В. Лыкошина, Грибоедов вовсе не собирался в 1808 г. сдавать кандидатский экзамен, но вынуж-

---

[27] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. 28. С. 581—582.

[28] Там же. С. 582 (Имелись степени «кандидата», «магистра» и «доктора»).

ден был уступить пожеланию матери: «Анастасия Федоровна Грибоедова непременно хотела, чтоб и сын ее вместе со мной экзаменовался, и как он ни отговаривался, она настояла на своем» (Восп. С. 37). То, как Лыкошин рассказывает о ходе самого испытания, заставляет думать, что оно было проведено с заметным нарушением § 99 устава университета, указывавшего на то, что испытуемый в назначенный день должен «предстать собранию», состоящему из профессоров данного отделения.[29]

Здесь же все было значительно проще. «Нас обоих, — пишет мемуарист, — в конференц-зале экзаменовал тогдашний ректор Гейм в присутствии наших гувернеров — Мобера и Петрозилиуса; без хвастовства скажу, что я гораздо лучше Грибоедова отвечал» (Восп. С. 37).

Не блестящий, по-видимому, ответ Грибоедова, объясняется тем, что он сдавал экзамен чуть не экспромтом, тогда как Лыкошин, как говорит он сам, стал готовиться к кандидатскому испытанию «полтора года по вступлении в университет» (Восп. С. 37). Если учесть, что Лыкошин вступил в университет в конце 1805 г., то начало его подготовки приходится на лето 1807 г., когда до экзамена оставался целый год. Но, возможно, дело было не только в разной степени подготовленности; по словам Лыкошина, Грибоедов вообще «в ребячестве <...> учился посредственно» (Восп. С. 38). Этому, правда, противоречит заявление Ф. Булгарина о том, что Грибоедов «учился прилежно, страстно», однако больше оснований верить Лыкошину: он был товарищем Грибоедова по университету; Булгарин же мог говорить о времени учения лишь с чьих-то слов или просто домыслил эти обстоятельства в соответствии с общим восторженным тоном своих воспоминаний.

Утверждение Грибоедова в степени кандидата отнесено Н. Пиксановым со ссылкой на сенатский архив, к 3 июня 1808 г.,[30] причем соответствующим документом мы сегодня не располагаем, как и документом о зачислении Грибоедова в университет в 1806 г.

Диплом, свидетельствующий о присвоении Грибоедову кандидатского достоинства, датирован 29 июня 1808 г.[31]

30 июня 1808 г. в торжественном собрании Московского университета были провозглашены кандидатами девять человек. Кроме Грибоедова ими стали Сергей Соковнин (род. 1785), Алексей Фрезе (род. 1789), Элиазар Татарчуков (род. ?), Сергей Бахтин (род. ?), Владимир Лыкошин (род. 1792), Андрей Сидорацкий (род. 1788), Алексей Черняев

---

[29] Там же. С. 580.

[30] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб.; Пг., 1911—1917, 1917. Т. 3. С. 356.

[31] *Белокуров С. А.* Новые документы к биографии А. С. Грибоедова // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 383—384.

(род. ?), Василий Ромодановский (род. 1783).[32] Обратим внимание на то, что в этом списке Грибоедов едва ли не самый младший из тех, чьи годы рождения удалось установить.

* * *

С самого начала студенческих лет Грибоедова (а может быть и раньше) до 1810 г. его гувернером был Иоганн-Бернард Петрозилиус. «Московский некрополь» сообщает, что родился Петрозилиус в Брунсвике, а умер в Москве 8 сентября 1846 г. в возрасте 72 лет.[33] Годом его рождения, согласно этим данным, должен быть 1774-й. Однако в «Русском биографическом словаре» назван другой год рождения — 1776-й.[34] Там же кратко излагается его служебная биография. В 1810 г. он занял должность учителя немецкого языка и словесности Московской практической академии коммерческих наук, прослужив там до 1836 г. Кроме немецкого языка он преподавал некоторое время и латынь. С 1814 по 1824 г. Петрозилиус параллельно вел занятия по тем же предметам в учрежденном при Московской губернской гимназии воспитательном учреждении для благородных, а с 1829 по 1837 г. состоял помощником библиотекаря в Московском университете. В 1831 г. он уже издал трехтомный каталог книг университетской библиотеки — труд, явившийся главной научной заслугой.

Где и чему Петрозилиус обучался, когда и по каким причинам оказался в России, мы не знаем. К моменту, когда его подопечным оказался Грибоедов, Петрозилиус был уже энциклопедически образованным человеком. Можно предположить, что он давал своему воспитаннику уроки латыни и немецкого. Нельзя не отметить, что Петрозилиус владел версификацией: «Русский биографический словарь» сообщает данные о пяти изданных им в 1808—1833 гг. немецких стихотворениях, посвященных, как правило, официальным событиям.[35]

В 1810 г. Петрозилиус оставил службу у Грибоедовых, но личное знакомство его с воспитанником сохранилось: об их встрече много лет спустя, в 1828 г., сообщает К. Ф. Аделунг, сотрудник персидской миссии Грибоедова (Восп. С. 171).

Уяснить круг дружеских связей Грибоедова в университетскую пору жизни отчасти позволяет записка, посланная им кн. И. Д. Щербатову.[36] Это самый ранний из дошедших до нас

---

[32] Московские ведомости. 1808. № 54.
[33] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 417.
[34] Русский биографический словарь. Павел — Петр. СПб., 1902. С. 700.
[35] Там же.
[36] Щербатов Иван Дмитриевич, князь (1794—1829), внук историка М. М. Щербатова, двоюродный брат П. и М. Чаадаевых. Был судим за причастность к восстанию Семеновского полка в 1820 г. О нем см.: Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 552 и др.

грибоедовских текстов и единственный, относящийся к периоду до 1812 г.: «Крайне огорчен, князь, быть лишенным удовольствия присутствовать на Вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитываю на Вашу любезность, надеюсь, что Вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером. Вы меня обяжете, согласившись на мое приглашение, так же, как Ваши кузены Чаадаевы, члены собрания и т. д., г. Буринский, который, конечно, доставит мне удовольствие своим присутствием. Преданный Вам Александр Грибоедов» (Восп. С. 349; оригинал на французском).

Д. П. Шаховской в работе «Грибоедов и Чаадаев»[37] датирует записку 1810 г. или первыми месяцами 1811-го, принимая в расчет то обстоятельство, что адресат, кн. И. Д. Щербатов, в марте 1811 г. выехал из Москвы в Петербург для поступления в Семеновский полк. Определяя верхней границей возможного срока написания 1810 г., Д. П. Шаховской, очевидно, ориентируется на стиль и тон текста, составленного из уверенно употребленных, привычных автору формул светской вежливости. Если Д. П. Шаховской полагал годом рождения Грибоедова 1795-й, то, очевидно, по его ощущению, автору записки никак не могло быть меньше 15 лет.

Авторы комментария к сборнику «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников» дают более осторожную датировку — до 1812 г., не делая предположений о максимально ранней дате (Восп. С. 349).

Однако до сих пор не было обращено внимание на то, что упоминаемый в тексте З. А. Буринский, магистр философии и поэт, скончался в 1808 г.[38] Можно и еще точнее определить нижнюю границу вероятного времени написания, ибо известен самый день смерти Буринского — 4 июня. Довольно неожиданным является источник для этого уточнения. Титульный лист отдельного издания одного из немецких стихотворений И. Б. Петрозилиуса выглядит в русском переводе следующим образом: «На смерть Захария Буринского, магистра философии. Друзьям умершего посвящается Бернардом Петрозилиусом. Он умер 4-го июня на 24 году жизни. Москва. Издано в университетской типографии, 1808».

Факт знакомства, может быть, и дружба Буринского с Петрозилиусом дополнительно освещает личность последнего. Заметим, что по возрасту дружеские отношения между обоими могли быть вполне естественны: гувернер Грибоедова был лишь четырьмя годами старше Буринского.

З. Буринский не может нас не интересовать, будучи одним из весьма немногих лиц, чье знакомство с Грибоедовым в период до 1812 г. надежно подтверждено. Судя по дневниковым

---

[37] *Шаховской Д. П.* Грибоедов и Чаадаев (ГЦТМ, ф. 104, № 41).

[38] Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. 1891. Т. 5. С. 38. В большинстве справочных изданий годом смерти З. Буринского ошибочно указан 1810-й.

и мемуарным свидетельствам, Буринский, обладавший поэтическим даром и личным обаянием, был заметен и популярен в культурных кругах Москвы начала века. В жихаревских «Записках» имя Буринского соседствует с именами его приятелей: П. В. Злова — актера и певца-любителя; преподавателя пансиона П. В. Богданова, поэта А. Ф. Мерзлякова.[39] Среди гостей, присутствовавших на званом обеде у инспектора Пансиона А. А. Прокоповича-Антонского, Жихарев снова рядом с З. Буринским называет А. Ф. Мерзлякова и П. И. Богданова, а также профессоров университета П. И. Страхова, И. Т. Буле, И. А. Двигубского.[40]

В дневнике Н. И. Тургенева (запись от 23 декабря 1806 г.) мы застаем З. Буринского в окружении пансионских воспитанников Н. Сушкова, С. Соковнина, П. Аржевитинова и других. Передавая впечатления от торжественного акта, состоявшегося накануне, Н. Тургенев помечает: «Буринский славно сказывал стихи, но нехудо и шалил за ужином».[41]

В. И. Саитов сообщает, что в пору обучения Буринского в Московском университете его ближайшими товарищами были М. В. Милонов, Р. Ф. Тимковский и Н. Ф. Кошанский: «Они устраивали литературные беседы и занимались чтением греческих и римских классиков».[42]

Сохранилось письмо З. Буринского Н. И. Гнедичу от 4 мая 1806 г., знаменательное пристальной сосредоточенностью автора на событиях душевной жизни, столь характерной для сентименталистского сознания людей поколения Жуковского и Батюшкова: «Ах! мой друг, я имел горестный опыт узнать, что те люди, с которыми дружбу я почитал всегдашнею, те, которые взросли со мною в одних стенах, в глазах друг у друга, которых целых девять лет беспрестанного общения и тесной связи учили быть друзьями — эти люди для первого сорванца, с которыми они знакомы только три месяца, могли охолодеть, перемениться, позабыть и пр., и пр. — так больно договаривать».[43]

Идейная основа творчества З. Буринского была противоречивой: культ чувства совмещался в ней с просветительским прославлением разума, воспевание «души, собою полной»[44] с утверждением высшего смысла человеческого бытия как бытия

[39] *Жихарев С. П.* Записки современника. С. 185.

[40] Там же. С. 206.

[41] Архив братьев Тургеневых. СПб, 1911. Вып. 1. С. 16.

[42] Сочинения К. Н. Батюшкова. СПб, 1885. Т. 2. С. 525.

[43] ГПБ, ф. 197, оп. 1, № 39, л. 1. Как выясняется из дальнейшего содержания письма, «эти люди», вызвавшие своим непостоянством в дружбе прилив ревности, — Семен Васильевич Смирнов, в 1806 г. — магистр философии, породнившийся, между прочим, впоследствии с А. Ф. Мерзляковым, который женился на его сестре, Любови Васильевне.

[44] Из стихотворения З. Буринского «К к. Е. Д. Щ.» (Приглашение в деревню) // Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изд. 2. СПб., 1822. Ч. 5. С. 57,

общественного. В поэзии Буринского многое только заявлено как возможность, различные варианты дальнейшего развития остались в потенции, так и не реализовавшейся из-за ранней смерти автора. Но самый масштаб его дарования расценивался современниками как, безусловно, крупный. В 1805 г. С. П. Жихарев, прощаясь с университетом и теми, кто был ему в годы учения особенно близок, записал в дневнике (20 декабря 1805 г.): «Не забуду и тебя, милый, беспечный мой Буринский, будущее светило нашей литературы, поэт чувством, поэт взглядом на предметы, поэт оборотами мыслей и выражений и образом жизни — словом, поэт по призванию!» [45]

Помимо поэтического творчества, З. Буринский занимался преподаванием и переводами. Переводы были источником заработка. Об этом вспоминает А. Д. Боровков. «...кандидат Буринский, знавший хорошо русский и французский языки, брал от книгопродавцев на подряд переводить романы. Он разрезывал их по листам и отдавал для перевода ученикам, платя от 5 до 10 р. асс. за печатный лист оригинала, потом сам все сплачивал и сглаживал стиль». [46] Владел З. Буринский и английским; в его «послании Е. Д. Щ.» английский эпиграф, в письме Н. Гнедичу — стихотворная цитата на том же языке. Он даже собирался (о чем сообщал Гнедичу) ехать в Англию, «если удастся поворотить обстоятельства в свою пользу». [47] Это намерение не осуществилось.

Какое-то, видимо, короткое время, Буринский преподавал словесность в Благородном пансионе: его имя названо в «Объявлении...» на 1808 г., однако завершить курс этого года он не успел.

Попавший со временем в разряд «забытых поэтов», Буринский все же долго был памятен тем, кто его знал. В 1816 г. в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» его имя с уважением назвал К. Н. Батюшков. В «Записках» А. Д. Боровкова сказано, что «...Буринский проявлял замечательные способности в стихотворстве; он мог бы стать в ряду лучших наших поэтов, если б ранняя смерть не стащила его ad patres». [48] Е. Ф. Тимковский, вспоминая так же, как А. Боровиков, о переводческой поденщине, которой занимались бедные учащиеся, говорит и о З. Буринском и намекает при этом на реальные причины преждевременной его гибели: «...из старших студентов, помнится, один Захар Алексеевич Буринский вынесен был своим истинным поэтическим талантом из ряда обыкновенных, дюжинных писак, жаль только, что заблуждение страстей пресекло его слишком рано». [49]

---

[45] *Жихарев С. П.* Записки современника. С. 143.

[46] Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. СПб, 1899. С. 26.

[47] ГПБ, ф. 197, оп. 1, № 39, л. 2.

[48] Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки. С. 26.

[49] Воспоминания Егора Федоровича Тимковского. Киев, 1894. С. 37.

Из поэтических откликов на смерть Буринского кроме стихотворения И.-Б. Петрозилиуса нам известна «Надгробная песнь З.....' А........чу Буринскому, сочиненная в день его погребения и петая в собрании друзей его»,[50] принадлежавшая А. Ф. Мерзлякову. Если друзьями Буринского был и Мерзляков, и Петрозилиус, и оба входили в один и тот же круг, не значит ли это, что именно здесь мы должны искать связи юного Грибоедова?

Вернемся к записке. Речь в ней идет о том, что Грибоедов, не будучи в состоянии принять приглашение И. Д. Щербатова, зовет его самого и его друзей к себе на ужин. Но куда приглашал его Щербатов? По-видимому, в свой дом: Грибоедов говорит ему о невозможности присутствовать в «Вашем собрании» (разрядка моя. — *Л. Д.*). Те, кого хочет видеть Грибоедов, должны были прежде встретиться в щербатовском доме: кузены И. Щербатова, М. и П. Чаадаевы, З. Буринский и некие «члены собрания». Чаадаевы жили в этом доме постоянно под опекой родного дяди, кн. Д. М. Щербатова.

Близость Буринского к семейству Щербатовых подтверждается следующим фактом: адресат его послания, обозначенный инициалами Е. Д. Щ.,[51] может быть определен как Елизавета Дмитриевна Щербатова, сестра Ивана Дмитриевича. Предположение это основывается еще и на том, что в тексте послания имеется обращение к Элизе.

(Заметим, кстати, что троюродный брат Грибоедова И. Д. Якушкин в более поздние годы испытывал сильнейшее, но безответное чувство к другой сестре И. Щербатова, Наталье Дмитриевне, знаком же был с ней еще с детских лет).

Похоже, что встреча в щербатовском доме имела какую-то организационную оформленность и не была единственной, а входила в ряд подобных, иначе нельзя было бы говорить о «членах собрания». И, поскольку Грибоедов приглашает участников пожаловать к нему на ужин, само «собрание» не было, вероятно, простым застольем.

* * *

Особенно частые встречи Грибоедова с братьями Чаадаевыми и И. Щербатовым приходятся, должно быть, на 1808—1810 гг. Их могли сближать частные уроки, дававшиеся профессором Буле. В архиве Н. К. Пиксанова сохранился конспект «Курса философии, проходимого на приватных лекциях г. Буле, профессора при имп. Московском университете, писанного 1808-го года М. Чаадаевым» (Восп. С. 339). Это были, видимо, как раз те «приватнейшие уроки» Буле, которые наряду с публичными лекциями, предложены в «Объявлении», изданном

[50] *Мерзляков А. Ф.* Стихотворения. Л., 1958. С. 254—255.
[51] См. прим. 44.

Университетом на 1807/08 учебный год.[52] Лонгинов сообщает, что «Чаадаев (Петр Яковлевич. — *Л. Д.*) всегда с глубоким уважением и признательностью вспоминал о лекциях <...> Буле».[53]

Грибоедов в свою очередь заявлял, что «...воспитывался <...> в Московском университете под надзором профессора Буле» (Восп. С. 282). Формулировка «...воспитывался <...> под надзором» предполагает достаточно тесную личную связь студента с профессором. Это, конечно, были домашние занятия. Тому имеются мемуарные подтверждения. В. Шнейдер рассказывал о Грибоедове: «Не довольствуясь университетскими лекциями, он частным образом слушал эстетику у проф. Буле на немецком языке» (Восп. С. 338). Особенно определенно о роли Буле в воспитании Грибоедова сказано у Ф. Булгарина: «Более всех споспешествовал к развитию способностей Грибоедова знаменитый московский профессор Буле. У него Грибоедов брал частные уроки в философских и политических науках на дому и руководствовался его советами по всем отраслям учений».[54]

В какой период могли происходить эти приватные занятия? Поскольку в 1806—1808 гг. Грибоедов учился на словесном отделении, а в 1810—1812 гг., как мы увидим, на этико-политическом, причем к 1809 г. Буле прекратил там преподавание,[55] то самым вероятным временем будет как раз период 1808—1810 гг., т. е. тот же, когда с Буле занимались Чаадаевы и И. Щербатов. Их сверстник и друг И. Якушкин тоже ценил профессора, хотя сведений о его учебе у Буле не имеется. В позднейшем письме к П. Граббе от 21 окт. 1821 г. И. Якушкин говорит, что в деревне ему «попался Буле», и он «десять дней провел очень приятно».[56]

Где проходили приватные занятия? М. Гершензон полагал, что Чаадаевы и И. Щербатов брали уроки у Буле в щербатовском доме.[57] Однако в объявлении о публичных учениях на 1811/12 г. имеется следующая формулировка: «Феофил Буле <...> будет преподавать лекции у себя на дому»[58] (разрядка моя. — *Л. Д.*). Возможно, что в 1808—1810 гг. Грибоедов и его друзья ходили на занятия к самому Буле.[59]

---

[52] Объявление о публичных учениях. 1807—1808. С. 1—2.

[53] *Лонгинов М.* Воспоминания о П. Я. Чаадаеве // Русский вестник. 1862. Т. 42. С. 121.

[54] *Булгарин Ф. В.* Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове. С. 23.

[55] В 1809/10 и в 1810/11 академических годах Буле числился профессором словесного отделения, а осенью 1811 г. был уволен из университета.

[56] Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. С. 627.

[57] *Гершензон М. О.* Молодость П. Я. Чаадаева // Научное слово. 1905. Кн. VI. С. 86.

[58] Объявление о публичных учениях. 1811—1812. С. 8.

[59] О Буле см.: *Тихонравов Н. С.* Сочинения. М. 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 29—43; *Медведева И. Н.* Творчество Грибоедова // *Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах. Л., 1967. С. 13—17; *Никитенко А.* Александр Иванович Галич. СПб.,

* * *

Согласно традиционным утверждениям биографов, после получения в июне 1808 г. диплома на звание «кандидата свободных искусств» (или «кандидата словесности», что, по-видимому, равнозначно) Грибоедов поступил на этико-политическое отделение университета и 15 июня 1810 г. был произведен в кандидаты прав. В последние же два года пребывания в университете Грибоедов якобы занимался на физико-математическом отделении.

Однако в 1976 г. в литературе была отмечена явная, хотя и не замечавшаяся прежде несообразность такого представления. Дело в том, что в 1939 г. В. Сорокин сделал сообщение о найденной им книге регистрации студентов, относящейся к 1810/11 и 1811/12 академическим годам.[60]

В книге имеются две собственноручные записи Грибоедова — по одной на каждый год. Во второй из них он против своей фамилии указал, чьи курсы желал бы прослушать в 1811/12 г.: Рейнгарда, Штельцера, Шлецера и Сандунова. Все перечисленные Грибоедовым профессора читали свои лекции на этико-политическом отделении. «Нам кажется, — говорит исследователь, — что эти факты достаточно твердо позволяют судить о том, что Грибоедов вовсе не кончал в 1810 г. этико-политического отделения (иначе ему не потребовалось спустя некоторое время записываться на лекции ведущих профессоров этого отделения) и перед войной 1812 г. не занимался на математическом отделении».[61]

Было выражено сомнение не только в том, что Грибоедов учился в 1808—1810 гг. на этико-политическом отделении, но и в, казалось бы, хронологически точно зафиксированном факте получения им второй кандидатской степени — по правовым наукам. Веской причиной для такого сомнения служит имеющаяся в записи 1810 г. помета Грибоедова, обозначающая его звание как кандидата словесности. Если новое звание Грибоедов получил 15 июня, а занятия в университете, судя по «Объявлениям», начинались 17 августа, то к моменту начала учебного года он должен был бы рекомендоваться «кандидатом прав». Нам, правда, неизвестно, как рано начиналась предварительная запись студентов на лекции будущего года, но, естественно, ду-

---

1869; *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских... СПб., 1880. Т. 2. С. 288 и 289. В последней работе приведены письма реакционера П. И. Голенищева-Кутузова (попечителя Московского университета), содержащие чрезвычайно резкие характеристики и оценки Буле как вольномыслящего и независимого человека.

[60] *Сорокин В.* Новые сведения о студенческих годах А. С. Грибоедова // Московский университет, 1939, 26 июля. № 49. С. 4.

[61] *Фомичев С. А.* Реконструктивный анализ литературного произведения (Комедия А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской»)//Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 214.

мать, что это происходило уже после экзаменов за предыдущий год.

Приведем дополнительные соображения, подтверждающие справедливость пересмотра ранее принятых представлений. Во-первых, надо иметь в виду, что «Московские ведомости» ежегодно публиковали полные списки всех, кто был удостоен тех или иных степеней. Производство Грибоедова в кандидаты в 1808 г., как уже говорилось, зафиксировано в «Московских ведомостях» № 54 за 1808 г., а также в журнале «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (1808. Вып. 22. Отд. 2. С. 199). О получении же Грибоедовым кандидатской степени в 1810 г. ни в газете, ни в журнале сведений не дано.

Во-вторых, из имеющихся у нас сведений о более чем 750 учащихся Московского университета, числившихся там в 1803—1812 гг., видно, что случай «двойного» кандидатства был бы уникальным. Или почти уникальным: один из студентов, Семен Любимов, имел все же две кандидатские степени (по политическим и физико-математическим наукам), но получил он их одновременно — в 1812 г.[62]

Такое положение естественно. Рассуждая практически, следует задаться вопросом: зачем лицу, имеющему уже кандидатскую степень, а значит и привилегии, с ней связанные, спустя два года утруждать себя сдачей еще одного экзамена, ровно ничего не меняющего в социальном статусе? Не логичнее ли было бы, затратив некоторые дополнительные усилия, получить следующую степень — магистра, дававшую право уже на гражданский чин коллежского секретаря (10 класса) или же военный чин поручика?

Надо заметить, что сам Грибоедов ни разу не заявлял о себе как о кандидате тех и других наук сразу. В документах разных времен содержится указание либо на словесную, либо на правовую специализацию, но всегда лишь на одну из двух. Ниже мы частично объясним происхождение такой разноречивости в данных документов. Там же мы ответим на вопрос о происхождении даты получения Грибоедовым степени кандидата прав, которая странным образом противоречит известным теперь фактам.

В окончательном виде версия о блистательном прохождении Грибоедовым в 6 лет программ трех разных отделений впервые сложилась у Н. Пиксанова к 1911 г.[63] и, видимо, следующим образом: к достоверным данным об окончании в 1808 г. словесного отделения он добавил предположение о прохождении курса этико-политического отделения в 1808—1810 гг., основанное на менее проверенной дате получения Грибоедовым

[62] Московские ведомости. 1812. № 55.

[63] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1. С. IX—X. В грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова имеется рукопись его ранней работы «Университетские годы Грибоедова» (1901 г.), где некоторые данные, установленные исследователем впоследствии, еще отсутствуют (ИРЛИ, № 1049—1052).

степени кандидата прав; о математических же занятиях Грибоедова мы знаем лишь из послужных списков и из собственных его показаний следственной комиссии в 1826 г. (причем он никогда не указывает, к какому периоду эти занятия относятся). Но поскольку было известно, что Грибоедов оставался в университете до самого зачисления на военную службу в 1812 г., то интервал 1810—1812 гг. стал рассматриваться как время обучения его на физико-математическом отделении. Выше мы уже говорили о том, что математикой Грибоедов мог заниматься, как и прочие студенты, числясь на любом отделении.

Сведения, опубликованные В. Сорокиным в 1939 г., как-то не были приняты во внимание авторами позднейших работ, не только популярных, но и столь академичных, как монография академика М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы». И даже после 1976 г. традиционная версия продолжает пользоваться доверием.

Рукописная книга регистрации студентов, найденная В. Сорокиным, хранится в научной библиотеке МГУ.[64] Исследователь не дал ее подробного описания. Между тем даже не очень пристальное рассмотрение ее особенностей может добавить новые сведения к тому скромному объему фактов, касающихся юности Грибоедова, каким мы располагаем.

Структура книги такова, что записи книги каждого года состоят из двух разделов. Первым в 1810/11 академическом году идет раздел, озаглавленный «Имена своекоштных студентов, зачисленных от августа 1810 до...» (не дописано в оригинале). Там всего 49 фамилий. Название второго — «Имена получивших от Ректора письменно позволение слушать профессорские лекции от 1 сентября 1810 года». Таково было официальное название студентов, которые являлись вольнослушателями. К их числу (вопреки мнению М. Нечкиной) и принадлежал А. Грибоедов, проставивший свою фамилию под № 49 из 100, содержащихся в списке.

Заголовки разделов книги на 1811/12 академический год даны на латыни. Первый гласит: «Nomina Studiosorum frequentantium hoc anna ad Septem 1811 ad d XXVI lunia anni 1812», что соответствует названию первого раздела предыдущего года и обозначает также перечень имен своекоштных студентов. Здесь уже содержится 181 номер, среди которых под № 156 записан Грибоедов. Второй раздел лишен развернутого заголовка, только в правом верхнем углу страницы имеется маленькая наклейка с надписью «Permissiskem habentium», что означает «разрешение имеющие», т. е. вольнослушатели.

В 1811/12 и своекоштные и вольнослушатели должны были вписывать в графу, озаглавленную «Nomina docentium» имена

---

[64] Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ. Список студентов Московского университета с 1810 по 1815 г. (№ 254 870).

тех профессоров, чьи лекции они желают посещать. Имена, названные здесь Грибоедовым, прямо свидетельствуют о его принадлежности, как своекоштного уже студента, этико-политическому отделению.

Что же касается 1810/11 г., то у нас нет данных о том, чьи курсы Грибоедов слушал тогда. Вероятно все же, что это также были профессора этико-политического отделения.

* * *

Каков был круг общения Грибоедова в 1810—1812 гг.?

В 1810 г. его гувернером становится Иоганн Готлиб **Ион**. Он занял место И. Б. Петрозилиуса после того, как тот в мае 1810 г. поступил на государственную службу. Ион был тогда молод. По данным «Московского некрополя», он родился в 1787 г. в Sonderhausen.[65] Н. П. Загоскин в «Истории Императорского Казанского университета» называет, правда, другой, более ранний год рождения — 1784-й. Он сообщает также, что Ион учился в Геттингене.[66]

Момент появления Иона в Москве был, очевидно, отмечен в «Записке» С. Н. Бегичева, однако та часть бегичевской рукописи, где могла идти об этом речь, утрачена. Сохранившееся на обрывке листа имя Иона соседствует там с упоминанием о Буле (Восп. С. 24). Правомерно предположить, что Буле, преподававший в Геттингене как раз тогда, когда Ион был там студентом, мог оказаться тем самым, кто рекомендовал Иона семейству Грибоедовых в качестве гувернера.

В газетном отчете о состоявшемся 5 июля 1811 г. торжественном акте в Московском университете имеется список студентов, принятых с 5 августа 1810 г. по 20 июня 1811 г. Один из них, как указано в газете, — «Богдан Иона». В том же самом отчете среди награжденных золотыми медалями его имя дано и в немецком варианте — «Готлиб Ион».[67]

Публикация фамилии Иона в списке, а также получение им золотой медали свидетельствует о том, что в 1810/11 академическом году, когда Грибоедов, согласно данным книги записи, числился вольнослушателем, его гувернер был своекоштным студентом. Правда, в той же книге в разделе, относящемся к 1810 г., записи Иона мы не находим. Но в полном ли объеме дошел до нас список своекоштных студентов на этот год? В нем всего лишь, как уже говорилось, 49 номеров, тогда как в 1811/12 г. своекоштными записался 181 человек и там уже за № 125 значился Богдан Ион.

---

[65] Московский некрополь, СПб., 1907. Т. I (А—I). С. 515.

[66] *Загоскин Н. П.* История Императорского Казанского университета. (1814—1819), Казань, 1902. Т. 2, ч. 2. С. 76.

[67] Московские ведомости. 1811. № 54.

Обратим внимание на то, что сделанный им выбор профессоров (Рейнгардт, Шлецер) совпадает с тем, который сделал Грибоедов, хотя у того в списке еще два имени — Сандунова и Штельцера. Любопытно то, что Ион специализировавшийся по правовым наукам, не стал записываться к юристам, а предпочел философские дисциплины. Впрочем, В. В. Шнейдер сообщает, что Ион «всегда сопровождал своего воспитанника на лекции» (Восп. С. 338), так что не исключено, что Сандунова и Штельцера они тоже слушали вместе, хотя для Иона это не было обязательным. Судя по тому, что Грибоедов записался позднее Иона, выбор, возможно, был ему подсказан наставником.

Ион был гувернером Грибоедова два года. Они расстались после того, как Грибоедов, записавшись в Московский гусарский полк, вышел с ним 1 сентября 1812 г. из Москвы в поход.[68]

О встречах с Грибоедовым рассказывал его соученик **В. В. Шнейдер.** Некоторое время он как репетитор занимался с Грибоедовым латинской словесностью (Восп. С. 338).[69] Так же, как Ион, Василий Шнейдер (тогда еще Август Вильгельм Шнейдер) был принят в университет в начале 1810/11 академического года. В книге записи на этот год он проставил свою фамилию в перечне своекоштных студентов под № 43, указав, что он избрал этико-политическое отделение. В 1811/12 г. Шнейдер снова своекоштным студентом слушал тех же (за исключением Сандунова) профессоров этико-политического отделения, что и Грибоедов, — Штельцера, Шлецера, Рейнгарда.

Располагая списками студентов, напечатанными в «Московских ведомостях» в 1806—1812 гг. и содержащимися в рукописной книге, мы имеем возможность сделать несколько дополнительных предположений об университетских связях Грибоедова. Отметим тех питомцев университета, учившихся в одно время с Грибоедовым, чье знакомство с ним в позднейшие годы более или менее подтверждается источниками.

В первую очередь следует сказать о близких друзьях Грибоедова, братьях Александре (1793—1864) и Никите (1799—1862) **Всеволожских.** Их имена стоят в рукописной книге в списке вольнослушателей 1810/11 г.

Короткое время (январь — ноябрь 1809 г.), до отъезда в Геттинген, Московский университет посещал **П. П. Каверин** (1794—1855).[70] Нечкина М. В., подробно изучившая вопрос о возможных университетских отношениях Грибоедова с будущими декабристами, называет в этой связи (кроме упомянутых выше И. Якушкина, П. и М. Чаадаевых и И. Щербатова) —

---

[68] Ион был связан с Грибоедовым и в позднейшие годы. Об их встречах см.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

[69] См. также: запись других устных воспоминаний В. Шнейдера о Грибоедове: Русский архив, 1875, № 9. Т. 3. С. 43—44.

[70] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 88.

С. П. Трубецкого (1790—1860), **Артамона Муравьева** (1794—1846), **Никиту Муравьева** (1796—1843), **Михаила Муравьева** (1796—1866).[71]

В записке к В. С. Миклашевич от 6 июня 1826 г. Грибоедов, только что освобожденный Николаем I из-под ареста вместе с другими подобными лицами, сообщает: «Нас представили в 3-м часу на Елагином острову, оттуда Муравьев, который меня и туда привез в своей карете (университетский мой товарищ, не видавшийся со мной уже 16 лет), завез к Жуковской матери на Крестовой, где я и обедал» (Соч. С. 582—583). Весьма вероятно, что здесь упоминается как раз М. Н. Муравьев, который как и Грибоедов, получил «очистительный аттестат». Обедали они у матери офицера Жуковского (по данным комментария книги «Грибоедов в воспоминаниях современников» — Михаил Петрович Жуковский) (Восп. С. 381, 426), надзиравшего за арестованными в Главном штабе и в то же время оказавшего им множество услуг. Д. И. Завалишин объясняет мягкость отношения Жуковского к арестованным и его пособничество им тем, что надзиратель был подкуплен (Восп. С. 134—135). Не исключая этого мотива, выскажем дополнительное соображение. Дело в том, что в рукописной книге среди вольнослушателей 1811/12 г. за № 44 значится некто **Михаил Жуковский**, записавшийся к 14 (!) профессорам различных отделений.

Если допустить, что офицер Михаил Жуковский и его тезка и однофамилец — одно лицо, станет психологически понятнее, почему только что освобожденные из-под ареста университетские товарищи, Грибоедов и Муравьев, отправились на обед к матери своего вчерашнего тюремщика (обратим внимание на фамильярность обозначения: «к Жуковской матери»). Этот факт был бы менее объясним, если поверить, что Жуковский руководствовался исключительно соображениями корысти.

Некоторые знакомые Грибоедова, учившиеся в университете одновременно с ним, не были названы М. Нечкиной, поскольку не входили в круг его декабристских связей. Среди них — **Д. Бобарыкин и С. Соковнин,** попавшие в университет, как и Грибоедов, после пансиона. О них речь уже шла.

Журналист **М. Н. Макаров** (1789—1847), записавшийся на 1810/11 г. вольнослушателем, оставил маленькое воспоминание о беседе с Грибоедовым в доме С. Д. Нечаева. (см. ниже), по-видимому, в 1826 г. (Восп. С. 375).

Д. Смирнов сообщает со слов актера И. Сосницкого, что когда в 1824 г. Грибоедов читал «Горе от ума» в доме Н. И. Хмельницкого, одним из слушателей был **В. И. Соц** (1788—1841), цензор, переводчик и театральный критик (Восп. С. 252). В. Соц учился в Московском университете с 1804 г.

В биографии профессора **И. И. Давыдова** (1794—1863) Грибоедов упомянут как его университетский товарищ. В период

---

[71] Там же. С. 88—89.

студенчества оба занимались у профессора Буле (в 1810 г. Давыдов писал под его руководством диссертацию) и могли быть хорошо знакомы.[72]

Рядом с Грибоедовым в университете учился поэт **В. С. Филимонов** (1787—1858, студент с 1805 по 1809 г.). До нас дошло стихотворное послание В. Филимонова Грибоедову — явное доказательство личных отношений.[73]

Степан Дмитриевич **Нечаев** (1792—1860) не принадлежал к собственно университетским знакомым Грибоедова. Формально его отношения с университетом ограничились тем, что, имея домашнее образование, он обязан был для служебного продвижения (согласно указу от 6 августа 1809 г.) подвергнуться испытаниям по университетскому курсу и получить аттестат. В гражданскую службу по ведомству иностранных дел он вступил 16 января 1811 г.,[74] значит, испытания им были пройдены несколько раньше.

Фактически же молодой С. Нечаев был, как видно, связан с московским студенчеством. В биографии И. И. Давыдова он назван среди товарищей последнего по университету.[75] В этом же перечне, как мы помним, стоит и имя Грибоедова.

Существуют и прямые свидетельства близкого знакомства С. Нечаева с Грибоедовым, относящиеся, правда, к более позднему времени. 25 мая 1825 г. С. Нечаев писал из Москвы А. А. Бестужеву: «Твое „Горе от ума" отдал я для пересылки Ширяеву. Поклонись от меня другу Грибоедову и Кондратью Федоровичу».[76] В этих двух фразах — не только знак дружеских отношений, но и несомненное доказательство общности идейной: мы видим здесь С. Нечаева товарищем тех, кто скоро выйдет на Сенатскую площадь — К. Рылеева, А. Бестужева.

С. Л. Мухина, обстоятельно проследившая общественные и литературные связи С. Нечаева,[77] обратила внимание на то, что многие из его друзей и знакомых — А. И. Якубович, В. Ф. Тимковский, М. Н. Макаров, В. С. Филимонов, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин — были знакомыми Грибоедова.

Сам же Нечаев был мужем сестры того И. С. Мальцева, который поехал с Грибоедовым в Тегеран первым секретарем русского посольства и оказался единственным, уцелевшим при разгроме миссии.

---

[72] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. 1—2, М., 1855. Т. 1. С. 280.

[73] *Филимонов В. С.* Александру Сергеевичу Грибоедову // Московский вестник, М., 1828. Ч. 10. № 13.

[74] ЦГИА, ф. 1005, оп. 1. № 6, л. 1—2.

[75] Биографический словарь профессоров... Т. 1. С. 280.

[76] Русская старина. 1888. № 12. С. 593.

[77] *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы // Исторические записки, М., 1975, Т. 96, С. 245—249.

* * *

Студенческая юность Грибоедова прервалась в тот момент, когда он добровольно записался в Московский гусарский полк, 26 июля 1812 г. Первые из известных нам документов, в которых эта дата названа, — формулярные списки корнета Грибоедова за вторую половину 1813 г., а также за первую и вторую половину 1814 г., составленные соответственно 1 января 1814 г., 1 августа 1814 г. и 1 января 1815 г.[78]

Обстоятельства, при которых Грибоедов решился оставить университет и вступить в военную службу, изложены им в прошении об отставке, датированном 20 декабря 1815 г. Копия прошения сохранилась в собрании Н. К. Пиксанова. Вводная часть документа содержит важные автобиографические указания:

«По окончании наук в Императорском Московском университете был я произведен в Кандидаты прав сего Университета прошлого 1810 года июня 15 дня, находясь в сем звании, я был готов к испытанию для поступления в чин Доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего и вскоре затем последовало Высочайшее Вашего Императорского Величества воззвание к дворянству ополчиться для защиты отечества, я решил тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу; а как в то время не последовал еще Высочайший Вашего Императорского Величества указ о назначении какими чинами принимать Статских чиновников в военную службу, почему и поступил я в полк, формируемый Графом Салтыковым из Кандидатов прав в Корнеты и в сем чине утвержден Высочайшим Вашего Императорского Величества приказом, отданным прошлого 1813 года августа 31 числа. По присоединении Гусарского Графа Салтыкова полка в состав Иркутского полка и по поступлении оного в Кавалерийские резервы назначен я был в должность адъютанта к Командующему сими резервами Генералу от Кавалерии Кологривову при коем в сем звании нахожусь до сего времени».[79]

Это самый ранний источник, дающий информацию о том, что 15 июля 1810 г. Грибоедов стал «кандидатом прав» (во всех документах, относящихся к периоду военной службы Грибоедова (1812—1815 гг.) он именуется просто «кандидат Московского университета» — без указания специализации). Здесь же впервые упомянуто о его готовности в 1812 г. поступить «в чин доктора».

Но насколько строг этот документ в изложении фактов? Определяя ученую степень Грибоедова в 1810 г. иначе, чем книга записи студентов, он расходится с ней еще в одном отношении. Первая фраза «прошения» говорит о том, что «канди-

---

[78] ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 1416.
[79] Там же. № 1414.

датом прав» в 1810 г. Грибоедов стал «...по окончании курса наук в Императорском Московском университете»,[80] тогда как нам доподлинно известно: в 1810/11 и 1811/12 гг. он продолжал посещение лекций. Забыть об этом Грибоедов не мог. Если же он сознательно деформировал некоторые факты своей студенческой биографии, то какова была при этом его цель?

Снова обратимся к тексту «прошения». Обрисовав ситуацию поступления в военную службу и кратко изложив ход этой службы, Грибоедов мотивирует далее просьбу об увольнении тем, что испытывает «жестокий ревматизм в ногах и боль в груди от ушиба лошади».[81] Наконец, следует сама просьба: «Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие прошение мое принять у меня за болезнию от военной службы уволить с определением к статским делам: а как я вступив по Высочайшему Вашего Императорского Величества воззванию к дворянству в военную службу, весьма много потерял против сверстников моих, оставшихся в ученом сословии, то осмеливаюсь предоставить сие во всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества».[82]

Итак, как мы видим, смысл поданного Грибоедовым документа вовсе не сводится к простой просьбе об отставке. Речь идет о том, чтобы при выходе в статскую службу получить повышение в чине. Желание это не сформулировано прямо, а выражено цепью намеков, впрочем, вполне прозрачных. Сначала Грибоедов говорит о своих академических успехах, затем о том, что добровольно прервал свою ученую карьеру, будучи, так сказать, «без пяти минут доктором», и, наконец, о том, что некие его «сверстники», не откликнувшиеся на императорское «воззвание», за то время, пока он находился в армии, успели достигнуть того, чего достиг бы и он, если бы не предпочел долг карьере. На какое же повышение он рассчитывал? Степень кандидата, имея которую Грибоедов оставил университет, соответствовала в статской службе чину губернского секретаря, т. е. 12-му классу в гражданской табели о рангах. Докторская же степень, если бы Грибоедов успел ее добиться, должна была доставить ему чин коллежского асессора 8-го класса. Расчет, таким образом, был серьезный: стать коллежским асессором, миновав сразу три ступени табели о рангах. Прошение Грибоедова было поддержано его начальником, генералом А. С. Кологривовым.[83]

Остается гадать, действительно ли в 1812 г. Грибоедов был столь близок к поступлению в чин доктора, достаточна ли была для этого его академическая подготовка. Очевидно одно: в

---

[80] Там же.
[81] Там же.
[82] Там же.
[83] Там же.

контексте «прошения» фраза о докторстве преследовала практическую цель — подтвердить справедливость притязаний на «чин асессорский, толико вожделенный».[84]

Менее понятно, зачем понадобилось Грибоедову действительно имевшееся у него звание «кандидата словесности» переменить в прошении на «кандидата прав», передвинув при этом время получения кандидатского звания с 1808 на 1810 г. Возможно, здесь играло какую-то роль то обстоятельство, что производство в коллежские асессоры строго регламентировалось именным указом от 6 августа 1809 г., первый пункт которого гласил: «С издания сего указа никто не будет произведен в чин Коллежского Асессора, хотя бы и выслужил положенное число лет в Титулярных советниках, если сверх отличных одобрений своего начальства не предъявит свидетельства от одного из состоящих в Империи Университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, Гражданской службе свойственным».[85]

Имея надежду получить без выслуги лет, в порядке награждения за отмеченные Кологривовым заслуги и с учетом всех обстоятельств внеочередной чин 8-го класса, Грибоедов мог опасаться, что возникнет еще одно затруднение: его диплом кандидата словесности (или, как сказано в подлиннике, «кандидата свободных искусств») слабо, видимо, подтверждал факт прохождения им наук, «гражданской службе свойственных».

Произведенный Грибоедовым перенос даты получения кандидатской степени на 1810 г. тоже, возможно, имел практическое значение. В каком-то, не совсем ясном для нас, смысле, было выгоднее, чтобы считалось, что ученая степень получена после указа 1809 г. Судя по всему, деловая репутация кандидата свободных искусств 1808 г. и кандидата прав 1810 г. была существенно различной.

Прошение Грибоедова, подкрепленное представлением А. С. Кологривова, получило ход. До нас дошла составленная на основании этих документов и датированная 16 февраля 1816 г. официальная докладная записка с приложенной к ней справкой следующего содержания: «Генерал от кавалерии Кологривов просит, чтобы корнет Грибоедов был отставлен с чином Коллежского Асессора. Из записки у сего прилагаемой видно, что он поступил в военную службу из кандидатов, которые состоят в 12 классе. Есть ли должно его уволить от воинской службы с награждением чина, то ему следует чин 10 класса или Коллежского Секретаря. Место в приказе оставлено, каким чином приказано будет его уволить».[86]

Пожелания Грибоедова, как видим, существенно этим ограничены. Возможность пожалования его в чин коллежского асес-

---

[84] Цитата из сатиры А. Н. Нахимова «Восплачь, канцелярист...», использованная А. С. Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

[85] Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 30. С. 1054.

[86] ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 1414.

сора (8-й класс), ради чего и была создана версия о несостоявшемся докторстве, к рассмотрению не принята; речь идет лишь о праве Грибоедова на повышение до чина коллежского секретаря (10-го класса). Однако и этот вариант не реализовался. 25 марта 1816 г. вышел приказ, согласно которому Грибоедова уволили губернским секретарем (12-го класса). 8 мая 1816 г. Инспекторским Департаментом Главного Штаба был выдан Грибоедову «паспорт», в тексте которого имелась следующая формулировка: «...за болезнию уволен от воинской службы для определения к статским делам прежним статским чином»[87] (разрядка моя. — *Л. Д.*).

Хлопоты, которые продолжались с декабря 1815 г., не дали результатов. Единственным «приобретением» оказалось то, что во всех известных нам документах Грибоедова (за одним исключением, о котором скажем) — вплоть до последнего послужного списка 1829 г. — стало указываться, что он окончил университет в звании «кандидата прав». Послужные списки составлялись обычно по устным показаниям, так что сохранить эту поправку к биографии для Грибоедова не составляло труда.

Безуспешность попытки добиться повышения при увольнении навела, видимо, Грибоедова на другую мысль. 9 ноября 1816 г., оставив уже военную службу, но не вступив пока в статскую, он писал из Петербурга Бегичеву: «Признаюсь тебе, мой милый, я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка; в Дерпт не поехал и засел здесь». (Соч. С. 499). Чем мог привлечь Грибоедова университетский Дерпт? Не возможностью ли продолжать учение и добиться, быть может, более высокой ученой степени, которая открыла бы путь к следующим чинам в статской службе? Кстати, в Дерпте преподавал и был ректором как раз в эту пору знакомый Грибоедову профессор Х. Л. Штельцер. Но этот план тоже оказался неосуществленным.

В чине губернского секретаря, на который фактически имел право с момента получения в 1808 г. кандидатского диплома, Грибоедов в июне 1817 г. был принят на службу в коллегию иностранных дел. Однако и там продвижение пошло не сразу.

Столь долгая задержка в дальнейшем производстве не на шутку, видимо, его беспокоила. Имеется письмо Грибоедова к С. Бегичеву от 15 апреля 1818 г., в котором тема служебного успеха занимает главное место: «Сделай одолжение, не дурачься, не переходи в армию; там тебе бог знает когда достанется в полковники, а *ты надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь из чинов, а не из чести*» (Соч. С. 503) (курсив мой. — *Л. Д.*).

Начав ловким каламбуром, употребленным как бы ради красного словца, Грибоедов дальше переходит к изложению собственных дел, и тут за иронией прочитывается подлинное

---

[87] *Белокуров С. А.* Новые документы к биографии А. С. Грибоедова // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 385—386.

нетерпение: «Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — в Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ни что не помогает; однако я третьего дня, по приглашению нашего министра был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина тотчас при назначении меня в Тейран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко было бы мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиятцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен. Словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя бы несколько соразмерного возмездия... Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его расположение <...>.

<...> Кажется, однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть *коллежским асессором или ничем*» (Соч. С. 504).

Тактика, примененная Грибоедовым в разговоре с Нессельроде, весьма напоминает ту, которая была использована им в прошении 1815 г. Там он намекал на то, что достоин повышения, поскольку, вступив в армию добровольно, «весьма много потерял в сравнении со своими сверстниками», здесь — требует «несколько соразмерного возмездия» за то, что соглашается пожертвовать своими успехами интересам службы.

В середине июля 1818 г. вопрос решился: Грибоедов был назначен секретарем персидской миссии и тогда же произведен, наконец, в титулярные советники 9 класса. Вскоре после этого, и, видимо, как раз в связи с новым назначением, Грибоедову пришлось предъявить документальное свидетельство университетского образования. Не было иного выхода, кроме того, чтобы представить в Коллегию единственный, имевшийся в наличии диплом, — на звание «кандидата свободных искусств». К нему Грибоедов приложил «доношение» следующего содержания: «Представляя при сем полученный аттестат, данный мне от Императорского Московского Университета на звание кандидата 12 класса, покорнейше прошу внести оный в послужной список мой, а подлинный, при сличении оного с приобщаемою у сего копией, возвратить мне обратно.

Августа 5 дня 1818 г.». [88] — Титулярный советник Грибоедов

Назваться «кандидатом прав» у Грибоедова в возникшей ситуации не было никакой возможности, и он просто опустил

---

[88] *Белокуров А. С.* Новые документы... С. 383.

этот момент, обозначив свое университетское звание нейтрально: «кандидат 12-го класса». Но это и был тот единственный случай, когда ему пришлось отступить от принятой версии: уже в послужном списке 1818 г., вероятно, том самом для составления которого и потребовался аттестат, снова почему-то появилась запись «кандидат п р а в 12-го класса».[89]

* * *

При уточнении некоторых обстоятельств университетского этапа жизни Грибоедова оказалось необходимым выйти за хронологические рамки периода. При этом мы были вынуждены коснуться психологических причин возникновения противоречий и неувязок в фактологии, затронуть вопрос трудный и деликатный — о грибоедовском честолюбии.

Пытаться обойти эту проблему не нужно и невозможно: слишком настойчиво мемуарные свидетельства да и высказывания самого Грибоедова, содержащиеся в его письмах, указывают на реальность ее существования. Разумеется, крайние мнения на этот счет, подобные фразе Д. В. Давыдова о «бесе честолюбия», «терзавшем» якобы Грибоедова (Восп. С. 154), не должны приниматься на веру безоговорочно. Они могут быть правильно истолкованы лишь в широком контексте всех известных сведений о Грибоедове и мемуаристе и с учетом конкретной ситуации, которая такое мнение породила.

Но нельзя не видеть, что вопрос служебного статуса и — шире — общественного признания был в сознании Грибоедова одним из доминантных и всегда актуальных. В том числе и в творческом его сознании: мотив «чина» едва ли не столь же последовательно проводится в грибоедовской комедии, как и заглавный мотив «ума».

Автор дает возможность высказаться по этому поводу многим действующим лицам пьесы: центральным — Чацкому, Фамусову, Софье, Молчалину, Скалозубу, Репетилову — и второстепенным — Лизе, княгине Тугоуховской, Наталье Дмитриевне. На одном полюсе этой тематической сферы можно поставить знаменитый «афоризм» Скалозуба:

«Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу».
(Соч. С. 34)

На другом — отчетливо-горькую мысль Чацкого:

«Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».
(Соч. С. 55)

В реплике героя — опыт разочарований, со всей полнотой пережитый самим автором.

---

[89] ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 14768, л. 70.

Понятие «чина», звание «чиновника» не имели для Грибоедова той одиозной окрашенности, какую склонны видеть мы. Они ассоциировались в его сознании с идеей государственной ответственности, служения «делу, а не лицам». Еще в юности, в статье 1814 г., посвященной А. С. Кологривову, Грибоедов заявил: «Хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем...» (Соч. С. 363). Есть основания полагать, что так он понимал дело и позднее. Хотя возникало, видимо, и искушение соблазном карьеры как таковой. Тут была и внутренняя борьба, подобная той, которую пережил Чацкий:

«И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть».

(Соч. С. 38)

Крупные и нетерпеливые притязания Грибоедова были прямо связаны с безусловно ощущавшейся им реальной мерой собственной значимости и силы. Это хорошо понял Пушкин, который в своих некрологических строках точно и емко определил важнейшее противоречие судьбы и личности Грибоедова: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности» (Восп. С. 265). Остановимся здесь и вдумаемся: *«рожденный с честолюбием, равным его дарованиям»*[90] (курсив мой. — *Л. Д.*).

Н. А. Тархова

ГРИБОЕДОВСКАЯ УСАДЬБА ХМЕЛИТА

В статье «Грибоедов и старое барство» Н. К. Пиксанов впервые привлек внимание к Хмелите — родовому имению Грибоедовых на Смоленщине — и определил важнейшее место ее в биографии поэта. Материал для подобного отношения к Хмелите дали воспоминания Владимира Ивановича Лыкошина и его сестры Анастасии Ивановны (в замужестве Колечицкой) — родственников и друзей юности А. С. Грибоедова. Их использовал исследователь в своей статье, позднее мемуары были утрачены.[1]

---

[90] Когда настоящая статья находилась в печати, появилась работа Н. Я. Эйдельмана «Мы молоды и верим в рай...» (Дружба народов. 1987. № 10), где пушкинское высказывание интерпретировано сходным образом. Автор благодарит за содействие научного сотрудника Отдела редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ Г. А. Космолинскую и хранителя Кабинета-библиотеки Н. К. Пиксанова ИРЛИ АН СССР С. А. Полозкову.

[1] *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1935. С. 53. Как свидетельствует реферат М. А. Рыбниковой о воспоминаниях

Воспоминания содержат важные и неизвестные прежде сведения о ежегодном пребывании поэта в Хмелите в детские и юношеские годы с матерью и сестрой, об обитателях усадьбы, о помещичьем окружении и бытовом укладе.

Однако при всей огромной важности опубликованных Пиксановым материалов они все же недостаточно характеризуют жизнь Хмелиты. Работа над биографией поэта и цели музейные — создание историко-культурной экспозиции в бывшей усадьбе Грибоедовых — требуют более широких и конкретных знаний.

В настоящей статье делается попытка уточнить некоторые стороны жизни в Хмелите при последнем Грибоедове — Алексее Федоровиче, дяде поэта, потому что именно при нем, в 1790—1800-е гг., будущий автор бессмертной комедии был частым гостем в усадьбе. Опираясь на воспоминания Лыкошиных, мы привлекаем к работе материалы других документов: рукописной «Летописи о селе Хмелита», составленной местным священником в 1883 г. (Н. К. Пиксанов опубликовал из нее большой отрывок в своей статье), «Дела о взыскании с него (А. Ф. Грибоедова) кредиторами денег», писем хозяина Хмелиты Н. А. Миленбергу в 1799 г., воспоминаний сына последнего владельца усадьбы Н. В. Волкова-Муромцева и др.

Сведения о самой усадьбе Хмелита, извлекаемые из названных документов, складываются в довольно связную картину и позволяют уточнить многое в ее устройстве, и в жизни ее обитателей. Поэтому мы начнем с истории усадьбы и попробуем восстановить, чем она характерна во времена А. Ф. Грибоедова.

В. И. Лыкошин называл Хмелиту «любимым родственным домом», говорил о ней как о «великолепной каменной усадьбе в Вяземском уезде» — ничего о прошлом и ничего собственно об устройстве усадьбы мы больше не знаем из этих воспоминаний. Поэтому приходится по крупицам извлекать сведения отовсюду.

Первое письменное упоминание о Хмелите встречается в челобитной «Сеньки Федорова сына Грибоедова» митрополиту Сарайскому и Подольскому в 1683 г. о разрешении построить в селе новую церковь. [2]

«Летопись о селе Хмелита» традиционно начинается с описания местоположения и истории деревни: «Село Хмелита от губернского города Смоленска состоит в 150 верстах к востоку, от уездного города Вязьмы в 35 верстах и в 3-х верстах от восточной границы Белевского уезда. Расположено оно на возвышенности, принадлежащей к отрогам Валдайских гор, при малозначущем ручейке Скоробовке и отличается довольно краси-

---

В. И. Лыкошина, какая-то часть их текста хранилась в Хмелите: Рыбникова читала его у В. П. Волковой, последней владелицы усадьбы (ИРЛИ, кол. Пиксанова, п. 5).

[2] *Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархия. М., 1902. С. 38.

вым местоположением. Свое название оно получило, надо полагать, от речки Хмелитки, протекающей в версте от него с юго-западной стороны, а эта, в свою очередь, от росшего по берегам ее в прошлое время хмеля.

Когда и по каким обстоятельствам образовалось село Хмелита, как самостоятельное церковно-приходское село, в точности неизвестно, но в 1735 году Хмелита имела уже свое существование и до 1764 года числилась состоящею в Московской митрополии».[3]

В «Экономических примечаниях» к Плану генерального межевания Вяземского уезда Смоленской губернии Хмелита названа в числе владений «лейб-гвардии капитан-поручика Федора Алексеевича сына Грибоедова» (деда поэта) и здесь находим первое ее описание: «...дом господский каменный о двух этажах с четырьмя флигелями», рядом с домом упоминается регулярный парк «с глухими и открытыми аллеями», в нем «два копаных пруда с саженой рыбою», а также «хорошие цветники с каменными статуями».[4]

В печати информация о Хмелите впервые появилась в 1868 г. В справочнике «Вся Россия» сообщалось: «Хмелита, село владельческое при ручье Хмелитке. Расстояние от Вязьмы — 37 верст, от станового пристава — 25 верст, число дворов — 20, число жителей: мужчин — 89, женщин — 108, церквей православных — 2, сельское училище». Это сведения за 1859 г.

«Летопись» вносит уточнения в это описание: сельское училище существовало в Хмелите в 1849—1861 гг., и каждую зиму в нем обучалось до 40—50 учеников, но после освобождения крестьян помещица (Хмелитой тогда владела Е. А. Паскевич, дочь А. Ф. Грибоедова) отказалась содержать училище, и оно прекратило свое существование.

Попутно стоит привести из «Летописи» сведения о владельцах усадьбы в XIX в., это тоже поможет кое-что уточнить. «По смерти последнего Грибоедова (Алексея Федоровича) в 1833 году оно (имение) наследственно перешло к дочери его, княгине Варшавской, от которой наследовал в 1859 году сын ее кн. Федор Иванович Варшавский граф Паскевич Эриванский. Князем Хмелита была передана по дарственной записи в 1860 году родным его сестрам княгиням Волконской и Лобановой-Ростовской, которые в сентябре 1869 года продали Хмелиту со всеми принадлежащими ей землями сычевскому I гильдии купцу Сипягину, а этот продал немцу Ланге».[5] В 1894 г. Хмелиту купил граф Гейден в качестве свадебного подарка дочери Варваре Петровне, выходившей замуж за Владимира Александровича Волкова-Муромцева. Это были последние владель-

---

[3] Летопись о селе Хмелита // ИРЛИ, кол. Н. К. Пиксанова (сноски даются без указания страниц, потому что нумерация их беспорядочна).

[4] Экономические примечания к Вяземскому уезду Смоленской губернии // ЦГАДА, ф. 1355, ед. хр. 1454, л. 306—306 об.

[5] Список населенных мест. Смоленская губерния. СПб., 1868. 40. С. 116.

цы Хмелиты. Из этого списка следует, что при Алексее Федоровиче сельского училища не было, его завела Елизавета Алексеевна, она же способствовала его закрытию.

«Летопись» позволяет уточнить еще одну, так сказать, ландшафтную особенность села: на рубеже XVIII и XIX столетий в нем было не два, а три храма.

Каменная Казанская трехпрестольная церковь при усадьбе (единственная сохранившаяся до наших дней) и двухъярусная колокольня при ней построена в 1759 г. Федором Алексеевичем Грибоедовым, по-видимому, на том же месте, где стояла прежняя Казанская церковь, сведений о которой не сохранилось. Косвенно об этом свидетельствует описание даров: «Серебряный, вызолоченный без рукоятки крест <...>, пожертвованный, как видно из надписи на нем, в 1715 году прокурором Иваном Игнатьевым Аргамонтовым».[6] Таким образом, пожертвования из старого храма перешли в новый.

О том, что Казанский храм был не только центром прихода, объединявшим до 1795 г. 32 селения, а позднее 23, но и домовой церковью Грибоедовых, свидетельствуют и пожертвования членов всего семейства (кроме уже упоминавшегося дара И. И. Аргамакова «Летопись» называет дар и вклад на имя храма на 1000 рублей коллежской прокурорши Анны Алексеевны Волынской, сестры Алексея Федоровича и тетки А. С. Грибоедова,[7] многие предметы церковной утвари также названы дарами Грибоедовых храму), и то обстоятельство, что в нем в приделе Иоанна Крестителя находились могилы владельцев усадьбы: Федора Алексеевича, Алексея Федоровича и сына Паскевичей — отрока Михаила.

Среди икон этого храма некоторые почитались за чудотворные: икона Казанской божьей матери (сохранилась от прежней церкви), лик ее «изображен крупными чертами на холсте, наклеенном на дерево, икона Смоленской Божией матери „письма древнего“ до 1833 года находилась в доме помещиков Грибоедовых, но в этом году, когда умер последний потомок фамилии Грибоедовых, она была перенесена в храм»;[8] икона Божией матери «взыскания погибших», «кроме древности письма, замечательна еще тем, что младенец Иисус... представлен в обнаженном виде»; икона святителя Николая, «чтимая наро-

---

[6] Так фамилия написана в «Летописи...». Надо читать: Аргамаков. Это отец родной бабки А. С. Грибоедова, жены Федора Алексеевича.

[7] *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 166.

[8] Дата смерти Алексея Федоровича Грибоедова, названная в «Летописи», противоречит данным «Русской родословной книги» (см.: Т. 1. С. 166), но она представляется более точной, поскольку автор «Летописи» имел перед глазами не только надгробную плиту в церкви, но и пользовался метрическими книгами Казанской церкви, в архиве которой «до конца XIX века хранились копии метрических книг с 1735 года в отрывках до 1779 года, а с этого времени до настоящего (т. е. 1883 г. — времени составления «Летописи») безотрывочно».

дом за чудотворную, и в прежние года, как рассказывают, было к ней большое стечение богомольцев, но почему такое прекратилось, неизвестно».

«На расстоянии одной четверти версты от Казанского храма... за ручейком Скоробовкою» построен был в 1794 г. Алексеем Федоровичем Грибоедовым второй при Хмелите храм — однопрестольный, в честь преподобного Алексея, человека Божия. Это было круглое каменное строение, окруженное колоннадой, рядом с храмом двухъярусная колокольня и приходское кладбище внутри ограды. Церковь была приписная, кладбищенская, она не имела собственной утвари, а службы проходили в ней в дни престольных праздников и по необходимости. Здание церкви разрушено уже в XX столетии.

История не сохранила имен строителей хмелитских храмов. Но по поводу Алексеевской церкви напрашивается одно предположение. «Летопись» сообщает, что в 1795 г. в соседнем с Хмелитой Григорьевском помещик И. Б. Лыкошин (отец авторов воспоминаний) выстроил новый храм, полуразвалившаяся колокольня которого еще существует. А из воспоминаний А. И. Лыкошиной-Колечицкой известно, что в доме ее родителей около двадцати лет прожил архитектор Матвей Матвеевич Тархов, который учил всех детей рисованию, играл с отцом в пикет по вечерам и «был строителем многих соседних храмов». [9]

Строительство обеих церквей — в Григорьевском и Хмелите (расстояние между ними около шести верст) — велось одновременно, и, возможно, лыкошинский архитектор присматривал за работами на двух стройках сразу. При близком родстве и тесном общении Грибоедовых и Лыкошиных, как это следует из воспоминаний, такая ситуация была вполне возможной. А сам архитектор М. М. Тархов в таком случае может быть назван в числе людей, которых маленький А. С. Грибоедов знал в детские свои годы.

И наконец, третий хмелитский храм. Он был тоже кладбищенский: деревянная на каменном фундаменте церковь, обшитая тесом, без колокольни, с одним престолом в честь Успения Богородицы. Когда он был построен, как сообщает «Летопись», «...достоверно не известно (но намного раньше Алексеевской церкви. — *Н. Т.),* а существовал до 1836 г., в каковом <...> был разобран, а существовавшее при нем кладбище закрыто еще гораздо прежде, видимо, с постройкой Алексеевской церкви было открыто и новое приходское кладбище в селе». Где находилось старое кладбище и была Успенская церковь, установить не удалось.

Но важно отметить, что во времена, когда поэт гостил в Хмелите, т. е. на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий, она украшалась тремя церковными зданиями, которые

---

[9] *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. С. 71.

вместе со строениями усадьбы придавали ей величественный и живописный вид.

«Летопись» и воспоминания Волкова-Муромцева рассказывают о двух традиционных хмелитских храмовых праздниках: 23 апреля в Георгиевский день после торжественной службы благословляли весь деревенский скот, господский и крестьянский, а 9 мая был праздник Николы Вешнего, к нему всегда приурочивалась ярмарка, на которую съезжались в Хмелиту ремесленники со всех окружающих деревень со своими изделиями.

К сожалению, «Летопись» ничего не рассказывает о самой усадьбе, доме, приусадебных строениях, за этой информацией приходится обращаться к другим источникам. В статье М. И. Семевского, напечатанной в 1856 г., об усадьбе говорится только, что она находилась в очень запущенном состоянии.[10] Описания дома и усадьбы находим в воспоминаниях сына последнего ее владельца Н. В. Волкова-Муромцева. Он описывает Хмелиту такой, какой застали ее его родители, приехавшие сюда в 1894 г. «Дом был в ужасном состоянии, никто не жил в нем уже много лет. Все было запущено, северный флигель снесен, верхний этаж южного разрушен. В зале на полу сушилось зерно, из скважин паркета росла рожь. Но дом был очень красивый, ампир, с четырьмя колоссальными колоннами,[11] старинный парк, великолепный скотный и хлебный дворы и масса других построек. Кроме этого, было 5000 десятин полей и леса, два озера, пруд».[12]

Дом, как и сейчас, был соединен с южным флигелем галереей, и после того как восстановили второй этаж флигеля, в нем было «с восемью детскими и картинной галереей — пятьдесят три комнаты».[13] Это не точно соответствует тому, что было при Алексее Федоровиче. При последнем Грибоедове во

---

[10] *Семевский М. И.* Несколько слов о фамилии Грибоедовых // Москвитянин. 1856. № 12.

[11] Усилиями реставраторов хмелитский дом восстановлен сегодня в своем первоначальном виде, каким знал его А. С. Грибоедов. Дом был перестроен, по-видимому, после смерти А. С. Грибоедова Паскевичами (то обстоятельство, что в Казанской церкви похоронен их малолетний сын, свидетельствует, что какое-то время они в Хмелите жили), тогда ему и был придан ампирный вид. И эта перестройка долго вводила в заблуждение многих, не только последних владельцев усадьбы.

Исследователь архитектуры Смоленского края И. Белогорцев в статье «Архитектурные сокровища Смоленщины» (Смоленский альманах, 1950 кн. 7) определяет хмелитский дом как строение ампирное: он считает, что победно-триумфальный стиль главного дома придает всей усадьбе «парадно-торжественный образ».

На разнице о стилях усадебных строений он основывает целую концепцию. Он считает, что главный дом построен позже всех других более мелких зданий, явно барочного характера, и связывает его строительство с непосредственным участием драматурга в 1820 г.

[12] *Волков-Муромцев Н. В.* Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902—1920) Париж, 1983. С. 13.

[13] Там же. С. 13.

втором этаже южного флигеля был театр, а галерея при нем была одноэтажной, что установили реставраторы и учли при реконструкции дома. В грибоедовские времена комнат в доме было на 10—12 меньше.

В мемуарах Волкова-Муромцева годом постройки главного дома был назван — 1753. Источник этой даты неизвестен, правда, в доме хранились старинные бумаги, в том числе, возможно, и грибоедовские, ведь читал же Семевский здесь в 1856 г. грамоты царя Михаила Федоровича 1614 г.[14] На сегодня дата Волкова единственная, других свидетельств о времени постройки дома нет, и очень важно, что она не противоречит выводам реставраторов, которые основывали свои датировки на косвенных данных.

Описание Волковым Хмелиты начала XX в. все же помогает восстановить некоторые сведения о ней. В имении был огромный сад — 11 десятин, в нем много фруктовых деревьев, в том числе яблонь разных сортов. Выращивали ягоду — малину, ежевику, красную, черную, белую смородину, садовую землянику и клубнику. В парке и вокруг дома была масса сирени: лиловой, темно-лиловой, белой и розовой, кроме того, большие кусты жасмина и садовой калины.[15]

В другом описании находим сведения о конюшне: «В Хмелите от ворот до подъезда и дальше к конюшне, земля была покрыта песком».[16] Следовательно, конюшня находилась в глубине двора, к северу от дома, возможно, на месте уже упоминавшегося «северного флигеля», которого, как станет ясно из дальнейшего, не было уже в начале девятнадцатого века. По сведениям «Экономических примечаний...», в XVIII в. в имении был конный завод с манежем при усадьбе, но Волков про манеж ничего не говорит, видимо, при нем его уже не было.

Самой ценной частью воспоминаний Волкова о Хмелите является изложение рассказов столетнего крестьянина Прокопа, бывшего крепостного А. Ф. Грибоедова (он родился в 1799, а умер в 1911 г.). О Хмелите времен Алексея Федоровича старик вспоминал с восторгом, и его рассказы подтверждают мнение Лыкошиных о «великолепной» усадьбе. Волковская Хмелита, по словам Прокопа, не могла сравниться с прежней: «Это был дворец, мы всей округой правили». Старик радовался, что Хмелита вновь ожила в конце XIX в., но до прошлого ей было далеко: «Ну, такого, как раньше, никогда не будет, тогда мы хо-

---

[14] *Семевский М. И.*, говоря о «Справке о селе Хмелита...», составленной В. К. Гречишниковым, вывозившим в 1919 г. ценности и архив из усадьбы, указывает на имеющиеся в ней сведения о том, что в Хмелитском архиве, наряду с бумагами Гейденов и Волковых, хранились и документы еще крепостного времени, в том числе и относящиеся ко времени пребывания в Хмелите А. С. Грибоедова (ИРЛИ, кол. Н. К. Пиксанова. П. 5).

[15] *Волков-Муромцев Н. В.* Юность. С. 50.

[16] Там же. С. 20.

дили, как павы, никто с нами не равнялся: ни Нарышкины в Богородицком, ни Волконские в Сковородкине».[17]

Помимо общего впечатления воспоминания Прокопа содержат много конкретных деталей, позволяющих узнать нечто совсем новое о грибоедовской Хмелите. Вот что рассказывал старик о том, какой она была на его памяти: «У дома было два флигеля и два подъезда — со стороны двора и парка; со стороны парка серповидный пандус вел прямо к зале (к концу века остался только фундамент от этой постройки), во время балов кареты подъезжали через парк, дорога шла через один из прудов, там был мраморный мостик».[18]

Во время пребывания в Хмелите А. С. Грибоедова там был театр. Старик утверждал определенно: «В верхнем этаже южного флигеля был театр»,[19] в нем играли актеры из крепостных и пел цыганский хор. Прокоп рассказывал, что жили актеры и певцы в длинном здании, тянувшемся вдоль южной ограды парка, от которого к концу века остались два строения — контора и почта. При Волковых никто не верил, что могло быть такое длинное здание, но когда рыли ямы под силос, обнаружили фундамент. Сейчас там здания гостиницы и молочного завода.

Когда Хмелиту продали, цыгане были выселены в деревню Гридино, в верстах семи от нее.[20] Волков, комментируя слова Прокопа, утверждает, что в его время Гридино была цыганской деревней.

«Летопись о селе Хмелита» тоже содержит сведения о живших в усадьбе цыганах: автор ее указывает на колебания в годичных списках прихожан и объясняет их тем, что «владельцы Хмелиты имели крепостных не только оседлых крестьян, но и не оседлых дворовых и цыган. Дворовых, цыган было более 300 душ мужского пола. Они <...> бродили из одного поместья владельца в другое и наоборот».

Свидетельство о существовании в Хмелите театра чрезвычайно важно: будущий драматург, бывая здесь с самых ранних лет, с раннего же возраста приобщался к театру. Хмелитский театр был, скорее всего, первым в жизни поэта, а знакомство с разными сторонами театрального искусства, несомненно, помогло тому, что молодой Грибоедов почти сразу по приезде в Петербург после кампании 1812 г. начал профессионально писать для театра.

Отсюда и стойкая легенда о том, что прототипами героев «Горя от ума» послужили хозяева хмелитской усадьбы. (Волков, называя А. Ф. Грибоедова «Фамусовым», его дочь, имя которой он путает, — «Софьей», а Паскевича — «Скалозубом», опирается, скорее всего, на местное предание).

---

[17] Там же. С. 15.
[18] Там же. С. 14.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 15.

Касаясь хозяйственной жизни Хмелиты, Прокоп рассказывал, что в усадьбе были разные мастерские: «и мебель, и все, что нужно было, в них делали. Мой дед был столяром».[21] В «Экономических примечаниях...», где среди мастеровых названы «кузнецы, слесари, столяры, ткачи, каменщики, ружейники, живописцы (возможно, их руками были расписаны по холсту стены хмелитского дома) и даже архитекторы».[22] И «Летопись» подтверждает, что хмелитские крестьяне всегда владели ремеслами: во второй половине девятнадцатого века они занимались извозом, гончарным промыслом, делали деревянную посуду.

Лучших из мастеровых хозяева отпускали на оброк. Так, из письма А. Ф. Грибоедова Миленбергу в Петербург от 19 ноября 1799 г. мы узнаем, что в Петербурге в то время жили и платили барину оброк по двадцать пять рублей в год два каретника, кузнец и портной.[23] Жили оброчные мастеровые из Хмелиты и в Москве, а возможно, и в других городах.

Все эти отрывочные и разрозненные свидетельства разных лиц и документов несколько конкретизируют картину жизни в Хмелите при Алексее Федоровиче Грибоедове. Понятие «великолепной» Хмелиты наполняется реальным смыслом, а отдельные детали складываются в картину, конечно, далеко не полную, но все же дающую некоторое представление о ней.

Родовая вотчина смоленской ветви рода Грибоедовых, унаследованная последним Грибоедовым в 1788 г., была (или, по крайней мере, продолжала казаться окружающим) прекрасным имением с хорошо развитым хозяйством — фруктовый сад, скотные дворы (Волков отмечает, что его родители продолжали использовать грибоедовские скотные дворы, поместительные и удобные), конный завод и манеж, рыбное хозяйство в прудах, мастерские разного рода (а мы еще ничего не знаем о полевых работах и угодьях в имении на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий) свидетельствуют об этом.

«Барские затеи», быть может, возникшие еще при деде — Федоре Алексеевиче, — продолжались и при дяде поэта: два парка, ожерелье искусственных прудов, мраморные статуи и мосты, цветники, театр, многолюдные съезды на балы и праздники, прогулки в окрестные имения, всякого рода увеселения — все это было жизнью юного Грибоедова в имении.

Круг обитателей и гостей Хмелиты при Алексее Федоровиче Грибоедове очерчен довольно подробно в воспоминаниях Лыкошина: «Но самый любимый родственный дом был Хмелита<...> это была великолепная каменная усадьба в Вяземском уезде, верстах в тридцати от Казулина: но у отца была усадь-

---

[21] Там же.

[22] ЦГАДА, ф. 1355, ед. хр. 1454, л. 306—306 об.

[23] Письмо А. Ф. Грибоедова Н. А. Миленбергу от 19 нояб. 1799 г. — Архив ЛОИИ АН СССР, кол. 238, оп. 2, ед. хр. 271 а/269 л. 7.

ба — Никольское, близ Хмелиты, и когда летом семейство Грибоедовых приезжало в Хмелиту, — и мы переезжали в Никольское, где помещались в старом флигеле и амбарах, то после обеда в прогулках наших сходились мы с молодежью Грибоедовых, а по воскресеньям целый день проводили в Хмелите. Алексей Федорович был беспечный весельчак... У него была от первого брака, с кн. Одоевской, дочь Елизавета Алексеевна, вышедшая впоследствии за кн. Варшавского, вторая жена его, рожденная Нарышкина, никогда не приезжала в Хмелиту. Для воспитания дочери был учитель l'abbé Baudet, арфист англичанин Адамс и рисовальный учитель немец Майер, чудак оригинальный.

Сестра Алексея Федоровича — Анастасия Федоровна, тоже по мужу Грибоедова, — мать поэта и дочери, известной в Москве своим музыкальным талантом, — с детьми и их учителем Петрозилиусом с женою, — также проводила лето в Хмелите <...> Кроме того, приезжали гостить и другие сестры Грибоедова, и племянницы его Полуэктовы,[24] веселая компания, любившая поврать — как они сами о себе выражались, и придумывающие разные шутки над приезжающими соседками и живущими в доме иностранцами, которых вместе с нашими собиралась порядочная колония разноплеменных субъектов. Веселое это было время нашей юности».[25]

А. И. Колечицкая делает дополнения к воспоминаниям брата: «В Хмелите, прекрасном имении, мы всегда находили многочисленное общество; мы совершали прогулки, устраивали parties de plaisir — барышни Грибоедовы были превосходными музыкантшами» — и называет среди гостей Хмелиты еще двух сестер Алексея Федоровича — Александру Федоровну Тинькову и Елизавету Федоровну Акинфиеву, а также свою гувернантку мадемуазель Гез, сестру Петрозилиуса.[26]

Сегодня мы можем дополнить эти сведения из других источников.

Загадочной представляется фраза о том, что вторая жена Грибоедова никогда в Хмелиту не приезжала. Между тем из «Летописи» мы узнаем, что среди церковной утвари Казанского храма был сосуд, надпись на котором сообщала, что он подарен Грибоедовым «в память рождения Семиона Алексеевича Грибоедова в 1799 году марта 28 дня...». Первая жена А. Ф. Грибоедова Александра Сергеевна (урожденная кн. Одоевская) умерла в 1791 г.[27] Когда дядя поэта женился во второй раз, неизвестно, но сосуд подарен «Грибоедовым» — видимо, супругам. И можно предположить, что в Хмелите родился двою-

---

[24] Имеются в виду Полуэктовы — Варвара, Вера и Екатерина. Как установил Г. Шторм, они были не племянницы, а кузины А. Ф. Грибоедова. // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 348.

[25] *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. С. 60—61.

[26] Там же. С. 61, 67.

[27] Русская родословная книга. С. 166.

родный брат Грибоедова, умерший, наверное, младенцем, поскольку больше никаких свидетельств о нем не встречается.

Колечицкая называет двух сестер Алексея Федоровича, гостивших в Хмелите; была еще сестра — Анна Федоровна, которую Семевский называет замужем за Разумовским, но ни один из шести братьев Разумовских не был на ней женат. Есть еще сведения, что одна из сестер Грибоедовых в 1776 г. вышла замуж за гвардии-поручика А. Ф. Хомякова (деда А. С. Хомякова) и принесла ему в приданое имение «Липицы» (прежнее грибоедовское название «Стенино»).[28] В таком случае семейство Хомяковых и обитатели их усадьбы тоже должны быть введены в круг общения юного Грибоедова.

Дядю писателя, хозяина Хмелиты, В. И. Лыкошин называет «беспечным весельчаком, разорившимся в Москве на великолепные балы», который «и в деревне жил на широкую ногу, без расчета, хотя и не давал праздников».[29] Но таким Алексей Федорович был не для всех. Старик Прокоп, для которого Хмелита времен Алексея Федоровича осталась самым прекрасным воспоминанием, видел своего барина совсем иначе, нежели сосед-помещик: «Строгий был барин, но справедливый, кого нужно было наказать, он наказывал, но кто хороший был, он тех вознаграждал и те любили его».[30] Если к этому добавить приводившийся Пиксановым в его статье отрывок из «Летописи» о суровом управлении жизнью крестьян: — они были лишены почти всех прав и для них было что ни шаг, то воля владельца, — то дядя Грибоедова оказывается не таким уж беспечным добряком.

Письма его к Н. А. Миленбергу, управляющему домом И. И. Барышникова в Петербурге, осенью 1799 г. из Хмелиты полны забот об улаживании дел с кредиторами, о выкупе векселей, продаже закладной квитанции. Они рисуют человека достаточно жесткого, в делах предприимчивого и даже авантюрного, прижимистого, когда нужно снабдить деньгами отправляемого в Петербург человека, настойчивого в требовании «оброчных» денег с отпущенных в город крепостных.[31] Эти письма отражают еще мало заметный постороннему взгляду процесс разлада в хозяйстве Алексея Федоровича, который через несколько лет привел к довольно хлопотному и трудному периоду в его жизни.

«Дело о взыскании с него кредиторами денег» рисует довольно неприглядную картину существования Алексея Федоровича и его семьи в 1814—1815 гг. Долги мучают его постоянно. В деле упоминаются семь кредиторов, которые обратились

---

[28] *Пастухова З. И.* По Смоленщине. М., 1985. С. 132.

[29] Там же.

[30] *Волков-Муромцев Н. В.* Юность. С. 14.

[31] Семь писем А. Ф. Грибоедова к Н. А. Миленбергу из Хмелиты осенью 1799 г. (обнаружены В. Э. Вацуро) — Архив ЛОИИ АН СССР, колл. 238. оп. 2, ед. хр. 271а/269.

к властям, чтобы получить деньги, одолженные Грибоедову в 1810, 1811, 1812 и в последующие годы. Это удается не сразу: должник скрывается от уплаты, о его местопребывании власти вынуждены наводить справки, с него берут подписку о невыезде из Москвы до уплаты долга и только так, принудительно расплатившись, он на время уезжает в Петербург.[32]

Денежные затруднения, переживаемые А. Ф. Грибоедовым в эти годы, отчасти можно объяснить военной кампанией 1812—1814 гг., но Хмелита, в отличие от множества других смоленских поместий, от нашествия французов не пострадала. Об этом есть два свидетельства. Первое — старика Прокопа, уверявшего Волкова, что в Хмелите в 1812 г. останавливался «сам Наполеон», и описывающего его в подробностях: «Он был высокий, с черными кудрявыми волосами и баками, и одет был в гусарский мундир».[33] По словам Волкова, это единственная ошибка Прокопа во всех его рассказах, когда он Мюрата принял за Наполеона (отец мемуариста проверил все факты впоследствии). Наполеон не мог оказаться в Хмелите, он шел по Смоленской дороге и останавливался в Вязьме. А Мюрат с кавалеристским корпусом шел через Белый по Бельскому большаку, Днепр перешел в Каменце и, видимо, свернул в Хмелиту на ночлег.

Тринадцатилетний Прокоп все замечал и помнил, показывал Волкову, где были коновязи гусарских полков, где стояли уланы, причем это были не французы, а поляки. И было их очень много — несколько тысяч. «А офицеры все в дом набились, и Наполеон <Мюрат>. А наутро они все выступили <...> на Гжатск».[34]

Про отступление французов Прокоп рассказывал другую историю: «Появился отряд французской пехоты. В Хмелите в это время стояли партизаны Бегичева». Это был конный отряд. «Все в синем одеты и кивер черный, их Бегичев так одел, пики у них, да шашки и пистоли. Наскочил Бегичев на французов под Барсуками (деревня в двух километрах от Хмелиты) и перебил почти всех, а пленных и раненых в Хмелиту привезли. Вон Мишки Жамова дед был один из раненых, так и остался в Хмелите, супротив маленькой церкви (Успенская?) жил. А потом, когда барин вернулся, в дом взяли камердинером».[35]

В селе помнили об этом событии и уверяли, по словам Волкова, что курганы в Спасском лесу неподалеку от Хмелиты — это могилы тех, погибших французов. Но Прокоп это отрицал, уверял, что курганы стояли и раньше, «когда я еще за юбку матушки моей держался».[36]

---

[32] Дело о взыскании с него <А. Ф. Грибоедова> кредиторами денег. Архив ИРЛИ, 10040/1.
[33] *Волков-Муромцев Н. В.* Юность. С. 15.
[34] Там же. С. 15.
[35] Там же. С. 16.
[36] Там же. С. 15.

В рассказе о разгроме французов невероятным кажется только одно утверждение — о партизанском отряде Бегичева, такой факт не известен в биографии ни одного из братьев Бегичевых, Степана и Дмитрия. Может быть, был еще какой-нибудь Бегичев?

«Летопись» повествует об этих же событиях менее подробно, без конкретных деталей, имен и лиц, чувствуется, что в основе ее — предания, и записан рассказ не очевидцем: «Однажды довольно значительный конный неприятельский отряд имел в Хмелите привал для отдыха <...> лишь только неприятель расположился отдохнуть <...>, как вдруг ударили в отряде тревогу, и все сейчас же на лошадей и марш по направлению к Москве. Вслед за ними помчался через Хмелиту отряд казаков для преследования. И благодаря этому неприятель не успел причинить жителям и их строениям никакого вреда».

Но вернемся, однако, к Хмелите времен довоенных, когда юный Грибоедов гостил там каждое лето. По воспоминаниям Лыкошиных, в Хмелите была «порядочная колония разноплеменных субъектов». В нее входили, кроме хозяина дома, его семьи, учителей дочери, Анастасия Федоровна Грибоедова с сыном и дочерью, сестры хозяина А. Ф. Тинькова и Е. Ф. Акинфиева, тоже, наверное, с детьми, кузины их Полуэктовы, семья четвертой сестры Грибоедовой — Анны Федоровны, Лыкошины, кроме того, при детях гувернеры, учителя (среди них стоит назвать лыкошинского архитектора М. М. Тархова), соседи, имена которых не названы.

К этому перечню лиц «Летопись» дает довольно большое дополнение — имена хмелитских священников и других членов церковного причта, служивших в конце XVIII и начале XIX столетия. Это священники: Алексей Захарович Соколов (служил в 1777—1806 гг.), Афанасий Егорович Афонский, зять Соколова (он поступил в Хмелиту из Григорьевского, деревни Лыкошиных, в 1806 г. и был священником Казанской церкви до 1841 г.; «Летопись» о нем сообщает: «Он прихожанами был любим за простоту характера и ласковое обхождение с ними»), Никита Авраамиевич Вишневский (1788—1817 гг.), дьяконы Семион Исакиев (1786—1810), Яков Степанов (1792—1811), Федор Ефимов (1795—1800), Захарий Соколов (1802—1820) и пономари Лаврентий Алексеевич Барсов (1781—1830) и Илларион Назариев (1784—1813).

Мы привели все эти имена, потому что, как правило, в усадьбах существовали довольно близкие отношения между помещиками и священниками и другими членами причта, тем более что «оба комплекта хмелитских священников и дьяконов были приписаны к домовой — Казанской церкви». Так что А. С. Грибоедов, бывая в Хмелите, не мог не встречаться и не общаться с этими людьми.

Об А. С. Грибоедове в Хмелите почти нет никаких конкретных воспоминаний. Тем ценнее записанный Волковым короткий

рассказ о нем старого Прокопа: «Часто к нам приезжал, чудак он был, все над всеми подтрунивал, говорили, писал он что-то, но он своих сестер сильно изводил».[37] Скорее всего, эта характеристика — сплав личных впечатлений, воспоминаний и легенд об авторе «Горя от ума». Но важно, что она не противоречит воспоминаниям В. И. Лыкошина, близко знавшего Грибоедова в детские и юношеские годы: «В ребячестве он нисколько не показывал наклонности к авторству и учился посредственно, но и тогда отличался юмористическим складом ума и какою-то неопределенною сосредоточенностью характера».[38]

Крестьянину, точнее — крестьянскому мальчику, не случайно Грибоедов казался «чудаком» среди других обитателей усадьбы, очевидно, он чем-то сильно от них отличался уже в юные годы. Фраза Прокопа — «говорили, писал он что-то» — если она основана не на легендах вокруг Грибоедова, а на личных воспоминаниях, может служить поводом еще для одного предположения: о вероятном приезде писателя в Хмелиту уже в пору некоторой известности, а она началась для него с 1815 г., когда создавались и уже ставились в театре пьесы драматурга.

Подробности жизни Хмелиты, ее обитателей и гостей (на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий), извлеченные из разного рода документов, складываются в картину весьма приблизительную. Если характеризующие усадьбу знания оказываются более конкретными и более полными, то поиски материалов о жизни хозяев и гостей усадьбы, А. С. Грибоедова прежде всего, должны быть продолжены.

С. В. Свердлина

В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В работах о Грибоедове мы не обнаружили единых и, следовательно, точных сведений о том, где, когда и даже кем он служил в 1812—1814-х гг., в период войны Наполеона Бонапарта с Россией.

Данные, которыми оперируют исследователи и биографы, восходят, как правило, к книге историка Иркутского полка Евгения Альбовского[1] и биографическому очерку Н. К. Пиксанова.[2] Чтобы конкретизировать и уточнить некоторые сведения, мы обратились к архивным документам. Начнем с понятия «кавалерийские резервы», в которых служил корнет Грибоедов под командованием генерала-от-кавалерии А. С. Кологривова.

---

[37] Там же. С. 14.

[38] *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. С. 66.

[1] *Альбовский Е.* История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902.

[2] *Пиксанов Н.* А. С. Грибоедов. Биографический очерк//*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.

В период войны с Наполеоном, в феврале 1813 г., на западной границе России была создана резервная армия, т. е. армия запаса, в которой проходили переформирование и обучение все три главных по тому времени рода войск русской армии — пехота, кавалерия и артиллерия, для последующего участия в боевых операциях. Кавалерией в этой армии командовал генерал Кологривов.

Управляющий Военным министерством князь Горчаков 1-й в своем предписании Инспекторскому департаменту от 24 февраля 1813 г. по этому поводу разъяснял: «Для удобнейшего комплектования действующих за границею войск, соединения всех формируемых резервов и для поспешнейшего их образования с помощью выздоравливающих из гошпиталей и возвращающихся из командировок старых людей, по Именному Высочайшему Указу, последовавшему на имя Генерала от Инфантерии Князя Лобанова-Ростовского в 5 день сего февраля, учреждается под командою его на границе Империи резервная Армия. <...> В состав сей Армии входят все формируемые Резервы, как пехотные <...> так и кавалерийские, в ведении Генерала Кологривова состоящие и все находящиеся в границах Артиллерийские роты».[3]

Кавалерийские части резервной армии или, как их называли для краткости, кавалерийские резервы, состояли из двух корпусов. Одним из них командовал генерал-майор Бельский, другим — генерал-майор князь Горчаков—4-й. Корнет Грибоедов, как известно, служил в Иркутском гусарском полку. В корпусе Бельского гусарских частей не было. Три гусарских дивизии подчинялись князю Горчакову—4-му.[4] Следовательно, Грибоедов служил в корпусе Горчакова.[5]

Теперь обратимся к вопросу о сроках и характере службы Грибоедова в Иркутском гусарском полку. Нам известно, что военная служба будущего драматурга началась 26 июля 1812 г. в Московском гусарском полку, который дислоцировался в Казани. Но после смерти графа П. И. Салтыкова (17 декабря 1812 г.), формировавшего полк, Московский гусарский был придан Иркутскому гусарскому, бывшему драгунскому, и введен в состав кавалерийских резервов генерала Кологривова. Так Грибоедов стал корнетом не Московского, а Иркутского гусарского полка, офицером резервной армии. Из книги истории Иркутского гусарского мы узнаем, что этот полк ранее «сильно пострадал в боях» и потому простоял в «страшном захолу-

---

[3] ЦГВИА, ф. 46, оп. 2, д. 6, л. 2.

[4] ЦГВИА. Там же, л. 3 об.

[5] А. С. Кологривов командовал резервными кавалерийскими соединениями в целом, а не одним корпусом. Считаем необходимым обратить на это внимание, так как в одной из работ читаем, например, следующее: «Вслед за тем он, Грибоедов, получил новое назначение — адъютантом командира резервного кавалерийского корпуса, штаб которого находился в Брест-Литовске» (*Орлов В.* Грибоедов. М., 1954. С. 25).

стье» — местечке Греск Слуцкого уезда Минской губернии до апреля 1813 г. После этого «при общем передвижении резервов Кологривова был передвинут в г. Кобрин» (Гродненской губернии). Но только в мае 1813 г. стали прибывать в Иркутский полк люди из бывшего Московского гусарского: «Из Московского в Иркутский полк поступило всего 961 человек всех чинов, в числе их 20 обер и 3 штаб-офицера. Кроме нескольких юных корнетов, офицеры поступили из отставки, все они были из лучших дворянских фамилий (кн. Голицын, гр. Ефимовский, гр. Толстой и т. д.)».[6]

В рапортах о состоянии личного состава после 24 августа 1813 г. Грибоедов среди больных не значится. В приведенном выше рапорте от 1 ноября 1813 г., где имеются сводные данные о больных с указанием сроков болезни «от двух месяцев до года и более», мы уже встречаем его фамилию среди «командированных» «при генерале-от-кавалерии Кологривове». Из последующего текста нашей работы станет ясно, что к Кологривову Грибоедов был прикомандирован 21 июля 1813 г. и после этого проболел чуть более месяца, уже числясь, следовательно, не в полку, а при штабе.

С этого времени началось знакомство Грибоедова с С. Н. Бегичевым. В тогдашнем брест-литовском захолустье их сближение произошло быстро.[7] Лишенный возможности удовлетворять свои духовные запросы, томясь жизнью в полку, Грибоедов искал встреч с добродушным, сердечным, достаточно образованным и к тому же вольнолюбиво настроенным Степаном Бегичевым. Притяжение оказалось взаимным.[8]

Теперь обратимся к давно, казалось, решенному вопросу о том, кем служил Грибоедов при генерале Кологривове, т. е. какую должность он занимал в штабе командующего кавалерийскими резервами.

Все биографы, начиная от авторов школьных учебников до авторов научных комментариев и монографий, безоговорочно сходятся на том, что Грибоедов был адъютантом генерала Кологривова. Только историк иркутского полка Е. Альбовский высказывается на этот счет менее категорично. Грибоедов находился, писал он, «почти что в должности адъютанта».[9]

---

[6] *Альбовский Е.* История Иркутского полка. С. 216—217.

[7] О Бресте времен пребывания там Грибоедова современный краевед пишет: «В это время в Бресте насчитывалось около 500 домов и 4000 жителей. Среди горожан было 335 ремесленников, 9 купцов, 36 дворян и около 50 лиц духовного звания <...> Основными занятиями горожан являлись сельское хозяйство, мелкое ремесло и торговля. Будущий драматург и дипломат Александр Сергеевич Грибоедов часто бывал в окрестностях Бреста, полюбил березовые рощи, заливные луга, медлительный Буг». (*Науменко В. Я.* Брест. Историко-экономический очерк. Минск. 1970. С. 47).

[8] См.: Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 333—334. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Восп. С.).

[9] *Альбовский Е.* История Иркутского полка. С. 217.

Версия об адъютантской должности Грибоедова (без «почти что»), как это можно теперь судить по неопубликованным документам «Об увольнении от службы Иркутского гусарского полка корнета Грибоедова...», относящимся к декабрю 1815 — февралю 1816 гг., исходит от генерала Кологривова и самого Грибоедова. В этих документах, в прошении о награждении Грибоедова при выходе в отставку чином коллежского асессора генерал Кологривов называет Грибоедова своим адъютантом. Сам Грибоедов в прошении на имя Александра I о том же награждении сообщает, что он находится «в должности адъютанта при генерале-от-кавалерии Кологривове». То же повторяется в медицинском свидетельстве о состоянии здоровья Грибоедова при выходе его в отставку и в «формулярном списке о службе и достоинстве Иркутского гусарского полка корнета Грибоедова».[10] Наконец, в ранее опубликованном «Паспорте», выданном Грибоедову по оставлении им военной службы, также указано, что он «находился при генерале-от-кавалерии Кологривове в должности адъютанта».[11]

Между тем, как оказалось, у Е. Альбовского все-таки были основания на неопределенность в обозначении должности будущего драматурга в годы военной службы. Действительно, во всяком случае de jure, он не был ни адъютантом, ни почти адъютантом генерала Кологривова.

В предписании командующего кавалерийскими резервами от 21 июля 1813 г. читаем следующее: «Иркутского гусарского полка корнет Грибоедов назначается ко мне для производства письменных дел».[12] Копия того же приказа встретилась нам и в другом фонде.[13] В копии имеется характерная приписка: «подлинный подписал Кологривов. С подлинным верно: адъютант Бегичев».[14]

Итак, Грибоедов был назначен не адъютантом, а, говоря современным языком, личным секретарем генерала Кологривова.

В чем же здесь дело, т. е. почему при выходе Грибоедова в отставку, через три с половиной года после приказа о назначении, и генерал, и корнет, несомненно сговорившись, без всяких комментариев, в официальных документах утверждали, что Грибоедов был адъютантом. У Грибоедова даже прямо сказано: «...*назначен* (курсив мой. — *С. С.*) я был в должность адъютанта».[15] Как нам представляется, разгадку этого несоответствия в формулировках о назначении в должность необхо-

---

[10] ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 1414. По докладам. Копии. Московское отделение общего архива Главного Штаба, оп. 154, св. 136, д. 26, л. 2, 4, 7, 8—9.

[11] Русское обозрение. 1895. № 3. С. 385.

[12] ЦГВИА СССР, ф. 46, оп. 186, ед. хр. 3, св. 34, л. 84.

[13] Там же, ф. 9194, оп. 5/190в, ед. хр. 2, л. 82.

[14] Там же, л. 83.

[15] ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 1414, л. 5 об.

димо объяснить следующим образом. В деле «Об увольнении от службы Иркутского гусарского полка корнета Грибоедова...» речь идет, как мы уже упоминали выше, о *награждении* Грибоедова при выходе в отставку чином коллежского асессора, т. е. чиновника 8 класса. Без награждения, согласно существовавшей в то время табели о рангах, он должен был выйти в отставку как кандидат прав университета в чине 12 класса, а в следующий класс, согласно справке, приложенной к делу «Об увольнении...», чиновники переводились только «через три года».[16] Не нуждается, конечно, в пояснении, что с классом были связаны размеры жалованья в статской службе.

В деле «Об увольнении...» ходатайствующий за Грибоедова Кологривов и сам Грибоедов в своем прошении особо подчеркивают факт исполнения Грибоедовым патриотического долга. Когда родине угрожала опасность, Грибоедов оставил свои ученые занятия, не посчитался с готовностью «к испытанию для поступления в чин Доктора права»[17] и пошел, как мы бы теперь сказали, добровольцем в армию. Именно военная служба затормозила гражданскую карьеру Грибоедова, он «весьма много потерял против сверстников своих, оставшихся в ученом сословии <...> которые уже почти все получили сей чин», т. е. чин коллежского асессора.[18]

У Грибоедова читаем: «...как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего, и вскоре за тем последовало высочайшее вашего императорского величества воззвание к дворянству ополчиться для защиты отечества, я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу».[19]

Кологривов в своем ходатайстве, обозначая, кстати сказать, более широко круг обязанностей Грибоедова, пишет: Грибоедов, «находясь при мне в должности адъютанта, исполнял как сию должность, так и прочие делаемые ему поручения с особенным усердием, ревностию и деятельностию, за что и представлен от меня вместе с прочими чиновниками, оказавшими отличие при формировании Кавалерийских резервов, к всемилостивейшему награждению».[20] Подчеркивалось и то, что Грибоедов выходил в отставку по болезни. «...будучи одержим он несколько раз простудною нервическою горячкою, от которой последовал в ногах жестокий ревматизм», — свидетельствует «бывший старший медик кавалерийских корпусов резервной армии, надворный советник и кавалер Петров», — «и сверх того от падения с лошади в 1814 году разбитием груди чувствует в оной стеснение и боль».[21]

---

[16] Там же, л. 1 об.
[17] Там же, л. 5.
[18] Там же, л. 4 об.
[19] Там же, л. 5.
[20] Там же, л. 4—4 об.
[21] Там же, л. 7.

В этих-то обстоятельствах, т. е. когда возникла необходимость особо подчеркнуть патриотическое служение Грибоедова отечеству, и потребовалось заменить первоначальную формулировку назначения в должность — «для производства письменных дел», заключавшую в себе некоторый тыловой и даже, мы бы сказали, гражданский (статский) оттенок, гораздо более воинской, фронтовой и, следовательно более почетной должностью адъютанта. Отметим, что формулировка «для производства письменных дел» вызывает сомнение: полагалась ли вообще такая должность при штабе, в военной части. У Кологривова был правитель канцелярии — Д. Н. Бегичев.[22] Существовал и «управляющий экспедицией», т. е. делопроизводством. В исходящих из «главного дежурства генерала от кавалерии Кологривова» бумагах встречаем подпись: «Управляющий экспедицией корнет Гамбургер».[23] Не встретили мы и документов, писанных почерком, похожим на грибоедовский, т. е. он не исполнял писарских обязанностей в буквальном смысле этого слова.

Видимо, должность «для производства письменных дел» была придумана А. С. Кологривовым. Н. К. Пиксанов полагал, что в назначении Грибоедова в штаб Кологривова сыграли роль какие-то московские связи.[24] На наш взгляд, просителем мог быть скорее всего С. Н. Бегичев, который являлся не только адъютантом генерала, но и его близким родственником, родным племянником.[25] Именно Бегичев, таким образом, способствовал освобождению Грибоедова от службы в строю, которая того не удовлетворяла, и при помощи неопределенно сформулированной должности — «для производства письменных дел» — предоставил ему возможность обратиться к литературной работе. Службу Грибоедова при генерале Кологривове только и можно рассматривать как такую предоставленную возможность более или менее свободно располагать своим временем.

Не случайно Ф. В. Булгарин в своем «Воспоминании о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» писал, что в Брест-Литовске «для Грибоедова началась новая жизнь», и отводил в этой перемене первейшую роль С. Н. Бегичеву: «Пламенная душа Грибоедова требовала деятельности, ум — пищи, но ни место, ни обстоятельства не могли удовлетворить его желаниям. <...> В это время Грибоедов познакомился и подружился с Степаном Никитичем Бегичевым, бывшим тогда адъютантом при генерале Кологривове, и нашел в нем истинного друга и ментора». Бегичев, по мнению Булгарина, имел «первое право на дружбу Грибоедова», т. е. даже большее, чем он сам или А. А. Жандр. «Он узнал его прежде других, прежде постиг-

[22] *Китина А. Д.* Д. Н. Бегичев // Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — начала XX века. Воронеж, 1970. С. 75.

[23] ЦГВИА СССР, ф. 46, оп. 186, д. 4, св. 34, л. 37.

[24] *Пиксанов Н.* А. С. Грибоедов. Биографический очерк. С. XVIII.

[25] *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 5.

нул его и в юношеском пламени открыл нетленное сокровище, душу благородную. С. Н. Бегичев разбудил Грибоедова от очарованного сна и обратил к деятельности» (Восп. С. 334, 335).

Наконец, отметим, что в связи с официальной формулировкой должности Грибоедова — «для производства письменных дел» — возникает все-таки еще один вопрос, а именно — почему Грибоедов в действительности не был назначен на должность адъютанта. Конечно, быть может, просто потому, что у Кологривова не было адъютантской вакансии. У него уже был адъютант Бегичев. А может быть, только потому, что юридически определенная адъютантская должность обязывала к постоянному исполнению служебных функций, а неопределенно сформулированная — «для производства письменных дел» — давала возможность более или менее свободно распоряжаться своим временем, заниматься художественным творчеством.

В архивных документах мы не обнаружили никаких упоминаний относительно того, какие именно «исполнял... поручения» корнет Грибоедов, прикомандированный к генералу Кологривову «для производства письменных дел». Однако генерал Кологривов имел, конечно, и реальные основания называть Грибоедова своим адъютантом, а Грибоедов считать себя таковым. Не случайно и то, что более полутора столетий исследователи и биографы называли его адъютантом или «почти что» адъютантом Кологривова. Это, в первую очередь, означает, что Грибоедов действительно исполнял обязанности, близкие адъютантским, или такие же, какие исполняли адъютанты. Например, сопровождал генерала в разъездах по делам службы.

Сам Кологривов в рапорте командующему резервной армией князю Лобанову-Ростовскому от 6 апреля 1813 г. свои обязанности сформулировал так: «Его Императорское Величество высочайшим именным указом повелеть мне соизволил высылать к армии эскадроны по мере их готовности...»[26] Сформированные эскадроны из Брест-Литовска и его окрестностей направлялись колоннами в действующую армию. Отметим, что среди мест ночлега колонн названы города Минск, Новогрудок (родина А. Мицкевича), Гродно, Варшава. Так, командир 2-го ингерманского драгунского полка майор Даненберг следовал со своей колонной к действующей армии в Варшаву.[27]

Управляющий военным министерством князь Горчаков 1-й в своем предписании об организации резервной армии указывал: «Пространство для расположения сей Армии назначается между Гродно, Лиды, Минска, Игумна, Слуцка, Пинска, Ковеля, Люблина, Ветрова, Остроленки и Щучина».[28] Неслучайно воинские части, здесь расположенные, условно называли польской армией.

---

[26] ЦГВИА СССР, ф. 125, оп. 188, д. 13, св. 27, л. 2.
[27] Там же, л. 16.
[28] Там же, ф. 46, оп. 2, д. 6, л. 2.

Таким образом, служба Грибоедова проходила на территории бывшего герцогства Варшавского. В столице герцогства Варшавского были расквартированы некоторые части кавалерийских резервов. Там же находился госпиталь для русских солдат.[29] Частями, расположенными в Варшаве, командовал генерал-майор Ставицкий. Выходные бумаги свидетельствуют, что генерал Кологривов не только имел с ним постоянную письменную связь, но и выезжал в Варшаву лично. Так, обращаясь к генерал-майору Хитрову из Бреста-Литовского 18 октября 1813 г., Кологривов заметил, что долго не отвечал на рапорт Хитрова от 26 сентября 1813 г. «по случаю отъезда моего по делам службы из Бреста-Литовского в Варшаву».[30]

Приказы «по Резервной армии генваря 2 дня 1814 года № 1», от 28 января 1814 г. были подписаны генералом Кологривовым в г. Варшаве.[31] Бывал Кологривов по делам службы и в Слониме, и в Могилеве Белорусском,[32] но чаще всего оставался в Брест-Литовске. Скорее всего, Грибоедов сопровождал генерала в этих поездках. Косвенные свидетельства о пребывании Грибоедова в Варшаве в годы военной службы были известны и ранее.[33] Приведенные архивные данные усиливают и подтверждают эти свидетельства.

К местам следования кавалерийских эскадронов, сформированных в резервной армии, генерал Кологривов посылал из своего штаба курьеров с секретными сведениями о составе этих эскадронов, о числе людей и лошадей, о количестве выбывших за период марша. Так, в рапорте командующему резервной армией князю Лобанову-Ростовскому после отправки очередной колонны эскадронов Кологривов сообщал: «...подробное же донесение о их эскадронов следовании и числе людей и лошадей, в оных находящихся, равно о времени выступления, я буду иметь честь в непродолжительном времени Вашему сиятельству представить чрез нарочного курьера, которого отправлю я со всеподданейшими донесениями моими по сему предмету к Его Императорскому Величеству».[34]

Посылались нарочные в резервные эскадроны, находящиеся в пути, и «для получения вернейших сведений о числе умерших и оставленных за болезнию людей во время следования их к армии, равно отчета о суммах, данных<...> как для путевого довольствия, так и на удовлетворение гг. штаб и обер-офицеров полугодовым жалованием».[35] В качестве нарочных использовал

---

[29] Там же, оп. 186, д. 4, св. 34, л. 2, 27.
[30] Там же, ф. 9194, оп. 6/190г, ед. хр. 73, л. 9.
[31] Там же, ф. 46, оп. 186, д. 4, св. 34, л. 2, 27.
[32] Там же, ф. 125, оп. 188, д. 13/св. 27, л. 1, 21—21 об.
[33] *Свердлина С. В.* Грибоедов и ссыльные поляки // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 230.
[34] ЦГВИА СССР, ф. 125, оп. 188, д. 13, св. 27, л. 19.
[35] Там же, л. 47—47 об.

генерал Кологривов своих адъютантов.[36] В этой роли мог выступать и Грибоедов. Следовательно, он, возможно, побывал и в Минске, Новогрудке, Гродно.[37]

Однако, несмотря на необходимость постоянно выполнять какие-то поручения генерала Кологривова, Грибоедов в этот период все же приобрел возможность обратиться к литературной работе, т. е. непосредственно к литературно-художественному творчеству. Надо полагать, что возможность эта все более увеличивалась по мере того, как дело шло к прекращению военных действий, к окончанию войны. Не случайно известные нам литературные опыты Грибоедова — «Письмо из Брест-Литовска к издателю», очерк «О кавалерийских резервах» и комедия «Молодые супруги» — относятся к 1814 г.

Развитию творческих настроений будущего автора «Горя от ума» способствовало появление литературной среды. Как известно, в Бресте Грибоедов познакомился не только с братьями Бегичевыми (одному из которых, Степану, до конца жизни были близки творческие интересы Грибоедова, а другой, Дмитрий, известен как писатель-беллетрист), но и с комедиографом князем А. А. Шаховским.

Биограф Шаховского конца прошлого века А. А. Ярцев писал: «С Грибоедовым Шаховской встретился в Польше, где автор „Горя от ума“ служил в гусарах. Это случилось в конце 1812 года, когда Шаховской<...> отвел в Варшаву новобранцев из Остзейского края. Близкое знакомство началось между ними после приезда Грибоедова в Петербург (1815), куда он привез свою первую драматическую работу, перевод французской комедии „Le secret du Ménage“, названную им „Молодые супруги“. Пьеса была переведена по совету или даже „по заказу“ Шаховского, обещавшего, вероятно, поставить ее на сцене, что и состоялось по приезде Грибоедова в Петербург. Шаховской, таким образом, дал первый осязательный толчок к литературной деятельности знаменитого писателя».[38]

Ярцев нередко ссылается на своего предшественника — биографа Шаховского Р. М. Зотова, который, по-видимому, пользовался «документальными данными».[39] Действительно у Зотова находим те же сведения о встрече Грибоедова с Шаховским в Польше в конце 1812 г., куда Шаховской привел сформированную в Риге «запасную дивизию». «Тем кончились военные его труды. Ни в 1813-м, ни в 1814 году» Шаховской «не участвовал в военных действиях». Собственно, Ярцев почти буквально повторяет то, что имеется у Зотова.[40]

---

[36] Там же, л. 51.
[37] Там же, л. 16.
[38] *Ярцев А. А.* Князь Александр Александрович Шаховской. (Опыт биографии). СПб., 1896. С. 76. (Отдельный оттиск из Ежегодника императорских театров сезона 1894—1895 гг.).
[39] Там же. С. 40.
[40] *Зотов Р. М.* Князь А. А. Шаховской // Репертуар и Пантеон. 1846. Т. 14. Апрель. С. 17.

Иногда к числу приятелей Грибоедова периода военной службы относят и композитора А. А. Алябьева (Восп. С. 364). В действительности это не так. Алябьев только формально числился офицером Иркутского гусарского полка, а на самом деле в это время оставался в действующей армии, участвовал в заграничных походах, в боях под Дрезденом, «в партизанском отряде Д. Давыдова, в боевых действиях в Силезии, под Парижем. <...> И только в октябре 1814 г. возвратился в Россию». Встречи и приятельские отношения Грибоедова с Алябьевым относятся к 1823—24 гг.[41]

Итак, Алябьев вернулся в Россию уже после окончания военных действий. Извещение о том, что союзные армии вошли в Париж, было отправлено генералу Кологривову из Варшавы 14 апреля 1814 г.[42] Алябьев вернулся, как уточняет другой, более поздний современный исследователь, в составе конно-егерского полка на зимние квартиры в Старую Руссу. Потом с 15 января 1815 г. находился четыре месяца в Москве, в отпуске. 20 января 1816 г., взяв бессрочный отпуск, он отправился лечиться на воды. В декабре 1816 г., вновь будучи в отпуске, Алябьев бывал в Петербурге.[43] Таким образом, в годы военной службы, даже после возвращения Алябьева в Россию, Грибоедов с ним встретиться не мог, так как в Старой Руссе не был или, во всяком случае, об этом ничего неизвестно. Но в декабре 1816 г. в Петербурге, когда Грибоедов уже вышел в отставку, они могли с Алябьевым встречаться. К этому периоду и нужно отнести, с большой долей вероятности, начало их знакомства.

Следует предположить, что пребывание на территории бывшего герцогства Варшавского усилило приобщение Грибоедова к польской культуре. Нам уже приходилось писать о том, что польским языком Грибоедов, очевидно, владел и ранее.[44] Конкретные свидетельства о чтении Грибоедовым польских книг в период военной службы пока не обнаружены. Однако если сопоставить грибоедовскую ситуацию с признаниями Рылеева и А. Бестужева, которые в аналогичных условиях радовались возможности постигать в подлинниках Нарушевича, Немцевича, Красицкого,[45] то приобщение Грибоедова к польской культуре в период пребывания в польских местах станет вполне реальным фактом.

Биограф Рылеева, например, мотивируя обращение русского поэта-декабриста к «Историческим песням» Немцевича, по мо-

---

[41] *Штейнпресс Б.* Страницы из жизни А. А. Алябьева. М., 1956. С. 40—48.

[42] ЦГВИА СССР, ф. 46, оп. 1, д. 13, л. 47.

[43] *Доброхотов Б. В.* Александр Алябьев. Творческий путь. М., 1966. С. 18, 22, 23.

[44] *Свердлина С. В.* Грибоедов и ссыльные поляки. С. 230.

[45] *Бестужев А.* Письмо к Ф. В. Булгарину от 6 сентября 1821 г.: Из архива В. Ф. Булгарина. (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Февраль. С. 394, 395.

тивам которых Рылеев, как мы знаем, написал свои «Думы», приходит к мысли, что основанием для этого явилось приобщение к польской культуре в годы молодости Рылеева, в период военной службы. В 1815 г. Рылеев служил в г. Несвиже. Здесь, в местах с преобладающим польским населением, не только знали, но и «высоко ценили гражданские заслуги Немцевича и зачитывались его патриотическими произведениями». Среди этих произведений названы драмы «Wladyslaw pod Warna», «Kazemierz Wielki» и комедия «Powrót posla» («Возвращение депутата»).[46]

Исследователь польско-русских литературных связей Е. М. Двойченко-Маркова по этому поводу писала: «...Грибоедов побывал во время походов 1812—1816 гг. в Могилеве, Слониме и Брест-Литовске, где офицеры его полка стояли на квартирах в польских домах. По письмам А. Бестужева и на примере Рылеева мы видим, что это помогло знакомству русских офицеров с польской литературой».[47] Кроме того, при столь незначительной дворянской прослойке населения Бреста («36 дворян»),[48] едва ли русскому офицерству, служившему здесь, она могла остаться незнакомой. Уместно вспомнить в данной связи и книгу Д. Н. Бегичева «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни», скорее всего мемуарного, автобиографического характера, хотя и подана она как запись рассказа соседа-помещика. Здесь приведены эпизоды, свидетельствовавшие о дружеских контактах русских офицеров с польским дворянством.[49]

Наконец, Брест-Литовск — родина Немцевича. Юлиан-Урсын Немцевич (1781—1841) — выдающийся польский политический деятель, участник восстания Костюшко, поэт и драматург, личность широко известная и популярная не только среди поляков, но и в русском прогрессивном обществе первой четверти XIX в., родился в Скоках, «в миле от Бреста Литовского», как сообщает его биограф,[50] т. е. в семи с половиной километрах от города. В Скоках жили родители Немцевича, его многочисленные младшие сестры и братья. Естественно, что слава о Немцевиче поддерживалась в этих местах более, чем где бы то ни было. Польский исследователь даже высказал предположение, что Грибоедов здесь встречался с Мицкевичем, а не только читал его произведения.[51] Приобщение к польской культуре,

[46] *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. С. 176.

[47] *Двойченко-Маркова Е. М.* Немцевич и Рылеев // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 134.

[48] *Науменко В. Я.* Брест. Историко-экономический очерк. С. 47.

[49] *Бегичев Д. Н.* Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни. Изданный автором «Семейства Холмских». М., 1851. Вып. 1. С. 11.

[50] Czartoryski A. Zywot J. U. Niemcewicza. Berlin; Poznan, 1860, S. 9.

[51] Lednicki W. Przyjaciele moskale. Kraków, 1935, S. 54, 58.

контакты с поляками не прошли бесследно для жизненного и творческого пути великого русского драматурга.[52]

В 1813—14 гг. Грибоедов приобрел опыт особой секретарской работы при высоком должностном лице, впоследствии столь ему пригодившийся (в период службы в Отдельном Кавказском корпусе и персидском посольстве при генерале А. П. Ермолове и И. Ф. Паскевиче). В те же годы Грибоедов впервые опробовал свое перо в жанрах, к которым впоследствии будет не однажды обращаться. Имею в виду комедию о современных русских нравах на основе переделки чужого текста, публицистику — письмо-очерк, статью очеркового характера по непосредственным жизненным впечатлениям и документам («Молодые супруги», «Письмо из Бреста-Литовского к издателю...», «О кавалерийских резервах»), стихи.[53]

Наиболее значительное место в творческом наследии Грибоедова раннего периода (во всяком случае, из того, что дошло до нас) занимает публицистика. Посвящена она генералу Кологривову в годы его командования кавалерийскими частями резервной армии. Интересно сопоставить грибоедовские «Письмо из Бреста-Литовского к издателю» и статью «О кавалерийских резервах» с документальными источниками.

16 июня 1814 г. управляющий военным министерством князь А. Горчаков 1-й известил генерала Кологривова о награждении его «орденом Святого Равноапостольского Владимира 1-й степени».[54] На 22 июня в Брест-Литовске, в кавалерийских резервах, был назначен по этому поводу праздник, а 26 июня Грибоедов отправил издателю «Вестника Европы» восторженно-лирическое «Письмо...».

Едва ли следует сомневаться в том, что Грибоедов, специально и не случайно «приставленный» к сочинительству, стихи для статьи писал сам, от имени «всего дежурства», т. е. офицеров штаба. Впрочем, вероятно и то, что в иных случаях он все же редактировал, перерабатывал сочиненное другими, так сказать, офицерский фольклор.[55] В стихах из «Письма...» можно усмотреть не только традиции Державина и других поэтов XVIII в., но и — в связи с Державиным — невольную перекличку с молодым Пушкиным.

В статье «О кавалерийских резервах» Грибоедов выступил в качестве исторического публициста. Он, как известно, очень заботился о ее публикации, видя в этом, судя по всему, исполнение своего служебного долга. Ничего художественного статья

---

[52] *Свердлина С. В.* Грибоедов и ссыльные поляки. С. 212—234.

[53] Ср. с созданными впоследствии, например, «Притворной неверностью», «Кто брат, кто сестра или обман за обманом», «Письмом к издателю „Сына отечества" из Тифлиса», «Частными случаями петербургского наводнения», «Загородной поездкой», «Путевыми записками» всякого рода.

[54] ЦГВИА СССР, ф. 46, оп. 1, д. 13, л. 10.

[55] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 693. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Соч. С.).

в себе не содержит. Возможно, она была написана по совету (или даже по заданию) А. С. Кологривова, в том ее аспекте, который содержит историю формирования, подготовки и оценку деятельности кавалерийских резервов в годы войны с Наполеоном.

Грибоедов совершенно точен при воспроизведении цифровых данных, заимствованных, как свидетельствуют факты, из официальных сводок. В статье, например, читаем: «В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму, и едва успела туда вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов» (Соч. С. 360), т. е. еще десять. Таким образом, по Грибоедову, всего 56 эскадронов, сформированных в кавалерийских резервах, были отправлены на фронт.

В архивных документах находим те же самые данные, а именно, что «из Могилева и Слонима генералом Кологривовым» было отправлено «56 кавалерийских резервных эскадронов к действующей армии».[56]

Грибоедов высоко оценивает самую идею создания резервной армии, пишет о скорости и в то же время качестве подготовки кавалерийских резервов, об экономии средств казны при их создании, о рачительности, хозяйственности, государственной мудрости командующего кавалерийскими резервами генерала Кологривова, чем он и снискал себе беспредельное уважение и любовь подчиненных. Вообще глубокое уважение, любовь и даже преклонение перед А. С. Кологривовым самого Грибоедова и других офицеров, его товарищей по службе, составляет главный мотив грибоедовской публицистики 1814 г.

Особенно убеждает в этом отношении историческая документалистика. Характер и стиль командной деятельности генерала Кологривова наглядно характеризуют некоторые строки его приказов или, как их называли, предписаний. Например, в одном из них, от 6 мая 1813 г., Кологривов с сочувствием приводит указание генерала Лобанова-Ростовского о необходимости соблюдения строжайшей дисциплины в войсках, равно обязательной как для офицеров, так и солдат: «Господин Главнокомандующий Генерал от Инфантерии князь Лобанов-Ростовский уведомил меня, что он находится в твердом уповании о соблюдении военными чинами должного порядка и повиновения, в противном же случае с прискорбием, но без пощады обратится он к власти, ему данной, против всякого своевольничания, озорничества, грабежа и неповиновения».[57] Следует понимать, что точно также будет поступать и он, генерал Кологривов.

---

[56] Там же, ф. 125, оп. 188, д. 13, св. 27, л. 1.
[57] Там же, ф. 46, оп. 2, д. 6, л. 7 об.

В другом характерном предписании от 14 июня 1813 г. читаем: «...я предоставляю г. корпусному командиру Генерал-майору князю Горчакову 4-му назначить дивизионных начальников из числа штаб-офицеров в вверенном ему корпусе не по старшинству, а по достоинству; и кто именно назначен будет, предлагаю ему, как наискорее меня уведомить».[58] На этом приказе подписи Кологривова нет, но есть характерная приписка: «С подлинным верно: адъютант Бегичев».[59] Таким образом, генерал Кологривов судил об офицерах не по чинам, а в первую очередь, по способности к службе. Кологривов в приведенных строках выступает строгим и принципиальным начальником, для которого главным было, как напишет впоследствии бывший корнет Грибоедов, служение «делу, а не лицам».

Деятельность генерала Кологривова по формированию резервов кавалерии для действующей армии проходила в трудных условиях. Так, из рапорта от 6 апреля 1813 г. следует, что «по неимению провиантской суммы», т. е. по неимению средств на довольствие войска (как людей, так и лошадей) от казны, генерал Кологривов вынужден был обратиться к гражданским губернаторам, чтобы те организовали снабжение путем поборов с населения.

В свою очередь, он, Кологривов, по получении провиантских сумм, обязывался «немедленно» возместить «обывателям», т. е. гражданскому населению, стоимость фуража и довольствия «по справочным ценам», т. е. по ценам, определенным казной.[60]

В рапорте Кологривова от 12 мая 1813 г. из г. Могилева Белорусского вновь читаем: «К продовольствию приняты мною надлежащие меры, по совершенному недостатку провиантской суммы, присылки коей требовал я неоднократно из провиантского Департамента, из комиссии, учрежденной при резервной армии, из Виленской и из Витебской», но надлежащие суммы не поступали. И генерал Кологривов вынужден был вновь обратиться к гражданским губернаторам, чтобы «обыватели» поставляли провиант в долг.[61]

Сопоставление архивных материалов со статьей Грибоедова подтверждает справедливость приведенных им фактов. Собственно, основной смысл статьи «О кавалерийских резервах» и заключается в рассказе о том, сколь разносторонние и прямо-таки хитроумные меры применял Кологривов, сколько житейского опыта и таланта употребил он для того, чтобы уложиться в те скудные казенные средства, которые отпускало правительство на формирование кавалерийских резервов. Но даже при всей его опытности «провиантских сумм» не хватало. И гене-

---

[58] Там же, ф. 46, оп. 186, ед. хр. 3, св. 34, л. 37.
[59] Там же, л. 38 об.
[60] Там же, ф. 125, оп. 188, д. 13/св. 27, л. 2 об.
[61] Там же, л. 21—21 об.

рал Кологривов «завел *на свой счет* (курсив мой. — *С. С.*) конский лазарет» (Соч. С. 363).

Характерный смысл в свете архивных документов приобретает и такая грибоедовская фраза: «Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались» (Соч. С. 363).

Это фактически означает, что сколько бы ни затрачивало средств гражданское население на содержание войска, долг возмещался по ценам, определенным казной, или даже — при расплате — «значительно понижали их», не считаясь с тем, что «сами жители» были разорены войной. Таким образом, последующая фраза: «Впрочем нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна» (Соч. С. 363), — приобретает в сравнении с реальной действительностью двусмысленный, иронический характер. Чтобы содержать войско, формировать кавалерийские резервы, Кологривов вынужден был отбирать последнее у населения или выкладывать собственные средства.

Справедливости ради необходимо признать, что генерал прибегал и к той, и к другой мере по безвыходности положения, из патриотических целей, во имя победы над врагами отечества.

Возможно и то, что восхваление генерала Кологривова явилось у Грибоедова одновременно и поводом для обличения правительства, пустившего фактически содержание резервной армии в военную кампанию 1813—1814 гг. на самотек. Все это не могло быть не понято тогдашними читателями, в особенности широкими офицерскими кругами, так или иначе причастными к изложенным событиям. К этим кругам и апеллировал, в первую очередь, Грибоедов, восхваляя генерала Кологривова и, в сущности, отделяя от его деятельности правительственные круги. «...Касательно ж до читателей, — пишет он, — верно всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя!» (Соч. С. 363—364). Иначе говоря, нелегко было генералу Кологривову командовать кавалерийскими резервами при сложившемся положении вещей, но он преодолел все трудности.

Обо всем этом важно сказать во имя утверждения той мысли, что Грибоедов и в свои ранние годы не был «придворным» сочинителем, формально узаконенным льстецом при своем генерале. Честность и принципиальность личного секретаря А. С. Кологривова оставались безупречными. Он писал правду.

Б. П. Николаев, Г. Д. Овчинников,
Е. В. Цымбал

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ГРИБОЕДОВЫХ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

История семьи Грибоедовых до сих пор в литературе практически не рассматривалась. Основная причина этого явления — отсутствие семейного архива Грибоедовых. В биографии А. С. Грибоедова еще много неразгаданного и спорного, особенно мало изучены детские и юношеские годы драматурга. Настоящая публикация ставит своей задачей в какой-то мере восполнить этот пробел. В фондах Государственного архива Владимирской области (ГАВО) нами выявлено свыше 50 дел, содержащих неизвестные ранее материалы о семье Грибоедовых. Их частичное рассмотрение позволит ввести в научный обиход новые факты биографии писателя.

Происхождение рода Грибоедовых как со стороны отца, так и со стороны матери драматурга, традиционно ведется без каких-либо исторических оснований от выходцев из Польши Гржибовских, которые стали писаться Грибоедовыми.[1] На наш взгляд, эта версия весьма сомнительна. Фамилия Грибоедовых встречается в русской истории еще в 1503 г. в Новгороде.[2] Возникновение «польской» версии объясняется существовавшей модой выводить свой дворянский род непременно от иностранцев. Русское дворянство, в большинстве своем служилое, — вчерашние крестьяне и смерды, со временем стремилось отмежеваться от своего «низкого» происхождения с помощью иноземных предков.

Прямым предком А. С. Грибоедова по матери был Федор Иоакимович Грибоедов, дьяк Приказа Казанского дворца (1632—1634 гг.), разрядный дьяк (1664—1671 гг.), член Комиссии по составлению Соборного уложения 1649 г., автор «Истории о царях и великих князьях земли Русской».[3]

В неопубликованном формулярном списке А. С. Грибоедова от 24 декабря 1815 г., копия которого хранится в ИРЛИ (Пушкинском Доме) в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова,[4] на вопрос «Из какого состояния и буде из дворян» Грибоедов записал: «Из дворян Владимирской губернии». Владимирская фамилия Грибоедовых, из которой происходил писатель, известна в этом крае уже в первой четверти XVIII в. Их родословная,

---

[1] *Ревякин А. И.* Новое о А. С. Грибоедове // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, 1954. Т. 43, вып. 4. С. 116, 118.

[2] *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 88.

[3] БСЭ. М., 1972. Т. 7. С. 321. В указанной книге С. Б. Веселовского отчество дьяка Федора Грибоедова ошибочно обозначено Иванович. О сыне Ф. И. Грибоедова, полковнике Семене Грибоедове, см.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 13. С. 266—267.

[4] ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова. № 1414, л. 8 об.

согласно «Списку дворянских родов, внесенных в родословную книгу Владимирской губернии» за 1792 г.[5] и «Делу Владимирского дворянского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Владимирской губернии рода Грибоедовых» (1792 г.),[6] ведется от Семена Лукьяновича Грибоедова. Далее следуют Леонтий Семенович, отставной капрал Никифор Леонтьевич, надворный советник Иван Никифорович и, наконец, отец писателя — секунд-майор Сергей Иванович.

В «Алфавитном списке дворянских родов Владимирской губернии»[7] род Грибоедовых записан в VI часть, в которую вносились только «древние, благородные дворянские роды», возведенные в дворянство до 1685 г. (до отмены местничества). Хотя фамилия Грибоедовых и значится в списках фамилий, записанных в VI часть дворянской родословной книги Владимирской губернии, но департаментом Герольдии правительствующего Сената в правах дворянства утверждена не была. Это произошло от того, что представители рода Грибоедовых не смогли документально подтвердить свое дворянство до 1685 г. и, следовательно, не имели права, как претендовал И. Н. Грибоедов в 1792 г., на запись их рода в VI часть дворянской родословной книги.

Дед А. С. Грибоедова Иван Никифорович (1721—1800) шестнадцати лет от роду поступил солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк. 18 марта 1741 г. был произведен в капралы и в этом же чине во время Русско-шведской войны участвовал в сражениях при взятии городов Гельсингфорса и Фридрихсгама. В 1747 г. он был произведен в фурьеры, в 1748 г. — в каптенармусы, в 1749 г. — в сержанты. 20 сентября 1755 г. по именному указу выпущен капитаном в армейский Сибирский гренадерский полк. В 1758 г. — отставлен с производством в следующий чин — секунд-майора и определен к Подушному двору в Переславль-Залесский, затем в том же году переведен в Арзамас. В 1764 г. он был направлен во Владимир «воеводским товарищем с награждением чином коллежского советника, а по открытии в 1779 г. Владимирской губернии, определен в губернский магистрат председателем». При выходе в отставку в 1781 г. награжден чином надворного советника.[8]

И. Н. Грибоедов, хотя и занимал довольно высокий административный пост, помещиком был небогатым, так называемым мелкопоместным. По справке за 1780 г. ему принадлежало во Владимирской губернии в Покровской округе в «сельце Федоркове, Митрофанихе тож», и во Владимирской округе в сель-

[5] ГАВО, ф. 243, оп. 1, д. 2, л. 41.

[6] Копия дела хранится в ИРЛИ в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова.

[7] *Трегубов М.* Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905. С. 231.

[8] ГАВО, ф. 15, оп. 2, д. 869, л. 2.

це Сущеве и д. Назарове всего «восемьдесят восемь душ мужеска пола».[9]

И. Н. Грибоедов имел сыновей Никифора, Сергея и дочь Катерину, в замужестве Палицыну. Старший сын, Никифор Иванович (1759?—1806), начал службу в 1773 г. в конной гвардии. Вышел в отставку поручиком 1 января 1780 г., а по отставке избран дворянством во Владимирский уездный суд заседателем. С 10 ноября 1780 г. служил заседателем в Верхнем земском суде. В 1784 г., при выходе на пенсию, произведен в титулярные советники.[10]

Обратимся теперь к биографии отца драматурга — Сергея Ивановича Грибоедова (1761?—1814). Сведений о нем сохранилось немного, но они довольно характерные.

Осенью 1782 г., временно освобожденный от военной службы, поручик Ярославского пехотного полка С. И. Грибоедов прибыл во Владимир. Сразу же по приезде во Владимир он вошел «в компанию помещиков, занятых мотовством». Жертвой этой компании стал местный несовершеннолетний дворянин Никита Артамонович Волков, находившийся под опекой своего родственника прокурора Сушкова. Обыграв Волкова в карты в общей сложности на 14 тысяч рублей, «компания» способствовала полному его разорению. В эту скандальную историю вынужден был вмешаться Владимирский и Костромской генерал-губернатор Р. Л. Воронцов, предложивший наместническому правлению обязать игроков возместить ущерб, нанесенный ими пострадавшему.[11]

В единственных воспоминаниях современника, относящихся к началу 1800 г., в которых упоминается отец драматурга, сказано, что в свои редкие приезды в Москву из деревни С. И. Грибоедов не расставался с картами и проводил дни и ночи за азартной игрой вне дома. Действительно по выходе в отставку в 1785 г., не имея собственного имения, С. И. Грибоедов жил то в Москве, то во Владимире, то в сельце Федоровке Покровской округи, где проживали его отец и старший брат. Неподалеку, в сельце Дорофейцеве, Афанасьеве тож, жила его сестра Катерина Ивановна со своим мужем, отставным капитаном Ефимом Ивановичем Палицыным. Грибоедовым принадлежали во Владимирской губернии и другие имения, но все это были мелкие поместья, большей частью находившиеся в совместном с другими помещиками владении.

В конце декабря 1796 г. во Владимире должны были состояться «выборы дворян к должностям». В связи с этим на земские суды возлагались обязанности оповещать помещиков о предстоящих выборах и «отбирать у них послужные списки». Однако, как сказано в переписке между Судогодской дворян-

---

[9] Там же, л. 3.
[10] Там же, ф. 244, оп. 1, д. 6, л. 62—63.
[11] Там же, ф. 15, оп. 1, л. 24.

ской опекой и предводителем дворянства, «...секунд-майор Грибоедов хотя список и дал, но письменно суду отозвался, что он за болезнею своею к выбору во Владимир быть не может».[12] В делах Судогодского земского суда сохранился послужной список С. И. Грибоедова: «Лет — 35, из дворян Владимирского наместничества, сын надворного советника Ивана Грибоедова, при ком и ныне нахожусь, собственного имения не имею. В службу вступил в 1775 г. 18 марта кадетом в Смоленский драгунский полк, из оного взят в штат к его сиятельству г-ну генерал-поручику и разных орденов кавалеру князю Юрию Никитичу Трубецкому, где находился при нем в Крыму капитаном в Кинбурнском драгунском полку. Государственной военной коллегией за имеющимися болезнями отставлен с награждением секунд-майорским чином 16 октября 1785 года. В походах был, в штрафах не бывал. Женат на дворянке статского советника Федора Алексеевича Грибоедова на дочери его Настасье Федоровне, имею детей малолетних, сына Александра и дочь Марью, которые и находятся при мне».[13]

Здесь необходимо рассмотреть вопрос о местопребывании семьи Грибоедовых в 1795—1800 гг. Во всей биографической литературе о писателе прочно укоренилось мнение, что Грибоедовы безвыездно жили в Москве. Это как будто подтверждает находка, сделанная в фонде Московской духовной консистории в 1950-х гг. А. И. Ревякиным. Здесь, в метрической книге церкви Успения на Остоженке за 1795 г., исследователь обнаружил запись: «Генваря 13 в доме Прасковьи Шушириной, у живущего в доме ее секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова родился сын Павел».[14] Но в исповедных ведомостях той же церкви за этот год Грибоедовы проживающими в доме Шушириной уже не значатся. Регистрация духовных исповедей в русских православных церквях начиналась с Великого поста и заканчивалась осенью. Несомненно, что до ее начала Грибоедовы и покинули дом на Остоженке. А причиной отъезда Грибоедовых из дома Шушириной послужило следующее обстоятельство. В начале мая П. И. Шуширина получила из Московской управы благочиния разрешение на перестройку ее «жилых деревянных корпусов на Остоженской улице».[15] Надо полагать, что перед началом работ по перестройке «корпусов» Шуширина заранее известила Грибоедовых о необходимости выезда из ее дома. Но куда они выехали? Казалось, кроме старой русской столицы другого места проживания Грибоедовы выбрать не могли. Но длительные разыскания, проведенные несколькими исследователями в московских архивах, не подтверждают этого предположения. С момента выезда Грибоедовых с Остоженки до 1801 г. никаких следов их пребывания в Мо-

---

[12] ГАВО, ф. 257, оп. 1, д. 2-а, л. 5.
[13] Там же, л. 7.
[14] *Ревякин А. И.* Новое о А. С. Грибоедове. С. 113.
[15] ЦГИАМ, ф. 105, оп. 9, д. 1462, л. 2.

скве обнаружить не удалось. Возможно, они проживали в это время вне Москвы, в каком-нибудь из своих владений.

В пользу этого предположения можно привести следующие факты: когда 2 марта 1786 г. скончался отец Н. Ф. Грибоедовой, по наследству ей досталось в различных губерниях «192 души мужеска пола»,[16] и еще «208 душ» она получила от своей матери в 1791 г. в приданое.[17] Однако, к 1798 г., судя по различным документам, у нее осталось не более 60 душ.[18]

В «Книгах выданных свидетельств дворянам Владимирской губернии» за 1794 г. упоминается, что Н. Ф. Грибоедова приобрела в Судогодской округе сельцо.[19] В деле «Донесения уездных судов о явке купчих» за 1794 г. сохранилась копия купчей на это сельцо, в которой сообщается, что 21 февраля 1794 г. Н. Ф. Грибоедова приобрела «за девять тысяч рублей у полковника Якова Иванова сына Трусова недвижимое имение в Судогодской округе сельцо Тимирево, Введенское тож, все без остатку со всеми в том Введенском господским и крестьянским строением и прудом, с хлебом стоячим и молочным и в земле посеянном, со скотом и с птицами, а людей и крестьян с женами и с детьми<...>мужска пола семи, женска девяти душ».[20]

Итак, можно предположить, что Грибоедовы какое-то время с лета 1795 г. по 1800 г. жили в сельце Тимиреве. Это предположение подтверждается и тем, что в сельце Тимиреве находились в те годы дворовые люди Грибоедовых.[21] По всей вероятности, жизнь в деревне тяготила Н. Ф. Грибоедову, но стесненность в средствах вынуждала ее смириться.

Фронтальный просмотр актовых книг Владимирской губернии за 1795—1798 гг. показал, что со времени покупки сельца Тимирева Грибоедовы не произвели ни одной купли-продажи, в то время как их московская и владимирская родня таких операций совершила бесчисленное множество. Однако с начала 1799 г. благосостояние семьи Грибоедовых резко улучшилось. 7 февраля 1799 г. С. И. Грибоедов приобрел за 800 рублей в Судогодском уезде у помещицы Ф. Н. Барановой сельцо Моругино.[22] 8 июля того же года на имя своей дочери Марьи Сергеевны родители оформили купчую на 7 дворовых людей на сумму 400 рублей, полученных от ее бабки Прасковьи Васильевны,[23] а также 18 крепостных людей из сельца Сущева Вла-

[16] В год смерти Федора Алексеевича Грибоедова Настасье Федоровне шел 15-й год (ГАВО, ф. 73, оп. 2, д. 426, л. 1). Следовательно, она родилась в 1771 или 1772 г.

[17] Там же, д. 658, л. 1.

[18] См., например: ГАВО, ф. 92, оп. 1, д. 856, л. 11 об.

[19] Там же, оп. 3, д. 366, л. 286.

[20] Там же, ф. 245, оп. 2, д. 4-а, л. 57.

[21] Там же, ф. 556, оп. 106, д. 131; оп. 110, д. 51, л. 49.

[22] Там же, ф. 73, оп. 2, д. 426, л. 1.

[23] Там же, ф. 92, оп. 3, д. 100, л. 115 об.

димирской округи.[24] И, наконец, в июне 1799 г. на имя Александра Сергеевича Грибоедова был оформлен владельческий документ на сельцо Сушнево на сумму в 1000 рублей.

19 июня 1799 г. во Владимирской палате гражданского суда рассматривалось прошение Александра Грибоедова, «малолетнего сына секунд-майора Сергея Грибоедова», в котором говорится: «...бабка моя родная, надворная советница Прасковья Васильевна Грибоедова, продала мне крепостное свое недвижимое имение, доставшееся ей по наследству после покойного родителя ее, капитана Василья Григорьевича Кочугова, состоящее во Владимирской губернии Покровской округе в сельце Сушневе усадебную, гуменную, полевую, пашенную и непашенную землю с лесами и сенными покосами, с принадлежащими к оному сельцу отхожими пустошьями и пашенными угодьями». Далее в документе говорится, что он просит «допросить об этом его бабку при свидетелях за болезнью ее в доме секретаря Лаврентья Андреева сына Лаврова, а по допросе дать мне с оного копию.

Вместо малолетнего Александра Сергеевича сына Грибоедова, за неумением его грамоте и писать, по просьбе его, коллежский советник Михаил Степанов сын Бенедиктов руку приложил.

С подлинного допроса копию малолетний Александр Сергеев сын Грибоедов получил, а вместо него капитан Ефим Иванов сын Палицын расписался».[25]

Несомненно, что такую большую сумму денег на приобретение недвижимой собственности, Грибоедовы взять со своих крепостных были не в состоянии. Такие деньги они могли получить только со стороны. В связи с этим следует обратить внимание на то, что время приобретений семьи Грибоедовых совпадает с болезнью Ивана Никифоровича Грибоедова. В делах Покровского уездного суда за 1799 г. записано: «За болезнею не прибыл на выборы советник И. Н. Грибоедов, 78 лет от роду».[26] Вероятно, будучи в преклонном возрасте, И. Н. Грибоедов решил выделить часть своего капитала сыну на покупку Моругина, а его жена, П. В. Грибоедова, отдала свои наследственные вотчины внукам, оформив передачу купчими крепостями.

В декабре 1799 г. во Владимире происходили очередные дворянские выборы, на которые, сославшись на «болезнь», С. И. Грибоедов также не прибыл.[27] Несмотря на это, в январе 1800 г. он попросил пропуск для проезда в Москву, который и был ему выдан 27 января.[28]

Далее разыгрывались события довольно удивительные. Ни «болезнь», ни отсутствие на выборах не помешали С. И. Гри-

---

[24] Там же, ф. 245, оп. 2, д. 4-а, л. 57.
[25] Там же, ф. 92, оп. 4, д. 134, л. 6—6 об.
[26] Там же, ф. 14, оп. 1, д. 101, л. 164 об.
[27] Там же, ф. 40, оп. 1, д. 1592, л. 135 об.
[28] Там же, ф. 245, оп. 1, д. 1-а, л. 6.

боедову быть избранным во Владимирское депутатское собрание от Вязниковской округи, в которой он не проживал и не имел поместий. При утверждении на должность 29 марта его кандидатуру поддержал Владимирский губернатор Павел Степанович Рунич, хорошо знакомый с Алексеем Федоровичем Грибоедовым — братом Н. Ф. Грибоедовой (впоследствии сын П. С. Рунича — Д. П. Рунич женился на племяннице Н. Ф. Грибоедовой — Екатерине Ивановне Ефимович). Видимо, родственники Н. Ф. Грибоедовой способствовали этому назначению, полагая, что служба поможет С. И. Грибоедову поддержать материальное положение семьи. С. И. Грибоедову дано было знать, чтобы он немедленно явился к должности. 3 апреля 1800 г. он прислал в Депутатское собрание записку, что он «по болезни избегает должности», и просил «благоволено б было меня освидетельствовать».[29] Освидетельствование, проведенное оператором Владимирской врачебной управы Невиандом, показало, «что он по застарелой цинготной болезни не только оной, но и никакой другой должности исправлять не может»,[30] ввиду чего С. И. Грибоедов и был отставлен от должности.

После смерти отца С. И. Грибоедову в 1801 г. досталось «по разделу с родительницею его и братом» имение в сельце Федоркове — 73 души, и часть сельца Сущева во Владимирском уезде.[31] Последнее он продал 30 января 1802 г. Наталье Федоровне Лачиновой, урожденной Грибоедовой.[32] В том же году Н. Ф. Грибоедова приобрела у майора Зверева часть имения в сельце Федоркове, другой частью которого владел ее муж.[33]

Накануне 1801 г. у Н. Ф. Грибоедовой, по всей вероятности, появилась возможность вернуться в Москву. Детям необходимо было дать образование. В то время в Москве проживал ее брат, известный московский барин А. Ф. Грибоедов, имевший по наследству от родителей в различных губерниях более трех тысяч крепостных.[34] Вскоре его состояние получило существенное пополнение. 30 августа 1800 г. в Москве скончался Алексей Васильевич Нарышкин. Детей у него не было и его имения по завещанию перешли к его племянницам — жене А. Ф. Грибоедова, Настасье Семеновне и жене Ивана Николаевича Ефимовича, Прасковье Семеновне. Кроме значительных земельных владений они получили также «в Москве два двора». Первый — «в Тверской части, в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Башмакове», второй — «в Хамовнической части», в приходе церкви того же наименования. Все наследство своего дяди сестры «полюбовно» между собою разделили.[35]

---

[29] Там же, ф. 244, оп. 1, д. 7, л. 122.
[30] Там же, л. 142.
[31] Там же, ф. 92, оп. 1, д. 856, л. 7 об.
[32] Там же, оп. 5, д. 15, л. 28.
[33] Там же, оп. 1, д. 856, л. 7 об.
[34] Там же, ф. 73, оп. 2, д. 426, л. 1.
[35] ЦГАДА, ф. 264, оп. 4, д. 535, л. 1.

Несколько ранее, 5 июля 1799 г., в Москве в своем доме, расположенном в приходе церкви Девяти мучеников, что близ Пресни, скончалась вдова прокурорша Анна Алексеевна Волынская. А. Ф. Грибоедову она приходилась родной теткой. Как и у А. В. Нарышкина, детей у нее не было. Согласно воле покойной, А. Ф. Грибоедову должны были достаться ее «святые образы», а главное состояние Волынской — подмосковное «село Мартемьяново и в Пресненской части Москвы благоприобретенный дом со всем строением, садом, мебелью и в нем имуществом», — завещалось ее родне по мужу.[36] Однако такое решение явно не устраивало ее племянника. Он начал против Волынских судебную тяжбу, которая, по обнаруженным нами до сих под документам, не дает окончательного решения, кому же досталось имение. Но из спорного дела Н. Ф. Грибоедовой с Н. Н. Басаргиной, которое рассматривалось в мае 1814 г. в Московском надворном суде, очевидно, что владельцем дома Волынской все же стал А. Ф. Грибоедов. В объяснительной записке в суд о времени приобретения своего дома Настасья Федоровна сообщила: «...сгорелый не каменный, а деревянный дом с землею никогда покойному мужу моему не принадлежал, а есть мой собственный, доставшийся в 1801 году октября 18 дня по купчей от коллежского советника Алексея Федоровича Грибоедова».[37] Таким образом, Н. Ф. Грибоедова стала владелицей деревянного дома в Москве, что в «приходе церкви Девяти мучеников, близ Пресни и Кудрина», в котором и жила семья Грибоедовых до осени 1812 г.

Летом 1812 г. Н. Ф. Грибоедова продала титулярному советнику М. Арбузову 56 душ, принадлежавших ей в сельце Тимиреве.[38] Недолго был землевладельцем и Александр Грибоедов: в июле 1809 г. «кандидат императорского Московского университета Александр Сергеев сын Грибоедов» продал сельцо Сушнево и деревню Ючмерь полковнику К. М. Поливанову. Сделка была совершена в Москве; свидетелем продажи записан С. И. Грибоедов.[39] Эта продажа была, видимо, вызвана финансовыми затруднениями Грибоедовых, имущественное положение которых всегда было нестабильным.

Летом 1812 г., когда армия Наполеона вторглась в пределы России, студент-вольнослушатель Московского университета Александр Грибоедов, не без противодействия со стороны домашних, вступил в формирующийся графом Салтыковым Московский гусарский полк. «Полк графа Салтыкова в состав военной силы не входил».[40] Это было добровольческое подразделение, создававшееся по личной инициативе и на средства

[36] ЦГИАМ, ф. 16, оп. 1, д. 2825.
[37] Там же, ф. 81, оп. 14, д. 47, л. 16.
[38] ГАВО, ф. 92, оп. 1, д. 856, л. 16 об.
[39] *Маштафаров В.* Купчая Александра Грибоедова // Призыв (Владимир), 1964, 24 марта.
[40] ЦГИАМ, ф. 4, д. 4061, л. 55.

отставного ротмистра графа Салтыкова, просившего высочайшего разрешения «сформировать из людей разного звания полк силою в 10 эскадронов». Высочайшее одобрение было получено, и в июле 1812 начался набор личного состава. В полк принимали почти всех желающих. Прием воинов производился на следующих правилах: «Лета от 20 до 45, не затрудняясь, если несколько старее или моложе, имея в виду лишь силу телесную. Мера не назначается, лишь бы представляемый в воины был не урод и не карла».[41] Полк формировался в Москве, и записавшиеся в него получали оружие из арсенала. Однако получить его смогли только первые добровольцы — оружия не хватало. Александр Грибоедов вступил в полк в первые дни формирования — 26 июля и был зачислен корнетом. На 1 августа в полк записалось всего 316 человек, из них 7 были зачислены штаб-офицерами, 18 обер-офицерами, 170 унтер-офицерами, 119 гусарами и 2 нестроевыми.[42] В августе формирование полка еще более замедлилось — не хватало не только оружия, но и обмундирования, амуниции, сбруи, а главное — строевых лошадей. По-настоящему опытных офицеров также недоставало — их в первую очередь зачисляли в регулярные полки, — поэтому обучать волонтеров было некому, и они в значительной степени были предоставлены самим себе. Плохо знакомый с воинской дисциплиной, полк уже в Москве отличился тем, что чинил «буйства и беспорядки», скорее напоминая не воинскую часть, а некую собравшуюся вольницу. Беспорядки продолжались при отступлении. При прохождении через город Покров Московского гусарского полка Салтыкова и частей московской полиции «произведено оными там великое буйство и разные притеснения<...> питейные дома и подвалы разбили и имеющиеся в оных вина <...> буйственным образом выпустили».[43] «В кабаках били окна и двери и стекла, вино таскали в ведрах, штофах, полуштофах, манерках и кувшинах»,[44] «и все, что там ни находили, брали себе без денег».[45] Покровский городничий жаловался во Владимирское губернское правление и просил, «дабы впредь не могло случиться подобного сему <...> откомандировать для содержания города в спокойствии воинскую команду».[46]

По следствию было установлено, что «по городу Покрову в питейных домах и подвалах разграблено вина, водок, ординарной, сладкой сахарной, наливок, полпива, меду, медной и стеклянной разной казенной посуды по истинной цене на 3612 руб., ассигнациями, по продажной цене на 5028 руб. ассиг-

---

[41] Там же, л. 4.
[42] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 133.
[43] ГАВО, ф. 40, оп. 1, д. 4150, л. 118.
[44] Там же, д. 4151, л. 420—421.
[45] Там же, д. 4154, л. 254.
[46] Там же, д. 4150, л. 118.

нациями, также и по уезду. А всего по городу и уезду разграблено на 21099 рублей ассигнациями».[47]

Владимирский губернатор Супонев сделал представление командиру полка графу Салтыкову и московскому обер-полицмейстеру Ивашкину о недопустимости подобных явлений. В ответ Салтыков и Ивашкин писали, что «при проходе их команд чрез город Покров, нижние чиновники находились при них, но, чтобы показанное Покровским городничим было справедливо, они не знают, поелику об оном, ни он, городничий, ниже кто из его подчиненных не доносил, и виновных по сему предмету, они никого не находят».[48]

Дальнейший маршрут полка проходил по почтовому тракту через города Владимир, Муром и далее на Казань. 8 сентября 1812 г. корнет Грибоедов заболел и остался во Владимире.[49] Полк продолжал укомплектовываться в Казани. Довести дело до конца Салтыкову не удалось — в конце 1812 г. он умер; с его смертью формирование полка практически прекратилось, но собранные гусары не были распущены. Еще до смерти Салтыкова последовал приказ Главнокомандующего по армии за № 99, который предписывал: «Московский гусарский полк направить к Могилеву и соединить с Иркутским, обратив последний в гусарский, и назвать Иркутским гусарским полком, дав ему форму, утвержденную для полка Салтыкова. А форма его такая: ментик, дулама и ташка — черные с желтыми шнурами, кушак с кистями — желтый с черным; вальтрап черный с малиновым докладом и желтым вензелем. Офицеры отличались золотым шитьем и шнурами».[50] Полк был подчинен генералу-от-кавалерии Кологривову, приступившему накануне к формированию кавалерийских резервов в г. Муроме Владимирской губернии.

В апреле 1813 г. Иркутский гусарский полк (его Московская часть) в количестве «560 человек штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, а также подводных лошадей сто осьмнадцать»[51] на обратном пути из Казани снова прошел через Владимир. Командовал полком подполковник Наумов. По пути полк собирал оставшихся в госпиталях и выздоровевших или просто отставших от своих эскадронов людей. Александр Грибоедов в строй не вернулся. В ежемесячных рапортах полка вплоть до октября 1813 г. значится: «корнет Грибоедов за болезнью в г. Владимире».[52]

Во время болезни Александр Грибоедов скорее всего находился в одном из владимирских имений отца или матери, так как «лазарет... и все в губернском городе обывательския квар-

---

[47] Там же, д. 4154, л. 253.
[48] Там же.
[49] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 652.
[50] *Альбовский Е.* История Иркутского полка. Минск, 1902. С. 215.
[51] ГАВО, ф. 14, оп. 1, д. 1542, л. 4.
[52] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 138, 652.

тиры» были «наполнены прибывшими сюда из Москвы и с мест сражений больными». Число больных было так велико, что их размещали и в окрестных селениях. Заболевания распространялись, и возникала опасность эпидемии. Владимирское губернское правление запросило инспектора врачебной управы Невианда об эпидемической обстановке и санитарных мерах, принимаемых для пресечения болезней. Невианд в своем рапорте от 6 ноября 1812 г. отвечал, что «существующая болезнь не принадлежит в число повальных болезней, но единственно начало свое восприяла, во-первых, от осеннего годового времени, которого по причине частых перемен атмосферы, наклонность делает к разным болезненным припадкам; к тому же больные временного военного госпиталя, в немалом количестве одержимыя горячками <...> за теснотою в городе, находятся по избам с нуждою обывателей, от тесноты и гнилого от больных запаху, а так же и от беспечности самих хозяев подверглись той же участи, хотя по наставлению штабс-лекаря все меры к пресечению болезни приняты были, как-то: курение по избам, отделение больных от здоровых, проветривание покоев и чистота».[53]

В 1812—1813 гг. во Владимире и Владимирской губернии находились отец и мать Александра Грибоедова. Здесь у них было много родственников и знакомых. Так, во Владимире на Дворянской улице в эти годы жила семья отставного поручика Семена Михайловича Лачинова.[54] С его женой — Наталией Федоровной (урожденной Грибоедовой), Настасья Федоровна особенно была дружна. Во многих юридических документах Грибоедовых крепостной Лачиновых Павел Маслов выступает их доверенным лицом. Дочь Н. Ф. Лачиновой Варвара Семеновна, в замужестве Смирнова (1795—?), воспитывалась «в Москве вместе с Александром Грибоедовым в доме его матери».[55] Впоследствии сын В. С. Лачиновой Д. А. Смирнов (1819—1866) стал первым биографом А. С. Грибоедова. Во время Отечественной войны 1812 г. Александр Грибоедов навестил усадьбу Лачиновых — сельцо Сущево, где как память о его пребывании долго сохранялась «Грибоедовская беседка». Уцелел ее снимок, сделанный М. Ю. Смирновым в 1909 г.[56] Она представляла собой небольшой бревенчатый домик и была вполне пригодна для жилья.

Интересные подробности о пребывании Александра Грибоедова в Сущеве до сих пор в живой памяти преемственно хранит праправнучка Д. А. Смирнова, Екатерина Михайловна Суздальцева. Она рассказывает: «Когда больной Грибоедов при-

---

[53] Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собр. и изд. П. И. Щукиным. М., 1897, ч. 1. С. 97—98.

[54] ГАВО, ф. 15, оп. 2, д. 1550, л. 8 об.

[55] *Смирнов Ю. А.* Воспоминания. (Неопубликованная рукопись)//Частное собрание Е. М. Суздальцевой.

[56] Там же.

ехал в Сущево, кто-то из дворовых людей привел к нему деревенскую знахарку Пухову, которая взялась его вылечить. Она лечила его настоями и травами, добрым взглядом и добрым словом. Грибоедов кроме сильной простуды страдал еще нервной бессонницей, и эта удивительной доброты женщина проводила с ним в разговорах целые ночи. Уезжая из Сущева, Александр Грибоедов хотел с ней расплатиться, но она ответила, что брать деньги за лечение — грех. Если она их возьмет, то ее лечение ему не поможет».

Согласно имеющемуся в ГАВО «Делу Владимирского губернского предводителя дворянства о состоянии 4-го полка Владимирского ополчения» Грибоедовы отдавали своих крепостных в ополчение, не доставив, однако, положенных им амуничных вещей.[57] Отдавали они своих крестьян и в другие полки, а кроме того, продавали на вывоз. Так, в 1813 г. «деревни Митрофанихи дворовые люди Григорий Филиппов 35 лет и Степан Андреев 41 года с сыном 12 лет» были проданы в Вологду генералу Цорну.[58]

Сохранился документ, подтверждающий, что и Алексей Федорович Грибоедов также находился в то время во Владимирской губернии:

«Предводителю Юрьевского дворянства господину порутчику Льву Ивановичу Красенскому от егермейстера и действительного камергера Степана Аврамова сына Лопухина и от колежского советника Алексея Федоровича сына Грибоедова

Объявление

По желанию нашему, согласен я, Алексей Грибоедов, в Владимирское земское ополчение поставить сказанного господина Лопухина на состоящие Владимирской губернии Юрьевской округи село Елох, принадлежащие ему 284 души<...> крепостного моего дворового человека Николая Петрова сына Францева с платьем и орудием». Францев был «из дворовых людей Смоленской губернии Вяземского уезда коллежского советника Алексея Федорова сына Грибоедова в селе Хмелите».[59]

Установить владимирский адрес Грибоедовых помогло следующее происшествие. 16 июня 1813 г. четырехместная карета, в которой находилась Настасья Федоровна Грибоедова, переехала в Владимире около Гостиного двора пожилую женщину, оказавшуюся «девицею из дворян Анной Трофимовой Колышкиной».[60]

---

[57] ГАВО, ф. 224, оп. 2, д. 5, л. 260.
[58] Там же, ф. 301, оп. 5, д. 372, л. 2109.
[59] Там же, ф. 244, оп. 1, д. 19, л. 575.
[60] Там же, ф. 95, оп. 1, д. 213, л. 1.

По освидетельствовании пострадавшей оказалось, что «у нее левая рука повыше локтя переломлена и грудь раздавлена» и «сии повреждения приключились от каретного колеса, которым чрез нее проехали». Сама Колышкина написала, что «в теперешнем... моем болезненном положении совершенно вспомнить и истинное сказать... как попала под карету, и как ехала оная, и с которой стороны на меня наехала, не помню». Шедшая с ней подруга — А. И. Кошелева показала, что Колышкина переходила улицу, но в это время «во мгновение нашел сильный ветер с вихрем и дождем; люди, кои были на улице, побежали укрыться... а она, Колышкина, по слабости своего здоровья, по тягости корпуса и худобе ног, не успела перейти дороги, как... наехала на нее карета четвероместная в четыре лошади».

Управлявший каретой кучер Лазарь Орлов объявил: «...не знаю каким образом попала под карету неизвестная мне женщина <...> но мы не скакали, а ехали самою тихою шагою <...> а полагаю я, сие несчастье случилось от того, что сильным вихрем сшибло ее, Колышкину с ног, и под карету к нам подкатило». [61]

А вот что писала об этом происшествии сама Настасья Федоровна: «Майорша Настасья Федорова дочь, жена Грибоедова показую. Что в 16 число настоящего месяца, после препровождения из здешнего города образа Боголюбивыя Божия Матери, по возвращению моем в квартиру, состоящую в доме бывшего соборного священника Матвея Ястребова, я известилась от людей моих, кучера Лазеря Климова и форейтора Василья Иванова, что они, поравнявшись с домом владимирского купца Семена Лазарева, состоящего на площади здешнего города и на самом повороте от оного в правую сторону во время зделавшейся ужасной бури, нечаяннейшим образом перевезли экипаж мой чрез несчастную женщину, которая оказалась из дворян, девица г-жа Колышкина. Сама же я всего оного не видела, ибо в сие бурное время сидела в экипаже моем закрывши стеклы. В чем и показую сущую правду, без всякой утайки». [62]

Дом, в котором жили Грибоедовы во Владимире, и поныне стоит по улице Красномилицейской, бывшей Девической, — он числится под номером 17. Здание хорошо сохранилось и находится в охранной зоне старой части города.

1 июля 1813 г. полиция взяла с Грибоедовой подписку: «1813 года июля 1-го дня, я нижеподписавшаяся майорша Настасья Федорова дочь жена Грибоедова дала сию подписку Владимирской 1-й части в том, что крепостных своих дворовых людей кучера Лазаря Орлова и форейтора Василия Киреева по требованию начальства, когда надобны будут представить оных непременно должна, а в противном случае соответствовать буду по закону. В том сию подписку и даю Настасья Грибоедова». [63]

---

[61] Там же, л. 2—8.
[62] Там же, л. 14.
[63] Там же, л. 15.

Когда в конце сентября того же года Владимирский уездный суд решил рассмотреть «Дело о задавлении г-жи Колышкиной» и потребовалось присутствие дворовых людей Грибоедовых, оказалось, что «ни самой госпожи Грибоедовой, ни означенных людей здесь в городе не находится, и где проживают неизвестно». [64]

Вернуться в Москву на постоянное жительство Грибоедовы не могли — их дом был уничтожен пожаром. Хотя, как недавно стало известно, Настасья Федоровна все же была в Москве осенью 1813 г. [65] Думается, ее пребывание в Москве было связано не столько с нежеланием входить в контакт с судебными органами, сколько с неизбежными хлопотами по строительству нового дома — стоящий ныне дом Грибоедовых на углу улицы Чайковского и Большого Девятинского переулка построен на месте сгоревшего деревянного весной 1814 г. Накануне отъезда в Москву 31 июля 1813 г. Н. Ф. Грибоедова решила заложить свое имение (63 души) в сельце Федоркове, Митрофанихе тож, в Московский опекунский совет. В ГАВО имеется ее доверенность на имя надворного советника П. Е. Аменина, которому она доверяла получить во Владимирской палате гражданского суда свидетельство на это имение.[66]

«Дело о задавлении девицы из дворян Анны Трофимовой Колышкиной каретою секунд-майорши Настасьи Грибоедовой» Владимирский уездный суд рассматривал 22 февраля 1814 г. (в феврале этого же года скончался Сергей Иванович Грибоедов). [67] Суд признал кучера и форейтора виновными в неосторожной езде и приговорил кучера Климова (судейские чиновники потеряли фамилии кучера и форейтора, и в деле они фигурируют под фамилиями, которые в действительности являются их отчествами) к трехнедельному содержанию в смирительном доме на хлебе и воде, «что же лежит до Иванова, коему 10 лет, то он по сим летам никакому наказанию не подлежит, ибо со стороны его оплошность могла последовать от глупости, посему его от суда освободить». [68]

Что касается Александра Сергеевича Грибоедова, то он был зачислен в списки Иркутского гусарского полка 30 июня 1813 г., но до ноября в полку отсутствовал. 1 ноября он фигурирует уже среди откомандированных при генерале Кологривове. [69] Вероятно, Грибоедов сразу прибыл под начальство Кологривова, и приказ о его откомандировании был издан постфактум. Возможно, состояние здоровья и дела семьи требовали

---

[64] Там же, л. 24.

[65] *Малеванов Н. А.* Грибоедовский документ эпохи Отечественной войны 1812 г. (Доклад на Первых Грибоедовских чтениях в январе 1986 г. в г. Вязьме).

[66] ГАВО, ф. 92, оп. 1, д. 856, л. 2.

[67] ЦГИАМ, ф. 81, оп. 14, д. 47, л. 1.

[68] ГАВО, ф. 95, оп. 1, д. 213, л. 23.

[69] ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2278, л. 143.

его пребывания в Москве. Долгий путь Грибоедова к своему месту службы можно объяснить в какой-то степени тем, что в то время части Иркутсткого гусарского полка постоянно меняли меостопребывание и дислоцировались в Кобрине, Дрогичине, Сосновицах, Словатичах, Мациеве, Слониме, Брест-Литовске и окрестных деревнях.[70] Часто во время изменения места расположения полка отдельные эскадроны находились в различных местах, и связь между ними не всегда была налажена.

Другой причиной, объясняющей долгий путь Александра Грибоедова к своему полку, может быть и то, что по пути в полк он проезжал через города, где были расквартированы части 4-го полка Владимирского ополчения, в который Грибоедовы отдавали своих крестьян и офицерами служили многие владимирские знакомые Грибоедовых: Всеволжские, Красенские, Поливановы, Шимановские и др. Летом и осенью 1813 г. его части располагались в городах Покрове, Москве, Боровске, Ельне, Орше, Красном, Несвиже, Слуцке, Бобруйске, Борисове, Минске и по Смоленскому и Вильненскому трактам.[71] Не исключено, что именно по пути в Иркутский полк начался в жизни Грибоедова «гусарский период». Прибыв на место службы, он попал в компанию таких же, как и он, «юных корнетов из лучших дворянских фамилий» — князя Голицына, графа Ефимовского, графа Толстого, Алябьева, Шереметева, Ланского, братьев Шатиловых. С многими из них Грибоедов состоял в родстве. Именно об этом времени он писал впоследствии в письме к Бегичеву: «Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год как не могу попасть на путь истинный».[72]

И последний, обнаруженный нами документ, хранящийся в ГАВО, относится уже к петербургскому периоду жизни Александра Грибоедова.

16 марта 1816 г. во Владимирской палате гражданского суда рассматривалось прошение «от вдовы секунд-майорши Настасьи Федоровны Грибоедовой и детей ее, гусарского Иркутского полка корнета Александра и девицы Марьи Сергеевых детей Грибоедовых», в котором говорится следующее: «После смерти ее мужа, секунд-майора Сергея Ивановича Грибоедова и их, Александра и Марьи родителя, в здешней губернии осталось недвижимое имение, состоящее в Покровском уезде, в сельце Митрофанихе, записанных по шестой ревизии мужеска пола 95 душ, да в Судогодской округе, в деревне Моругине — 49 душ, а всего мужеска пола 144 душ». Это имение, «ценой в 29 тысяч рублей с землями, отхожими пустошьями и угодьями, еще между ними не разделено».

Кроме названного имения С. И. Грибоедов оставил своей жене и детям «долгов на 58 тысяч, как партикулярных разным лицам, так и казенных, а именно, ей, Настасье, по распискам,

[70] *Альбовский Е.* История Иркутского полка. С. 217—220.
[71] ГАВО, ф. 244, оп. 2, д. 5, л. 206, 239.
[72] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 500.

взятым у нее на сохранение — 50 тысяч рублей, да по заемным письмам: статскому советнику Николаю Яковлевичу Тинькову — тысяча пятьсот рублей, Настасье Федоровне Басаргиной — тысяча, московскому купцу Василью Федорову — пятьсот и московскому опекунскому совету под залог оного имения — пять тысяч триста.

Они — Настасья и Александр — вышеописанных долгов, равно и следуемого имения, принять не желают и определяют все оставшееся имение девице Марье Грибоедовой в вечное и потомственное владение и обязуются, как за себя, так и за наследников своих, о возврате того имения, Марью впредь никогда не просить, с тем однако ж, чтоб и все оставшиеся долги, платить ей, Марье, не привлекая их ни под каким предлогом. Просили о таком миролюбивом постановлении допросить по болезни их, в собственном доме, состоящем Новинской части в I квартале.

К прошению приложили они, просительницы, вдова Настасья и девица Марья, руку, а вместо корнета Александра — титулярный советник Иван Михайлов сын Левашов,[73] по поданной ему от него, корнета Александра, доверенности, которую при том прошении представил.

Доверенность писана и засвидетельствована в Санкт-Петербургской палате гражданского суда июня 30 дня минувшего года, которой он, корнет Александр Грибоедов, на добровольном имении покойного родителя его, вышереченного секунд-майора Сергея Грибоедова, разделе с родительницею его, уполномачивает его, Левашева».[74]

Таким образом, Александр Сергеевич Грибоедов и его мать отказались от своей доли наследства в пользу Марии Сергеевны. Отказ этот можно объяснить тем, что Мария Сергеевна была не замужем, а невесте желательно было иметь в приданое недвижимые имения. С этого момента Мария Сергеевна стала основным землевладельцем в семье, так как Александр Сергеевич Грибоедов никаких имений не имел, а собственные владения Настасьи Федоровны до и после Костромской авантюры были весьма незначительны.

Ограниченные размеры настоящей публикации не позволяют подробно рассмотреть все материалы, обнаруженные нами в ГАВО. В Приложении приводится список фондов и номера единиц хранения ГАВО, в которых содержатся дополнительные сведения об имущественном положении, окружении и истории семьи Грибоедовых.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Владимирская палата гражданского суда — ф. 92, оп. 1, д. 19, 81, 82, 135, 241, 254, 270; 773, оп. 4, д. 80, 119, 120, 134; оп. 7, д. 882.

---

[73] Титулярный советник И. М. Левашов жил в Москве в Кудрине, в приходе Покрова. Интересно отметить, что в его доме весной 1825 г. снимал квартиру В. К. Кюхельбекер (Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 490).

[74] ГАВО, ф. 92, оп. 1, д. 1856, л. 4—4 об.

Владимирское губернское правление — ф. 40, оп. 1, д. 449, 2101, 3304, 3395, 4775, 1592.

Владимирское наместническое правление — ф. 15, оп. 2, д. 1215; оп. 3, д. 75; оп. 7, д. 528.

Владимирский уездный предводитель дворянства — ф. 245, оп. 1, д. 1-а.

Владимирская духовная консистория — ф. 556, оп. 2, д. 44, 65; оп. 107, д. 126.

Владимирский верхний земский суд — ф. 73, оп. 2, д. 426.

Владимирская казенная палата — ф. 301, оп. 5, д. 146.

Владимирский губернский землемер — ф. 420, оп. 1, 289.

Владимирская дворянская опека — ф. 250, оп. 1, д. 17.

Покровский уездный суд — ф. 103, оп. 1, д. 23, 100.

Судогодский уездный суд — ф. 104, оп. 1, д. 23.

Ю. П. Фесенко

ТЕМА «ГРИБОЕДОВ И ДЕКАБРИСТЫ» В РАБОТАХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ)

Тема «Грибоедов и декабристы» является одной из магистральных тем современного грибоедоведения. Если даже она не вынесена в заглавие того или иного исследования, посвященного изучению жизни и творчества великого драматурга, то все равно присутствует в подтексте и определяет тональность работы.

Напомним, что для самих декабристов никакой проблемы здесь не существовало. Так, А. А. Бестужев во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» писал: «...будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».[1] Говоря об этом подтвердившемся предвидении, Н. И. Мордовченко справедливо заметил: «Эта высокая оценка выразила отношение к грибоедовской пьесе не только самого Бестужева, но и всего круга декабристов, членов Северного тайного общества».[2] Нельзя забывать и о том, что называя «Горе от ума» «творением народным», А. А. Бестужев дал наивысшую с точки зрения декабриста оценку. Ведь само понятие народности было выковано по сути в недрах декабристской идеологии, причем заметная роль в этом принадлежала Грибоедову.[3] Более того, по справедливому замечанию современного исследователя: «Декабристы буквально приняли на вооружение „Горе от ума“ и не упускали случая способствовать распространению пьесы», а некоторые из них «во время следствия

[1] Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 496.

[2] *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в. М.; Л., 1959. С. 249.

[3] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. С. 191—199.

указали на „Горе от ума“ как на один из возбудителей их „либеральных взглядов“». [4]

Вышеприведенная бестужевская оценка подводила определенный итог спору А. А. Бестужева с Пушкиным о первой главе «Евгения Онегина». [5] Эта же оценка, поддержанная О. М. Сомовым, В. Ф. Одоевским и, несомненно, В. К. Кюхельбекером, [6] вписывалась в полемику о «Горе от ума», развернувшуюся в 1825 г. [7] Противоположное мнение было высказано М. А. Дмитриевым и А. И. Писаревым, которые в сущности отрицали грибоедовское новаторство во всем: в языке, конфликте, обрисовке Чацкого и т. д. Нельзя, как это порой делается, преуменьшать охранительный характер подобных суждений. Зная декабристскую оценку, М. А. Дмитриев и А. И. Писарев стремились дискредитировать национальное и социальное содержание «Горя от ума», поставить его в зависимость от возникших вне русской действительности произведений Мольера и Виланда. [8]

Как видим, ревизия декабристского содержания комедии начинается уже в 1825 г. Между тем полемика о «Горе от ума», резко оборвавшаяся после 14 декабря 1825 г., и наступившее затем молчание «красноречивее иных документов свидетельствовало о внутренней связи пьесы с тем, что произошло на Сенатской площади». [9] Обо всем этом нелишне напомнить сегодня. Казалось бы, как можно — после прямого признания декабристами близости грибоедовской пьесы своим представлениям! — огульно отрицать декабристское содержание комедии либо связь Грибоедова с декабристами? И хотя, разумеется, взаимоотношения Грибоедова и декабристов нуждаются в дальнейшем, более углубленном изучении, нельзя не признать, что само появление «Горя от ума» выдвинуло тему «Грибоедов и декабристы».

Нынешние противники грибоедовско-декабристских связей охотно цитируют Н. П. Огарева, причем совершенно произвольно толкуя его высказывания. Та часть его суждений, где он говорит о родственности образа Чацкого декабристам, замалчи-

---

[4] *Гришунин А. Л.* «Горе от ума» в литературно-общественном сознании XIX—XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 182.

[5] См. мою работу: Пушкинский отзыв о «Горе от ума» // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 103.

[6] Конечно, не без ведома В. К. Кюхельбекера, который был соиздателем «Мнемозины» совместно с В. Ф. Одоевским, появились отзывы последнего и в «Мнемозине» (1825. Ч. 4. С. 232) и в «Московском Телеграфе» (1825. № 10. Приложение «Антикритика». С. 1—12). Сам же В. К. Кюхельбекер свою оценку «Горя от ума», сходную с бестужевской, и свое неприятие мелочных придирок к комедии смог изложить только в 1833 г., находясь в ссылке (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 228).

[7] Подробнее об этой полемике см.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 303—311.

[8] Сказанное не означает, что Грибоедов не учитывал опыт европейских литератур, однако, его отношение к имеющимся образцам было творческим.

[9] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. 3-е изд. М., 1977. С. 6.

вается, а вот его замечание о том, что Грибоедов, примкнув к правительству после 14 декабря 1825 г., погубил свой талант,[10] цитируется неумеренно и без должных пояснений. При этом обычно делается такая посылка: если Грибоедов безропотно служил царизму во второй половине 18—20-х гг. — а мы сейчас *знаем,* что это не так![11] — то и до 14 декабря он не разделял взгляды декабристов, а свое скептическое отношение к ним выразил в образе Репетилова либо даже Чацкого. То есть в качестве «аргумента» сторонники «антидекабристского Грибоедова» пытаются использовать едва ли не всю биографию драматурга и его главное произведение. При таком подходе любой факт жизни и творчества может быть искусственно препарирован в угоду поставленной исследователем задаче, а сама тема «Грибоедов и декабристы» беспредельно расширяется и теряет вообще какую-либо историческую определенность. Разумеется, подобная позиция не предполагает никаких углубленных специальных исследований, создавая иллюзию полнейшей ясности и очевидности.

Если мнение Н. П. Огарева о чиновничьем прислужничестве Грибоедова вполне объяснимо недостатком соответствующих материалов,[12] то сходные умозаключения наших современников выглядят по меньшей мере парадоксальными. Используя ограниченный набор кочующих из работы в работу суждений, они тем не менее говорят *о второй концепции,* противоположной той, которая восходит к оценке комедии самими декабристами. Кстати, эта *вторая концепция* в систематическом виде никем, нигде и никогда не была представлена и основывается прежде всего на общеизвестной грибоедовской фразе о «ста прапорщиках, желавших перевернуть государственный быт России». Полезно напомнить, что впервые эта фраза была введена в

---

[10] *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 444.

[11] В произведениях, задуманных и частично осуществленных после 14 декабря, Грибоедов ставит вопрос о бесперспективности политического заговора против тирании без участия народных масс — трагедия «Родамист и Зенобия»; высказывает антикрепостнические взгляды — трагедия «Грузинская ночь» (*Орлов В.* Грибоедов. Очерк жизни и творчества. М., 1954. С. 231—236). Критикуя хищническую колониальную политику царизма, Грибоедов вплоть до своей трагической гибели ведет широкомасштабную работу по экономическому и культурному переустройству Закавказья, по упрочению дружбы между русским народом и закавказскими народностями (*Ениколопов И. К.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1974. С. 62—144). Грибоедов активно ходатайствует об облегчении участи осужденных декабристов (*Фомичев С. А.* Личность Грибоедова // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 17—18).

[12] Грибоедовская тема долгое время была запретной в России; вместе с тем субъективную версию о карьеризме драматурга изложил Д. В. Давыдов в своих «Записках», изданных в Лондоне в 1863 г. (*Фомичев С. А.* Личность Грибоедова. С. 6—8, 15). Вероятно, Н. П. Огарев был знаком с суждениями Д. В. Давыдова еще в 1861 г., когда в предисловии к сборнику «Русская потаенная литература XIX века», напечатанном также в Лондоне, высказал вышеупомянутое мнение о крахе грибоедовского таланта.

научный оборот лишь в 1868 г. Д. А. Смирновым, который лично не был знаком с Грибоедовым. К тому же, «вопреки своему обыкновению Смирнов не документирует, от кого он слышал о „ста прапорщиках“».[13] Необходимо сразу же подчеркнуть, что в настоящее время замечание о прапорщиках по отношению к декабристскому восстанию утратило свой изначальный смысл.

Рассмотрим, например, один из вопросных пунктов, предложенных на следствии Рылееву: «Тогда Торсон спросил вас, к чему приведет набор лейтенантов и мичманов? <...> представляя, „что старшие офицеры ни один не примет участия, <...>, что рядовые всегда скорее послушают старших офицеров, что таким образом действовать, значит возродить беспорядок, который после не удержать; если везде так действовать, значит предать Отечество еще бо́льшим ужасам, чем французская и гишпанская революции...“ <...> Бестужев в сем был согласен с ним, Торсоном».[14] Перекликаются с этим и слова Вяземского: «Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный пунт. 14 декабря не было революциею».[15]

Очевидно, что в обоих примерах, хотя и с противоположных позиций, говорится о незначительности служебного положения тех, кто возглавил восстание, но ни в коем случае не имеется в виду их отрыв от народа.

Н. М. Дружинин написал работу, охарактеризованную Н. К. Пиксановым как «первый и наиболее обстоятельный отзыв о монографии М. В. Нечкиной».[16] Отталкиваясь от ленинского определения декабризма в статье «Памяти Герцена», Н. М. Дружинин говорит «о глубоких противоречиях между буржуазно-революционными стремлениями и реакционно-феодальными пережитками в сознании и поведении декабристов» и на этом основании делает вывод о том, что указанные противоречия не могли не быть присущими и Грибоедову. А если так, полагает Н. М. Дружинин, то мысль Грибоедова не могла двигаться в сторону революции народной, ведь рассуждения об активной исторической роли народа «совмещаются у декабристов с отрицанием тактики массовой народной революции». В дополнение к этому говорится о неприятии Грибоедовым революционного переворота, о крепостнических тенденциях в его взглядах.[17] Короче, получается так, что вопрос о народе — вопреки всем имеющимся данным — не был центральным в деятельности Грибоедова.

Прежде всего нуждается в уточнении трактовка Н. М. Дружининым статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена», напечатанной

[13] *Фомичев С. А.* Автор «Горя от ума» и читатели комедии // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 20.

[14] Восстание декабристов. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 194—195.

[15] *Лебедев А. А.* Куда влечет тебя свободный ум. М., 1982. С. 123—124.

[16] *Пиксанов Н. К.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»//Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1969. С. 292.

[17] *Дружинин Н. М.* Рец. на кн.: Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы // Вопросы истории. 1947. № 12. С. 101—106.

в 1912 г. Говоря о том, что декабристы были «страшно далеки» от народа, В. И. Ленин подчеркивает необходимость самого их выступления, важность идей, которыми они при этом руководствовались: «Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена».[18] Приведенная оценка по существу перекликается с герценовскими словами, сочувственно процитированными здесь же В. И. Лениным: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение».[19] Как видим, в характеристике декабризма В. И. Ленин не останавливался исключительно на констатации противоречий, а подчеркивал значение декабристского восстания для развития русского революционного процесса. В декабризме, несмотря на всю его сложность, были моменты, свойственные всем этапам освободительной борьбы в России.

Сразу же необходимо подчеркнуть, что именно эту сторону движения декабристов отразил в своей комедии Грибоедов. Действительно, Чацкий с самого начала пьесы видит несообразности фамусовского общества, но еще склонен все же к компромиссам, так как надеется на личное счастье с представительницей этого общества. В комедии показан один, но чрезвычайно важный день из жизни Чацкого. Герой проходит на сцене неизбежный для каждого революционера путь — от рационалистического признания недостатков существующего строя до осознания своей с ним антагонистической непримиримости и отказа от надежды на личное счастье. Личное счастье в пьесе начинает пониматься как борьба за общественное переустройство. Этот объективный смысл «Горя от ума» очень точно выразил А. И. Герцен: «Если в литературе сколько-нибудь отразился, слабо, но с родственными чертами, тип декабриста — это в Чацком»; «Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу»; «Это — то брожение, в силу которого невозможен застой в истории»; «Чацкий, если б пережил первое поколение, шедшее за 14 декабрем в страхе и трепете, сплюснутое террором, выросшее пониженное, задавленное, — через них протянул бы горячую руку нам. С нами Чацкий возвращался на *свою* почву».[20] Перекликается с герценовскими суждениями и мнение Н. П. Огарева, который решительно отводил упреки Чацкому в резонерстве: «...вспоминая, как в то время члены тайного общества и люди одинакого с ними убеждения говорили свои мысли вслух везде и при всех, дело становится больше чем возможным — оно исторически верно».[21] Дополнительную достоверность приведенным оценкам придает то, что они высказаны очевидцами событий — младшими современниками декабристов.

---

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 261.
[19] Там же. С. 255.
[20] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 20. С. 342—343.
[21] *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. С. 443.

Грибоедов стремится к максимальной исторической правдивости. И это ему удается потому, что все действие в пьесе изображается с точки зрения народа, хотя сам народ как будто бы на сцене отсутствует.[22]

Как видим, выдающиеся деятели русского освободительного движения отнюдь не усматривали в «Горе от ума» антидекабристского пафоса. Что же касается установки Н. М. Дружинина отыскивать в «Горе от ума» «противоречия между буржуазно-революционными стремлениями и реакционно-феодальными пережитками», то заметим только одно: дворянская революционность удержала в себе много положительного по сравнению с буржуазной революционностью.[23]

Еще более категоричен в своих высказываниях Н. К. Пиксанов. На основании сравнения различных редакций произведения он отрицает философское содержание «Горя от ума»,[24] ограничивает политический радикализм Чацкого и даже выражает сомнение, «обличает ли Чацкий только эксцессы злоупотребления или весь институт крепостного права»?[25]

Возражая Н. К. Пиксанову, С. И. Данелиа справедливо подчеркнул, что «Горе от ума» «базируется на обширном философском фундаменте», и отметил недостаточность «изучения всех редакций» для выявления философского содержания, которое «нужно искать философскими же средствами».[26] По его мнению, народ «составляет необходимое предположение, без которого нельзя понять того, что происходит на сцене», и если «московское общество есть отрицание русского народа», то Чацкий «есть отрицание московского общества».[27] При таком понимании монологи Чацкого начинают соотноситься с народной судьбой, а подчеркнутая минимальность его политических требований, резко контрастируя с воинственностью крепостников, предрекает неизбежность бескомпромиссного столкновения. Кстати, «Чацкий произносит сатирические тирады в духе гражданской лирики декабристов»,[28] и поэтому его политические высказывания, явно неполные (ибо возникают импульсивно и к тому же в бытовом разговоре), проецируются на родственные мотивы декабристской поэзии и дополняются ими. В результате высказывания Чацкого, затрагивающие практически все институты существующего строя, не только получают необходимую исто-

---

[22] *Фомичев С. А.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М., 1983. С. 24, 91, 160, 180 и др.

[23] *Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976. С. 200.

[24] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 303—305.

[25] Там же. С. 333.

[26] *Данелиа С.* К вопросу об изучении А. С. Грибоедова. Тифлис, 1936. С. 233—236 (отд. оттиск).

[27] Там же. С. 239—240.

[28] *Штейн А.* Национальное своеобразие «Горя от ума» // А. С. Грибоедов. 1795—1829. М., 1946. С. 20.

рическую перспективу, но и приобретают значение *системы* взглядов, и его поведение становится *типическим*.

Можно было бы столь подробно не останавливаться на давних работах, если бы положения и приемы, для них характерные, не возникали в наши дни. Когда же речь идет о взглядах Н. К. Пиксанова, то нужно иметь в виду, что их окончательное становление происходило в условиях многолетней полемики с концепцией М. В. Нечкиной, которая убедительно говорила о кровной близости декабристской идеологии творческим установкам и воззрениям Грибоедова. Справедливо упрекая Н. К. Пиксанова в попытках прямого отождествления художественного текста с политическим трактатом,[29] М. В. Нечкина, к сожалению, не избежала сходных упущений в своей работе. В частности, М. В. Нечкина излишне прямолинейно усматривала в образе Репетилова критическое отношение Грибоедова к тактике ранних декабристских обществ.[30]

Другими словами, хотя многолетняя полемика между Н. К. Пиксановым и М. В. Нечкиной создавала видимость принципиального решения единственной альтернативы (декабрист или не декабрист Грибоедов?), на самом деле носила избирательный характер, оставляя без ответа многие вопросы. Так, в свое время Н. К. Пиксанов на основании публикации дела о крестьянских волнениях в костромском имении матери Грибоедова высказал предположение о сочувствии драматурга крепостному праву. Имея в виду 1-е и 2-е издание монографии М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы», современный исследователь верно заметил: «М. В. Нечкина предпочла обойти молчанием вопрос об отношении Грибоедова к бунту крепостных его матери».[31]

Вкратце о самом деле. Пытаясь поправить свое материальное положение, Настасья Федоровна Грибоедова приобрела в ноябре 1816 г. большое имение. Ее чрезмерные требования вызвали все усиливающееся недовольство крестьян, которое привело в апреле 1819 г. к столкновению с военной командой. Через несколько месяцев после подавления волнений имение перешло в другие руки.

За весь указанный период Грибоедов находился в Москве у матери чуть больше недели в начале сентября 1818 г. по дороге из Петербурга на Кавказ. Именно в это время, полагает Н. К. Пиксанов, и мог узнать Грибоедов все подробности дела.[32] Однако, думается, у матери перед долгой разлукой с сы-

---

[29] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 345—346.

[30] Там же. С. 420—437. Заметим, что Репетилов может восприниматься в качестве выразителя тактики Союза благоденствия либо другого общества в той степени, в какой вообще является болтуном и фразером.

[31] *Маркович В. М.* Всегда ли бесспорно «бесспорное»? (Несколько полемических замечаний о принципах комментирования классики) // От Грибоедова до Горького. Л., 1979. С. 153.

[32] *Пиксанов Н. К.* Грибоедов. Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 145.

ном было достаточно тем для бесед. Настасью Федоровну, например, не могло не беспокоить недавнее участие сына в дуэли, за что он находился под следствием,[33] и его по сути вынужденное отбытие в Персию. Кстати, в сентябре 1818 г. волнения среди крепостных крестьян еще не приняли того размаха, как в апреле 1819 г.

В письме С. Н. Бегичеву от 5 сентября 1818 г. из Москвы Грибоедов недвусмысленно пишет: «...здесь все солдаты — и на дороге во всякой деревне, точно завоеванный край».[34] Трудно в данных словах увидеть сочувствие крепостникам и осуждение мужиков. В письме С. Н. Бегичеву от 18 сентября 1818 г. из Воронежа Грибоедов упоминает о таком тягостном эпизоде из своего недавнего пребывания в Москве: «...спроси у Жандра, как однажды, за ужином, матушка с презрением говорила об моих стихотворных занятиях, и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, от того, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными» (Соч. С. 508). Раздражение, прорвавшееся при постороннем, вполне могло быть следствием недовольства матери, обнаружившей самостоятельность суждений сына.

Не исключено, что как раз под влиянием сына мать отказалась от костромского имения. Впрочем, достоверных данных нет. «Но, к удивлению читателей, — справедливо замечает М. В. Нечкина в 3-м издании своей монографии, — именно из этого обстоятельства Н. К. Пиксанов делает вывод: данных *нет, значит* (?) Грибоедов молчал, не спорил с матерью, был против крестьян, стоял *за* крепостницу мать <...>. Да, может, Грибоедов сто раз *говорил* с матерью об этом, только не записал?..»[35] Следует заметить и другое: крестьянские волнения происходили и в имениях многих декабристов.[36] Но в их неприятии крепостного права только на этом основании вполне естественно никто не сомневается, ведь подобное явление было обусловлено исторически — существующим способом производства. Бесспорно, это затрудняет изучение декабристского движения вообще и темы «Грибоедов и декабристы» в частности, что, впрочем, не мешает при случае игнорировать все возникающие проблемы.

Оживает на страницах современной периодики и неоднократно апробированный прием использования итоговых тезисов своего оппонента против него же самого. Так, А. Зорин вроде бы не принимает «представленной именами П. Е. Щеголева и М. В. Нечкиной традиции, утверждающей безоговорочную причастность Грибоедова к декабристскому движению».[37] Но тут

---

[33] Нашумевшая дуэльная история Грибоедова не могла способствовать его подробному ознакомлению с делом о волнениях в костромском имении.

[34] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 506. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Соч. С.).

[35] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 681.

[36] *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 273—274.

[37] Литературное обозрение. 1984. № 7. С. 86.

же в полном соответствии с выводами М. В. Нечкиной, сделанными ею при публикации следственного дела Грибоедова,[38] замечает, что на вопрос об извещении заговорщиками драматурга о своих намерениях можно ответить почти утвердительно, на вопрос о принятии его в члены общества — с достаточной вероятностью, на вопрос о выполнении им поручений общества — только гипотетически. Это, конечно, верно. Но возникает вопрос, о чем спорит с М. В. Нечкиной А. Зорин?

В конце концов за всеми этими рассуждениями о диаметрально противоположном (либо частичном) несовпадении взглядов Грибоедова и декабристов вырисовывается допущение того, что в русской литературе, вершинные достижения которой были всегда связаны с передовой общественной мыслью, могло появиться произведение общенационального масштаба, начисто игнорирующее (либо только поверхностно учитывающее) наиболее прогрессивные устремления своей эпохи. Ведь его автор якобы робко чуждался революционных идей, хотя и находился со многими руководителями декабристской организации, а также ее рядовыми участниками в дружеских отношениях. Думается, это противоречит всем нашим знаниям о Грибоедове и декабристах, о «Горе от ума», о всей русской литературе.

Конечно, не следует и излишне «выпрямлять» творчество Грибоедова, во что бы то ни стало связывая его с декабризмом. Подобная жесткая установка ведет к недостаточно обоснованным построениям. А это не только дискредитирует саму идею о связи Грибоедова с декабристами, но и порождает неверие в позитивные знания, является дополнительным стимулом для возникновения различного рода произвольных гипотез и домыслов.

Так, еще в 1926 г. Н. Л. Бродский ввел в научный оборот стихотворение под заголовком «Г.......ву», обнаруженное им в альбоме, принадлежавшем Е. Н. Опочинину:

С глубоким трепетом волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье,
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.
Иди ж, свободой вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!
А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.
Молю тебя: когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным и южным
Мой братский передай привет.

Уже в наше время на основании прочтения этого текста В. П. Мещеряков делает следующие выводы: «На предложение вступить в Северное общество драматург ответил отказом. Что-

[38] *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 25, 35, 63, 74, 76.

бы убедить его в масштабности заговора, петербургские декабристы сообщили Грибоедову о существовании Южного общества и о планируемом союзе с ним. Грибоедов поделился сведениями с автором стохотворения <...> По всей вероятности, для Грибоедова сообщение о предполагаемом слиянии сил было весомым аргументом, и он пообещал вступить в объединенный союз. Не исключено, что он даже взял на себя миссию содействия объединению северных и южных „братьев". Приняв такое решение, Грибоедов уже не колебался». [39]

Поистине удивляет устанавливаемое здесь соотношение между небольшим по объему, неоригинальным в общем-то по содержанию текстом и вычитанными из него программными тезисами. Вопрос о грибоедовско-декабристских связях получает волевое решение, очень напоминающее приемы «газетного литературоведения» с его установкой на сенсационность. [40]

Стихотворение «Г.......ву» как анонимное включалось в антологию декабристской поэзии. В комментариях к нему среди возможных адресатов, почерпнутых из «Алфавита декабристов», указывалась и фамилия Грибоедова. [41] После первой публикации текста в 1926 г. никто из исследователей альбома Е. Н. Опочинина не видел, что не позволяло восполнить отсутствующие сведения об авторе и адресате, дате и месте написания. Не видел этого альбома и В. П. Мещеряков.

Однако В. П. Мещерякову «неведомо сомненье». Исходной посылкой он избирает следующее предположение первого публикатора текста: «По настроению, устремленному вперед, на путь грядущей борьбы, на исполнение „обета", в ожидании „судьбы", это стихотворение могло быть написано только до 14 декабря 1825 года». [42] Неужто после 14 декабря не выражались «настроения, устремленные вперед»? Вот отрывок из стихотворения А. А. Шишкова «Щербинскому», опубликованного в 1826 г.:

Дай руку мне, товарищ мой!
Пойдем, пойдем навстречу рока!
Поставим твердою душой
Против завистника порока
Дела, блестящие собой. [43]

Вот отрывок из стихотворения В. И. Туманского «Стансы», написанного в 1830 г.:

---

[39] *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.) Л., 1983. С. 74.

[40] Кстати, еще до выхода в свет книги В. П. Мещерякова его прочтение стихотворения «Г.......ву» получило высокую оценку в периодике (Неделя. 1983. № 38. С. 5).

[41] Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951. С. 638.

[42] Каторга и ссылка. 1926. № 1/22. С. 143.

[43] Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 405.

Теперь не суетную лиру
Повесь на рамена, певец!
Бери булат, бери секиру,
Будь гражданин и будь боец. [44]

Не затрудняя себя установлением даты и места написания, В. П. Мещеряков просматривает «Алфавит декабристов» в соответствии с начальной и конечной буквой заглавия «Г.......ву», находит шесть подходящих фамилий [45] и после миниатюрных справок оставляет одну — Грибоедов. Любопытна логика, при помощи которой отводятся возможные кандидатуры. Так, Гангеблов «никого не приобрел Обществу и не участвовал в действиях его», а под следствием оказался в результате анекдотического непонимания французской речи своего собеседника. [46] Но ведь если верить показаниям Грибоедова на следствии, и он никакого участия в деятельности Общества не принимал, а его разговоры с декабристами носили довольно-таки невинный характер.

В. П. Мещеряков приписывает стихотворение А. А. Жандру, делая далеко не очевидное предположение: чтобы Грибоедов, дипломат со стажем, стал распространяться с кем-либо о доверенной ему секретной миссии. Но тогда следовало бы рассмотреть и кандидатуры В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева и др., которые с большей вероятностью и полнотой могли быть осведомлены о цели поездки Грибоедова в Киев.

Все это походило бы на шутку, филологический ребус, если бы не вышеприведенное рассуждение о взаимоотношениях Грибоедова и декабристов. Смысловая нагрузка, выпадающая на долю стихотворения «Г.......ву» в интерпретации В. П. Мещерякова столь велика, что с нею может сравниться лишь его же анализ очерка «Загородная поездка», который был напечатан анонимно с подзаголовком «Отрывок из письма южного жителя» в «Северной пчеле» (1826. № 76. 26 июня).

«Но вчитаемся в „Загородную поездку“ внимательнее, — предлагает В. П. Мещеряков, — поймем, что появление очерка в печати являлось для Грибоедова насущной необходимостью. Он спешил объясниться с друзьями, заточенными в казематы, с теми, кто разделял, если не участь их, то убеждения; торопился, пока еще имелась хоть малейшая возможность, высказать свое отношение к узникам и их делу, а им самим раскрыть глаза на главную причину, определившую неуспех восстания». [47] Предлагаемые затем размышления по поводу очер-

[44] Там же. С. 297.

[45] Кстати, в именном указателе к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР («Движение декабристов». М., 1975. Вып. 1) мы находим в дополнение к «Алфавиту» фамилии Гамбурцева, Гидеева, Голикова.

[46] *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. С. 73.

[47] *Мещеряков В. П.* Новое о Грибоедове // Русская литература. 1985. № 1. С. 201.

ка завершаются следующим образом: «У Грибоедова, выступив шего с „Загородной поездкой“ в газете, было очень мало шансов на то, что его услышат. До узников Петропавловской крепости журналы и газеты не доходили <...> Так и осталось страстное обращение Грибоедова не прочитанным теми, кому оно предназначалось в первую очередь...».[48]

Как и в случае с прочтением стихотворения «Г.......ву», В. П. Мещеряков сводит на нет свое предварительное замечание, противоречит сам себе. Да неужто Грибоедов не знал о том, что Петропавловская крепость не читальный зал, или был до такой степени бездушным, что людям, страдающим за правое дело, нетерпеливо указывал на их просчеты? Совместимо ли с этим приводимое В. П. Мещеряковым пушкинское высказывание о Грибоедове как об «одном из умнейших людей России»?

Не менее показательно и прочтение самой «Загородной поездки»: «...в их *бездушных* иглах нет отрады»; «В сообществе равных нам, высших нас, так точно *мы, ни ими, ни собою недовольные, возносимся иногда парением ума над целым человечеством, и как величественна эта зыбь вековых истин и заблуждений, которая отовсюду простирается далеко за горизонт нашего зрения!*»; *«И чем ближе к Петербургу, тем хуже;* по сторонам *предательская* трава; если своротить туда, ти́нистые хляби, вместо суши». Сохраненные нами курсивы В. П. Мещерякова наглядно показывают, что любую невинную фразу можно при желании переиначить и преподнести в качестве революционного лозунга.

С помощью подобного прочтения легко обнаружить революционные мотивы и в булгаринском очерке о поездке в Парголово: «Выехав за Выборгскую заставу и оставив позади *городскую пыль и стук,* я вспомнил стих А. Пушкина: *„Мне душно здесь — я в лес хочу!“».*[49] Если вспомнить контекст цитаты из широко известных тогда «Братьев-разбойников», то следует признать, что уже первая фраза булгаринского очерка ориентирует на особый потаенный смысл: Петербург (столица российского государства!) недвусмысленно сравнивается с тюрьмой, а привнесенная цитатой разбойная тема призывает к активному протесту против деспотизма, разлагающие проявления которого выражены прозрачным намеком *(«городская пыль и стук»).* Разумеется, подобное толкование звучит анекдотически, потому что мы знаем цену «революционности» Булгарина. Однако мы не поймем своеобразия процитированного текста, если не учтем следующее: на рубеже XVIII—начала XIX вв. в русской литературе начинают складываться оппозиции типа: венец —

---

[48] Там же. С. 204.

[49] В. П. Мещеряков почему-то совершенно не комментирует немаловажное для его предположений совпадение: за год до публикации «Загородной поездки» в той же «Северной пчеле» (1825. № 77. 27 июня) Булгарин описал свою поездку — также в Парголово и также 21 июня.

венок, дворец — шалаш.[50] Вот, например, фрагмент из стихотворения «Ночь» М. Н. Муравьева:

Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где чистолюбье бдит,
Где скользский счастья путь, где ров цветами скрыт.

Современный исследователь пишет об этом стихотворении: «В воображении поэта ярко разворачивается контраст цивилизованного города, гнезда пороков и волнений, и простой сельской жизни. Конечно, этот контраст имеет древнейшую традицию буколической поэзии».[51] Однако при желании и здесь можно усмотреть революционное содержание.

Поэтому вызывает сочувствие стремление А. А. Лебедева выступить против «выпрямления», «приукрашивания» классиков.[52] Правда, А. А. Лебедев излишне драматизирует ситуацию, когда говорит о недостаточности накопленных наукой материалов для каких-либо определенных выводов и утверждает свое право на гипотезу. «Поистине гимн гипотезе! И именно в откровенной гипотетичности всех суждений — и убедительность и, не побоимся этого слова, обаяние последней работы А. Лебедева», — одобрительно восклицает Л. Поликовская.[53] В то же время книга А. А. Лебедева — как справедливо замечает А. Зорин — перегружена неумеренным цитированием, автор «довольствуется сведениями, полученными из вторых рук, и между ним и предметом встает стена чужих интерпретаций».[54] Н. Минаева и В. Оскоцкий верно определяют главную проблему, волнующую автора книги: «декабрист ли Грибоедов, причастен ли он к декабризму?» Тем не менее, надо полагать, декабризм для Н. Минаевой и В. Оскоцкого, как и для А. Лебедева, несмотря на всевозможные оговорки, явление узкое, своего рода «дворцовый заговор». Иначе с чего бы в их рецензии возник следующий пассаж: «Предлагая свое прочтение комедии, А. Лебедев не замыкает ее идеи и образы в рамки декабристского мировоззрения. И декабризм, — рассуждает он, — не исключал метаний и исканий, сомнений и заблуждений. И вне декабризма в первой четверти XIX века велись плодотворные поиски верного подхода к жизни». Далее, говоря о том, что русское просветительство шире декабризма, рецензенты-соавторы замечают: «В пределах первой четверти века декабристская революционность — вершинный взлет, но не последний рубеж просветитель-

---

[50] *Манн Ю. В.* Поэтика русского романтизма. М., 1976. С. 19—22.
[51] Там же. С. 143.
[52] *Лебедев А. А.* Грибоедов. Факты и гипотезы. М., 1980. С. 80, 82—83, 110 и др.
[53] *Поликовская Л.* Грибоедов против Вазир-Мухтара // Литературное обозрение. 1981. № 8. С. 41.
[54] *Зорин А.* Прихотливый путь самопознания // Там же. С. 45.

ства, которое пережило декабризм и в перспективе истории пошло дальше его — к новым рубежам».[55]

Само противопоставление широкого спектра декабристских идей просветительству, которое в свою очередь было неоднородным, является явной передержкой. Современный исследователь справедливо пишет о том, что передовая часть декабристов обосновывала «наиболее радикальные социально-политические теории» и «наиболее передовые философские идеи». Более того, он замечает: «К дворянским революционерам в начале XIX в. (вплоть до формирования революционно-демократического, „разночинного", по терминологии Ленина, направления в политической жизни и общественной мысли) тяготели в своем большинстве и те выходцы из разночинной среды, из числа буржуазии и интеллигенции, которые вступали на путь антиправительственной, антифеодальной политической деятельности».[56] Другими словами, дворянская революционность не исчерпала себя 14 декабря, а подготавливая движение разночинцев, подводила к пролетарской революции, которая, заметим, была бы невозможной на основе «плодотворных поисков верного подхода к жизни».

Свою монографию А. А. Лебедев открывает рассуждением о том, что первоначально он хотел написать «нечто вроде» «систематизированного обзора», но затем передумал. Каково же удивление читателя, который обнаруживает, что предлагаемая книга все-таки является обзором, правда несистематизированным и растянутым на триста страниц. Авторская гипотеза изложена в виде афористических заметок, вкрапленных между разборами опубликованных ранее мнений. Оригинально сделаны и сами эти разборы. Например, для рецензирования статьи В. И. Левина отводятся страницы с 86-й по 121-ю, что почти в три раза превышает объем рассматриваемой работы.

Однако, по справедливому замечанию А. Зорина, «понимание Чацкого как насмешки над декабристами» А. А. Лебедев заимствует именно у В. И. Левина «при всей полярности оценки такой авторской позиции».[57] Действительно, в полном соответствии с отвергнутой концепцией А. А. Лебедев в своей монографии говорит о неприятии Грибоедовым революционного способа действий вообще (с. 259, 270—271 и др.). При этом столько внимания уделяется осуждению высказываний М. В. Нечкиной (чрезмерно полемических, с точки зрения А. А. Лебедева), что невольно возникает мысль о позднейшем привнесении фамилии Грибоедова в «Алфавит декабристов». Ничем другим нельзя объяснить отсутствие какого-либо анализа следственных дел декабристов. И совершенно не комментируется то, что Гри-

---

[55] *Минаева Н., Оскоцкий В.* Преимущества гипотезы // Там же. С. 48.

[56] *Каменский З. А.* Философские идеи русского Просвещения. М., 1971. С. 15—16.

[57] *Зорин А.* Прихотливый путь самопознания. С. 45.

боедов был причастен к другому заговору, раскрытому в Грузии уже после трагической гибели драматурга.[58] Еще больше озадачивает одобренная в печати[59] попытка, вслед за В. И. Левиным,[60] но без указания на это, усмотреть осуждение декабризма в письме Грибоедова к ссыльному А. И. Одоевскому от начала июня 1828 г. Ведь письмо было послано ведомственным путем, через III отделение, что вполне объясняет официальность тона.[61]

Точно так же, вслед за В. И. Левиным, А. А. Лебедев расширительно толкует грибоедовский скептицизм, придавая ему антидекабристскую направленность. Только вскользь говорится (с. 247, 255) о сходном, исторически обусловленном скептицизме декабристов. В успехе восстания при отсутствии связи с народом сомневался глава Южного общества П. И. Пестель.[62] Сомнения и колебания, настроения трагической обреченности переживал и «наиболее демократичный и радикальный представитель Северного общества» К. Ф. Рылеев.[63] Однако они, как известно, преодолели свой скептицизм.

Чем же тогда отличается гипотеза А. А. Лебедева от взглядов В. И. Левина? Двумя словами — чудовищный «эксперимент» (так метафорически названа в книге на с. 275-й служебная деятельность Грибоедова). Думается, этого маловато для того, чтобы претендовать на оригинальную гипотезу. Впрочем, те или иные критические упреки не заставляют А. А. Лебедева усиливать либо уточнять аргументацию. Да и нужна ли она? Ведь исследователь декларирует феноменальную непохожесть драматурга на обыкновенных людей: «В декабристскую типологию Грибоедов не укладывается, он исключителен, потому и объяснен он может быть лишь как явление исключительное. Но это не значит, конечно, что он вообще не может быть объяснен. Хотя, конечно, он и не может быть объяснен до конца, ибо Грибоедов — как всякое гениальное явление — бесконечен».[64] Все просто, правда не совсем ясно.

Сторонники антидекабристского Грибоедова сетуют на скудность дошедших до нас документов. Но ведь Грибоедов, будучи дипломатом высочайшей квалификации,[65] попросту не оставлял компрометирующих его материалов. С другой стороны, ес-

---

[58] *Андроников И. Л.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1980. Т. 1. С. 373, 381.

[59] *Минаева Н., Оскоцкий В.* Преимущества гипотезы. С. 48.

[60] *Левин В. И.* Грибоедов и Чацкий // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29, вып. 1. С. 35.

[61] *Грибоедов А. С.* Избранное: Пьесы. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1978. С. 394.

[62] *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.; Л., 1950. С. 305.

[63] *Базанов В. Г., Архипова А. В.* Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 5—6.

[64] *Лебедев А. А.* Куда влечет тебя свободный ум. С. 52

[65] *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

ли бы имелись документы, однозначно утверждающие отсутствие связи Грибоедова с декабристами, то они сохранились бы наверняка. Их, как известно, нет. А между тем, четверо из допрашиваемых (С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, А. Ф. фон-дер-Бригген, Н. Н. Оржицкий) подтвердили принадлежность Грибоедова к тайному обществу. При этом особенно важны свидетельства первых двоих. Е. П. Оболенский, входивший в Коренную думу Северного тайного общества со времени его образования, составил список из шестидесяти одной фамилии, куда включил и фамилию Грибоедова (в дальнейшем только двоим из этого перечня удалось оправдаться).[66] Уточняя свое показание, Е. П. Оболенский сослался на слова Рылеева о принятии Грибоедова в члены Общества. С. П. Трубецкой, как известно, назначенный диктатором восстания, 23 декабря 1825 г. также сослался на слова Рылеева. Сам же Рылеев, опрошенный 24 декабря, отрицал этот факт, но допускал, что Грибоедова мог принять А. Одоевский, с которым драматург проживал на одной квартире. Попутно обратим внимание на высказывание А. А. Бестужева, которое исключает предположение о чуждости идей «Горя от ума» декабристам: «В члены же его не принимал я... потому, что жалел подвергнуть опасности такой талант, в чем и Рылеев был согласен».[67]

Тщательно анализируя показания А. И. Одоевского, А. А. Бестужева и повторное свидетельство К. Ф. Рылеева от 14 февраля 1826 г., М. В. Нечкина обнаруживает в них умолчания, околичности, противоречия и ставит под сомнение выраженное здесь отрицание принадлежности Грибоедова к декабристам.

Всего же на следствии о Грибоедове высказалось 14 человек. В мемуарной литературе принадлежность Грибоедова к декабристам подтвердили А. А. Жандр и Д. И. Завалишин.

Как видим, вопрос о связи Грибоедова с декабристами не является домыслом, а естественным образом возник в ходе допросов. Большое влияние на благоприятный для Грибоедова исход оказало сочувственное вмешательство ряда влиятельных лиц, в частности И. Ф. Паскевича. Сыграло свою роль и то, что Следственный комитет отрабатывал только одну версию о Грибоедове — «как о связном между известными заговорщиками и Ермоловым».[68] Не будь всего этого, даже незаурядная находчивость и редкое самообладание вряд ли бы спасли Грибоедова...

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что тема «Грибоедов и декабристы» нуждается в дальнейшем изучении. Однако стремление к волевому решению возникающих вопросов, помноженное на упрямое нежелание считаться с накопленными наукой фактами, не может дать положительных результатов. Какими

---

[66] *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. С. 48.
[67] Там же. С. 44.
[68] *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 143.

бы привлекательными ни выглядели подобные построения, их «сенсационность» намного превышает их основательность, хотя они и создают впечатление полнейшей изученности, ясности, вседозволенности наконец. С удивительным постоянством самые невероятные гипотезы «плодятся год от года», вызывая в конечном итоге недоверие к постижению истины.

Л. М. Аринштейн

ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА ПО ПОВОДУ ГИБЕЛИ ГРИБОЕДОВА

> Голубая родина Фирдуси...
>
> Есенин. Персидские мотивы

> Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашей веселостью: у меня и без того голова кругом идет!
>
> Грибоедов. Кто брат, кто сестра

1

5 раджаба (29 декабря 1828 г./10 января 1829 г.) вновь назначенный посланник русского императорского двора Александр Сергеевич Грибоедов в сопровожеднии пышной свиты прибыл ко двору персидского шаха Фатх-Али в Тегеран. Работа предстояла тяжелая.

Из «Изложения фактов, относящихся к деятельности Русской миссии со дня ее отъезда из Тебриза в Тегеран 12-го джумади до ее гибели в среду 6-го шаабана 1244 г.»:

«Посланник остановился в роскошном особняке покойного Мохxамед-хана Замбор-экчи-баши, великолепно приготовленного для приема <...>.

На следующий день после прибытия Посланник нанес первые официальные визиты: Абул Хассан-хану, министру иностранных дел, одному из важнейших сановников государства, затем другим видным сановникам <...>.

В среду 8-го раджаба состоялось представление Шаху, согласно совместно разработанному церемониалу. Около полудня к дому Посланника прибыл обер-церемониймейстер двора Махмуд-хан во главе почетного эскорта, предназначенного для сопровождения Посланника к шахскому дворцу. Придворный конюх подвел Грибоедову коня из шахских конюшен. Все то время, что процессия медленно следовала по бесконечным торговым рядам столицы, владельцы многочисленных лавок приветствовали Посланника стоя, обнажив голову на европейский манер. Когда же он вступил во внутренние дворы шахской резиденции, направляясь к Зеркальному залу, где шах ожидал его

на троне во всем блеске своего величия, сановники его величества пребывали в почтительном благоговении. Грибоедов <...> вручил шаху свои верительные грамоты. Церемония вызвала общее удовлетворение <...>

До второго приема у шаха, состоявшегося через 12—14 дней после приезда, весь двор только и был занят тем, чтобы доставить удовольствие Посланнику. Аммин-эд-даулэ, Абул Хассан-хан, Мирза Моххамед Али-хан старались превзойти друг друга в блестящих празднествах и угощениях Посланнику и его свите. Тут было какое-то соревнование, воодушевлявшее и занимавшее этих знатных особ; всюду были пиры, иллюминации, фейерверк».[1]

Из доклада о расследовании обстоятельств убийства Грибоедова и его свиты, предпринятого по распоряжению британского Посланника в Персии подполковника Макдональда начальником охраны британской миссии капитаном Рональдом Макдональдом:

«Казалось, все шло хорошо и Его Превосходительство Посланник уже готовился к отъезду, как вдруг за шесть или около шести дней до того, как он встретил свою безвременную кончину, произошло следующее: мирза Якуб, второй евнух шахского гарема, личность очень влиятельная, пришел к русскому Посланнику и потребовал его покровительства как уроженец Эривани и русский подданный, воспользовавшись статьей Договора с Персией, дающей право русским подданным, проживающим в Персии, возвращаться на родину <...>.

Г-н Грибоедов, говорят, употребил все свое влияние, чтобы отговорить мирзу, указывая на то, что за время долгого отсутствия он отдалился от родни и обычаев своей страны и, если вернется в Грузию, не может рассчитывать сохранить тот же чин и положение, какими он теперь обладает. Видя, однако, что мирза Якуб упорствует, г-н Грибоедов не мог, без того чтобы публично не подорвать к себе доверия, отказать ему в убежище и в возвращении на родину. В конце концов мирза был принят в дом Посланника.

Этот случай из-за исключительного положения, которое занимало вышеупомянутое лицо, привел г-на Грибоедова к немедленному столкновению с персидским правительством. Каждый день порождал поводы для судебных разбирательств и споров. Жалобы предъявлялись в огромном количестве одной стороной и отвергались противоположной, это вело к жарким дебатам, в которых евнуха обвиняли будто он вымещал свою злобу в грубых оскорблениях религии и обычаев Персии и что

---

[1] Narrative of the Proceedings of the Russian, Mission, from its departure from Tabreez for Tehran<...>until its destruction... Blackwood's Edinburgh Magazine, Sept. 1830. P. 496—512.

В переводе с английского оригинала приводится впервые. До настоящего времени на русском языке публиковалось в переводе с сильно искаженного французского переложения.

его поддерживали в этом одно или два лица из свиты Его Превосходительства».[2]

За «жаркими спорами» последовали не менее «жаркие» действия. Утром 6 шаабана (30 января/11 февраля 1829 г.) к особняку Моххамед-хана стала собираться толпа, громко выражавшая намерение расправиться с Якубом. Грибоедов распорядился запереть ворота и выставить усиленную охрану. Это не помогло. Толпа продолжала наседать... Раздались первые выстрелы...

В ходе завязавшейся ожесточенной неравной схватки Грибоедов и вместе с ним почти все члены посольства, обслуживающий персонал и охрана были зверски убиты.

К настоящему времени известно более тридцати источников, так или иначе освещающих это трагическое событие. Все они совпадают или почти совпадают в изложении внешней канвы событий: от первых признаков напряженности, связанной с появлением в резиденции Грибоедова евнуха шахского гарема мирзы Якуба (в некоторых документах «ходжа Якуб» или «Якуб-хан»), до деталей кровавой резни 6 шаабана. Все они (или почти все) коренным образом расходятся в объяснении причин и мотивов этой преступной акции.

Если отвлечься от частностей, то можно выделить следующие восемь версий, объясняющих причины и мотивы нападения на русское посольство и соответственно указывающих на виновников кровавой резни. Первая из них строится на том, что инициатива антирусских действий исходила от персидского правительства, т. е. шахского двора; вторая — виновником событий был один из наиболее могущественных феодалов Алла Яр-хан, имевший особые счеты как с русскими вообще, так и с Грибоедовым в частности; согласно третьей — вина возлагается на духовные власти Тегерана, в частности на Месих-мирзу-мудж-техида — наиболее авторитетного представителя руководства мусульманской общины в Тегеране; четвертая версия — нападение тегеранцев на русское посольство носило сугубо стихийный характер; пятая — виновником событий был сам Грибоедов, якобы восстановивший против себя население Тегерана; шестая — виновато окружение Грибоедова, в особенности христиане-армяне (у которых в то время действительно накопилось немало горечи в отношении мусульманского населения Турции и Персии, отторгнувших от Армении значительные территории и нещадно эксплуатировавших ее коренных жителей); седьмая версия (мало убедительная, но и она высказывалась) — тайные импульсы, направленные против Грибоедова, исходили из Петербурга (имеются в виду император Николай I

---

[2] Доклад Р. Макдональда (брата английского Посланника в Персии. — *Л. А.*) подполковнику Дж. Макдональду о расследовании обстоятельств убийства Грибоедова, датированный 21 марта 1829 г. (Машинопись. Подл. по-английски), ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1410/8. Перевод здесь и в дальнейшем — автора статьи.

и его министр иностранных дел К. В. Нессельроде); наконец, последняя, восьмая, версия возлагает ответственность за нападение на Грибоедова на подстрекательские действия со стороны англичан.

Конечно, все эти версии возникли не на пустом месте. Каждая из них — одна глубже, другая поверхностнее — отражает какую-то сторону крайне запутанной обстановки, сложившейся тогда и в самой Персии, и в Средневосточном регионе в целом.

Самодержавным главою персидского государства в то время был Фатх-Али-шах из династии Каджаров. Власть его была фактически невелика, да и она постоянно подтачивалась борьбой крупных феодалов — в основном многочисленных сыновей и племянников шаха — за земли, положение, влияние, богатство. Впрочем, влияние и независимость даже самых могущественных феодалов была крайне ограниченной. И в этом смысле версия о том, что инициатором нападения на русское посольство был Алла Яр-хан, не выдерживает критики. Как ни своевольны были крупные феодалы, ни один из них не рискнул бы вмешиваться таким образом во взаимоотношения шаха с иностранной державой. За это легко было поплатиться головой. Самое большее, на что Алла Яр-хан мог отважиться, — это подогревать страсти, когда волнение уже началось, что он, вероятно, и делал.

Если феодалы и армия еще как-то подчинялись власти шаха, то народные массы, особенно в крупных городах — Тегеране, Тебризе, Ширазе, находились в состоянии постоянного отчуждения и конфронтации с шахским двором, феодалами и их вооруженными формированиями. Реальной властью в городах обладало лишь магометанское духовенство. Влияние его среди городского населения было огромно, причем духовное влияние поддерживалось еще и тем, что духовенству принадлежала и судебная власть.

Любые массовые движения того времени — будь то народные волнения или празднества — так или иначе направлялись духовенством, широко использовавшим религиозный фанатизм масс в своих интересах. Стихийные волнения в собственном смысле, т. е. не вызванные духовенством или, по крайней мере, не санкционированные им, в истории шиитского мусульманства тех лет практически неизвестны. Едва ли правомерно полагать, что нападение на русское посольство в Тегеране было исключением (мы имеем в виду версию о стихийном характере нападения). С самого начала волнения оно направлялось духовными пастырями ислама. В этом смысле версия об определенной доле ответственности мудж-техида Месих-мирзы и других руководителей мусульманской общины в Тегеране за нападение на русское посольство соответствует истине. Однако эта версия не раскрывает причин нападения по существу и не отвечает на вопрос, действовали ли мудж-техиды по собственной инициативе или были лишь исполнителями чужой воли.

Большая часть исследователей склоняются к тому, что либо мудж-техидов силой или хитростью, подкупом или посулами вынудили так поступить, либо они сами стали жертвами хорошо организованной провокации. Сделать это могли только две силы — шахский двор, т. е. собственно персидское правительство, или англичане, позиции которых в Персии были тогда очень сильны.

Шахский двор и тегеранское духовенство находилось в довольно прохладных отношениях; тем не менее правительство располагало достаточными средствами, чтобы побудить мудж-техидов действовать в нужном ему направлении. Вопрос, однако, состоит в том, нужно ли было шаху нападение на русское посольство, заинтересовано ли было его правительство в гибели Грибоедова. И если не оно, то кто был в этом заинтересован?

Нам уже приходилось анализировать этот вопрос в предшествующих работах, где мы пришли к выводу, что нити хорошо продуманной, тщательно спланированной и профессионально осуществленной провокации против русского посольства тянутся к экспансионистски настроенным английским кругам.[3] В предлагаемой работе мы подходим к тому же вопросу с другой стороны — на основе анализа ранних персидских документов, относящихся к гибели Грибоедова.

2

Чем больше изучаешь относящиеся к рассматриваемому вопросу документы, тем яснее становится, что шах не был заинтересован в действиях против русского посольства и, более того, был в высшей степени заинтересован, чтобы такие действия не предпринимались.

В дополнение к уже известным источникам, в нашем распоряжении имеются четыре документа, ранее к исследованию вопроса не привлекавшиеся. Это письмо британского посланника Джона Макдональда от 19 февраля 1829 г. своему правительству, в котором зафиксировано переданное ему первоначально в устной форме сообщение о нападении на русское посольство и гибели Грибоедова. Далее, личное письмо (фирман) шаха к Макдональду с объяснениями по поводу трагических событий, а также письма главы персидского правительства Абул Вахаб-мирзы и министра иностранных дел Абул Хассан-хана по тому же вопросу — также адресованные Макдональду.

Три последних письма представляют собой обстоятельные ответы на протест, заявленный британским Посланником по получении им сообщения об убийстве Грибоедова. Одно из них

---

[3] *Аринштейн Л. М.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // Русская литература, 1981, № 2. С. 225—233; В мире отечественной классики. М., 1984. С. 442—461.

имеет дату «1 рамазана 1224 г. хиджры» (что соответствует 5 марта 1829 г. по европейскому календарю); на двух других дата не обозначена, но имеются достаточные основания (об этом ниже) датировать их тем же числом.

Тексты писем были тогда же переведены с персидского на английский язык ответственными работниками британской миссии Дж. Макнилом и Дж. Кэмпбеллом. Владение персидским языком этими лицами (о них еще пойдет речь в настоящей работе) и ситуация, в которой осуществлялся перевод, не вызывают сомнений в его адекватности.

Установить местонахождение персидских подлинников писем, о которых идет речь, не удалось: по всей видимости, они попали в частные руки и в настоящее время находятся вне пределов досягаемости. Возможно, они утрачены. Что касается переводов, то каждый из них был размножен в четырех экземплярах и был направлен Макдональдом в три адреса: политическому секретарю правительства Ост-Индской компании, председателю Совета директоров Ост-Индской компании и главнокомандующему русскими войсками в Закавказье генералу Паскевичу.

Комплекты, направленные в первые два адреса, сохранились и находятся в настоящее время в библиотеках Лондона (Public Record Office Foreign Office, 249/27; Indian Office Library). Комплект, направленный генералу Паскевичу, попал в архив Наместника Кавказа (входивший до последнего времени в общий архив Министерства иностранных дел). В 1910 г. с комплекта этих писем были сняты копии для Н. К. Пиксанова, в библиотеке которого в Институте русской литературы АН СССР они хранятся в настоящее время.

Публикуемые ниже русские переводы всех названных выше документов выполнены нами по этим копиям.

3

Первое по времени сообщение о гибели Грибоедова, исходящее от персидских властей, было сделано в Тебризе 6/18 февраля 1829 г., т. е. неделю спустя после разыгравшейся в Тегеране трагедии, наследным принцем Аббас-мирзой британскому посланнику Джону Макдональду. Сообщение, как упоминалось, было сделано в устной форме.

Для понимания последующего необходимо представлять некоторые особенности вазимоотношений персидского правительства с иностранными державами. Персия в те годы стремилась по возможности отгородиться от внешнего мира, полагая, что таким образом она обеспечит себе независимое и самобытное развитие. Ограничив до предела внешнеполитические связи, персидское правительство поддерживало дипломатические отношения только с Оттоманской империей, Великобританией и Рос-

сией. Существовавшие ранее дипломатические отношения с Францией были упразднены. Мало того. Дипломатические представительства, согласно воле шаха, размещались не при шахском дворе в Тегеране, а при дворе наследного принца Аббас-мирзы в Тебризе — примерно в неделе пути от Тегерана. Приезд иностранных дипломатов в Тегеран (в особенности из немусульманских стран) допускался лишь в особых случаях, как исключение. Именно таким особым случаем была поездка в Тегеран русского посольства во главе с Грибоедовым, начавшаяся 8/20 декабря 1828 г. и трагически завершившаяся 30 января/11 февраля следующего — 1829 г.

В действительности изоляционистский курс персидского правительства был мало эффективен. Персия уже давно попала в зависимость от Великобритании, и англичане, хотя внешне и соблюдали предписанную шахом регламентацию, чувствовали себя в стране полными хозяевами. Они систематически субсидировали шаха и его двор и таким образом контролировали финансы страны; английские офицеры руководили боевой подготовкой персидской армии и отлично знали все ее уязвимые стороны; английские врачи лечили шаха и его приближенных; английские консулы-резиденты имелись во всех крупных городах Персии и т. д. Устраивала англичан и изоляционистская политика персидского правительства: устраняя конкурентов изоляционизм способствовал монопольному влиянию англичан в Персии. Правда, британскому посланнику Макдональду приходилось вследствие этого жить в Тебризе, но атташе британской миссии — он же личный врач шаха — Макнил жил в Тегеране и даже имел собственные аппартаменты в шахском дворце.

Однако среди самих англичан единства в вопросах восточной политики в то время уже не было. В Персии тогда соперничали две английские группировки. Одну из них — более умеренную — возглавлял Макдональд, который, между прочим, был посланником не английского правительства, а могущественной Ост-Индской компании, осуществлявшей непосредственное управление Индией, Бирмой и другими английскими колониальными владениями в Азии. Ост-Индская компания формально подчинялась королю Великобритании, но ее экономическое могущество было столь велико, что фактически она была «государством в государстве». Компания имела свое правительство, армию, дипломатических представителей и нередко противопоставляла свои решения предписаниям английского королевского правительства. В те годы Ост-Индская компания (торгово-экономическая деятельность которой в немалой степени зависела от стабильности в Индии и в пограничных с нею государствах) была заинтересована в том, чтобы Персия сохраняла мир с Россией, и ее посланник Макдональд, а также секретарь миссии Дж. Кэмпбелл (сын председателя Совета директоров Ост-Индской компании) делали все, чтобы политика мира и ста-

бильности возобладала в этом регионе Среднего Востока. Именно на этой основе завязалась их дружба с Грибоедовым.

Другую группировку возглавляли Генри Уиллок, его брат Джордж и английский врач Джон Макнил. Эта группа представляла в Персии интересы экспансионистски настроенных кругов английской аристократии, захвативших в конце 1820-х гг. ключевые посты в английском правительстве. С начала 1828 г. премьер-министром Англии стал герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо. В 1826 г. он провел несколько месяцев в Петербурге и пришел к выводу, что после поражения наполеоновской Франции главным соперником Англии в мировой политике становится Россия.[4] Став премьер-министром, Веллингтон взял курс на конфронтацию: «Мы не можем больше сотрудничать с Россией, — поучает он своего ближайшего помощника лорда Элленборо, — если Франция будет продолжать сотрудничество с Россией, мы выступим против и развяжем себе руки. Так или иначе <...> мы должны избавиться от России (запись в дневнике 2 октября 1828 г.).[5] Сам Элленборо, ставший в правительстве Веллингтона вторым после премьера лицом, ответственным за внешнюю политику, придерживался еще более крайних взглядов, не исключавших возможности военного столкновения с Россией. Вот несколько его записей: «Наша политика и в Европе и в Азии должна преследовать единую цель — всячески ограничивать русское влияние... В Персии, как и везде, надо готовиться к тому, чтобы при первой же необходимости начать широкую вооруженную борьбу против России».[6] Или же еще конкретнее: «30 октября 1829 г. Как только русские присоединят Хивинское ханство, мы должны оккупировать Лахор и Кабул. Не на берегах же Инда встречать врага...»[7]

В резком контрасте с подобными заявлениями находятся слова Макдональда о необходимости мира с Россией. Так, в связи с завершением Туркманчайских мирных переговоров, он писал своему правительству 22 февраля 1828 г.: «Заключение мира имеет неоценимое значение не только для Персии, но и для нас. Мир спас Персию от нависшей над нею угрозы прекратить существование как независимое государство, а нас — от опасностей столкновения с Петербургским двором, в которое, по мере успехов русского оружия, мы несомненно оказались бы втянуты».[8]

Не следует, разумеется, упрощать. Макдональд верой и правдой служил интересам Ост-Индской компании, но он был

[4] *Wellington A.* Despatshes. Correspondence and Memoranda/Ed. by his son. New ser.: Dec. 1825—May 1827, London, 1868. V. 3. P. 93 and ff., esp. 196, 300—302, 310, 342.

[5] A Political Diary 1828—1830 by Edward Law Lord Ellenborough/Ed. by Lord Colchester. London, 1881. V. 1. P. 233.

[6] Ibid. V. 2. P. 92.

[7] Ibid. P. 123—125.

[8] IOL, Secret Letters and Enclosures from Persia. 42, 1828. (См.: *Costello D. P.* The Murder of Griboedov. P. 68).

профессиональным военным и трезвым политиком. Он имел возможность оценить ход боевых действий после того, как в июле 1826 г. персидская армия без объявления войны вторглась в пределы России; он видел, как небольшой русский отряд взял древнюю столицу Азербайджана — Тебриз и имел возможность лично наблюдать, как русские войска, после того как Персия прервала переговоры в Дей-Каргане, рассеяли персидскую армию по долине Салтанэ и открыли себе путь к Тегерану. Таким образом, у Макдональда не было иллюзий насчет боеспособности персидской армии и вероятного исхода военных действий, если бы здесь вновь вспыхнула война.

В то же время на него не могла не произвести впечатления сдержанность России, которая не воспользовалась военной победой для расширения своей территории за счет Персии. Войска генерала Паскевича не только не предприняли наступления на Тегеран, но вскоре были выведены из Тебриза и всей территории южного Азербайджана, оказавшегося под их полным контролем в ходе преследования отступавших персидских армий. Богатый военно-дипломатический опыт, трезвый учет военно-политической обстановки — вот что определяло политику Макдональда, суть которой состояла в том, чтобы решать спорные вопросы не на поле боя, а за столом переговоров. На этой почве Макдональд сблизился с Грибоедовым, политическая линия которого — ориентация на переговоры — совпадала с линией английского посланника.

Однако ни мирная политика Макдональда, ни его дружба с русским посланником не устраивала влиятельную группировку английских «ястребов» в Персии — тех английских офицеров, дипломатов и резидентов, которые, подобно лорду Элленборо в Лондоне, считали, что для сохранения британской колониальной системы в Азии необходимо сеять семена войны между Россией и ее южными соседями. Наиболее заметными представителями этой группы были Генри Уиллок, его брат Джордж и английский врач Макнил.

Генри Уиллок провел в Персии более двадцати лет (с 1808 г), был секретарем при трех английских посланниках, сам неоднократно возглавлял британскую миссию в ранге поверенного в делах. В донесениях в Англию он стремился создать впечатление постоянной угрозы Персии со стороны России. Используя свое положение временного поверенного в делах в середине 1820-х гг., он ложными посулами, подстрекательством и необъективной информацией буквально спровоцировал русско-персидскую войну 1826—1827 гг. Люди, близко знавшие Уиллока, отзывались о нем, как правило, нелестно. Н. Н. Муравьев-Карский в своих записках, упоминая об Уиллоке, характеризует его как «человека недальнего» (т. е. недалекого), душевно грубого; отмечает его сребролюбие и недоброжелательность.[9] Макдональд отзывался об Уиллоке еще резче, называя

[9] Русский архив. 1886. № 4. С. 519.

его «бессовестным интриганом», говорил об его лживости и вероломстве: «Не в его характере делать что-либо открыто и прямо, как подобает человеку благородному <...> я мог бы предать гласности такие дела его здесь, в Персии, что его прокляли бы до конца дней».[10]

Наконец, сэр Дж. Малькольм, генерал-губернатор Бомбея, в личном и совершенно секретном письме к генерал-губернатору Индии лорду Бентинку от 17 мая 1829 г. сообщал об Уиллоке следующее: «Когда несколько лет назад меня назначили Посланником в Персию, я поставил условие, чтобы этого джентельмена ни в коем случае там не было. У него ни способностей, ни мужественности — умеет только лебезить да интриговать, и при этом — родственнички — клерки какие-то в Министерстве иностранных дел, да поддержка м-ра Эллиса, незаконнорожденного брата леди Годрич...»[11]

Политические разногласия между группировкой Макдональда и Уиллока усугублялись неприязненными личными отношениями между Макдональдом и Кэмпбеллом, с одной стороны, и братьями Уиллоками и Макнилом — с другой. Уиллоки и Макнил интриговали как могли, чтобы не допустить Макдональда занять место английского посланника в Персии. Не вдаваясь в детали, заметим лишь, что Макдональд и Кэмпбелл были назначены первый посланником, а второй — секретарем миссии в марте 1824 г., а прибыть в Тебриз и приступить к своим обязанностям им удалось только через два с половиной года — в августе 1826!

Со своей стороны, Макдональд, став во главе английской миссии, на следующий же день отправил Уиллока в Англию в сопровождении «своего» человека — лейтенанта Дж. Александера.[12] В Англии Уиллок развернул энергичную деятельность, направленную на дискредитацию Макдональда и его мирной политики. «У меня имеются неоспоримые доказательства, — писал позже Макдональд, — что он интриговал против меня все то время, что находился в Англии».[13]

Обстановка благоприятствовала Уиллоку: британская внешняя политика все более скатывалась к жесткому антирусскому курсу, главными выразителями которого стали в то время лорд Годрич, а затем Веллингтон и Элленборо. В июле 1827 г. король торжественно возвел Уиллока в рыцарское достоинство «за особые заслуги перед Англией». В августе Годрич (зять

---

[10] Письма к Дж. Малькольму от 18 февраля и 17 июля 1829 г. (См.: *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affair. P. 80, 89).

[11] Ibid. P. 90. Годрич — премьер-министр Великобритании с августа 1827 по январь 1828 г.

[12] Об Александере см.: *Аринштейн Л. М.* Английский путешественник о встрече с Пушкиным // Временник Пушкинской комиссии, 1976. Л., 1979. С. 139—144.

[13] Письмо к Малькольму от 18 февр. 1829. (См.: *Harden E. J.* Griboedov and the Willock Affair. P. 89).

Эллиса, покровителя Уиллока) стал премьер-министром Великобритании, а два месяца спустя, в октябре 1827 г., Уиллока отправили обратно в Персию. По дороге Уиллок остановился на несколько месяцев в Петербурге, где провел с Нессельроде серию переговоров, содержание которых осталось неизвестным, но после которых Нессельроде уведомил Грибоедова, что вскоре в Тебриз прибудет новый английский поверенный в делах Уиллок и что с ним следует установить столь же дружественные отношения, что и с его предшественником Макдональдом.

Грибоедов был знаком с Уиллоком еще с 1819 г. и хорошо знал ему цену; знал Грибоедов и о распрях между Уиллоком и Макдональдом. Таких отношений, которые Грибоедов установил с Макдональдом и Кэмпбеллом, он никак не смог бы установить с Уиллоком. Макдональд делился с Грибоедовым даже конфиденциальной информацией (в частности, показывал Грибоедову финансовые документы, раскрывавшие масштабы английских субсидий шаху и его приближенным). С Кэмпбеллом Грибоедов сблизился еще во время Туркманчайских переговоров, виделись они и в Петербурге, причем именно Кэмпбелл, который летом 1828 г. вез в Персию тайные директивы нового правительства Веллингтона—Элленборо, конфиденциально предупредил Грибоедова о возможной для него в Персии опасности. Не исключено, что эту опасность Кэмпбелл связывал с возвращением Уиллока; однако о том, что Уиллок намеревался объявить себя в Персии поверенным в делах и таким образом дезавуировать Макдональда, ни Кэмпбелл, ни Грибоедов еще не знали.

Получив в конце 1828 г. сообщение от Нессельроде об Уиллоке, Грибоедов принял беспрецедентно смелое решение: он решил предупредить Макдональда — посланника соперничающей державы — о тайных планах его соотечественника Уиллока и тем самым дать английскому посланнику возможность эти планы расстроить.

Макдональд, получив предупреждение Грибоедова, принял необходимые меры и сумел расстроить замыслы Уиллока, одержав над ним победу, так сказать, в личном плане.

В политическом плане все обстояло намного сложнее. Одна из важнейших целей британской внешней политики в то время состояла, как известно, в том, чтобы добиться поражения России в русско-турецкой войне и тем самым существенно ослабить военно-политическое влияние России на Ближнем и Среднем Востоке. Английские резиденты в Турции и примыкающих районах были так или иначе привлечены к практическому осуществлению этой политики. Особая роль отводилась резидентам в Персии: если бы удалось спровоцировать новую русско-персидскую войну, то фронт борьбы России с мусульманскими государствами растянулся бы на тысячи километров — от Балкан до Каспийского моря, — и вероятность поражения России, и без того изнуренной войной с Турцией, значительно возросла.

Правда, осторожный Макдональд продолжал убеждать английское правительство, что Россия все равно одержала бы военную победу и что британское влияние на Ближнем и Среднем Востоке оказалось бы в этом случае окончательно подорвано. Но к мнению Макдональда не очень прислушивались. Недалекий же и политически близорукий Уиллок рассуждал поиному: он видел ближайшую выгоду от столкновения Персии с Россией и страстно желал, чтобы такое столкновение поскорее произошло. Уиллок понимал, что до тех пор, пока Макдональд и Грибоедов солидарны в своем стремлении сохранить в этом районе мир, никакого обострения обстановки ему вызвать не удастся. По-видимому, именно это соображение и послужило отправной точкой кровавой провокации против русского посольства в Тегеране — провокации, которую, как мы стремились показать в своих предыдущих работах, подготовили и осуществили Уиллок и Макнил.[14]

В дальнейшем им удалось устранить и Макдональда, добиться выезда из Персии Кэмпбелла, но в рассматриваемый период до этого еще было далеко. Заметим все же, что находившийся в Тебризе Макдональд узнал о гибели Грибоедова не от Макнила, находившегося в Тегеране и обязанного по долгу службы найти способ уведомить своего шефа о случившемся чрезвычайном происшествии, а от наследного принца Аббас-мирзы.

Вот что мы узнаем на этот счет из доклада Макдональда политическому секретарю (министру иностранных дел) правительства Ост-Индской компании Джорджу Суинтону, датированному 19-м февралем 1829 г.:

«Сэр, 18-го сего месяца поздно вечером я получил от одного из доверенных служителей гарема уведомление, что Его Королевское Высочество принц Аббас-мирза желает безотлагательно переговорить со мной по делу исключительной важности.

Я тотчас же отправился во дворец, где застал Его Высочество уединившимся с Каим Макамом и нетерпеливо ожидавшим моего прихода. Оба, казалось, находились в состоянии крайне подавленном. Принц был в слезах, лицо его выражало глубокую скорбь. И действительно, он был так сильно чем-то взволнован, что еще несколько минут после того как я вошел, только и твердил: „Ла-Ила-Ила-Аллах, нет Бога кроме Бога, горе мне, обречен я никогда больше не знать ни минуты покоя! Водам Дуная не смыть наших грехов, не стереть водам Евфрата безумия, которое мы совершили!“»

Продолжая горько причитать по поводу собственных несчастий и несказанных бедствий, грозящих обрушиться на его дом, принц был некоторое время или не в состоянии, или умышленно не хотел сообщить мне о случившемся; не мог и я отгадать причину его отчаяния. Наконец он пожелал, или, вернее, сделал

---

[14] Подробнее см. работы, указанные в прим. 3.

знак своему министру прочесть вслух письма, которые только что пришли из Тегерана и которые, я говорю об этом с величайшей скорбью, содержали ужасное известие, что г-н Грибоедов, Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Его Величества, Императора России, почти со всей своей свитой убит жителями столицы во время народного возмущения, вспыхнувшего утром 8-го сего месяца.[15]

Подробности этого ужасного события — самого страшного, которое только могло сейчас обрушиться на эту злосчастную страну, сообщены в упомянутых мною документах, которые были переданы мне Его Королевским Высочеством и переводы которых я направляю для представления Его светлости Лорду — Председателю Совета.[16] Других сведений насчет этого, из ряда вон выходящего и зверского нарушения международного права, у меня пока нет. Но, хотя все это еще темно и неясно, мне представляется, что общественное мнение было сильно возбуждено еще до ухода женщин из дома Алла Яр-хана (бывшего премьер-министра) поведением ходжи Якуба, одного из главных шахских евнухов, который бежал из дворца, где он состоял в очень конфиденциальной должности, и нашел убежище в русской Миссии, предоставить которое было обязанностью г-на Грибоедова, согласно условиям Туркманчайского Договора.

У меня нет оснований полагать, что шах или кто-либо из членов его правительства были хотя бы в малейшей степени причастны к этой жуткой катастрофе. Последняя — насколько я могу судить по тому, что сейчас известно, — объясняется исключительно внезапной и непреодолимой вспышкой массового исступления, вызванного обращением с магометанскими женщинами, заносчивым поведением лиц, принадлежащих к русской Миссии, смертью нескольких горожан и, наконец, нарушением таких нравственных норм, которые более, чем что-либо другое, затрагивают предрассудки и воспламеняют дикие и необузданные страсти магометанской толпы, нетерпимой ко всякому вмешательству в их религиозные обычаи и особенно ревнивой — до какого-то сумасшествия — к святости гарема.

Уже одно то обстоятельство, что мехмандар Посланника был тяжело ранен, защищая Его Превосходительство, и то, что шах направил ему на помощь гвардейцев, отчаянно рвавшихся к посольству, причем многие из них, пытаясь противостоять буйству и натиску толпы, были убиты,[17] — уже это должно послужить как бы смягчающим обстоятельством в этом деле и, как

---

[15] Дата сообщена Макдональдом ошибочно: в действительности трагические события, о которых он сообщает, имели место 30 января (11 февраля).

[16] His Lordship in Council — титул Генерал-губернатора Индии. Документы, о которых упоминает Макдональд, нам неизвестны.

[17] Данные, неоднократно повторенные персидской стороной, о тяжелых потерях шахской гвардии при попытке прорваться к русскому посольству, не были подтверждены документально и, по всей вероятности, сильно преувеличены.

я надеюсь, ослабит справедливый гнев и, может быть, даже отвратит вполне предсказуемое возмездие со стороны Императора. Действительно, какие мотивы, спросил бы я, могли бы быть у персидского правительства, чтобы подстрекать к преступлению, из которого оно не только не могло рассчитывать извлечь какую-либо выгоду, но, напротив, неминуемо подвергло бы свое государство неотвратимой опасности, вплоть до риска быть полностью уничтоженным?

Невинность принца (Аббас-мирзы. — *Л. А.*) и его полнейшее неведение обо всех событиях, которые прямо или косвенно вели к этому прискорбному происшествию, лично для меня, вне всякого сомнения. Расстояние, которое отделяло принца от места действия, его отчаяние, искреннее изумление и непритворное горе; его готовность на любое, какое только было бы в его силах, искупление и вознаграждение оскорбленному монарху — все это веские свидетельства в пользу того, что принц никоим образом не замешан в преступлении, которое заклеймило его соотечественников печатью позора. Преступление это должно было бы навсегда остаться для принца печальным примером идиотского бессилия администрации его отца, оказавшейся не в состоянии призвать к порядку население города, который является его резиденцией.

Его Высочество объявил всеобщий траур, распорядился покрыть барабан сукном, чтоб заглушить звук, закрыть зал Аудиенции и запретил общественный Салам. Он также направляет своего старшего сына вместе с министром Каим-Макамом в С.-Петербург, чтобы представить Императору подробный отчет о происшедшем и уполномочивает сына передать в распоряжение Его Императорского Величества некоторых зачинщиков и подстрекателей мятежа.

Более всего я опасаюсь, как бы Эриванский двор (т. е. окружение главнокомандующего русскими войсками в Закавказье генерала Паскевича. — *Л. А.*) не заподозрил Персию в попытке воспользоваться неудачей, неожиданно постигшей русскую армию на Дунае, и вновь повторить ту вероломную и дерзкую роль, которую она уже однажды сыграла в начале войны. Никаких признаков такого рода намерения со стороны шаха или его сына я не вижу, да если бы оно и возникло, то разве они в состоянии пойти на новую войну, когда их средства не только истощены, но когда в королевстве, во многих провинциях обнаружились самые явные признаки беспорядка, неповиновения и возмущения?

Я горько сожалею, что не сопровождал г-на Грибоедова в Тегеран, так как склонен думать, что мое присутствие и посредничество сыграло бы положительную роль и, во всяком случае, предотвратило то, что произошло. Но, так как Его Превосходительство отправился ко двору собственно только для того, чтобы вручить верительные грамоты, и намеревался тотчас же вернуться в Тебриз, как только он повидает шаха, — мне не хо-

телось покидать Аббас-мирзу накануне его отъезда в чужеземную миссию.

В усугублении несчастья, к которому привело это ужасное происшествие, замечу еще, что г-н Грибоедов недавно женился на молодой, прелестной и обаятельной княжне Чавчавадзе, которая теперь, находясь в последней стадии беременности, оплакивает потерю дорогого и любящего мужа. Сейчас она временно (до тех пор, пока мы не будем иметь благоприятного случая снестись с ее родителями) находится в моем доме, где я и моя жена стараемся утешить ее.

Более чем кто-либо другой я могу засвидетельствовать благородный, смелый, хотя быть может несколько непреклонный характер покойного. Будучи долгое время с ним в искренней дружбе и постоянно сталкиваясь в делах служебных и частных, я имел немало возможностей по достоинству оценить многие замечательные качества, которые украшали его душу и ум, и убедиться, что высокое чувство чести руководило им во всех его поступках и составляло его правило во всех случаях жизни.

Я намерен заявить решительный протест по поводу этого грубейшего попрания священных прав и неприкосновенности Посланника дружественной нам державы. Но я не хочу задерживать отправку этих писем ни на один день — и буду иметь честь подробно докладывать Его Светлости Лорду—председателю Совета о моем образе действий и о мерах, которые будут предприняты двумя дворами, опять, к несчастью, вставшими во враждебные отношения друг к другу.

Тебриз, Д. Макдональд, посланник.

19-ое февраля, 1829 г.»[18]

4

Донесение Макдональда, которое приведено выше, содержит два слоя информации. Во-первых, зафиксированное британским посланником устное сообщение персидских властей о гибели Грибоедова и, во-вторых, комментарий, включающий в себя юридическую и политическую оценку происшествия, принадлежащий самому Макдональду.

Донесение — наиболее ранний из известных документов, относящихся к гибели Грибоедова. В нем впервые — со слов наследного принца Аббаса-мирзы — сообщается как о самом факте убийства русского посланника, так и о целом ряде обстоятельств, предшествовавших и сопутствовавших преступлению. Впервые, как упоминалось, дается здесь и оценка событий.

[18] To the Secretary to Government, Political Department, Fort William (ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1410/6).

В этой его первозданности, незамутненности — особая ценность документа.

Внешняя канва событий, сообщенная Аббас-мирзой Макдональду, в общем совпадает с тем, что содержится по этому поводу в более поздних источниках и поэтому в специальном комментарии не нуждается. Значительно интереснее подробно описанное Макдональном поведение Аббас-мирзы до того и во время того, как он делал свое сообщение. Не говоря уже об очевидном стремлении Аббаса-мирзы внушить своему собеседнику мысль, что шах и его правительство ни в коей мере не причастны к преступлению и глубоко скорбят о случившемся, из описания понятно, что вся беседа наследного принца с посланником была своего рода пробным шаром: и Аббасу-мирзе и присутствующему при разговоре его министру было необходимо выяснить, как отреагирует Макдональд на то, что он услышит, — степень его гнева и степень его доверия к их словам.

Сегодня мы знаем то, чего ни Аббас-мирза, ни Каим Макам еще не могли знать: Макдональд поверил в непричастность шаха и его правительства к преступлению 6 шаабана — этому, собственно, посвящена добрая половина его донесения. Не был он и так уж сильно разгневан. В донесении об этом можно судить по фразе о «смягчающих обстоятельствах», которые, как надеется британский посланник, «ослабят справедливый гнев и, может быть, даже отвратят вполне предсказуемое возмездие со стороны Императора (Николая I. — *Л. А.*)». В еще большей степени об этом можно судить по тексту протеста, направленного Макдональдом шахскому правительству, — резкому, но вместе с тем, учитывая беспрецедентно тяжелые последствия преступления, сдержанному и вполне лояльному по отношению к Персии.[19] Аббас-мирза и его министр были достаточно тонкими политиками, чтобы от них не укрылись эти акценты в настроении британского посланника.

Наибольший интерес представляет политическая часть комментария Макдональда. Анализируя вероятные политические мотивы преступления, Макдональд совершенно ясно видит, что таких мотивов у персидского правительства быть не могло: «Оно не только не могло рассчитывать извлечь какую-либо выгоду (из нападения на русское посольство. — *Л. А.*), но, напротив, неминуемо подвергло бы свое государство неотвратимой опасности вплоть до риска быть полностью уничтоженным».

Напомним, что краеугольным камнем политики Макдональда было сохранение мира на Среднем Востоке. Он не сомневался, что новая война между Персией и Россией резко ослабила бы персидское государство или даже привело к его полному развалу. Последнее, как он вполне справедливо считал, коренным образом подорвало бы позиции Великобритании во всем

[19] Текст протеста опубликован в актах Кавказской археографической комиссии. Т. 7. С. 60—73,

средневосточном регионе. Преступление же в Тегеране вновь отбрасывало Персию и Россию на грань войны.

В своем донесении Макдональд прямо упоминает о возможности нового военного столкновения между Персией и Россией и видит свою задачу в том, чтобы такое столкновение предотвратить: «Более всего я опасаюсь как бы Эриванский двор не заподозрил Персию в попытке воспользоваться неудачей, неожиданно постигшей русскую армию на Дунае и вновь повторить ту вероломную и дерзкую роль, которую они уже однажды сыграли в начале войны».

Макдональду было отлично известно, кто хотел осложнить отношения России с Персией и развязать войну между ними. Прекрасно понимал он и то, каким английским кругам в Персии были выгодны политические последствия совершенного в Тегеране преступления. Однако он не торопится с окончательными выводами, не сообщает о своих подозрениях. Для этого у него пока слишком мало материала. Вместе с тем, всячески акцентируя непричастность персидского правительства к нападению на русское посольство, он тем самым резко сужает круг поиска виновных и как бы подспудно указывает на организаторов преступной акции, о которых он уже, вероятно, догадывался.

Так или иначе, но отправив первые сообщения о гибели Грибоедова политическому секретарю правительства, Совету директоров Ост-Индской компании и генералу Паскевичу, он направил своего брата — начальника охраны британской миссии в Тебризе капитана Рональда Макдональда в Тегеран с поручением выяснить все, что удастся, об обстоятельствах нападения на русское посольство. Капитан Макдональд должен был также вручить письменный протест британского посланника шаху и его министрам. Отбыв 20 февраля из Тебриза, посланный прибыл 3 марта в Тегеран, где провел два дня, был принят шахом и министрами и уже 6 марта отправился в обратный путь.

По возвращении в Тебриз он представил британскому посланнику подробный доклад о проведнном им расследовании,[20] а также доставил три письма — лично от шаха, от премьер-министра и министра иностранных дел, содержащих ответ на протест британской миссии.

5

Фатх-Али, шах-ин-шах Персии не часто, может быть считанные разы, писал личные письма. Но на сей раз ему пришлось поступиться своими привычками. Слишком серьезен был повод.

---

[20] Доклад Р. Макдональда полностью опубликован на англ. языке. См.: *Harden E. J.* The Murder of Griboedov. New materials. Birmingham, 1979. P. 15—26. На русском языке полностью не публиковался.

«Фирман (личное письмо. — *Л. А.*) Его Величества шаха полковнику Макдональду, Посланнику в Персии.

(*После приветствий*): Да будет известно полковнику Макдональду Посланнику британского правительства, что у нас нет сомнений в том, что он уже частично осведомлен о происшедшем с генералом Грибоедовым, русским Посланником. Случилось поистине необычайное, непостижимое происшествие.

С момента прибытия Посланника в Тегеран при приеме его во дворце и все то время, что он здесь находился, ему оказывалось самое утонченное внимание, продиктованное нашим дружественным отношением к великой России и ее правительству. Мы проявили к нему всю нашу доброжелательность и дали указание нашим министрам предупреждать каждое его желание и удовлетворять все его просьбы в той мере, в какой это только возможно. Но предначертания Неба неотвратимы — никому не дано избежать своей судьбы: в сложной обстановке, возникшей вследствие отказа удовлетворить требование о возвращении пленных, Посланник оказался предрасположенным прислушаться к злонамеренным советам и преступил черту благоразумия.

Тем не менее, руководствуясь нашими предписаниями, ни один из министров не совершил по отношению к нему ни одного недружественного поступка. Причиной несчастья и позора были жители Города, оказавшиеся не в состоянии владеть собою. Вы прекрасно понимаете, сколь болезненно для нас это несчастье.

Во всех тревожных ситуациях мы всегда получали от представителей британского правительства дружеский совет и поддержку, в особенности в прошлом году, когда Ваше Превосходительство выступил посредником в заключении мира с Россией и так много сделал для заключения счастливого (мирного. — *Л. А.*) договора.

И теперь, когда случилось то, что случилось, мы, уповая на дружеское расположение Вашего Превосходительства, надеемся, что Вы сделаете все, что в Ваших силах, и что Вы научите нас и наставите наследного принца, нашего сына, что следует предпринять в соответствии с нормами международного права. Мы считаем необходимым предпринять любые шаги, чтобы искупить свершившееся зло, и не откажемся удовлетворить в мельчайших деталях все претензии, вытекающие из случившегося. Ваше Превосходительство, надеюсь, сделает все то, что предполагается истинно дружескими отношениями, чтобы смыть пятно позора с нашего правительства.

Фатх-Али шах». [21]

---

[21] Firman addressed by His Majesty the Shah to colonel Macdonald. Translated in English by John MacNeil (ИРЛИ, Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1410/4).

Письмо шаха к Макдональду — искусный дипломатический документ, политические цели которого вместе с тем предельно прозрачны. Главная из них — любой ценой сохранить нормальные отношения с Россией. Ради этого шах готов пойти на любые моральные и материальные издержки, о чем он пишет совершенно открыто. Таким образом, опасения Макдональда, что обострившаяся ситуация может толкнуть Персию на превентивную войну с Россией, оказались необоснованными. Шах проявил в этом вопросе и государственную мудрость, и политическую гибкость.

Более того. Из письма видно, что шах стремится привлечь к осуществлению этой политики и Макдональда, справедливо полагая, что в сложившейся ситуации именно британский посланник является той дипломатической фигурой, которая может наилучшим образом способствовать нормализации русско-персидских отношений. Похоже, для персидского правительства не было тайной, что у англичан не было единства в вопросе о том, какие отношения между Россией и Персией им наиболее выгодны, и, обращаясь к Макдональду, шах знал, что не встретит отказа.

Вопросу о том, кто виноват в преступлении 6 шаабана, шах уделяет сравнительно мало внимания: подробно об этом пишут его министры (их письма приведены несколько ниже). Его как главу государства интересует не то, что было, а то, что будет. Тем не менее, поскольку полностью обойти вопрос о виновниках он тоже не может, он глухо упоминает о «предначертаниях Неба», о недостаточной, с его точки зрения, гибкости самого Грибоедова, о необузданности толпы.

Впрочем, вполне вероятно, что шах знал гораздо больше, чем писал. Не исключено, что он знал или догадывался об истинных виновниках — группировке Уиллока Макнила. В пользу последнего предположения свидетельствует та смелая уверенность, с которой шах обращается к Макдональду за поддержкой, как бы твердо зная, что цели Макдональда и цели Уиллока-Макнила в вопросе русско-персидских отношений — прямо противоположны. Но обвинять в письме к британскому посланнику его соотечественников (даже если шаху было известно о вражде между ними) шах, понятно, не мог.

Наконец, последнее замечание: политическая линия шаха и его правительства — сохранить нормальные отношения с Россией во что бы то ни стало — слабо согласуется с версией о причастности шаха к нападению на русскую миссию 6 шаабана, разрушительные политические последствия которого (как это видно из письма) были ему абсолютно ясны.

6

Как упоминалось, вместе с письмом шаха Рональд Макдональд привез британскому Посланнику еще два письма.

«От Моатемид-эд-дауле (премьер-министра. — *Л. А.)* к Посланнику.

(После приветствий): Ваше письмо мною получено. Оно кратко, зато письмо, адресованное Абул Хассан-хану и содержащее резкий протест по поводу последнего события, более подробно.

Хотя, на первый взгляд, Вы правы, упрекая нас в том, что произошло, но когда Вы узнаете всю правду и все подробности, когда увидите, какую тревогу и стыд испытывают подданные шах-ин-шаха, Вы поймете, что правительство непричастно к этому делу.

Ваше дружеское расположение позволяет нам надеяться, что Вы не будете слишком строги к допущенной ошибке и оградите нас от необоснованных обвинений со стороны других: ведь дружба, связывающая наши государства, долговременна и покоится на прочном фундаменте. За те 30 лет, что мы поддерживаем дружеские отношения, приходилось ли Вам слышать или видеть у нас что-либо, подобное этому позорному происшествию?

Наше государство желает быть в дружеских отношеняих со всеми другими и стремится избегать всяких враждебных действий.

Минувшая война (с Россией. — *Л. А.)* вспыхнула из-за столкновений пограничных властей: население же обоих государств было против войны.

Сперва были двинуты наши войска в направлении к Ширвану, Гандже и Талышу; затем русский генерал переправился через Аракс и занял Тебриз. В результате вся страна попала в руки России. Когда наследный принц отправился для мирных переговоров с русским генералом, мы практически не могли продолжать войну и мало надеялись вернуть обратно утерянную страну.

Если бы русские, заняв Тебриз, не остановили наступления, Персия перестала бы существовать. Но факт, что русские вели себя по отношению к нам со справедливостью и сдержанностью, более того — они пошли на длительные мирные переговоры, дав возможность населению страны оправиться от растерянности, а армии от поражения.

Если бы наше государство было склонно к вероломству это был самый благоприятный момент: мир еще не был заключен, денежная контрибуция еще не была отправлена в Россию, и мы могли возобновить военные действия против России с 8 курурами туманов (т. е. с 16 миллионами рублей. — *Л. А.)* в руках! И если бы мы сочли, что армии в 50 тысяч человек недостаточно для успешного ведения военных действий, мы могли отправить один курур (2 миллиона рублей. — *Л. А.*), чтобы выиграть время, и пополнить армию еще 50 тысячами человек, тем более, что население страны резко выступало против уплаты России такой большой суммы, считая, что десятой ее части достаточно, чтобы вернуть армии боеспособность,

Но наше государство не сочло возможным действовать предательски, когда русское правительство проявило по отношению к нам такую сдержанность и справедливость. Не в характере шах-ин-шаха раздувать вражду или стремиться к кровопролитию, и тех, кто стоял за продолжение войны, Его Величество всячески порицал. Он скрепил договор (о мире. — *Л. А.*) без ропота и без единой оговорки и счел контрибуцию вполне справедливой. Мы молчаливо согласились и с известной статьей договора (о репатриации армян. — *Л. А.*), хотя понимали, что если она не будет снята, то непременно повлечет за собой неприятные столкновения. Мы надеялись, что в дальнейшем, когда между нашими государствами утвердятся дружественные отношения, наследный принц сумеет добиться отмены этой статьи. Мы полагали, что раз Аббас-мирза готовится к дружественному визиту в Петербург, а г-н Грибоедов наделен здесь широкими полномочиями, те незначительные затруднения, которые возникали бы при применении договора на практике, могли разрешаться его властью. Наконец, совершенно очевидно, что у нас не могло быть желания — особенно сейчас — чтобы от Востока до Запада прогремела молва, позорящая наше имя бесчестьем.

Всякий, кто поразмыслит над тем, что произошло, и кто обладает хоть каплей здравого смысла, не может не прийти к убеждению, что правительство здесь ни при чем. Полагаясь на установившиеся между нами долговременные дружественные отношения, мы рассчитываем, что Вы будете делать все, что в Ваших возможностях, чтобы как-то смягчить последствия трагедии, а не упрекать нас за то, что случилось.

Возможно ли предположить, что правительство, которое в условиях крайней денежной нужды пошло на выплату 8 куруров туманов, заключило мир и готовится направить в С.-Петербург наследного принца с поручением утвердить наши дружественные отношения с Россией — может быть повинно в убийстве русского Посланника в своей столице, навлекая тем самым несмываемый позор на свое имя? Убежден, как Вы и пишете, что всякий, кто над этим задумается и кто осведомлен о развитии наших отношений с Россией, никогда не бросит нам упрека в бесчестьи.

Абул Вахаб-мирза»[22]

7

Перед нами документ во многих отношениях удивительный. Глава правительства державы, которая незадолго до того вела войну с другой, более сильной державой, потерпела от нее же-

---

[22] A letter from the Mootim-ed-Dowleh to the Envoy. Transl. in English by John Campbell (ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1410/2).

стокое поражение, оказалась вынужденной пойти на уплату многомиллионной контрибуции — и вот, глава ее правительства характеризует политику державы-победительницы как сдержанную, справедливую, великодушную.

Чтобы оценить по достоинству письмо Вахаб-мирзы, уместно познакомиться с ним несколько ближе. Глава персидского правительства принадлежал к тому немногочисленному, но и не столь уж малочисленному кругу аристократической интеллигенции, которая в 1820-е гг. стремилась возродить традиционную для Персии культуру философского мышления, поэтического слова, изобразительного искусства и т. д.

Особенностью этого возрождения было то, что, опираясь прежде всего на национальную традицию, на мировоззрение и мироощущение ислама, персидская интеллигенция 1820-х гг. не была вместе с тем чужда идеям европейского гуманизма и просвещения.

Нельзя в этой связи не вспомнить состоявшуюся в том же 1829 г. встречу Пушкина на пути в Арзрум с персидским поэтом Фазил-ханом, сопровождавшим принца Хозрев-мирзу в его дипломатической поездке в Петербург: «...конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-хану. Я, с помощию переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостию <...> Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе* и по крашеным ногтям» («Путешествие в Арзрум»).

Такое же впечатление производил и глава делегации принц Хозрев-мирза, о чем тогда много говорили и писали в Москве и Петербурге.

Все это помогает понять и по достоинству оценить содержание интересующего нас письма. Вахаб-мирза был не только всесторонне образованным человеком, но мудрым и тонким государственным деятелем, обладавшим широким взглядом на вещи. То, что он писал о политике России, действительно отражало его отношение к этому вопросу. Да и зачем ему было хитрить или льстить? Ведь он писал не к русскому представителю, а к британскому Посланнику, который, как он отлично знал, при всей его дружбе с Грибоедовым, представлял соперничающую с Россией державу.

Но если все это действительно так, то, следовательно, у персидского правительства не было оснований для мести русскому посланнику, — мотив, который ему нередко приписывается. Значит, известное предупреждение Грибоедову: «Вам не простят Туркманчайского мира» — относилось не к возможной мести со стороны персидского правительства, которое Туркман-

чайский мир устраивал, а к тем, кого этот мир не устраивал, о чем уже говорилось выше.

Нельзя не согласиться и с доводами Вахаб-мирзы насчет того, почему персидскому правительству был крайне невыгоден трагический инцидент с Грибоедовым. Впрочем, они во многом повторяют, частично детализируя, то, что содержится по этому поводу в письме шаха.

Еще более детально этот вопрос рассматривается в третьем письме Везир-и-умур-и-хараджэ (т. е. министра иностранных дел Персии) Абул Хассан-хана, к изложению и анализу которого мы и переходим.

8

«Мирза Абул Хассан-хан посланнику

(После приветствий): Капитан Макдональд передал мне Ваше письмо. Вы сетуете, что я не сообщил Вам о происшедшем немедленно; Бижан-хан, который находился здесь, объяснит Вам все. Теперь же, когда посланный уже готов отправиться в Тебриз, необходимо дать ответ на Ваше послание.

Вы утверждаете, что случившаяся трагедия навлекла на нас бесчестье и что мировая история не знает ничего подобного. Полностью отдаю себе отчет, что этот инцидент запятнал позором наше государство, и сам я настолько уязвлен этим беспрецедентным происшествием, что никакой необходимости в упреках с Вашей стороны нет. Впрочем, я не убежден, что ничего подобного никогда не случалось ни в одном государстве, но уверен, что если подобные случаи были, то такое государство едва ли было в восторге от того, что оно запятнало себя таким инцидентом. Ясно, что подобные происшествия, несообразные ни с государственной, ни с житейской мудростью, возможны лишь по предначертаниям рока.

Если Вы хотя бы на минуту задумались над тем, как складывались в последнее время отношения между нами и Россией, то у Вас не останется и тени сомнения, что наше правительство ни в какой мере не причастно к происшествию.

Вы должны быть хорошо осведомлены — теперь это известно каждому — о том, что происходило незадолго до нападения между нами и Посланником, и это само по себе служит убедительным доказательством нашей невиновности. Во-первых. Я лично заметил г-ну Грибоедову, что население раздражено поступком мирзы Якуба и задержанием двух женщин и грозит применить силу. Я советовал вернуть их, но он не согласился.

Во-вторых. Убийство мирзы Сулимана, родственника Манучер-хана: если бы только министры знали, что начинается волнение, они никогда в такой момент не послали бы мирзу Сулимана в русскую миссию.

В-третьих. В случае своего соучастия в преступлении — персидское правительство не стало бы употреблять столько хитрости и настойчивости, защищая жизнь г-на Мальцова.

В-четвертых. После тех почестей и уважения, которые персидское правительство проявило к русскому посланнику, — совершенно противоестественно, чтобы оно же — навлекло на себя столько позора, совершив преступление.

Предположим, однако, что персидское правительство действительно не желало, чтобы г-н Грибоедов оставался здесь. Зачем же было пятнать себя злодеянием, когда можно было просто сменить Посланника? Одним словом, ни один здравомыслящий человек не стал бы винить наше государство.

Вы бросаете нам упрек в том, что мы не сумели защитить и предотвратить убийство священной особы иностранного Посланника. Отвечу Вам: волнение было настолько велико, что мы вынуждены были запереть ворота цитадели (т. е. обнесенную крепостной стеной центральную часть Тегерана, где находился дворец шаха, резиденция правительства и жилища многих крупных феодалов. — *Л. А.*) Что можно было предпринять в столь чрезвычайных обстоятельствах? Катастрофа разразилась молниеносно, быстрее, чем можно было собрать войска и сделать необходимые приготовления.

Следует иметь в виду, что народ собрался только затем, чтобы схватить мирзу Якуба и освободить двух женщин, но некто по имени Дадеш-бек, армянин по национальности, убил магометанина, что переполнило чашу терпения и без того возбужденных людей.

Вы утверждаете, что этот инцидент заставит другие державы опасаться за жизнь своих посланников и вынудит задуматься, благоразумно ли им оставаться при персидском дворе. Отвечу, что все те тридцать лет, что мы поддерживали дружеские отношения с Англией, Францией и другими державами, их представители всегда встречали со стороны населения Персии только почет и уважение.

Армяне из свиты русского Посланника вели себя на улицах вызывающе, оскорбляли религию Ислама, что возбуждало против них население и, конечно, способствовало резкому столкновению.

Наши дружеские отношения с Англией, которые ничем не омрачены уже тридцать лет, — лучшее свидетельство в нашу пользу.

Вы бросаете нам упрек в попустительстве, в том, что мы медлим с наказанием виновных. Боюсь, Вы плохо представляете себе реальное положение вещей в нашей стране.

Ведь возмущенную толпу повели за собой не сардары или какие-либо другие известные лица. Вы, видимо, считаете, что толпа состояла только из жителей города и что участников нападения легко опознать. Но Тегеран — средоточие всего населения Персии, через него проходят все караваны. В день мятежа

[у русского посольства] собрались и жители Тегерана, и приезжие, и трусливые, и безумные, и чужеземцы, усиливавшие шум и гвалт, и более рассудительные, пришедшие в надежде успокоить страсти. Принцы Зилли-эс-салтанэ (губернатор Тегерана. — *Л. А.*) и Иман-Верди-мирза [с внушительной охраной] не могли пробиться к дому Посланника, такой плотной стеной окружала его толпа. Если бы шах захотел наказать тех, кто там был, ему пришлось бы перебить все население.

Министры единодушны в том, что виновных необходимо наказать. Мы были бы очень Вам благодарны, если бы Вы подсказали, каким образом виновные должны быть наказаны, так чтобы весь мир увидел, что свершившие преступление ответили за это, и чтобы с нашего имени было смыто позорное пятно.

Вы высказываете также пожелания, чтобы г-н Мальцов был отправлен на родину. Еще до получения Вашего письма и прибытия к нам капитана Макдональда я проявил к нему должное гостеприимство, тем более что это объективный и доброжелательный к нам очевидец событий. В настоящее время он уже отбыл в Тебриз в сопровождении Мирзы Али-хана и 30 или 40 всадников из племени афшаров; мы также направили специальные указания властям на пути его следования, с требованием обеспечить ему беспрепятственный и безопасный проезд.

Что я могу добавить? Хотел бы надеяться, что Ваша доброта и чувство реальности помогут нам смыть с себя тот позор, который лег на нас столь тяжким бременем.

1-го рамазана 1224 г. хиджры»[23] Абул Хассан-хан

9

Письмо Абул Хассан-хана — последнее в ряду публикуемых нами документов персидского руководства, написанных по горячим следам кровавых событий в Тегеране. Как и два других, написанных одновременно с ним, его главная задача доказать британскому посланнику Джону Макдональду (а через него и всему мировому сообществу) непричастность персидского правительства к нападению на русское посольство и к разыгравшейся вслед за тем трагедии. С этой целью во всех трех письмах — причем в последнем особенно детально — рассматривается целый ряд обстоятельств, свидетельствующих, что персидское правительство не могло быть заинтересовано в такой акции. Надо сказать, что все три письма довольно точно и объективно раскрывают глубинные причины, по которым персидскому правительству был крайне невыгоден трагический инцидент с

---

[23] A letter from meersa Abul Hassan khan to the Envoy. Transl. in English by John Campbell (ИРЛИ. Грибоедовское собрание Н. К. Пиксанова, № 1410/1).

Грибоедовым. Создается впечатление, что само персидское правительство оказалось здесь жертвой обмана, и что действия, предпринятые против русского посольства, в определенной мере были направлены и против интересов Персии.

Последнее становится особенно ясным, если принять во внимание, что правительство предприняло довольно решительные шаги, чтобы предотвратить нападение, но оказалось не в состоянии справиться с теми силами, которые в то время уже были приведены в действие.

Выше, со ссылкой на наши предыдущие работы, уже были названы те, кому было выгодно привести в движение эти силы, и кто, по всей вероятности, не преминул это сделать. Приведенные документы, высвечивающие ряд дополнительных аспектов сложной и запутанной обстановки в Персии и вокруг нее, — еще одно веское свидетельство в пользу того, что нападение на русское посольство 6 шаабана было не стихийной вспышкой, не акцией персидского правительства, а тщательно спланированной провокацией со стороны тех кругов, которые строили свою политику на разжигании ненависти между народами, натравливании одного народа на другой.

По счастью, и русское, и персидское правительство смогли стать выше предрассудков, вовремя понять, кому было выгодно военное столкновение между Россией и Персией, и сделали все необходимое, чтобы тегеранская трагедия не стала поводом для военного конфликта между двумя народами.

Н. В. Гуров

«ТОТ ЧЕРНОМАЗЕНЬКИЙ...» («ИНДЕЙСКИЙ КНЯЗЬ» ВИЗАПУР В КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА»)

«Искусство живого изображения у Грибоедова таково, что исследование его отодвинуло все остальные моменты». Эти слова Ю. Н. Тынянова[1] как нельзя лучше определяют одну из самых характерных черт литературной истории «Горя от ума» — живой и долговременный интерес читателей и исследователей к реальным прообразам грибоедовских героев.

В современном литературоведении по вопросу о прототипах «Горя от ума» более или менее общепринятой является точка зрения, сформулированная еще в 1946 г. Н. П. Анциферовым: «Основные персонажи комедии не имеют какого-либо определенного прототипа среди людей грибоедовской Москвы; напро-

---

[1] *Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. М., 1946. Т. 47—48. С. 150.

тив, второстепенные персонажи связаны с совершенно определенными лицами».[2]

Об одном из таких второстепенных персонажей «Горя от ума» (точнее — о его возможном прототипе) и пойдет речь в предлагаемой заметке. При существующей неполноте и фрагментарности данных о жизни и творчестве А. С. Грибоедова любое, пусть даже самое незначительное свидетельство, относящееся к творческой истории «Горя от ума», может, как нам кажется, оказаться полезным для дальнейших исследовательских поисков.

В обширной галерее нарисованных Грибоедовым портретов жителей Москвы персонаж, о котором пойдет речь, появляется одним из первых (д. 1, явл. 7):

Чацкий

А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных.

Появление «черномазенького» в монологе Чацкого непосредственно вслед за Фамусовым и «отпрыгавшим свой век» дядюшкой — факт, не только сам по себе знаменательный, но и (как, впрочем, и все в грибоедовской комедии) ситуативно обусловленный.

...Только что переступивший порог фамусовского дома Чацкий всячески стремился сломать лед отчужденности, накопившейся за время разлуки между ним и Софьей. Задавая бесчисленные вопросы о Москве и москвичах, он пытается направить разговор в круг общих воспоминаний, заставить Софью вспомнить то, о чем они «болтали и шутили» три года назад. Люди, о которых спрашивает Чацкий, — не просто старые знакомые: это своего рода «московские знаменитости» (вроде «нашего солнышка» — театрала П. А. Позднякова), бывшие прежде постоянной темой городских толков и пересудов. Прототипы персонажей, упоминаемых Чацким в явлении седьмом первого действия (в том числе, стало быть, и «черномазенького»), нужно искать, следовательно, среди людей, пользовавшихся в Москве 1810—1820-х гг. определенного рода «светской известностью».

Это обстоятельство давно уже учли ранние исследователи и комментаторы «Горя от ума». П. А. Вяземский, указав на не-

---

[2] *Анциферов Н. П.* Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов (1795—1829). Сб. статей / Под ред. И. Клабуновского, А. Сломинского. М., 1946. С. 167. См. также: *Орлов В. Н.* Художественная проблематика Грибоедова // Литературное наследство. Т. 47—48. С. 24—25. — С некоторыми оговорками точка зрения Н. П. Анциферова принимается в работе С. А. Фомичева «Комедия А. С. Грибоедова „Горе от ума“: Комментарий. Книга для учителя» (М., 1983. С. 70—71).

коего «дворянина Сибилева» как на возможный прототип грибоедовского завсегдатая «столовых и гостиных», особо подчеркивал, что «это был в Москве <...> всем и каждому известный господин».[3] Спустя сорок с лишним лет М. О. Гершензон, отметив, что наименование «турок или грек» едва ли может быть отнесено к русскому дворянину Сибилеву, предложил считать «вероятным прообразом» этого персонажа «бессарабско-венецианского грека Метаксу», бывавшего «во всех домах Корсаковского и Грибоедовского круга». М. О. Гершензон также цитирует при этом написанное в 1816 г. письмо, в котором один из современников говорит о Метаксе: «Весь мир знает его».[4]

Следует подчеркнуть, что в ранней редакции «Горя от ума» характеристика интересующего нас персонажа существенно отличается от окончательного варианта:

Чацкий

А этот, как его, он Турок или Грек,
Известен всем, живет на рынках?
Князь? или Граф? Кто он таков?
Опустошитель всех столов
На свадьбах и поминках?

Портретные характеристики Грибоедова отмечены, как это уже неоднократно подчеркивалось, исключительной точностью всех, даже самых незначительных на первый взгляд, деталей. Упоминание о титуле «Турка или Грека» сразу же ставит под сомнение и версию П. А. Вяземского, и версию М. О. Гершензона: ни «бессарабский грек» Метакса, ни провинциальный дворянин Сибилев никогда, насколько известно, не претендовал ни на графское, ни тем более на княжеское достоинство. Установить, кого имел в виду в данном случае автор комедии, может помочь, как нам кажется, одна запись в «Дневнике студента» С. П. Жихарева. В литературе, связанной с «Горем от ума» и творчеством Грибоедова, эта запись до сих пор никак не учитывалась.

Под 12 февраля 1805 г. С. П. Жихарев вносит в свой «дневник» рассказ об одном курьезном происшествии в московской церкви: «Ездили в голицинскую больницу к обедне. Певчие хороши, но все не то, что колокольниковские у Никиты-мученика. <...> Отлично поют также и Дмитрия Солунского. Черномазый Визапур — не знаю, граф или князь, — намедни пришел в такой восторг, что осмелился зааплодировать. Полицеймейстер Алексеев приказал ему выйти».[5]

Текстуальные совпадения между записью Жихарева и «портретом» грибоедовского персонажа заметны с первого взгляда.

---

[3] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 223.

[4] *Гершензон М. О.* Грибоедовская Москва. М., 1914. С. 80—81.

[5] *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 25; ср.: *Пыляев М. И.* Полубарские затеи // Исторический вестник. 1881, № 6. С. 550—552; Записки Е. Ф. Тимковского // Киевская старина. 1894, апрель. С. 11.

Примечательно также, что близкие жихаревской записи элементы текста у Грибоедова «разнесены» по разным редакциям комедии:

Жихарев:	Грибоедов:
«Черномазый Визапур»	«Тот черномазенький...» *(Окончательный текст)*
«Не знаю, граф или князь...»	«Князь? или Граф? Кто он таков?» *(«Музейный автограф»)*

Грибоедов, таким образом, как бы дважды цитирует Жихарева, и притом каждый раз по-разному. Уже одно это обстоятельство почти полностью исключает возможность случайного совпадения. Можно предположить либо, что запись в «Дневнике» С. П. Жихарева является непосредственным источником грибоедовского «портрета» (нет, однако, никаких данных, свидетельствующих о возможности знакомства Грибоедова с «Дневником студента»), либо (и это более вероятно) что запись Жихарева и грибоедовская характеристика данного персонажа восходят к некоему общему источнику. Таким источником, скорее всего, мог быть чей-нибудь устный рассказ о происшествии в церкви Дмитрия Солунского, рассказ, добросовестно зафиксированный Жихаревым (запись об этом происшествии сделана явно с чужих слов) и хорошо запомнившийся юному Грибоедову. Общих знакомых у Жихарева и Грибоедова, учившихся в одно и то же время в Московском университете и Университетском пансионате, было, очевидно, немало.

Наше предположение о том, что в монологе Чацкого и в записи Жихарева имеется в виду одно и то же лицо, подтверждается характеристикой «черномазого Визапура» в переписках современников и позднейших мемуарах, рисующих жизнь Москвы в 1800—1810 гг. Таких свидетельств современников набирается не так уж мало. О Визапуре вспоминают в своих записках бывший режиссер французской труппы в Москве Арман Домерг и известный в то время поэт князь И. М. Долгоруков, Е. Ф. Тимковский и «бабушка» Е. П. Янькова; его имя встречается в письмах А. А. Перовского (будущего «Антония Погорельского») к П. А. Вяземскому, М. А. Волковой к В. И. Ланской.

«Выкрещенный индеец», носивший княжеский титул и претендовавший на родство с каким-то «правившим в Азии» родом, отставной лейб-гусар, имевший чин статского советника и время от времени исполнявший какие-то таинственные поручения «по части иностранных дел», он появился в Москве примерно в середине 1804 г. и сразу же оказался в центре внимания московского общества. Внимание москвичей привлекали не

только «экзотическая» наружность Визапура[6] и его происхождение, но и — в гораздо большей степени — стиль и манера его поведения, в которых педантичное следование принятому в обществе этикету сочеталось с утрированием (или, напротив, отрицанием) некоторых этикетных норм. Странными и необычными казались, например, жителям Москвы аффектированная галантность Визапура и его подчеркнутая доброжелательность к людям посторонним и мало знакомым. Тот же С. П. Жихарев несколько позднее, 15 ноября 1805 г., рассказывая в своем «Дневнике» о вошедших в моду в Берлине «александровских букетах», замечает: «Непременно закажу такой букет и приподнесу востроглазой Арине Петровне на коленях à la Visapour и при мадригале à la Schalikoff».[7]

Некоторые поступки Визапура выглядели в глазах московской публики откровенно экстравагантными. Из Петербурга, где прежде жил Визапур, доходили в Москву причудливые рассказы о его попытке совершить первый в России полет на воздушном шаре,[8] о каких-то серьезных неприятностях по службе, которые ему пришлось претерпеть при Павле I, о его странном поведении на заседании военного суда. Много разговоров в «старой столице» вызвала недавняя женитьба Визапура на богатой московской невесте — дочери бывшего камердинера Екатерины II «статского генерала» А. И. Сахарова.[9]

---

[6] Современникам особенно запомнились «темнооливковый, почти черный» цвет кожи Визапура, его широкое лицо с небольшими глазками, плотное телосложение и «длинные, курчавые волосы», см.: Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2. С. 64; *Domerque A.* La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815). Paris, 1835. T. 2. P. 102—103; *Долгоруков И. М.* Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874. С. 57. В русском языке первой половины XIX в. слово «черномазый», впервые зарегистрированное в Академическом словаре 1847 г., означало прежде всего (если не исключительно) «обладающий черной или смуглой кожей». Словарь В. И. Даля, например, дает только одно значение: «весьма смуглый лицом» *(Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 596). Вторичные значения этого слова «темнокожий», «черноволосый»; «темнокожий», «черный», «грязный» развиваются значительно позже (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1963. Т. 17. Стб. 908).

[7] *Жихарев С. П.* Записки современника. С. 123.

[8] Воспоминания Фаддея Булгарина. С. 63—67; см. также: *Франк М. Л.* История авиации. СПб., 1911. Т. 1. Ч. 1. С. 33.

[9] *Янькова Е. П.* Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. СПб., 1885. С. 459. Янькова приводит в своих воспоминаниях «стишки», сложенные по этому поводу московскими острословами (относя их ошибочно к браку А. М. Пушкиной с О. А. Ганнибалом):

Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапура.

(См. также: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 13—14). Сведения об А. И. Сахарове см.: ЦГИА, ф. 1343, оп. 29, ед. хр. 1288, л. 5—6, 8—10. Он бегло упоминается в сочинении М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России»,

Из всего сказанного следует, что Визапур к 1805 г., по свидетельствам современников, уже успел занять свое место в галерее «московских знаменитостей», чудаков и оригиналов. Слова Чацкого «Известен всем...» могут быть, таким образом, отнесены к нему с тем же основанием, что и к другим прототипам «черномазенького турка или грека» — Сибилеву и Метаксе. В то же время свидетельства современников рассказывают не об одних только чудачествах и экстравагантностях «индейского князя». Изучение этих свидетельств (а также связанных с именем князя Визапура архивных материалов) лишний раз заставляет подумать о том, насколько сложным и неоднозначным бывает подчас соотношение образа литературного героя с его реальным прототипом. Персонаж, которому в комедии Грибоедова уделено всего пять строчек текста, в живой исторической действительности оказывается человеком со сложной и весьма примечательной биографией.

К сожалению, биография эта до сих пор во многом остается для нас загадкой. В формулярных списках князя Александра Ивановича (по другим источникам — Андреевича) Порюс-Визапурского (так полностью именовался в официальных документах князь Визапур) говорится, что «происходит из Индейских князей и состоит в вечном подданстве Российском».[10] Однако когда и при каких обстоятельствах оказался в России этот единственный представитель титулованного русского дворянства, ведущий свой род из Индии,[11] остается до сих пор неизвестным; можно только утверждать, что это произошло не позднее конца 1782 г., — 1 января 1783 г. Визапур был уже зачислен на службу.[12] Столь же неясным и загадочным представляется его индийское прошлое.[13] Странным кажется и то, что

[10] Списки находятся в деле Департамента герольдии «О возведении в княжеское достоинство рода Порюс-Визапурских» (ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 15—16, 78—80). В других документах, имеющихся в том же деле, указывается, что А. И. Порюс-Визапурский «по <...> спискам показан сначала из Монгольских и Визапурских, а потом из Индейских князей» (там же. С 55).

[11] См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2-е изд., СПб., 1895. Т. 2. С. 123—124. — В XVIII в. отмечено несколько случаев перехода в православие индийцев, живших в Астрахани и Кизляре; Русско-индийские отношения. Сборник документов. М., 1965. С. 55—57, 98—99). Однако все «новокрещенные индийцы» пополняли собой, как правило, непривилегированные сословия — купечество и мещанство.

[12] ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 15, 78.

[13] Известный советский антрополог, член-корреспондент АН СССР В. П. Алексеев, ознакомившись по нашей просьбе с описанием внешности Визапура (ср. выше, прим. 6), указал, что эти описания ближе всего соответствуют антропологическим характеристикам представителей некоторых этнических групп, живущих в различных областях Южной и Центральной Индии (включая южные районы современных штатов Махараштра и Мадхья — Прадеш). По своему социальному статусу эти группы относятся, как правило, к низшим кастам или вообще стоят вне кастовой системы. «Фамильное прозвание» Визапурский (Визапур) происходит от города Биджапура, расположенного (в пределах отмеченной выше зоны) под 16°48′ с. ш. и 75°46′ в. д. Город Баджапут (санскр. Vijayapura «город победы») и прилегающие к нему области в период раннего средневековья находились под властью различных царских

после смерти Визапура, именовавшегося в России князем на протяжении сорока лет (в том числе — во многих официальных актах), ни в его личном архиве, ни в Департаменте герольдии не оказалось никаких документов, подтверждающих его права на княжеский титул.[14]

Визапура легко можно было бы заподозрить в самозванстве (в царствие Анны Иоанновны в Петербурге уже подвизался некий авантюрист — не то немец, не то голландец, — выдававший себя за Гин Ахмета, внука Великого Могола),[15] если бы не два весьма существенных обстоятельства. Первое — он родился в 1773—1774 гг. и попал в Россию, когда ему не было и десяти лет,[16] второе — его имя... Имя, которое он получил не при рождении, а при обращении в христианство, — Александр Порюс-Визапурский.

Основанная на рационалистической философии европейская культура XVIII в. тяготела (как это неоднократно отмечалось уже в работах исследователей-культурологов) к «непосредственной мотивированности» всякого (в том числе и языкового) знака.[17] Отсюда — увлечение этимологией и характерное для того времени тяготение к «значащим именам». Этим, очевидно, следует объяснить стремление европейского общества наделять «инокультурных выходцев», прежде всего африканцев и азиатов, попадавших в XVIII в. в Европу, своего рода «именами-ярлыками», ассоциировавшимися с творениями античных авторов и в то же время с «прародиной» этих выходцев (страной или частью света). Вот почему молодой эфиоп, воспитанный

династий (Чалукья, Раштракута, Ядава), а с начала XIV в. — Делийского султаната. В середине XV в. Баджапут становится центром самостоятельного государства — Биджапурского султаната, который просуществовал до конца XVII в., когда владения султанов были разделены между Делийскими Монголами и маратхским государством Шиваджи. В окрестностях Биджапура в XVII—XVIII вв. существовало много мелких феодальных владений, управляющихся как мусульманскими, так и индусскими правителями. См.: The Imperial Caretteer of India v. Viii Oxford, 1908. P. 173—174, 177—178, 186—187; *Nilakanta Sastri K. A.* History of South India. Oxford, 1958. P. 250—251, 281—286, 479—480.

[14] Дело об утверждении рода Порюс-Визапурских в княжеском достоинстве было возбуждено в 1824 г. вдовой Визапура и его старшим сыном А. А. Порюс-Визапурским (1805—1865). После четырехлетнего рассмотрения в Сенате дело было решено Николаем I в пользу просителей натом основании, что Визапур был дважды «поименован князем» в указах Александра I ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 57—58; см.: Санктпетербургские сенатские ведомости. № 20 (19 мая 1828 г.). С. 692—693.

[15] Русско-индийские отношения в XVIII в. С. 16—18, 123—128.

[16] Приблизительная дата рождения Визапура устанавливается по формулярным спискам (ср. выше, прим. 11). В первом из них, относящемся к началу 1802 г., возраст Визапура показан 27 лет; во втором, составленном в 1822—1823 гг., — 47 лет. Дата определяется с учетом возможного в то время «переноса» возрастных данных в списки из более ранних документов.

[17] *Лотман Ю., Успенский Б.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Художественная культура XVIII века: Материалы научной конференции. М., 1974. С. 264—265, 272—274.

при дворе Петра I, получает в 1720-х гг. имя Ганнибал,[18] вот почему шестьдесят лет спустя в новом имени очутившегося в Европе (или в России) мальчика-индийца появляется «Порюс» — произнесенное «на французский манер» латинское Porus, имя сражавшегося с Александром Македонским царя Индии.

Семантика имени индийского выходца оказывается, однако, по сравнению с именем «арапа Петра Великого» гораздо более сложной. Важную роль в его вторичном значении играет не только имя Пора, но и само соединение двух имен царей-противников — Пора и Александра. Имя «выкрещенного индейца» представляло собой, таким образом, своеобразный текст, — зашифрованный, но легко поддающийся расшифровке и указывавший на «предполагаемую функцию» носителя имени:

Александр	«Открыватель пути в Индию»;
Порюс	«Из природных индийских князей»;
Визапурский	«Владетель города Виджапура — княжества Виджапурского».

Где бы и когда бы ни получил свое новое имя князь Визапур, ясно одно: если он и был самозванцем, то — самозванцем «невольным». Те, кто назвали его так, либо сами верили в его «царское» происхождение, либо стремились убедить в нем других.

Следует помнить, что как раз на стыке 1770-х и 1780-х гг., — в то самое время, когда Визапур (предположительно) появляется в России, — восточная политика правительства Екатерины II отличается особенной активностью. В частности, ведется интенсивная разработка проекта установления регулярных торговых связей между Россией и Индией. В рамках этого проекта в 1781—1782 гг. к южным берегам Каспия была послана экспедиция М. И. Войновича, пытавшегося основать торговую факторию в Астрабадском заливе.[19]

«Основание торговли с Индией», наряду с ликвидацией османских владений в Европе и упорядочением русско-китайских отношений, оставалось, как известно, одной из главных внешнеполитических целей Екатерины II на протяжении всей ее жизни.[20] Появление в России — чуть ли не одновременно с отправлением эскадры Войновича — индийского выходца со столь красноречивым именем вряд ли можно считать случайным, как

[18] *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1984. С. 96—97; по мнению автора, А. П. Ганнибал получил эту фамилию во время своего пребывания во Франции.

[19] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 529—534; *Валишевский К.* Роман Императрицы. СПб., 1911. С. 435—436; *Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 50—55; об экспедиции М. И. Войновича см.: *Габлиц К.* Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры под командою флота капитана второго ранга графа Войновича. М., 1809.

[20] Высказывание Екатерины об этом несколько раз приводит в своих «Записках» и «Объяснениях» Г. Р. Державин (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1876. Т. 6. С. 606; ср.: СПб., 1863. Т. 1. С. 430).

нельзя считать случайным имевший место в это же время массовый набор греков в русскую армию и русский флот.

В свете всего сказанного становится отчасти понятным, почему биография Визапура, насколько она нам сейчас известна, конечно, вызывает иногда впечатление своеобразной «запрограммированности», «заданности извне». Попав в Россию, Визапур 1 января 1783 г. зачисляется на службу сержантом Киевского гренадерского полка [21] и, оставаясь еще «малолетним», регулярно повышается в чине и даже (что со сверхкомплексными офицерами и солдатами бывало уж крайне редко) переводится из одной воинской части в другую. Объяснить это можно только тем, что у Визапура были какие-то достаточно влиятельные покровители, внимательно следившие за его карьерой.

Визапур занимался литературой, и не без успеха. А. Домерг через тридцать лет вспоминает «изящный экспромт», сочиненный Визапуром в честь его сестры, актрисы Авроры Бюрсе. [22] И. М. Долгоруков, достаточно известный в то время поэт, постоянный сотрудник московских журналов и альманахов, восхищенный мадригалом Визапура Е. С. Обресковой, [23] перевел его стихи на русский язык. Перевод был опубликован в апрельском номере журнала «Аглая» за 1810 г. (4.10. С. 27). [24] Характерно, что А. А. Перовский, направляя из Владимира стихи Долгорукова П. А. Вяземскому для публикации в журнале, сопровождает их (в письме от 26 февраля 1810 г.) следующим примечанием: «Тебе, я думаю, известны стихи к Лизавете Семеновне (Обресковой): Être bonne, indulgente et belle...» [25]

Визапур был автором книги «Croquis de Petersbourg» («Петербургские наброски»), вышедшей около 1804 г. и представлявшей собой своеобразный путеводитель по русской столице. [26]

[21] ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 5, 78. Доклад Сената, направленный Александру I в связи с просьбой А. А. Порюса-Визапурского, особо отмечает, что «проситель <...> не представляет доказательств, чтоб предки его состояли в подданстве России и в службе, а находился в службе только его отец» (там же, л. 45об., ср.: лл. 31—36). Есть основания считать, что детские годы (хотя бы частично) Визапур провел в Петербурге: в стихотворении «Послание Петербургу», которым открывается его книга «Петербургские наброски» (см. ниже), он говорит, обращаясь к городу: «Тебе я отдал дни мои с самого раннего детства» (Je te donnai mes jours dès ma plus tendre enfance).

[22] *Domergue A.* La Russie. P. 104.

[23] Е. С. Обрескова, урожденная Волчкова (1775—1856), — жена сенатора П. А. Обрескова (1752—1814), производившего в 1810 г. ревизию Владимирской губернии (Русский биографический словарь. СПб., 1904. С. 64—65).

[24] *Лонгинов М. Н.* Хронология некоторых стихотворений князя Ивана Михайловича Долгорукова // Русский Архив. 1865. Стб. 369. В своих записках И. М. Долгоруков упоминает также «эпистолу» Визапура к реке Клязьме, «французскими стихами очень хорошо написанную» (Капище моего сердца, или словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях. С. 58).

[25] *Погорельский А.* Избранное. М., 1985. С. 121.

[26] Полное заглавие книги: Croquis de Petersbourg par le P... de V... cidevant Colonel aux Gardes. St. Petersbourg, chez Bouvat libraire, Perspective

Небольшая книжка Визапура, при всей ее подражательности и, быть может, недостаточной серьезности, несомненно является ценным (и до сих пор неизвестным даже специалистам) источником для истории Петербурга в эпоху «дней Александровых прекрасного начала». Описания в ней неизменно отмечены своеобразным «эффектом личного присутствия», стремлением всячески подчеркнуть свою сопричастность жизни петербургского «большого света». Это стремление определилось, по-видимому, не столько индивидуальными качествами Визапура, сколько его оппозицией «инокультурного выходца», желанием как можно полнее адаптироваться в новом культурном окружении. Подобно «арапу Петра Великого» Визапур, очевидно, также мечтал, говоря словами А. С. Пушкина, «перестать быть пришельцем в новом отечестве своем». Так или иначе главная поведенческая характеристика «черномазенького» в монологе Чацкого («Куда ни сунься: тут как тут, В столовых и в гостиных»; «Опустошитель всех столов На свадьбах и поминках».) оказывается, как видно, вполне пригодной и для предложенного нами прототипа.

Действительная военная служба Визапура началась в 1791 г., в сентябре 1800 г. — он уже полковник.[27] 8 февраля 1802 г. Визапур «по поданному прежде 1 Генваря сего года прошению» отставляется от службы «Статским Советником для определения в Иностранную Коллегию».[28] О том, какая служба ожидалась от зачисленного «до определения к должности» статского советника, свидетельствует заведенное в июне 1803 г. Департаментом коммерции дело «О предпринимаемом статским советником князем Визапуром вояже в Индию».[29] Из дела этого видно, что в начале 1803 г. Визапур представил Александру I разработанный им план установления прочных торговых связей между Россией и Индией.

Осенью 1804 г. Визапур оказывается в Москве, где 7 октября женится на Н. А. Сахаровой. В Москве он остается и в последующие годы, не без успеха играя взятую на себя роль «светского льва», непременного завсегдатая московских балов

de Newsky N 76; de l'Imrimerie du 1-r Corps des Cadets. Авторство Визапура и дата публикации устанавливается в каталоге ГПБ (Bibliothèque Impérial Publique de St. Pétersbourg Catalogue de la section des «Russica», ou écrits sur la Russie en langues étrangères. T. 2. St. Pétersbourg, 1873. T. 2. P. 491). Внутренняя хронология текста свидетельствует о том, что книга была написана в основном не позднее начала 1803 г.; Г. Н. Геннади ошибочно приписывает ее А. А. Порюс-Визапурскому (Русский архив. 1867). (Стб. 973).

[27] ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 15—16; Croquis de Petersbourg. P. 29; Всевысочайшие приказы, отданные Е И В Государя Императора 1799 года. СПб., 1800. С. 220, 279, 281.

[28] Санктпетербургские ведомости. № 13. 14 февраля 1802 г. С. 285; ср.: ЦГИА, ф. 1346, оп. 46, ед. хр. 676, л. 14, 27.

[29] ЦГИА, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 87; ф. 1329, оп. 3, ед. хр. 279, № 228; О «Миссии Визапура» рассказывает вкратце в своей статье О. Ф. Соловьева (К вопросу об отношении царской России к Индии в XIX — начале XX века // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 98).

и собраний. Положение Визапура в Москве — «жестоком и снисходительном», по выражению Ф. Ф. Вигеля, городе — во многом напоминало с замечательной точностью описанное А. С. Пушкиным положение «арапа Петра Великого» в Париже. Среди окружавших его было немало таких, кто сумел оценить «быстрые и остроумные ответы» «индейского князя», его «изумительную память», его разговор, «который был, смотря по обстоятельствам, то важным, то шутливым, то легким и поучительным и всегда оригинальным».[30] Для некоторых, однако, он подобно пушкинскому Ибрагиму, оставался подобием «какого-то редкого зверя, творения особенного, чужого, перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего».[31] М. А. Волкова, писавшая своей корреспондентке, что Визапур — «не что иное, как Мулат, явившийся бог знает откуда и годный только стоять на запятках у кареты вместо негра»,[32] была, вероятно, не одинока в своем мнении.

В 1812 г., во время нашествия Наполеона на Россию, имя Визапура появляется вдруг в совершенно новом, неожиданном контексте. А. Домерг рассказывает в своих записках (очевидно, со слов жены и сестры, оставшихся в Москве), что примерно в конце сентября—начале октября 1812 г. Визапур, выехавший ранее из Москвы со своей семьей, возвратился в занятый французами город и потребовал аудиенции у Наполеона.[33] Полная безнаказанность Визапура впоследствии может означать только одно: что он попал в Москву с ведома соответствующих петербургских «инстанций» и по их поручению.

Неясные толки об «индийских проектах» Наполеона не могли не волновать русское правительство, нуждавшееся в точной информации о действительных намерениях французов. Визапур с его индийским происхождением, княжеским титулом и совершенным знанием французкого языка был, очевидно, наиболее подходящей кандидатурой для проведения такого рода «секретного зондажа». Посылавшие его в Москву люди должны были быть вполне уверены в нем и в искренности тех слов, которыми он в 1803 г. закончил свой план экспедиции в Индию: «Жизнь для меня — невыносимое бремя, если она не потребна государству».[34]

---

[30] *Domergue A.* La Russie. P. 103.

[31] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1938. Т. 8. С. 5.

[32] Частные письма 1812 г. От Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской // Русский архив. 1872. Стб. 2416—2417.

[33] *Domergue A.* La Russie. P. 108—109.

[34] ЦГИА, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 87, л. 3. Предлагаемая реконструкция «миссии» Визапура в Москву остается, естественно, лишь гипотезой до тех пор, пока не будут найдены и обнародованы относящиеся к этому эпизоду архивные материалы. Вероятность предложенной интерпретации косвенно подтверждается рассказанной в записках Ф. Ф. Вигеля историей эмигранта-швейцарца Ф. Кристина (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 167—168). Дезинформация противника посредством «мнимой измены» некоего лица, предпочтительно — иностранца на русской службе, была, по-видимому, излюбленным приемом российской тайной дипломатии того времени.

Имя Визапура исчезает со страниц мемуаров и писем, относящихся к 1810 гг. Мы не знаем пока, как провел он последние годы жизни, где умер и где похоронен. Последняя запись в его формулярном списке свидетельствует о том, что статский советник князь Порюс-Визапурский был «исключен из службы по предложению управляющего Министерством Иностранных дел» 18 декабря 1823 г.

В литературе об А. С. Грибоедове нет прямых указаний на знакомство будущего автора «Горя от ума» с А. И. Порюс-Визапурским. В то же время есть все основания полагать, что юный Грибоедов не только слышал московские толки о чудаковатом «индейском князе», но и встречался с ним в домах общих знакомых. Одним из таких домов мог быть прежде всего дом Обресковых, с которым у князя Визапура существовали, по-видимому, давние связи. (Брат сенатора П. А. Обрескова, генерал М. А. Обресков (1759—1842) при Екатерине командовал Переяславским конно-егерским полком, где в 1795—1797 гг. служил Визапур).[35] По некоторым данным, с Обресковыми была хорошо знакома семья А. Ф. Грибоедова, дяди поэта. Адъютант Московского главнокомандующего В. А. Обресков (двоюродный брат М. А. и П. А. Обресковых) перед войной 1812 г. добивался руки кузины А. С. Грибоедова Е. А. Грибоедовой (в будущем — княгини Паскевич).[36] Сын М. А. Обрескова, А. М. Обресков (1793—1885), профессиональный дипломат, участвовал впоследствии вместе с Грибоедовым в подготовке Туркманчайского мирного договора.[37]

Князя Визапура Грибоедов мог встретить также и в одном из домов, принадлежащих многочисленному московскому клану Кологривовых. Генерал А. С. Кологривов, под начальством которого Грибоедову предстояло служить в Отечественную войну, в 1796—1802 гг. числился шефом лейб-гусарского полка, куда в 1799 г. был переведен Визапур.[38] Грибоедов и Визапур могли, естественно, встречаться также на привлекавших всю Москву балах, маскарадах, театральных спектаклях, ежегодных гуляньях в Сокольниках и под Новинским.

Вместе с тем вполне очевидно, что знакомство А. С Грибоедова с «индейским князем» не могло быть особенно близким — хотя бы потому что, у юноши-студента не могло быть много общего с 37-летним статским советником «на покое». Грибоедов, по-видимому, не столько знал Визапура, сколько наблюдал его в обществе. Данная устами Чацкого характеристика «черномазенького» свидетельствует именно о таком — чис-

---

[35] О М. А. Обрескове см.: Русский биографический словарь (Обезьянинов — Очкин). СПб., 1904. С. 65—66.

[36] Переписка М. А. Волковой // Вестник Европы, 1874, август. С. 653; сентябрь. С. 151, 156, 167.

[37] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 444.

[38] *Манзей К.* История лейб-гусарского полка. СПб., 1857. Т. 1. С. 165—167.

то «визуальном» — знакомстве автора с прототипом этого персонажа.

Характеристика «черномазенького» возникает в первом монологе Чацкого в окружении целого ряда «синхронных» портретов и зарисовок. К «допожарной» эпохе восходят и образ «ментора-немца», навеянный, как это доказывается в одной из работ С. А. Фомичева, периодом обучения А. С. Грибоедова в Университетском пансионе и в университете,[39] и сам термин «трое из бульварных лиц», несомненно, связан с так называемой «Сатирой 1811 г. на Тверской Бульвар».[40] Привлекавшие толпы москвичей спектакли и маскарады П. А. Позднякова (традиционно считающегося прототипом упоминаемого Чацким завзятого театрала) также имели место в основном до наполеоновского нашествия (во время пребывания Наполеона в Москве на поздняковской сцене играла французская труппа, а затем, в 1813—1814 гг., — казенные артисты).[41] «Допожарными» реминисценциями проникнут и разговор Чацкого с Софьей о танцмейстере Гильоме. Толки о «вертунах залетных из-за Рейна» — проходимцах и авантюристах, пользующихся «модной галломанией», чтобы устроить в России свою карьеру и фортуну,[42] возникали в русском обществе еще во времена Сумарокова и Фонвизина, но наиболее характерны были именно для периода 1790—1810 гг., от начала контрреволюционной эмиграции до нашествия 1812 г. (ср. отражение этой темы в литературе того времени — комедиях И. А. Крылова, памфлетах Ф. В. Ростопчина, статьях С. Н. Глинки и т. д.). «Допожарный материал» занимает, таким образом, в первом действии «Горя от ума» довольно значительный (свыше 30 стихов) отрезок текста, отрезок, характеризующийся хронологическим единством и вместе с тем — тематическим и стилистическим единообразием.

В цитировавшейся уже нами работе, посвященной реконструкции комедии «Дмитрий Дрянской», С. А. Фомичев высказал предположение о том, что в «Горе от ума» могли войти — в идейно переосмысленном и стилистически переработанном виде — отрывки из ранних, не дошедших до нас произведений А. С. Грибоедова.[43] Он не только указал при этом на тек-

---

[39] *Фомичев С. А.* Реконструктивный анализ литературного произведения (Комедия А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской») // Анализ литературного произведения. Л., 1976. С. 223—224.

[40] Русская старина. 1897. № 4. С. 67—72. — На эту связь указывает в своем комментарии к комедии Грибоедова С. А. Фомичев (Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. С. 77—78).

[41] *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1912. С. 164—165, 176.

[42] С. А. Фомичев справедливо сопоставляет слова Чацкого о Гильоме со слухами о «скандальной» женитьбе эмигранта И. С. Лаваля на А. Г. Козицкой (Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. С. 80); ср. аналогичные рассуждения о карьере отца и сына Рибопьеров у Ф. Ф. Вигеля (Записки. Т. 1. С. 310—312).

[43] *Фомичев С. А.* Реконструктивный анализ литературного произведения. С. 216—217.

стуальное совпадение некоторых стихов первого монолога Чацкого с трагедией В. А. Озерова, которую Грибоедов пародировал, но и отметил стилистическую близость характеристики московского театрала («А наше солнышко, наш клад...») «одной из распространенных форм народной драматургии — прибаутками балаганного зазывалы».[44] Общеизвестно свидетельство В. В. Шнейдера о том, что Грибоедов, будучи студентом, «читал своим товарищам стихи своего сочинения, большею частью сатиры и эпиграммы».[45] Наличие в первом действии «Горя от ума» целой группы стилистически однородных портретных зарисовок «допожарного» периода дает основание поставить вопрос: не являются ли все они фрагментами еще одного юношеского произведения А. С. Грибоедова, написанного (как и позднейший памфлет на М. Н. Загоскина) в стиле раешника приблизительно в 1810—1812 гг., сатиры на московское общество?[46]

Д. И. Белкин

ПИСЬМА В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО К ГРИБОЕДОВУ

В конце русско-персидской войны 1826—1828 гг. судьба свела Грибоедова с капитаном Гвардейского генерального штаба Владимиром Дмитриевичем Вольховским (1798—1841). Воспитанник Царскосельского лицея, первым удостоенный там Большой золотой медали, Вольховский принадлежал к той когорте замечательных русских людей, которую более полутора веков уважительно называют декабристами.

Еще не окончив Лицей, где волевой юноша удивлял однокурсников и учителей своим трудолюбием, он посещает «Священную артель», первый преддекабристский «мыслящий кружок» молодых вольнодумцев в Петербурге.[1] В 1817 г. В. Д. Вольховский принят был в Союз спасения, а через год — в Союз благоденствия. Недаром в литературе о раннем периоде

---

[44] Там же. С. 223—224.

[45] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 329. По предположению М. В. Нечкиной, В. И. Штейнгель, называя в своих показаниях Следственному комитету фамилию Грибоедова среди писателей, способствовавших развитию в нем «либеральных понятий», имел в виду не «Горе от ума», а не дошедшие до нас «мелкие вольнодумные стихотворения» (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 495).

[46] Говоря об интересе А. С. Грибоедова к Индии, упоминают обычно о его примечаниях к «Запискам» Дементия Цикулина. Между тем, по свидетельству С. Н. Бегичева, Грибоедов во время пребывания в Тебризе в 1818—1823 гг. «начал также учиться санскритскому языку, но учение это не кончил» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 27). Если это свидетельство верно, А. С. Грибоедов был одним из первых русских, обратившихся к изучению санскрита.

[1] *Нечкина М. В.* Союз спасения//Исторические записки. М.; Л., 1947. Т. 23. С. 137—184.

движения декабристов этому замечательному человеку уделено большое место.[2] И хотя на допросах «следственной комиссии о злоумышленных обществах» В. Д. Вольховский показывал, будто после 1821 г. уже не участвовал в тайном обществе, однако в сентябре 1826 г. капитана Гвардейского генерального штаба переводят на Кавказ квартирмейстерским офицером в штат генерала И. Ф. Паскевича.

Считают, что В. Д. Вольховский потому легко отделался от «следственной комиссии», что с октября 1820 г. находился в дальней экспедиции в Бухару и не мог активно участвовать в событиях. К тому же ему выдал добрую характеристику его непосредственный воинский начальник — граф П. П. Сухтелен, генерал-квартирмейстер Главного штаба.[3] В письме к И. Ф. Паскевичу он рекомендовал бывшего подчиненного «как одного из лучших офицеров Генерального штаба».[4] И это не было преувеличением.

В конце октября 1826 г. отряд русских войск, преследуя армию Аббас-мирзы, перешел Аракс и имел стычки с отступающим неприятелем. В этой операции В. Д. Вольховский выполнял важные и ответственные поручения; храбрым офицером он показал себя и во время взятия крепости Эривань и в дни осады другой — Сардарабада. К этому времени относят знакомство В. Д. Вольховского с Грибоедовым.[5] По нашему мнению, оно могло состояться значительно раньше.

В начале декабря 1827 г., когда между русским командованием и персидским правительством уже велись переговоры об условиях окончания войны, В. Д. Вольховский по поручению Паскевича прибыл в Тегеран, где изложил шахскому правительству условия и требования, выдвинутые царским правительством. Он с успехом выполнил это важное задание.

Командировка В. Д. Вольховского продолжалась более двух месяцев, с 2 (15) декабря 1827 г. по 3 (16) февраля 1828 г. Правда, он вывез из Тегерана 10 млн. рублей серебром контрибуции. Твердость и дипломатическое искусство, с которыми В. Д. Вольховский настаивал перед персидским правительством на выполнении им своего обещания, отвергли все колебания и уклонения, начавшие возникать здесь.

---

[2] См. публикацию И. С. Калантырской о неизвестных письмах декабристов к Н. Н. Муравьеву-Карскому из собрания Государственного исторического музея: Из эпистолярного наследия декабристов. М., 1975. Т. 1. Здесь, в частности, сообщалось, что во второй том аналогичного издания войдут многочисленные письма В. Д. Вольховского (С. 16).

[3] *Шадури В.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Тбилиси, 1979. С. 9; *Ениколопов И. К.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1974. С. 82—85.

[4] ЦГИА, ф. 1018 (Паскевича-Эриванского), оп. 7, д. № 432.

[5] Николай Гастфрейнд в «Материалах для словаря лицеистов», опираясь на запись Грибоедова от 9 июня 1827 г., где упоминается фамилия Вольховского, относит именно к этому времени их знакомство. См. его труд: Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. СПб., 1912. Т. 1. С. 54.

Поддержку в правоте своих действий В. Д. Вольховский находил в письмах к нему Грибоедова, который был в это время в Тавризе и вел переговоры. Последние оказались «прерваны, после многих толков, пустых, как с персиянами всегда бывает».

Делясь местными новостями, автор «Горя от ума» извещал молодого дипломата: «...рапорты ваши в копии все препровождены к Е. И. Величеству».

Далее Грибоедов дружески предостерегал: «Между прочим, замечу вам одно: к чему вы были так снисходительны, и зажились с этим народом? Таким образом миссия ваша совершенно изменилась, и может быть подала некоторую надежду Шаху или Муэтелеминдину на большую проволочку. Так кажется, но вы на самом месте лучше знаете, что делать.

Генерал очень много о вас заботился, и все мы очень, очень желаем вас видеть, по мне хоть и без денег (т. е. без контрибуции. — *Д. Б.*).

Для ускорения высылки первого транспорта, советую вам пригрозить им известием, что если мы достигнем до Зенгана, не встретя денег, то при дальнейшем движении вперед, не можем оставить позади себя шаткое народонаселение, неуверенное, кому оно принадлежать будет, и тогда... объявим навсегда принадлежащим — России.

Мы напрасно вперед не пошли прежде. Я это знаю, но причины найдется много». [6]

Публикуемые ниже письма В. Д. Вольховского к Грибоедову как раз и относятся к этому времени — переговорам его в Тегеране. Кстати, переписка двух этих выдающихся личностей давно привлекала внимание исследователей, [7] однако сохранившиеся в разных архивах[8] некоторые из писем оказались более счастливыми: попали в печать, другие — ждут еще своей очереди.

Письма В. Д. Вольховского к автору «Горя от ума» воссоздают грани их дружеских взаимоотношений, проницательное понимание ими друг друга и своего служебного долга, рисуют малопривлекательные действия шахского двора в ходе заключения мирного договора в Туркманчае, бедственное положение народных масс, усугубленное коварным поведением местных властей.

---

[6] Письмо А. С. Грибоедова полностью опубликовано в упомянутом труде Николая Гастфрейнда «Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею». С. 55—56 и в Полном собрании сочинений А. С. Грибоедова. Т. 3. Петроград, 1917. С. 205—207, 348.

[7] См., например, Харьковские губернские ведомости, 1891, № 93.

[8] Так, письма В. Д. Вольховского хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, опись ф. № 512; Государственном историческом архиве, ф. 1018 (Паскевича-Эриванского); Институте рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузинской ССР; Государственном историческом музее (Москва) и ряде других архивов.

Письма к Грибоедову В. Д. Вольховский писал как по-русски, так и на немецком языке. Ниже публикуются три, написанные по-русски. Тексты писем публикуются полностью. Слова, прочтение которых вызывает особое затруднение, приводятся в скобках. Знаки препинания в отдельных случаях приведены в соответствии с правилами современной пунктуации. Персидские имена печатаются в транскрипции В. Д. Вольховского, а в квадратных скобках дано их современное написание.

За боевые и дипломатические заслуги В. Д. Вольховский в марте 1828 г. был произведен в полковники. Когда же за храбрость его представили к ордену Анны 2-й степени, то в Петербурге вспомнили о причастности В. Д. Вольховского к декабристам и ограничились «высочайшим благоволением».

Еще задолго до удаления в Грузию В. Д. Вольховский зарекомендовал себя как человек, на которого вполне можно положиться. Оказавшись «за хребтом Кавказа», он охотно помогал, несмотря на большой риск, опальным людям. Воспитанник воспетого Пушкиным Лицея, он не только «милость к падшим призывал», но и бескорыстно многим оказывал свою «любовь и дружество». И чем выше занимал военные должности в Отдельном Кавказском корпусе, тем значительней и весомей становилась его помощь сосланным сюда декабристам.[9] Это было не только искушение судьбы, то была постоянная игра с огнем: отношение Николая I к декабристам было хорошо известно В. Д. Вольховскому. И царский гнев последовал. В письме из Тифлиса к бывшему лицеисту И. В. Малиновскому Вольховский сообщал 16 декабря 1834 г.:

«До приезда сюда государя я уже писал тебе о том, что могло нас здесь ожидать. Ты знаешь о пребывании здесь его величества, а посему, верно, не удивлялся, прочитав о перемещении моем в бригадные командиры (1-й бр. 3 пт. Див.) в Гродно. Я повторяю, что нахожу со стороны государя совершенно справедливым все, что бы ни последовало со мною, ибо начальник штаба должен отвечать за беспорядки в войсках, хотя бы вовсе не был лично в оных войсках: когда увидимся, расскажу подробности, и каким образом вина других пала на меня. Впрочем, перемещение само по себе нисколько меня не огорчило бы, *если бы не оставляли здесь дорогих родных*, для коих пребывание наше здесь было бы столь утешительно» (курсив мой. — *Д. Б.*).[10]

Несомненно, покровительство В. Д. Вольховского декабристам носило двусторонний характер. Общение с «друзьями, братьями, товарищами» укрепляло убежденность его в правоте их «скорбного труда» «и дум высокого стремленья». Именно

---

[9] В упомянутой выше монографии Вано Шадури факты эти рассмотрены весьма подробно и убедительно.

[10] ГПБ. Отдел рукописей и редких книг, ф. 124, ед. хр. 985.

эти нравственные качества В. Д. Вольховского содействовали, по нашему мнению, упрочению его дружбы с автором «Горя от ума».

1

Дерев. Сафар-Ходжа (за Казвином)
13 декабря 1827

Любезнейший Александр Сергеевич!

Рапортом из Казвина и письмом, также письмом от Зангана[1] имел я честь доносить Его высокопревосходительству о том, что Гуссейн-Али Хорасанский[2] преклонил шаха не высылать денег; касательно сбора войск я писал, что в Зангане в том мало успеха, в Казвине еще не собирали, но при самом моем выезде мне говорили, будто бы назначено войскам собираться; вообще же, кажется, здесь думают, что и нам нельзя зимою воевать. Самое трудное будет перебраться через Адзербиджан, а потом, выключая перевала Султанайскаго, где могут быть сильные ветры и морозы, без пристанища в обе стороны около 20 и 30 верст, дорога не представляет никакого затруднения; вероятно, что войск неприятельских не будет, и на переходах можно было бы и по деревням останавливаться, которых за Султаниею[3] по дороге и возле оной довольно. Расположение к нам Зангани Вам известно, кажется и в Казвине тоже, хотя здесь по дальнейшему расстоянию оно не успело еще обнаружиться: у нас сердце полно — но решительности нет, сказал мне здесь один человек, который должен был бы быть предан правительству, и это в одну минуту, в которую он мог говорить откровенно.

Здесь ходит насчет Аббас-мирзы странная молва, которой верят и при дворе Казвинском, будто он согласился из требуемых ныне от шаха 8 курур пять отдать русским, а три себе взять; некоторые полагают, что он совершенно к нам передался.

Я уже писал об торжественном приеме, сделанном мне в Казвине; не знаю, должен ли я сие приписать желанию приобрести внимание его высокопревосходительства или просто имяни *ельчи*, которым здесь всякого посланного называют, если он не просто курьер. Визирь мирза Таби[4] во все время моего пребывания у них почти не отходил от меня; квартиру я имел во дворце.

Я позабыл написать, что Занган и Казвин окружены простыми здешними стенами без рва, башни небольшия и не могут помещать пушек, которых в Зангане есть несколько без лафетов, а в Казвине кажется вовсе нет.

Прощайте, любезнейший Александр Сергеевич, напомните меня всем добрым людям, простите (за) маранье, пишу после холоднаго перехода в дыму.

Весь Ваш Вольховский

Примечания

1

[1] Казвин и Занган — города в Персии. Рапорт В. Д. Вольховского из Казвина на имя генерал-адъютанта и кавалера Паскевича был отправлен 12 (25) декабря 1827 г.

[2] Гассан-Али-мирза — сын шаха, отличившийся в Хорасане, прибыл в Тегеран во время переговоров Паскевича с Аббас-мирзою, престолонаследником, в Туркманчае и, узнав о положении дел, воспротивился вывозу из Ирана хотя бы одного золотого.

[3] Султания — летняя резиденция шаха.

[4] Грибоедов в письме к Н. А. Грибоедовой от 24 декабря 1828 г. именовал казвинского визиря иначе: «Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби...»

Приведенное письмо В. Д. Вольховского к Грибоедову без каких-либо комментариев было напечатано проф. М. Г. Нерсисяном в 1963 г. в Ереване, в Историко-филологическом журнале № 2 (21), издаваемом АН Армянской ССР. С. 234—235.

2

Любезнейший Александр Сергеевич,

посылаю к вам три письма от пленных, одно от находящегося здесь брата князя Меликова,[1] и три к Темир-хану из Индии. Отдайте Лемченке,[2] он аккуратно их разошлет. Пленных прошедшего 14 (17?) августа у генерала Красовского взято, как я точно узнал, только 236 человек, и в числе их ни одного офицера. Аббас-мирза[3] отыскивал кого-нибудь, чтобы поручить ему сию команду, но ни одного не оказалось, и юнкер Филипов 39-го Егерского полка начальствовал сими людьми. Здесь их около 20 человек, некоторые разосланы по провинциям, но более 400 ныне пленных в Испагани.[4]

Позвольте мне предложить Вам одну мысль для обеспечения уплаты 9-й и 10-й куруры. Пускай его высокопревосходительство выпросит у государя две куруры для устройства крыш и особенно для приведения здешнего корпуса в совершенно приличное землям здешним походное положение и для изготовления всего нужного, чтобы в случае неуплаты в назначенный срок персиянами оных двух курур вступить немедленно в Адзербиджан, мне кажется, что одно известие о сборах наших непременно заставит уплатить их. Бога ради, не забудьте меня, мне бы весьма хотелось перед отъездом Вашим в Петербург — увидеть Вас.[5]

10 генваря 1828 — Весь Ваш Вольховский
Тегеран

Рапорт к его Высокопревосходительству писан вчера вечером, но после ничего нового не узнал я. Последнее письмо Аббас-мирзы[6] весьма сильно и настоятельно было написано и произвело, как знаете, хорошее действие.

2

Публикуется впервые. Хранится в Пушкинском Доме. Ф. 623 (Архив Ф. В. Булгарина), ед. хр. 21.

[1] Князь Соломон Иосифович Меликов — мирза Селлиман Маллейкаф — коллежский асессор, переводчик. Пал жертвой резни 30 января 1829, учиненной персиянами в российском посольстве.

[2] Лемченко, видимо, один из курьеров при Грибоедове.

[3] Аббас-мирза Наеб-ос-Салтане (1782—1833), сын шаха и наследник престола с 1816 г.

[4] Испагань (Исфахан) — город в юго-западной части Ирана.

[5] Напомню, что кавказское начальство, получив предписание из Петербурга о скорейшем заключении мира, ибо все говорило за близкую войну с Турцией, выработало свои «предложения», как лучше и быстрее добиться соглашения о мире. «Предложения» эти клонились к тому, чтобы, «не дожидаясь известий от Вольховского, подписать мир» или (второй вариант) «перемирие заключить на такой срок, чтобы персияне имели достаточно времени привезти деньги и сдать их нашим чиновникам, и в это время заключить мир».[11] Началось наступление русских, и мирный договор был подписан 10 (22) февраля 1828 г. В письме к отцу из Туркманчая от 12 февраля 1828 г. В. Д. Вольховский сообщал: «Из Тегерана я благополучно возвратился с 10 миллионами серебра для царя, вследствие сего и мир подписан 10-го сего месяца в Туркманчае. Еривань, Нахичевань и Арарат наши». (См.: Историко-филологический журнал... С. 232).

[6] Речь, видимо, идет о письме его к шаху об отпуске денег для выплаты контрибуции. Как и Грибоедов, В. Д. Вольховский строго следил за выполнением условий перемирия как Персией, так и Россией.

3

Любезнейший Александр Сергеевич,

сегодняшним рапортом извещаю о новой остановке в следовании денег:[1] кажется, оная (остановка. — *Д. Б*) происходит единственно от личной нерешительности г. Макдональда.[2] Осмеливаюсь вам представить мое мнение: деньги уже шах отпустил,[3] оне в Казвине.

Кажется, нет мысли воротить их. Подпишите мир, и назначьте срок, в которой оне все должны быть сданы в Гиляне или где угодно. Если это не сдержится, тогда уже само по себе разумеется, что Вам ничего не остается, как воевать; взять Адзербиджан — а деньги сверх того получите, — неминуемо; ибо по общему здесь мнению шаху в случае войны невозможно отсюда вывезти сокровищ своих. Решите скорее[4] — это всего лучше — смотрите, чтобы потом о Казвине и Зангане не говорили так, как о Гокче и Балыкчах.

Откуда вы взяли, что за пять курур хотят, чтобы вы очистили Адзербиджан? Напротив, прежде здесь хлопотали, чтобы вам доставить должны 8 курур, а теперь семь на первый случай; пять же курур хотели хранить у англичан, потому что вам не верят: думают, что по получении пяти курур, вас уже никак не выгонишь из Адзербиджана. В рапорте моем за № 5,

---

[11] ЦГИА, ф. 1018, оп. 2, ед. хр. 42, л. 42—43.

сказано, что независимо от прочих могущих состояться условий я считаю предложения г. Макнила[5] возможными, в № 10-м сказано, что уплата пяти курур не есть одно условие к миру и к очищению Адзербиджана. Впрочем, письмо мое отправлено к вам 29 числа декабря с Курбазом(?). Каймаками,[6] вероятно, вам сие достаточно объяснено, и, вероятно, у вас все теперь кончено;[7] ибо Абдул-Гасан хан[8] и Аббас-мирза[9] тоже сие сделали по своему благоусмотрению; без посредничества же г. Макнила деньги навряд ли отсюда вышли бы.

11 генваря 1828. Остаюсь весь Ваш В. Вольховский

Его высокостепенство Каймакам все средства употребил, чтобы сегодня опять устроить дело наше,[10] и фирман к Манучер-хану[11] писан его рукою. Он настаивает, чтобы г. Макнил продолжал дорогу; здесь же перемены никакой не опасается. Назар-Али-хан,[12] товарищ мой, усердствует много по всему тому, что считает общим у нас с Аббас-мирзою ханом: он весьма заботится иметь выгодное о себе мнение Его высокопревосходительства.[13]

3

Публикуется впервые. Хранится в Пушкинском Доме. Ф. 623 (Архив Ф. В. Булгарина), ед. хр. 21.

[1] Находясь в Тегеране во время временного перемирия, объявленного И. Ф. Паскевичем до 10 декабря 1827 г., В. Д. Вольховский сообщал в письмах к Грибоедову и в рапортах Паскевичу о мотивах, которые затягивали переговоры,[12] а также о взаимоотношениях между правителями Ирана. Шах согласился, было, уплатить первые 2,5 млн. туманов, но попросил уменьшить остальную сумму и отсрочить платежи.

<...> от личной нерешительности г. Макдональда.

[2] Дж. Макдональд Киннейер — глава английской колонии в Иране в 1826—1830 гг., на этом посту он выступил за мир России с Персией, нужный также и Англии. Известны дружеские отношения Грибоедова и Макдональда (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 356).

[3] В осеннюю кампанию 1827 г. русские войска одержали несколько побед и начали быстро продвигаться в глубь Ирана. Взятие Сардарабада испугало шаха, и он послал Аббас-мирзе фирман с требованием немедленно заключить мир на любых условиях.

[4] В. Д. Вольховский, видимо, не знал, что русская армия уже возобновила наступление, что в январе 1828 г. были заняты Ардебиль и др. населенные пункты. Вскоре шах согласился на все условия, предложенные Паскевичем.

[5] Мак-Нил Джон, секретарь и врач английской миссии в Персии. Предлагая посредничество в переговорах о заключении мира во время войны 1826—1828 гг., сотрудники посольства поручились за выплату контрибуции. Джон Мак-Нил принадлежал к той группе англичан в Иране, которая подстрекала персидское правительство к конфликту с Россией. В данном случае речь, вероятно, идет о поручительстве: пять же курур «хотели хранить у англичан» или «без посредничества же г. Макнила деньги навряд ли отсюда вышли бы».

[6] Курбазом Каймаками (каем-макам) — управляющий делами наследника престола Аббаса-мирзы, его наместник и помощник по управлению погранич-

[12] Подробно об этом: *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 54.

ным с Россией Азербайджаном. Каем-макамом, общавшимся с В. Д. Вольховским, был мирза Абуль-Касим Фарахани, убитый в 1835 г. по приказу преемника Фатх-Али-шаха.

[7] Справедливое предположение В. Д. Вольховского, что русские войска возобновили действия, поскольку срок перемирия истек.

[8] Абдул-Гасан хан Абул-Хасан-хан — бывший посол в Петербурге и Лондоне. К моменту общения с В. Ф. Вольховским и Грибоедовым служил министром иностранных дел у Фатх-Али-шаха. Этому министру принадлежала идея «пугнуть» российского посла в январе 1829 г.

Абдул-Гасан хан и Аббас-мирза тоже сие сделали по-своему <...>

[9] Аббас-мирза просил побыстрее вывести русские войска из Иранского Адзербайджана, говоря, что иначе он не может платить полагающуюся с него контрибуцию. И. Ф. Паскевич дал согласие вывести войска при условии уплаты 7 куруров туманов, т. е. 14 млн. руб. серебром. Аббас-мирза послал 6 куруров туманов, полкурура обещал заплатить английский посланник Макдональд, выдав вексель на Ост-Индскую компанию. В Центральном государственном историческом архиве в фонде Паскевича (Ф. 1018, опись 2, ед. хр. 25) хранится перевод с упомянутого векселя Макдональда.

Аббас-мирза стремился побыстрее выплатить контрибуцию. Под обеспечение невыплаченной части 8-го курура были собраны золотые вещи в тебризской крепости под поручительство английской и российской миссий.

[10] Речь идет об организации обоза по вывозу контрибуции и его охраны.

[11] Манучер-хан — главный евнух в гареме Фатх-Али-шаха; уроженец Тифлиса, армянский мальчик из фамилии Ениколоповых. Занимая важный пост в дворцовой администрации, имел большие владения в Гиляне, позднее назначен был ее правителем.

[12] Назар-Али-хан Афшарский — чиновник, прикомандированный персидским правительством для обслуживания почетных лиц, иначе — мехмандрь. После службы при В. Д. Вольховском сопровождал миссию Грибоедова от Тавриза до Тегерана.

[13] И. Ф. Паскевича.

О. И. Михайлова

Л. Е. ЛАЗАРЕВ, ЗНАКОМЫЙ ГРИБОЕДОВА

«Вместо пустынь, покрывающих теперь поля древней великой Армении, возникнут богатые селения, а может быть, и города, населенные жителями промышленными и трудолюбивыми». Слова эти, написанные 160 лет назад и звучавшие тогда невероятной, несбыточной фантазией, принадлежат полковнику Лазарю Екимовичу Лазареву. Он был знаком с Жуковским, Пушкиным, Грибоедовым, встречался с Александром Гумбольдтом. Вяземский называл его приятелем, но ни в одной работе, посвященной изучению окружения Пушкина или Грибоедова, нет его имени.[1] Лишь однажды, среди людей, встречавшихся с Пушкиным в Москве, мелькнуло упоминание о «полковнике Лазареве», но в комментариях его спутали с одним из его стар-

[1] В книгах И. К. Ениколопова «А. С. Грибоедов в Грузии и Персии» (Тифлис, 1929) и «Грибоедов и Восток» (Ереван, 1954) несколько страниц отведено Л. Е. Лазареву со ссылкой на книгу С. Н. Глинки «Описание переселения армян» (М., 1831), но нигде не сказано о знакомстве Лазарева с Грибоедовым.

ших братьев. Для устранения ошибки в дальнейшем надо, вероятно, рассказать о братьях Лазаревых подробнее.

У Екима Лазаревича Лазарева, одного из основателей Лазаревского института Восточных языков, богатейшего промышленника и землевладельца, было четыре дочери и четыре сына: Иван (1786—1858), Христофор (1789—1871), Артемий (1791—1813) и Лазарь (1797—1871). Старшие сыновья Иван и Христофор, были чиновниками Коллегии иностранных дел, с юных лет помогали отцу в управлении имениями и заводами, а младшие, Артемий и Лазарь, стали военными. Артемий Лазарев служил в Лейб-гвардии гусарском полку, отличился во многих сражениях Отечественной войны 1812 г. и погиб в «битве народов» под Лейпцигом. В это время самый младший из братьев, шестнадцатилетний Лазарь тоже стремился в действующую армию. По его настоянию отец, Еким Лазаревич Лазарев, обратился с ходатайством в военное министерство, прося определить в гусарский полк «меньшого сына моего Лазаря, служившего в офицерском звании в институте путей сообщений».[2] Рекомендательное письмо было получено, и Лазарь Лазарев отправляется в январе 1814 г. в Брест-Литовск к командиру резервного кавалерийского корпуса генералу А. С. Кологривову. В архивах сохранились письма, обращенные к родителям и братьям, в которых Л. Е. Лазарев подробно описывает свой приезд и ласковый прием, оказанный ему генералом, и слова последнего: «Жаль, что Вы опоздали несколькими днями, ибо я направил на-днях в армию 63 эскадрона, но еще в скором времени в готовности отправить, и при первом случае вас ушлю».[3]

Как раз в это время в штабе Кологривова служили братья Д. Н. и С. Н. Бегичевы и А. С. Грибоедов. В первых статьях Грибоедова, появившихся в 1814 г. в «Вестнике Европы», рассказывалось о деятельности генерала Кологривова, связанной с подготовкой и отправкой резервов русской армии, о том, какой любовью и уважением пользовался генерал у молодых офицеров. Так что первое впечатление Лазарева о генерале было верным. К сожалению, в этих письмах Лазарева нет ни одного упоминания о знакомстве с Грибоедовым, хотя встречается имя одного из его ближайших друзей и сослуживцев: «Я познакомился с адъютантом Кологривова Дмитрием Никитичем Бегичевым лейб-гусарского полка ротмистром. Он у него первый человек и всеми делами управляет, и прехороший человек. Когда я ему дал письмо рекомендательное от Храповицкого, он сказал: «Очень хорошо, вы будете причислены в наш полк, и мы вас желаем совсем перевести к нам».[4] Бегичев свое обещание выполнил: Лазарева зачислили в лейб-гвардии гусарский полк, в эскадрон, которым командовал князь Петр

[2] ЦГИА, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 272, л. 166.
[3] Там же, л. 161.
[4] Там же, л. 14—14 об.

Семенович Абамелек, храбрый офицер и родственник Лазаревых: его брат, Давыд Семенович Абамелек, полковник того же полка, был женат на сестре Лазарева, Марфе.

Среди новых знакомых Лазарев называет поручика Юшкова: «Я недавно получил письма дражайших родителей с л.-гв. поручиком Юшковым. Я очень рад Юшкову, молодой человек редких правил и воспитанный. Мы с ним только и занимаемся чтением французских книг, которые достаем от помещицы сего местечка, богатой графини Осалинской».[5] Упоминание о Юшкове прямо связывает Лазарева с кругом знакомых Пушкина. Известно, что в л.-гв. гусарском полку, расквартированном в Царском Селе, служило двое братьев Юшковых: Осип (Иосиф) и Владимир Ивановичи. Считается, что к Осипу Юшкову относятся строки в отрывках дошедшего до нас пушкинского «Ноэля на лейб-гусарский полк», написанного в 1816 г.:

Иосиф отпер ворота:
...потише, господа,
Ведь вы здесь не в харчевне.[6]

Деятельная натура Лазарева явно томилась в бездействии, он мечтал о сражениях: «Как наш граф Пален отличается, желал бы я быть при нем!»[7] Но ему так и не довелось принять участия в военных действиях. Глубокой осенью гвардейские резервы вернулись на родину. Об утомительном переходе от Варшавы до Петербурга Лазарев писал брату: «Мы после двухмесячного похода насилу прибыли в Петербург <...> Мы выступили 22 июля в самые несносные жары, а к окончанию похода достигли самой дурной погоды <...> на походе встретили государя от Новоржева в 30 верстах на станции (нрзб.) в самую дурную погоду, как-то: дождь, вихрь, и грязь по колено; и мы сей приятный переход должны были идти в одних мундирах в киверах. Одним словом, во всей форме; он нас встретивши, остановился. Генерал Безобразов подъехал с рапортом; и он был очень доволен, он сидел в коляске с князем Волконским; иные как, например, ротмистр конной гвардии и эскадронный командир к(нязь) Хилков,[8] отчаявшись его встретить, надел фуражку, шинель и без палаша, отстав от своего эскадрона, ехал покойно, как вдруг встречает его государь, остановился и сказал ему: «Вы командуете эскадроном? У вас лошади очень хороши, наденьте шапку, накрывшись со мной говорите» — и, сделавши ему несколько милостивых вопросов, пустился в дальнейший путь. <...> Вот маленький журнал нашего похода».[9]

---

[5] Там же, л. 40.
[6] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 304.
[7] ЦГИА, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 272, л. 43 об.
[8] Хилков Дмитрий Александрович, князь, впоследствии знакомый Пушкина (см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, Л., 1975. С. 452).
[9] ЦГИА, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 272, л. 136—136 об.

Следующее по времени письмо Л. Лазарева относится к 1820 г. Оно интересно упоминанием о событиях в Семеновском полку («желал бы» сообщить о происшествиях Семеновского полка, но опасается[10]) и подробным описанием материального положения гвардейского офицера. «Долгом поставляю себе, дражайший родитель, донести вам, что я, быв здесь один, не имею в доме ни домовой провизии, ни экипажей, ни лошадей. <...> призывал каретника, который отозвался, что ветхие наши экипажи на дрова годны <...> и потому прибегаю со всенижайшей просьбою о снабжении меня необходимо нужным, как-то: для зимы каретою, санями и лошадьми со сбруей, а для лета коляскою. Положенных вами мне 500 рублей в месяц для собственного моего содержания доложить честь имею: ежели полагать изволите мне в сутки на стол с провизией и с чаем и сахаром, кофьем и освещением по 25 рублей, и того составят от 750 рублей в месяц, окроме что я должен взамен иметь у себя здешних родственников и знакомых для поддержания имени вашего и для собственных своих связей; сумма та уже превышает назначенную, окроме обедов и других издержек со званием моим и со службой сопряженных, осмеливаюсь просить вас назначить мне по прежнему 1000 рублей для моего содержания <...> При всем том желаю я взять трех или четырех учителей для занятий, в том числе и армянского, и потому прикажите за меня платить».[11]

Очень знаменательно намерение Лазарева взять нескольких учителей и учиться, в частности, армянскому языку. Тяга к знаниям была характерна для многих молодых офицеров, вернувшихся на родину после победы над Наполеоном. В том же 1820 г. Грибоедов писал: «Чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить отечеству» (Соч. С. 533). Полезным своему отечеству сумел стать и Л. Е. Лазарев через несколько лет, когда он принял самое деятельное участие в русско-персидской войне и когда очень пригодились ему уроки армянского языка.

Для того чтобы рассказать о самом значительном периоде в жизни Лазарева, мы не только приведем неизвестные до сих пор архивные материалы, но и воспользуемся книгой, напечатанной в Москве в 1831 г. и ставшей библиографической редкостью: «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, почерпнутое из современных записок Сергеем Глинкою».

«11 мая 1827 года командир отдельного кавказского корпуса генерал-адъютант Паскевич, имея надобность в чиновниках, заслуживающих доверенность правительства и вместе с тем уважаемых между армянским народом, просит, чтобы полковник Лазарев <...> был назначен к нему по особым по-

[10] Там же, оп. 5, ед. хр. 5, л. 1.
[11] Там же, л. 1—2 об.

ручениям».[12] Желание Паскевича иметь среди помощников именно Лазарева не случайно: «одно это имя служило армянам поручительством в искреннем к ним расположении сынов России».[13]

Сразу же по прибытии к Паскевичу Лазарев получил приказ устанавливать связь между отдельными частями русской армии, отыскивать надежных проводников, а затем был назначен комендантом главной квартиры в Дейкаргане и в Туркманчае, где проходили переговоры с наследником персидского престола Аббасом-Мирзой, которые закончились подписанием Туркманчайского договора.

Здесь и встретился Лазарев с Грибоедовым. Не слишком широк круг людей, знавших Грибоедова и оставивших письменные свидетельства о знакомстве с ним. Поэтому так интересно обнаруженное в архивах письмо Л. Е. Лазарева, написанное на другой день после заключения Туркманчайского договора: «11 февраля 1828 года. Туркманчай. Я посылаю это письмо с господином Грибоедовым, родственником генерал-аншефа,[14] рекомендуя его вам не потому, что он его родственник, но как человека редкостных качеств, безупречной честности и без малейших претензий. Не думаю, чтобы он вскоре вернулся в Грузию, и генерал очень многое с ним теряет. Влюбленный в Грузию, он намерен когда-нибудь вернуться под ее небо. Советую вам познакомиться с ним и завоевать его дружбу, и для того прошу вас завязать с ним отношения как можно проще, потому что он ненавидит церемонии. И не окружайте его великими сеньорами. Я не хочу, чтобы обычай курить при дамах когда-нибудь распространился у нас, но сделайте на этот раз исключение для него, и если он будет у вас, дайте ему трубку, не предлагая ее. Между прочим, это великий музыкант».[15]

Ценность этих строк и в том, что написаны они при жизни Грибоедова, передают непосредственные впечатления автора от встречи с ним, причем даже это краткое письмо показывает, что Лазарев очень верно понял суть характера Грибоедова. Странно только, что он ни единым словом не обмолвился о его литературных произведениях.

Значительно позднее Кс. Полевой писал о Грибоедове: «...он будто скрывал себя от многолюдства и высказывался только в искренней беседе или в небольшом кругу знакомых, когда видел, что его понимают» (Восп. С. 165). Если Лазарев сумел так хорошо понять Грибоедова, узнать о его мечтах и намерениях, значит Грибоедов был искренен и откровенен с

---

[12] *Глинка С. Н.* Описание переселения армян. С. 97.
[13] Там же. С. 36.
[14] И. Ф. Паскевич.
[15] ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, ед. хр. 736, л. 52. — Подлинник на французском языке. Автор приносит глубокую благодарность Александру Семеновичу Розанову за помощь, оказанную в переводе французских текстов.

ним, значит, Грибоедов находил в Лазареве достойного собеседника.

По Туркманчайскому договору 1828 г. предусматривалось беспрепятственное переселение армян из Персии в Россию. Одной из статей договора жителям-армянам был предоставлен годичный срок для свободного перехода со своими семействами в русское государство, вывоза движимого и продажи недвижимого имущества. Руководить организацией этого переселения было поручено Л. Е. Лазареву. Это было сложное дело, так как персидское правительство, поняв, как много оно теряет с уходом тысяч переселенцев, тайно запретило покупку недвижимости у переселяющихся. Персидские чиновники и поверенные Ост-Индской английской компании всячески запугивали их. Мусульмане осыпали переселенцев-христиан проклятиями и швыряли камнями.

В распоряжении Лазарева было несколько офицеров и чиновников и небольшой отряд казаков. Ему приходилось составлять списки переселенцев, выявлять беднейших, снабжать их деньгами из тех сумм, что были доверены ему правительством, на закупку вьючного скота и хлеба на дорогу. Трудность была и в том, что во многих местах еще лежал снег, и чтобы вьючному скоту хватало корма, надо было делить переселенцев на небольшие партии и вести их до границы разными дорогами, а в сопровождение каждой партии он мог дать лишь одного офицера и двух — трех казаков. При этом Лазареву приходилось очень спешить. Он прекрасно понимал, что хотя по договору был дан год на переселение, сто́ит русским войскам уйти с занятых ими персидских земель, все усложнится во много раз. В три с половиной месяца более восьми тысяч семейств (около сорока тысяч человек) перешло за Аракс.

Когда последние переселенцы пересекли Аракс — границу между Персией и Россией, миссия Лазарева была завершена. Обращаясь к Паскевичу, Лазарев просил «ходатайствовать об облегчении участи переселенцев и о способах к прочному основанию их новых жилищ и тем довершить дело, человечеству и государству полезное».[16] Заканчивая отчет о своих действиях, Лазарев писал: «Вместо пустынь, покрывающих теперь поля древней великой Армении, возникнут богатые селения, а может быть, и города, населенные жителями промышленными и трудолюбивыми».[17]

Отчет был написан Лазаревым в декабре 1828 г. в Тифлисе после жесточайшей болезни: «Лазарь Екимович по возвращении из похода в Тифлис с 4 сентября был опасно болен желчною горячкою и потом жабой, так что два раза приобщаем был святых тайн <...> крайне слаб и даже по комнате без пособия людей пройти не мог. От сей болезни умер и тамошний

---

[16] *Глинка С. Н.* Описание переселения армян. С. 144.

[17] Там же. С. 132.

военный губернатор Сипягин. 22 ноября пишет он, что еще слаб, никуда не выезжает, однако же занимается отчетом по переселению людей. <...> Лазарь Екимович представлен к двум орденам: Владимиру с бантом за дело при Карсе и к Анне на шею за дело при Ахалыхе; сверх того, за комиссию по переселению людей тоже должна быть какая-нибудь награда».[18] Кстати добавим, что кроме упомянутых в письме наград, в марте 1828 г. Лазареву была вручена золотая шпага с надписью «За храбрость».

К сожалению, никаких других документальных данных о встречах Грибоедова с Лазаревым или Лазаревыми, кроме вышеприведенного письма Лазаря Екимовича, пока не найдено. Но связи Грибоедова с Арменией, видимо, исследованы далеко не полностью, о чем свидетельствует два никогда не публиковавшихся письма кн. Аргутинского-Долгорукого, написанные из Одессы Христофору Екимовичу Лазареву сразу после гибели Грибоедова.

«1 апреля 1829 года. Происшествие, случившееся в Тегеране с посланником нашим и его свитою, вам теперь уже из газет известно. Из Тифлиса от 28 февраля пишут ко мне, что настоящие причины сего ужаса постигнуть еще не могут, хотя слухи носятся здесь, что поводом ссоры, драки и убийства нескольких персиян было похищение одной женщины. Как бы то ни было, но Грибоедов сделался жертвою черни шаховой столицы, которая во множестве ворвалась в покои и истребила все, что попадалось ей. Один секретарь посольства Мальцов с двумя или тремя маленькими чиновниками спаслись потому только, что они дома не были. Посланный от Аббаса-Мирзы уже прибыл в Тифлис и привез как будто бы в утешение графу Паскевичу орден Солнца и Льва».[19]

Через неделю Аргутинский снова возвращается к этому событию уже в связи с военными действиями в Грузии и дает крайне резкую характеристику Паскевичу: «8 апреля 1829 года. Вестей из Грузии не получал более: военные действия должны быть уже начаты. <...> трудно в настоящей кампании его сиятельству иметь столько блистательных дел. Причины разнообразны. Из них одни довольно значительны тем, что общее негодование нашей преданной нации явно. Весьма жаль Грибоедова. Все наши сокрушаются о потере сего достойного мужа, далеко отстоявшего от родственника своего в отношении армян, по торговле прибегавших к нему и всякую защиту находивших». Называя Паскевича «врагом общего блага», он пишет: «Рано или поздно маска падет с Героя; он будет тот же охотник до 52 карт вместо тех, коими он никогда не занимался. Когда счастие успело изменить поработителю, <...> оно задом стало и к сему возведенному на колесницу свою истукану».[20]

[18] ЦГИА, ф. 880, оп. 5, ед. хр. 25, л. 142—142 об.
[19] Там же, ед. хр. 23, л. 75.
[20] Там же, ед. хр. 25, л. 249—249 об.

Знакомство Лазарева с Грибоедовым запечатлено и в изобразительном искусстве. При штабе Паскевича находился прикомандированный к нему художник, академик батальной живописи Мошков, оставивший целую серию рисунков, «снятых на месте», передающих основные события русско-персидской войны 1826—1828 гг. Многие рисунки были воспроизведены и размножены литографским способом. Некоторые послужили Мошкову для живописных полотен. Известен портрет Грибоедова, сделанный, вероятно, как подготовительный этюд к картине. Несомненно, должны были существовать и портреты других лиц, изображенных на его картинах и, в частности, в картине «Первое свидание И. Ф. Паскевича с наследником персидского престола Аббас-Мирзою в Дейкаргане 21 ноября 1827 года», где пятым справа изображен Грибоедов, а вторым справа стоит офицер, очень похожий на Л. Е. Лазарева.

Портрет Лазарева должен был существовать в подготовительных этюдах к картине Мошкова «Переселение 40000 армян...» Известны два варианта литографии, сделанных с этой работы. Они аналогичны по композиции, но различаются в деталях и по количеству персонажей, но неизменно в центре каждой находится фигура офицера, отдающего распоряжение, — это Л. Е. Лазарев. Причем во втором варианте внесены изменения в изображение лица (Лазарев явно делается старше) и увеличено количество орденов. Это дает нам возможность предположить, что для второго варианта картины, датированной уже 1832 г., художник снова писал портрет Лазарева с натуры. Литография с этой картины снабжена надписью на русском и французском языках: «Переселение 40000 армян из Персии в Российские пределы под личным распоряжением полковника Л. Е. Лазарева в 1828 году. Вид сей, снятый на месте г.(осподином) академиком Машковым, представляет роздых румийских переселенцев; вдали видны гора Арарат и река Аракс и селения армян и персиян, лежащие на дороге к Эривани».

Вероятно, в 1829 г. Л. Е. Лазарев вернулся в Москву. В декабре того же года братья Лазаревы принимали в своем Институте Восточных языков знаменитого Александра Гумбольдта. На балы, которые устраивали Лазаревы, приезжала «вся Москва». Не мог не бывать у них и Пушкин, тем более, что Наталья Николаевна еще до замужества была знакома с Лазаревыми: 29 декабря 1829 г. вместе с Н. Б. Лазаревой, женой Ивана Екимовича, она участвовала в представлении «живых картин» в доме московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. 1 марта 1831 г. супруги Пушкины и полковник Лазарев участвуют в санном катании. 19 января 1831 г. А. Булгаков вместе с Лазаревым был в гостях у Вяземского: «Мы съездили весело и благополучно в Остафьево с Лазаревым; хотели в субботу же воротиться, но нельзя было Вяземскому отказать остаться у него ночевать, тем более, что погода сделалась дурная с метелью. <...> Очень нам были рады. Съехались со-

седи, была музыка, пение, пляска. Лазарев во всех родах отличался».[21] Булгаков, конечно, имеет в виду не 45-летнего болезненного Ивана Екимовича, а 33-летнего Лазаря, который, по словам того же Булгакова, «слыл молодцом» и которого Вяземский называл приятелем. В 1832 г. Иван и Христофор Лазаревы переехали на постоянное жительство в Петербург, а Лазарь Екимович уехал за границу, где вскоре женился на принцессе Бирон-Курляндской. Обладатель огромного состояния, он то приезжал в Россию, то жил за границей. Умер почти одновременно с братом Христофором в 1871 г.

В. Ф. Шубин

НИНА ЧАВЧАВАДЗЕ В ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННИКА

О Нине Александровне Грибоедовой (урожденной княжне Чавчавадзе) сохранилось немало мемуарных свидетельств. В них вырисовывается образ редкого обаяния и благородства. Через всю жизнь (Нина Александровна прожила неполные сорок пять лет: 1812—1857) пронесла она любовь к Грибоедову. «Больше всего на свете, — писал современник, — дорожила она именем Грибоедова, и своею прекрасною, святою личностью еще ярче осветила это славное русское имя».[1]

Бóльшая часть мемуарных и эпистолярных источников, связанных с Ниной Александровной, относится к годам ее вдовства. Мы гораздо больше знаем о Н. А. Грибоедовой, чем о Нине Чавчавадзе, ставшей в неполные шестнадцать лет женой великого драматурга.

В рукописном отделе ИРЛИ хранятся письма Николая Дмитриевича Сенявина, находившегося в 1827—1829 гг. на военной службе на Кавказе и пережившего там безответную любовь к Нине Чавчавадзе. Любовная драма Сенявина разыгралась в Тифлисе весной 1828 г., незадолго до сватовства Грибоедова, выехавшего в то время в Петербург с Туркманчайским трактатом. Поверенным душевных тайн Сенявина стал его друг Б. Г. Чиляев, к которому и обращены интересующие нас письма.[2]

[21] Русский архив. 1902. № 1. С. 47.

[1] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 314. Далее ссылки на издание — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. — даются в тексте (Восп. С.)

[2] ИРЛИ, архив Б. Г. Чиляева, ф. 332, ед. хр. 54. Эти письма в составе внушительного архива Чиляева были разысканы Б. Л. Модзалевским. В 1904 г. он опубликовал часть документов архива (см.: *Модзалевский Б. Л.* Кавказ николаевского времени в письмах его воинских деятелей. (Из архива Б. Г. Чиляева)//Русский архив 1904. № 1. С. 115—174). Письма Сенявина в эту публикацию не вошли, но предполагались для отдельной публикации, о чем можно судить по выпискам из них, сделанным рукою Модзалевского и сохранившимся в Грибоедовском собрании Н. К. Пиксанова в ИРЛИ. Частично письма Сенявина процитированы мною в очерке «К портрету Нины Чавчавадзе» (Литературная Грузия, 1980. № 11. С. 166—169),

Удрученный Сенявин писал другу не столько о предмете любви, сколько о себе и своих страданиях. И все же его любовная исповедь позволяет почувствовать обаяние личности юной княжны Чавчавадзе. Сенявин интересен также личным знакомством с Грибоедовым.

* * *

Николай Дмитриевич Сенявин, старший сын прославленного русского адмирала Д. Н. Сенявина,[3] родился, по-видимому, в 1799 г.[4] Воспитание получил в Морском кадетском корпусе, откуда в 1816 г. выпущен в Гвардейский экипаж, а спустя четыре года переведен поручиком в лейб-гвардии Финляндский полк. В том же 1820 г. Сенявин вступил в общество «Хейрут», которое создавал Ф. Н. Глинка как филиал Союза благоденствия. Сенявин был принят в общество Г. А. Перетцем и в свою очередь решил принять знакомого корнета А. Н. Ронова. Последний незамедлительно сделал донос. Дело дошло до военного губернатора столицы М. А. Милорадовича. Цепочка Ронов — Сенявин — Перетц вела к Глинке, состоявшему при Милорадовиче для «особых поручений». Следствие завершилось неожиданным образом: Ронов был обвинен в клевете и выслан в Порхов.[5] В. Н. Каразин передает слышанные тогда же от Сенявина слова: «Я желаю конституции, но знаю, что насильственный переворот приносит одни только бедствия и что та конституция только хороша, которая дана будет самим государем, как его величество и обещал. Я никогда не был революционером, а готов на все, чтобы доказать гнусность вымысла».[6]

Утром 14 декабря 1825 г. часть Финляндского полка, в котором служил Сенявин, заступила в караулы в различных местах столицы. Капитан Сенявин был назначен главным рундом, в его обязанности входили обход и поверка караулов.[7] Занятые

---

[3] О нем см.: *Шапиро А. Л.* Адмирал Д. Н. Сенявин. М., 1958.

[4] См. ниже письма Сенявина к Чиляеву, где он указывает свой возраст — 28 лет (письма от 4 и 8 мая 1828 г.). В прошении об определении в Морской корпус датой рождения Сенявина названо 24 ноября 1797 г. (ЦГА ВМФ СССР, ф. 432, оп. 5, ед. хр. 1615). По-видимому, в прошении возраст Сенявина по каким-то соображениям завышен.

[5] Подробнее см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 192—205.

[6] Там же. С. 199. Попутно исправим ошибочное указание М. В. Нечкиной о том, что Н. Д. Сенявин был членом общества «Чока» (*Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 104 и указатель имен). «Чока» существовало в 1810—11 гг., когда Сенявину было 11—12 лет. В это общество, согласно свидетельству Н. Н. Муравьева, входил юнкер конногвардейского полка Сенявин. Вероятнее всего, это был А. Г. Сенявин 1-й, единственный тогда конногвардеец с такой фамилией (История лейб-гвардии Конного полка. 1731—1848/Сост. Анненковым. СПб., 1849. Ч. 3. С. 210).

[7] *Гулевич С.* История лейб-гвардии Финляндского полка, 1806—1906. СПб., 1906. Ч. 2. С. 6.

в тот день в караулах офицеры и солдаты были отмечены Николаем I. Сенявина же ждал арест.

Известен рассказ Д. А. Смирнова (со слов С. Н. Бегичева) о том, как Сенявин, будучи караульным офицером, принял прибывшего с фельдъегерем арестованного Грибоедова: «Курьер сдал и самого Грибоедова, и пакет караульному офицеру.[8] Этот офицер был некто Сенявин — сын знаменитого адмирала — честный, благородный, славный малый. Принявши пакет, он положил его на стол <...> Сенявин не мог не видеть, как Грибоедов подошел к столу, преспокойно взял пакет, как будто дело сделал, и отошел прочь. Он не сказал ни слова: так сильно было имя Грибоедова и участие к нему» (Восп. С. 221).

Обычно имя Сенявина ставится в этом рассказе под сомнение (там же. С. 394),[9] основанием для которого послужил рапорт петербургского коменданта А. Д. Башуцкого к дежурному генералу Главного штаба: «Стоящий в карауле на Главной гаубвахте лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Родзянко 3-й представил ко мне при описи вещи, отобранные им от арестованного по высочайшему повелению коллежского асессора Грибоедова, которые при сем к Вашему превосходительству препроводить честь имею».[10] Однако речь здесь идет не о бумагах Грибоедова, а о личных вещах. Упускается из виду еще одно обстоятельство. Незадолго до прибытия Грибоедова был введен порядок, по которому фельдъегерь при въезде в Петербург, на заставе, получал указание везти арестованного в канцелярию дежурного генерала Главного штаба, где передавал его караульному офицеру.[11] Здесь же им сдавались и опечатанные бумаги арестованного. Для Грибоедова Главная гауптвахта Зимнего дворца (где его принимал штабс-капитан Родзянко) была следующим этапом.[12] На предыдущем, в канцелярии дежурного генерала Главного штаба, и произошел, судя по всему, описанный выше эпизод с участием Сенявина. Примечательно, что Бегичев, слышавший историю от Грибоедова, запомнил фамилию караульного офицера еще и потому, что «этот офицер был некто Сенявин — сын знаменитого адмирала».

Вскоре под арестом оказался и сам Сенявин. В «Алфавите» декабристов о нем сказано: «Был арестован по показанию Перетца. При допросе он решительно отозвался, что к Тайному Обществу не принадлежал и не знал о существовании оного. Перетц часто заводил речь о тайных обществах вообще, но никогда не сказывал ему, что таковое существует в России, и не предлагал ему вступить в оное. Напротив сего, Перетц показал, что он принял его с разрешения Глинки, что однажды Сенявин,

---

[8] Фельдъегерь привез два опечатанных пакета с бумагами Грибоедова (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 563).

[9] См. также: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. С. 563—564.

[10] Лит. наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 478.

[11] Там же. С. 482—483.

[12] Отсюда он был переведен под арест в помещение Главного штаба.

проговорившись корнету Ронову об Обществе, был под следствием по доносу его. Показание сие подтвердилось и словами Ронова. Но Глинка отвечал, что Сенявина не знает и разрешение на принятие его не давал; на очных же ставках Сенявин с Перетцем и Роновым равно остался при своем показании Спрошенные о нем главные члены Общества все показали, что не знали его членом Общества и даже знакомы с ним не были. Содержался в Главном Штабе с 11-го марта. По докладу Комиссии, 15-го июня высочайше повелено немедленно освободить, вменяя арест в наказание».[13]

Несмотря на непричастность к тайному обществу, Сенявин скомпрометировал себя в глазах правительства согласием вступить в одну из его побочных организаций, поэтому, в то время как многие освобождались с «очистительными аттестатами», Сенявину арест «вменен в наказание».

Летом 1826 г. началась война с Персией, и Сенявину представилась возможность отличиться в боевых действиях. По-видимому, Сенявин подал прошение о переводе в действующую армию. В декабре 1826 г. он был произведен в полковники, причислен к лейб-гвардии Егерскому полку[14] и вскоре выехал на Кавказ.

1 апреля 1827 г. он прибыл в Тифлис. Долгое и нелегкое путешествие Сенявин описал своему другу Борису Чиляеву.[15] «Потом приехали в Тифлис. Я его ожидал найти похожим хотя не на Европейский город, то, по крайней мере, на русский, а нашел его совершенно азиатским, да и то в самом дурном виде, ибо здесь кроме нескольких домов казенных да полковых командиров остальные все землянки и ужасные <...>. По долгу службы мы при приезде нашем представлялись на другой день Паскевичу, который принял нас весьма хладнокровно. Я говорю про всех, но полагаю, что меня он должен был принять ласковее прочих, ибо я привез ему письмо от батюшки, но это не имело никакого действия. Потом были мы у Дибича; про этого нечего и говорить, ибо ты знаешь, как он род Сенявиных любит. И наконец, у Ермолова. Старик был уже сменен, — то и прием его нам был равнодушен. Однако скажу тебе откровенно, что я от его более ожидал и полагал, что он мне более понравится, чем на самом деле увидел. Он много сделал здесь бес-

---

[13] Восстание декабристов. Материалы. Л., 1925. Т. 8. С. 176; М., 1986. Т. 16 (именной указатель).

[14] Высочайшие приказы по армии за 1826 год. СПб., 1826 (приказ от 6 декабря); История лейб-гвардии Егерского полка. 1796—1896. СПб., 1896. С. 46.

[15] Борис Гавриилович Чиляев (1798—1850), настоящее имя Бабан Чиладзе. Уроженец Грузии, жил с родителями в Петербурге, получил воспитание в Горном кадетском корпусе. С 1816 г. — в Лейб-гвардии Финляндском полку. С 1827 г. — на Кавказе. Знаком с Грибоедовым и Пушкиным (*Ениколопов И. К.* Пушкин в Грузии. Тбилиси. 1950. С. 75—83). Долгие годы в дружеских отношениях с ним оставалась Н. А. Грибоедова (см. ее письмо к Чиляеву — Русский архив, 1904. № 1. С. 174).

порядков или, лучше сказать, мало занимался своим делом (ты знаешь, что я люблю откровение), и о нем не слишком жалели. По зову его я обедал у него, но нашел, что он много перенял у грузин: во-первых — нечистоту. Ты извини, что я про твоих единоземцев говорю, но льстить брату родному не стану, а как тебя считаю почти таковым же, то и не льщу, а говорю правду. <...> Мы тут живем почти что с неделю и, как кажется, скоро нас погонят к своим местам. Полки уже тронулись в поход. Как не хочется расстаться с Тифлисом — из худшего лучшее <...>. Полк наш стоит в Суше,[16] что в Карабахе, куда мы должны отправиться. По инструкции нашей, мы непременно должны быть в деле — дай Бог, чтоб счастливо окончить поход. О персиянах не пишу ничего, ибо у нас про них не слышно».[17]

Вскоре Сенявин выехал в полк. В феврале следующего года война с Персией завершилась подписанием Туркманчайского договора и, вероятно, тогда же Сенявин снова оказался в столице Грузии. Там он застал Бориса Чиляева, который и познакомил его с семьей Чавчавадзе. Через некоторое время Чиляев по делам службы покинул Тифлис. С апреля он стал получать от Сенявина письма, в которых тот в «духе Вертера» посвящал его в тайну своей любви и страданий. Сенявин с отчаянием признавал, что встречает со стороны возлюбленной равнодушие, а то и подчеркнутую холодность. Его письма — взволнованный лирический монолог, местами путаный и бессвязный. Он то превозносит Нину в возвышенно-романтических выражениях, то наивно-сентиментальными фразами укоряет друга, обратившего на нее его внимание и тем самым оказавшегося невольным виновником его несчастного положения, то дает волю уязвленному самолюбию, противопоставляя себя действительным и, вероятно, мнимым соперникам. Но главный мотив писем — отчаяние, безысходность.

Из воспоминаний Н. Н. Муравьева-Карского известно, что в это же время Ниной Чавчавадзе был глубоко увлечен С. Н. Ермолов (двоюродный брат А. П. Ермолова). Мемуарист, которому княжна и самому «несколько нравилась», был ходатаем за Ермолова в ее семье (Восп. С. 57, 64, 65, 196). Руки Нины Александровны просил тогда и уже немолодой генерал-лейтенант В. Д. Иловайский (Восп. С. 55—56). О самой Нине Александровне Муравьев вспоминал: «Нина была отменно хороших правил, добра сердцем, прекрасна собой, веселого нрава, кроткая, послушная, но не имела того образования, которое могло бы занять Грибоедова, хотя и в обществе она умела себя вести» (там же. С. 64). Сослуживец Грибоедова К. Ф. Аде-

---

[16] Имеется в виду крепость Шуша.

[17] ИРЛИ, архив Б. Г. Чиляева, ф. 332, ед. хр. 54, письмо от 10 апреля 1827 г. (Далее письма цитируются по этому источнику без ссылок). Ответные письма Чиляева неизвестны.

лунг, узнавший Нину Чавчавадзе перед ее свадьбой, писал тогда же отцу: «...она очень любезна, очень красива и прекрасно образованна», «...она необычайно хороша, ее можно назвать красавицей, хотя красота ее грузинская. Она, как и мать ее, одета по-европейски; очень хорошо воспитана, говорит по-русски и по-французски и занимается музыкой» (там же. С. 177, 179). Несомненно, что не только внешность и воспитание восхищали в Нине Чавчавадзе. Сама ее юность и непорочность усиливали впечатление, создавая по законам романтического восприятия вокруг нее некий ореол. Письма Сенявина — выразительный пример того романтического поклонения, которым была окружена будущая жена Грибоедова.

* * *

11 апреля 1828 г.: «...Разлука с тобою причинила мне много неприятности. Расставшись с тобою, расстался я с счастливыми днями жизни моей <...> Ох! как много сожалею я, что ты уехал, но еще более, что ты был здесь. Тебе это удивительно покажется, но когда разберешь, то увидишь, что я правду говорю. <...> Я не знал, не ведал того, что со мною могло случиться и что могло бы поколебать меня. Упрек тебе хотя должной, но вместе с тем противный чувствам моим. Так, любезный друг, одному тебе откроюсь, истинно только тебе и никому в мире <...>. Ты не поверишь, до какого безумия я люблю Н. Все готов для нее пожертвовать.

Но что я говорю? Надо опомниться! И что всего ужаснее, что эта прелесть так привыкла видеть подле себя страдающих, что и меня записала в число, обыкновенное для всех несчастных. Может быть, это благополучие, но каково переносить! Я всегда смеялся над влюбленными, а теперь достоин сам презрения. Ты согласен, любезный, что это гибель моя? Но как из ее освободиться? До такой степени, что вообрази — сего дня начальник штаба получил разрешение отправить из них (из нас? — *В. Ш.*) половину (речь идет о возвращении в Россию. — *В. Ш.*). Меня спрашивали желание, и как ты думаешь? Я... я отказался и согласился остаться в Тифлисе. Для чего променял я приятнейшие минуты видеть родных, для чего пропустил я, может быть, участь свою, ибо, наверное, мог бы попасть в Дунайскую армию и сделать для себя блистательную карьеру. Войди нелестно в мое положение, ты точно увидишь, что я, право, достойнее здешних. Ты подумаешь про себя, что это самохвальство. Правда. Но ей богу, ценить себя простительно человеку, чувствующему себя. Ты не поверишь, в каком я неприятном положении — бешусь на тебя до невозможности. Ты! ты заставил меня страдать, а сам уехал. Зачем ты это сделал, скажи? Неужели до сих пор был и буду твоим другом, что тебе приятно, как я мучаюсь? Правда, ты сего не видишь, сле-

довательно, и не можешь понять. А меня теперь всякая безделица тянет, можно сказать, за сердце <...>. Итак, вот участь моя, а за меня никто. Ты был один, и тогда все имело совсем другой вид. Может быть, остаток твоих стараний и действует, но только решительно на мать; на ее же, как выше сказал.

Видел я ее почти каждый день, встречал на улице недолго. То был у них один раз с твоего отъезда, да видел в Собрании, где она была очаровательна, и это, как камень, легло на сердце моем, ибо, братец, все падает пред нею. Тем более меня терзает, но, ей-ей, не ревность, ибо не смею ревновать ту, которую обожаю и которая еще почти ни одного знака не дала почувствовать. Что убийственней, что другим подает надежду. Недавно был я у Муравьева, там было весело, танцовали и я на сем новом, можно сказать, для меня поприще, ибо 10 лет как не танцовал. Вот тебе все написал. Ты предлагаешь, чтобы я приехал к тебе, но это значит потерять две недели, не видеть прелести! О, ежели бы ты сюда хоть на неделю или менее мог приехать! Это было бы единственное одолжение истинному твоему другу и просто доставило бы мне счастье. Может быть, ты бы произвел, что она хоть взглянула на меня сострадательным взором. Прощай! Что писать к тебе более? Все чувства изложил совершенно и откровенно. Ей богу, брату бы не открылся так, как тебе. Прощай. Твой истинный друг Николай Сенявин».

24 апреля 1828 г.: «Любезный друг Борис! Тебе известно мое положение по последнему письму, которое я к тебе писал и на которое ты мне не отвечал. Это меня трогает до глубины сердца. Цветок целого мира пленил меня,[18] и в уснувших чувствах моих пробудилась наконец страсть, дотоле мною не знаемая. Ты не знаешь, я так влюблен, что готов пренебречь целым светом, дабы обладать Ангелом! Все, что в мире есть священного, я не нахожу уже более ни в ком, как в ней одной. Ее одну я обожаю, ее одну только вижу, об ней одной только думаю. И признаюсь, что лишен всякого спокойствия: и днем, и ночью Ангельский образ ее рисуется в моем воображении. Для ее одной я готов лишить себя всего. Ах! с нею одной только может быть блаженство здешнего мира, без ее гибель и мучение. Что делать? Я страдаю. Нет, мало! Я умираю! И ты можешь мне помочь и не хочешь сюда приехать. Неужели десятилетняя наша дружба не трогает твое каменное чувство? По всем признакам Ангел мира ко мне равнодушен <...>. Тебя я жду, приезжай хоть на два дни! Умоляю тебя, прошу тебя, не откажи другу твоему, воскреси его, а то без тебя я гибну безотрадно

---

[18] Возможно, этот образ навеян немецкой романтической литературой и соединяет в себе введенный Новалисом (и ставший распространенным символом романтической эстетики) образ голубого цветка и (восходящую также к Новалису) идею мировой женственности, т. е. девичьей души, женского начала, лежащих в мировой основе (см.: *Берковский Н. Я.* Романтизм в Германии. Л., 1973. Гл. «Новалис»).

<...>. Приезжай! Может быть, при тебе она будет снисходительней ко мне? <...> Новостей никаких не пишу к тебе, ибо меня никто в мире не занимает. Прощай, обнимаю тебя. Приезжай!»

4 мая 1828 г.: «Любезный друг, Ангел Борис! Наконец получил я от тебя письмо от 26-го апреля. Сколько оно меня обрадовало, но вместе с тем в тысячу раз огорчило. Обрадовало тем, что оно от милого друга, который берет участие в моей несчастной судьбе, утешает меня. Но утешения эти поздны и бесполезны — излечить раны невозможно! Вот чем огорчило. Во всяком случае, я погиб! Ежели бы Н. была так жалостна ко мне, что наградила бы за все страдания хоть малым расположением чувств! Я должен поступить против воли и желания всех моих родных непременно. Ибо иначе это сделаться не может! И из сего что будет: то, что от старика Д. (отца, Д. Н. Сенявина. — *В. Ш.*) [19] навечно заслужу проклятие, а мать умрет, она этой печали не перенесет, брат же и сестры хотя и перенесут, но это и для их будет удар. Итак, видишь ужас сего предприятия, но оное непременно должно быть, коль скоро только она покажет хоть тень надежды. Ежели же нет, равно погибаю и даже еще ужаснее, ибо для родных я умер и для друзей. Целой мир должен покинуть и бежать бог знает куда, а может быть и хуже... В том и другом случае предстоит испытать моей судьбе ужасную участь. И подлинно поделом наказан! За то, что никому и никогда не верил и смеялся?, что может эта страсть существовать. Впрочем, если строго разберешь, то и тут я не виноват. Вольно было дать такое воспитание и чрез то такой дурной для меня характер. Ибо кто почти всегда хладнокровен, тот когда раз воспламенится, зато уже нет границ. Так, мой друг, я до 28 лет не чувствовал ничего бывши в рассеянной столице. Теперь, когда настал час, то уже нет меры моему мучению. Я давно знал свой характер, что на меня долго ничего не действует, но зато безделица приводит в сильнейший восторг или смущение. Помнишь, когда я был взят под арест, как был я хладнокровен. Теперь же не могу перенесть безделицы. Все меня грызет, и я готов всем делать величайшие неприятности.

Искупи меня из этого варварского положения! Нет, брат, напрасно. Уже нет возможности! Опять повторяю: вижу ужасные последствия этой пламенной страсти. Дай, всемогущий боже, чтоб я хоть мог сохранить хоть тело свое (сердце и душа мои уже не остаются при мне) для утешения матери и родных, кои меня так сильно любят и коих честолюбию (неразб.) жертвою. Но она за все то, чем я для нее пренебрегаю, платит мне холодностью, тогда как, может быть, другие торжествуют и будут торжествовать. Но нет! Оскорблять ее сим низким подозре-

---

[19] Судя по всему, Сенявин сообщил родителям о своей любви и намерении сделать предложение, но вместо благословения получил категорический запрет.

нием — есть оскорблять свою собственную честь, которая для меня дороже всего. Ах! любезный, когда б ты знал, когда бы ты мог иметь хоть малое понятие, как сильно, как пламенно я люблю! Есть в природе такое влечение, которого постичь нельзя. Те минуты, которые я ее вижу, считаю, что я живу на свете. О, ты, всевышний, обещающий нам блаженство будущей жизни, награди меня хоть в этой тем, чтоб я жил, а жизнь моя тогда, когда ее вижу. Нет, брат, умереть ничто в сравнении с тем, чтоб решиться часто ее не видать. А сколько я переношу за то в величайших страданиях! Неужели это не достойно сожаления, скажи? Войди в мое положение; может быть и вероятно, при тебе я был бы счастливей.

<...> Вот и она ангельское свое сердце должна кому-нибудь хоть не много да отдать. Ах! ежели бы я знал то хотя, что она еще ко всем равнодушна, тогда немедля, хоть по обряду, назвал моею».

8 мая 1828 г.: «Любезный дружок Борис Гаврилович! Последнее письмо мое было преисполнено горести, но теперешнее превосходит все. На днях идут все в поход, около 20 нонешнего месяца, и я тоже оставляю Тифлис с самым сокрушенным сердцем. Мне кажется, я его более не увижу, не увижу и тебя, друг мой. Поверь, что предчувствие справедливо, но лучше в тысячу раз умереть, чем переносить эти мучения. Ты не поверишь, как я страдаю! Это не то страдание, о котором говорят. Но нет, я просто день ото дня расстаюсь самым томительнейшим образом с сердцем и душою, и чем эта медлительная смерть, гораздо легче вдруг прекратить эту несчастную, несносную для меня жизнь. Сделай милость, умоляю тебя, приезжай сюда, если только сколько-нибудь любишь меня. Неужели раскаяние не будет тебя терзать, что ты не хотел усладить последние минуты жизни друга твоего? <...> Желал бы я, чтоб ты мог видеть одну минуту моего страданья: ты бы ужаснулся! На лице моем есть отпечаток горести, которой ничем в свете напрасно не сделаешь. <...> Мучение и горесть моя состоит в том, что ангельское сердце отдано другому. Ах! эта мысль убивает меня. Неужели провидение, на которое я справедливо могу роптать, не дало мне тех достоинств, чтобы иметь одинаковое право с этими противными для меня людьми в глазах ее. Он успел обольстить истинную невинность в полном смысле. Я бы не требовал теперь, чтоб она меня любила, да хотя стоял совершенно на равном счету, а то и того нет. Конечно, она мне из видов отвечает, но вместе с тем я вижу, что самым скрытым образом делает для другого гораздо более (и ты знаешь, что скрытней, то и есть более сильней). <...>

О, если бы я не имел родных, давно бы меня не было на сем свете. Счастливым я быть не могу. Что же в жизни без счастья? Где найду я себе другую, хотя сколько-нибудь подобную ей? Нигде, ибо доживши до 28 лет видал ли что-нибудь похожее? Нет, в мире не может существовать такого совершенства!

Красота, сердце, чувства, неизъяснимая доброта, как умна-то! Божусь, никто с ней не сравнится! Прощай. Обнимаю тебя. Горести слезы мешают мне писать более к тебе. Обнимаю тебя, истинного друга, который тем более заставит ценить себя, что исполнит последнее утешение и приедет взглянуть на истинного друга».[20]

Письмо написано в состоянии сильного лихорадочного возбуждения. В пропущенных нами местах повторяется многословная мольба о приезде Чиляева или идет бессвязный поток излияний (например: «Думал уже только о том, чтоб эта ангельская красота, чтоб божеству подобное сердце. Нет выше для меня всякого божества, недостает выражения дать ей настоящее определение»). Душевная драма, которой не видно было конца, вызывала болезненные порывы ревности, подозрительности. Мысли, сдавленные страданием, снова и снова обращались к самоубийству. Неудивительно, что состояние, в котором находился Сенявин, привело его к болезни. В следующем письме, 13 июня, он сообщает другу, что «болен как нельзя более». Болезнь («желчная горячка», как он ее называет) заставила Сенявина остаться в Тифлисе, в то время как товарищи его выступили в поход. «Персидскую поганую компанию потерял. Турецкую тоже.[21] <...> Скука, грусть, тоска — все соединилось, чтоб меня терзать. Боже мой, не постигаю, когда вырвусь из сего положения? Прелестная Нина с ума нейдет, более и более мучаюсь и страдаю!»

Через несколько дней Сенявин стал поправляться и уже 28 июня сообщил Чиляеву, что чувствует себя неплохо. «...Вот какова ваша Грузия любезная, которой вы меня так часто прельщали! Где мог я испытать столько несчастий, как здесь? Приехал за три тысячи верст, служил компанию одну совершенно по-пустому и теперь другую тоже пропускаю. Что делать? Для меня, собственно, право, все пустое, но для света и главное для (ты сам догадался для кого). Несчастный я! Ей богу, поискать другого, не найдешь. Все время жизнь меня таким ничем не тревожила; надо, наконец, в 28 лет! Когда бы и притить в настоящий рассудок, а я, безумный, влюбился, и как до совершенного сумасшествия, и так несчастливо, как в мире нет человека.

<...> Поверь истинному другу, есть многие, кои страдают по ней, но так сильно, как я, верно, никого. И теперь, после болезни, я ее почти не видал, ибо мелько**м** раз в саду. И так кажется, она весьма хладнокровно увидела меня: видно, добрые люди постарались ей что-нибудь напеть про меня. Это меня уби-

---

[20] Любопытно, что приблизительно в это же время Грибоедов в Петербурге совершил водную прогулку в Кронштадт с Пушкиным, Вяземским и Олениными, где осматривал флот, готовившийся к выходу в море под командованием Д. Н. Сенявина. Возможно, что они были приняты Сенявиным на корабле (Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 80).

[21] Имеется в виду русско-турецкая война 1828—1829 гг.

вает и трогает, тогда как я вижу, и ей богу истинно, — нет такого, коему бы я мог отдать против себя преимущество. Что делать? Терпеть.

Вот мое положение. Я утешаю себя, что, может быть, забуду, но как кажется, это невозможно, ибо страсть так усилилась, что я не вижу возможности уменьшить ее. Божусь, что она только одна безпрестанно в памяти моей. И днем, и ночью только и вижу, что ангельский образ. Во всей вашей Грузии мерзость, исключая ее! Она божество в целом мире, и если я умру, то последняя она из памяти моей исчезнет. <...> Теперь в Тифлисе такая скука сделалась, что ты себе представить не можешь. Все разъехались, и я остался совершенно один. И беспрестанно слышишь, что все получат награды, ибо беспрестанное счастье Паскевичу. И Карс сдался. Я все пропустил, столько глупостей наделал — нет возможности! Остался в Грузии, когда мог быть в Молдавии. И даже здесь все потерял, ибо ранее 15-го июля не могу выехать в отряд. И все чрез кого? Чрез любовь!»

В начале июля в Тифлис вернулся Грибоедов. 16 июля он посватался к Нине Чавчавадзе около этого же времени Сенявин выехал из Тифлиса. Вернулся он в сентябре, после свадьбы Грибоедова. Узнав, что на свадьбу приезжал Чиляев, он с обидой писал ему 25 сентября: «...Твое поведение в Тифлисе мне не совсем понравилось. Кажется, мы с тобой были друзьями (по-крайней мере, ты называешь себя таковым), а сделал не по-дружески: как-будто ты обрадовался, что тебя позвали на свадьбу к Грибоедову — давай со всех ног! Что за радость быть там? Это нарушило спокойствие друга твоего. <...> Скука, скука и скука смертельная в Тифлисе! Одно желание: вырваться в Россию к родным, ибо мне нет не малейшего утешения».

Последнее тифлисское письмо датировано 23 ноября 1828 г. В нем Сенявин признается, что стал обращать внимание на младшую сестру Нины Александровны: «Теперь утешаю себя меньшою сестрою. Катинька становится не менее милою и, право, имеет еще более преимущества». Вскоре он покинул Грузию, унося в памяти образы сестер Чавчавадзе.

Полтора года провел Сенявин на Кавказе. В Турецкой кампании участия, вероятно, так и не принял, а за персидскую получил по возвращению в России: орден святого Владимира 4-й степени с бантом, золотую шпагу «За храбрость» и медаль «За персидскую войну».[22]

С весны 1829 г. Сенявин служил в 14-м Егерском полку, а в конце 1830-го перешел в 29-й Егерский. Здесь его сослуживцем оказался не кто иной, как еще один экс-поклонник Нины Чавчавадзе, С. Н. Ермолов. «Как часто мы с ним вспоминаем былые времена, — писал Сенявин Е. Г. Чиляеву, брату своего

---

[22] Список кавалеров императорских российских орденов. СПб., 1832. Ч. 1. С. 157. Ч. 2. С. 365.

друга,[23] — судьба как нарочно соединила двух самых жестоких соперников. Помните, когда он вам открывался, что хочет убить того, кто дерзнет думать быть счастливым? И как это мне нравилось — искупить себе кровью первое блаженство в мире. Он теперь отпирается от сего; бог с ним, что было, то прошло».

Большой потерей для Сенявина стала смерть его младшего брата в 1830 г. А в следующем умер его отец. Сам Николай Дмитриевич часто болел, на год вынужден был оставить службу. Изредка он писал Борису Чиляеву. Признавался в тоске, жаловался на судьбу, говорил, что смертельно скучает по Тифлису, где пережил «наисчастливейшее время», и что мечтает о женитьбе — «да вот беда, другой Ниночки я не найду». «Я теперь как корабль, брошенный воинами, который потерял руль и мачты. Езжу по России и не знаю, где найти себе приюта», — писал он осенью 1830 г. Тогда же до него дошел слух о чьем-то сватовстве к Кате Чавчавадзе. Он тотчас написал другу: «Ежели Катинька не вышла, то посватай меня. Ей богу, для этого приеду в Грузию. Я не шучу! Только сделай сурьезно, ибо такой вещью не шутят. О, ежели бы удалось, считал бы себя самым счастливым человеком».

Через некоторое время Чиляев сообщил ему «согласие князя (Александра Чавчавадзе, отца. — *В. Ш.*) и всего его драгоценного семейства». Это известие осчастливило Сенявина. Он стал мечтать об отставке (до окончания Польской кампании, в которой Сенявин принимал участие, отставки были запрещены) и о женитьбе на Катерине Александровне. «Воскреси друга твоего! Доставь мне величайшее блаженство в мире — это прелестную Катерину Александровну», — писал он Чиляеву в июне 1831 г. Снедаемый тоской, не имеющий сил оправиться от тифлисской истории, Сенявин цепляется за робкую надежду найти счастье в той, которая более всего напоминала ему Нину. «Мысли мои все наполнены Катериной Александровной. Я только и думаю, что о ней», — писал он летом 1831 г. И о том же несколько месяцев спустя: «Не знаю ничего, что делает прелестная, очаровательная, божественная для меня Катерина Александровна. Минуты времени кажутся для меня веками, и я не могу дождаться этого времени, когда полечу в счастливую Грузию. <...> Я теперь мечтаю о первейшем блаженстве в мире — Катиньке. Это одно существо на свете, о котором всякой день с утра и до вечера и целую жизнь свою думаю».

Сенявин надеялся, что весной 1832 г. сможет поехать в Тифлис и сделать предложение. На этом обрываются его письма (последнее датировано октябрем 1831 г.) и наши сведения о нем. Можно предположить, что сватовство Сенявина расстроилось после раскрытия грузинского заговора 1832 г., когда заме-

---

[23] О Е. Г. Чиляеве см.: *Ениколопов И. К.* Пушкин в Грузии. С. 75—83.

шанный в нем А. Г. Чавчавадзе был выслан в Тамбов.[24] По сведениям «Русской родословной книги», в 1833 г. Сенявин скончался.[25] Розыски сведений, проливающих свет на обстоятельства последних месяцев его жизни и смерти, результатов не дали.

М. Г. Мазья

А. С. ГРИБОЕДОВ В СТИХАХ И ДНЕВНИКЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

I

Грибоедов как никто другой близок и дорог был Кюхельбекеру. Упоминаниями о нем пестрит дневник декабриста, не раз образ друга-поэта возникал в его стихах. В обращениях к Грибоедову отражаются напряженные раздумья Кюхельбекера о трагической участи, высоком призвании поэта в современном мире.

Встреча с Грибоедовым на Кавказе в 1821 г. — важнейшая веха в жизни Кюхельбекера. В Грибоедове он нашел не только старшего друга, близко к сердцу принявшего его невзгоды, мысли и чувства, но и человека, заставившего его по-новому взглянуть на многие актуальные вопросы жизни и литературы, более того, человека сходной судьбы — такого же, как он сам, «неприкаянного поэта».[1]

Человек пламенного поэтического чувства и вечный скиталец, жизнелюб и одновременно скучающий, полный желчной иронии к пошлому миру высокий поэт, «жрец и провидец», «постигший высшее сладострастие», которого не могут оценить и понять современники, — в таких контрастных ипостасях предстает Грибоедов в произведениях Кюхельбекера. Его трагизм передается через раздвоенность мира поэта, выраженную, например, в послании «Грибоедову» 1821 г., в условно-романтических символах. Чуждый «земных цепей» поэт, «жилец возвышенного мира», не может спастись от клеветы, от сетей низкой действительности, от жалящих его «гнусных змей» («Быть может, их нога моя попрала, — И уж острят убийственные жала!»). В послании к другу, человеку осведомленному, эти символы читаются конкретно, не требуют расшифровки и в то же время в плане возвышенном. Своей неспособности преодолеть оковы «низкой» действительности Кюхельбекер противопоставляет высокого поэта Грибоедова:

---

[24] Катерина Александровна вышла замуж в 1839 г. за будущего владетеля Мингрелии кн. Д. Дадиани.

[25] *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. Пб., 1895. Т. 2. С. 213, 214.

[1] Это родство подтверждает и сам Грибоедов в письме Ю. К. Глинке, сестре Кюхельбекера, от 26 января 1823 г. См.: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1980. С. 537—538. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Соч. С.).

Но ты, ты возлетишь над песнями толпы!
Тебе дарованы, Певец, рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье светлое и тихая любовь,
Златые таинства высокого искусства
И резво-скачущая кровь! [2]

Соединяя высокопоэтические образы, темы и мотивы с выражениями, которые можно отнести только к Грибоедову: «веселье светлое», «резво скачущая кровь», [3] «душа живая»,— Кюхельбекер придает двойное звучание стихотворению. Послание, традиционный жанр легкой поэзии, он насыщает высокими формулами и символами. При этом ни разу не возникает Грибоедов — автор «Горя от ума», [4] в то время, как в разных аспектах звучит восточная тема, что во многом обусловлено почти постоянным пребыванием Грибоедова на Востоке, его дипломатической службой, придававшей поэту особый колорит в глазах современников. Нельзя не учитывать и того места и значения, которые имела восточная тема в романтической поэзии. В послании «А. С. Грибоедову. При пересылке ему в Тифлис моих „Аргивян"» (1823) поэт переносится «с унылого берега днепровских помертвелых вод» в Грузию, где видит своего друга «в одежде легкого тумана», вбирающего «жадной душой» самый дух Востока, рядом с Саади, вечно молодым старцем, средь вечных муз «святого Фарзистана». Поэтическое воспоминание о Грузии, о персидской поэзии, о друге-поэте, раскрывшем перед автором ее богатства, естественно переходит в признание роли Грибоедова в собственной поэтической судьбе («им был мне новый пламень дан»), в утверждение того, что мысли и чувства, сами герои острополитической трагедии Кюхельбекера не появились бы без Грибоедова, которому он теперь и вручает «камен ахейских дар» (Т. 1. С. 170). Так, подчеркивается не столько приоритет Грибоедова, сколько общность позиции, раскрывшаяся еще при их тесном сближении в 1821 г. Полнее всего восточная тема развернута в наброске 1822—1823 гг. «Начало поэмы о Грибоедове». В нем делается попытка романтической драматизации повествования. [5] Грибоедов как бы выво-

[2] *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения: в 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 151. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Т. С.).

[3] Этот образ спародировал Пушкин, однако вспомним, что А. Бестужев о Грибоедове писал почти так же: «Кровь сердца всегда играла у него на лице». А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 102. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Восп. С.).

[4] Только в 1829 г. в «Давиде», поэме, насквозь пронизанной воспоминаниями о Грибоедове, возникает Грибоедов-драматург: в Эллизиуме, где живут тени великих поэтов прошлого, куда по смерти попадет и сам Кюхельбекер, рядом с Гомером, Тассом, Данте; «Восторгом непостижным упоенный», он расскажет о «певцах земли родной»: «О Грибоедове скажу Мольеру, И Байрону о Пушкине реку...» (Т. 1. С. 383), поставит их в ряд всемирной литературы.

[5] Кстати, в грибоедовских набросках преобладает драматизированная диалогическая структура («Хищники на Чегеме», «Кальянчи»). Характерна она и для «Кассандры» Кюхельбекера (1822—1823), для романтических поэм вооб-

дится за пределы обыденной реальности. Рассказ ведется от имени некоего ученого перса Абаса[6] и определен экзотическим восточным колоритом. При этом замечательно желание сделать героем романтической поэмы реального человека, близкого друга, что свидетельствует об особом к нему отношении, несколько романтизированном восприятии его личности, его жизни. Повествование обрывается на рассказе о каких-то конкретных событиях: «А ныне братьям передам, Что посреди садов Шираза В роскошной, светлой тишине Он, сетуя, поведал мне» (Т. 1. С. 349). Мы не знаем, как бы оно развивалось дальше. Но, исходя из общности интересов Грибоедова и Кюхельбекера, можно допустить, что образ героя предполагалось противопоставить байроническому разочарованному герою, подобному Пленнику Пушкина или Онегину первой главы пушкинского романа. С осуждением этого типа через год Кюхельбекер выступит в «Мнемозине». Несомненно, Грибоедов в его поэме должен был стать образцом подлинно высокого положительного героя.[7] Вспомним, что именно в эти годы Рылеев также создает на русском историческом материале высокий образ героя-гражданина. Именно в таком историческом контексте, думается, следует воспринимать и Грибоедова у Кюхельбекера: образ его развивается в духе романтического эпоса, его жизнь, творчество, судьба отвечают декабристской концепции высокого героя, поэта.[8]

В «поздних» стихах Кюхельбекера доминантой образа остается поэт, чья жизнь, творчество, трагедия отвечают его высокому общественному назначению. Но теперь трагедия поэта конкретизирована собственной судьбой, судьбами товарищей. Не случайно поэтому именно воспоминание о Грибоедове завершит одно из пронзительнейших стихотворений декабриста «Участь русских поэтов» (1846), «Или же бунт поднимет чернь глухую, и чернь того на части разорвет, Чей блещущий перунами полет Сияньем облил бы страну родную». (Т. 1. С. 315). Гибель Грибоедова в Тегеране приобретает под пером Кюхель-

ще, так как «объективизирует» повествование, отчуждает от лирического авторского «я», ведет к созданию характера.

[6] Вероятно, реальное лицо, общий знакомый Кюхельбекера и Грибоедова. Подроб. см.: *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения. Т. 1. С. 651 (комментарий Н. Королевой).

[7] Полемика с русским байронизмом будет продолжена в 1830-е гг. в «Ижорском». Тем удивительнее, что в книге В. П. Мещерякова «Грибоедов. Литературное окружение и восприятие» (Л., 1983) высказывается предположение, что в образе Ижорского отразились воспоминания декабриста о Грибоедове. Думается, что, несмотря на приведенные автором «биографические совпадения», это противоречит концепции образов Ижорского и Грибоедова у Кюхельбекера. Скорее уж, в образе Чинарского, героя «Русского Декамерона 1831 года» Кюхельбекера, проступают воспоминания о Грибоедове, точнее, о кавказской жизни Кюхельбекера. Но отождествлять их полностью тоже, думается, нельзя.

[8] Это не противоречит высказанному Ю. Н. Тыняновым предположению о влиянии на Кюхельбекера поэмы Грибоедова «Странник». Фигура вечного скитальца ассоциируется с Грибоедовым. Однако наполнение образа может отвечать идее высокого. Ведь Чацкий тоже по-своему скиталец.

бекера символическое значение. Грибоедов-поэт характеризуется в тех же символах высокого. Одновременно стихам Кюхельбекера, обращенным к Грибоедову, сравнительно со стихами, посвященными другим друзьям-поэтам, в наибольшей степени присуща портретность. Кюхельбекер, кажется, стремится запечатлеть в стихотворных строках дорогой ему образ, конкретизировать общее в единичном. Так, в стихотворении 1829 г. «Памяти Грибоедова» рассказ о себе, «взятом заживо могилой», обрамляющий скорбное воспоминание о смерти Грибоедова, как бы определяет достоверность лирического переживания.[9] Характерно, что Грибоедов возникает в воображении Кюхельбекера не в венце страдальца, израненный, а в кругу родных несчастного узника. Он такой, каким запомнил его поэт:

Твои светлее были очи,
Чем среди смеха и забав,
В чертогах суеты и шума,
Где свой покров нередко дума
Бросала на чело твое...

(1, 222)

Эти строки напоминают ранние послания к Грибоедову. Но портрет определеннее, почти лишен романтической символики, передает внутреннее состояние героя, подмеченное зоркими любящими глазами. Перед нами образ человека жизнелюбивого, но «с печальной думой на челе». Что его терзает? Печаль времени? Боль, страдание — «мильон терзаний», которыми наградил драматург своего Чацкого?

Кюхельбекер не раз еще обратится в своих стихах к Грибоедову. Воспоминаниям о дружбе с ним на Кавказе, о том, как с ними возвратились в его темницу «поэзия и юность и любовь», посвящен эпилог поэмы «Юрий и Ксения». Упоминает Кюхельбекер Грибоедова и в стихотворении 1845 г. «До смерти мне грозила смерти мгла». Поэт, переживший годы одиночного заключения, сибирской ссылки, ослепший, больной, но не сломленный, «очами духа» видит «вещие, таинственные тени»: Пушкина, Грибоедова, Дельвига, Баратынского — «отечеству драгие имена». Они ушли из жизни, но оставили «гул дивных пений». Мы слышим рассказ о каждом («голос каждого я различу»), и наиболее зримо, портретно предстает Грибоедов. Вначале внешняя характеристика, невольно ассоциирующаяся с образом Чацкого — стремительного, вдохновенного и вместе язвительного, беспощадного: «...насмешливый, угрюмый, С язвительной улыбкой на устах, С челом высоким под завесой думы, Со скорбию во взоре и чертах!» (Т. 1. С. 313)[10] Кюхельбекер помнит Гри-

---

[9] Эти мотивы сходны с чувствами скорби и боли посвященной Грибоедову элегии А. Одоевского. Но в ней конкретен лишь образ автора, тогда как Грибоедов дан в условно поэтическом плане.

[10] О Грибоедове, человеке с душой, «чувствительной ко всему высокому и геройскому» (П. Бестужев), и вместе язвительном, ироничном, о его «меланхолическом характере и озлобленном уме» (Пушкин) говорили многие совре-

боедова, автора стихотворения «Давид». Судьбу Грибоедова, его образ он сопоставляет с трагической судьбой библейских пророков. Отсюда — редкие для произведений декабриста 1840 гг. приметы «библейского стиля», столь характерные для его гражданской лирики первой половины 1820-х гг., библейских поэм 1830-х гг.:

В его груди, восторгами томимой,
Не тот ли же огонь неодолимый
Пылал, который некогда горел
В сердцах метателей господних стрел,
Объятых духом вышнего пророков?..

Все конкретизируется фактами жизни и деятельности Грибоедова:

И что ж? Неумолимый враг пороков
Растерзан чернью в варварском краю...
А этот край он воспевал когда-то,
Восток роскошный нам, сынам заката,
И с ним отчизну примирил свою!

(I, 313—314)

Так, на высокой ноте завершается рассказ о Грибоедове. В нем раскрывается существенная сторона доминирующей у Кюхельбекера темы поэта-пророка и страдальца, друга и современника.

II

То же в дневнике Кюхельбекера. В упоминаниях о Грибоедове живет чувство искренней любви к нему, верности идеалам жизни и литературы, соединившим их в 1820-е гг. Вместе с Пушкиным Грибоедов стоит на вершине русского Парнаса, хотя и подчеркивается разница их позиций. С годами, однако, она стирается, все в большей степени осознается их родство, отчетливее звучит мысль о том, что все они — «лицейские, ермоловцы, поэты» — прежде всего люди одного времени, одной судьбы. «...Ты, напротив, наш: тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали наше лучшее», — пишет Кюхельбекер В. Ф. Одоевскому из Тобольска.[11] В его верности прошлому нет консерватизма. Вспоминая «своего Грибоедова», Кюхельбекер создает образ поэта своего поколения, отстаивает правоту избранного пути, ставит принципиальные вопросы развития литературы. Грибоедов в дневнике как бы раздваивается. Его реальный облик, подробности его вкусов, пристрастий служат дополнительной характеристикой Грибоедова-поэта, главы определенного литератур-

---

менники. Кюхельбекер вывел это на уровень поэтического обобщения, даже романтической иронии.

[11] Отчет императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. С. 69.

ного направления — «дружины славян», под знаменами которого выступает и Кюхельбекер. Для Кюхельбекера Грибоедов высокий поэт прежде всего потому, что в его творчестве самобытными средствами выражается народность: в гражданственности содержания и в слоге — подлинно русском разговорном языке. Возражая в 1833 г. на этот счет М. Дмитриеву, Кюхельбекер говорит лишь о поэтике комедии, ее плане, стиле, восстает против попыток свести содержание ее к карикатурам и тем самым лишить ее общественного звучания, перевести в план бытовой сатиры: «Предательские похвалы *удачным портретам* — грех гораздо тягчайший, чем их придирки и умничанья. Очень понимаю, что они хотели сказать...». И далее знаменательное признание: «Грибоедов писал „Горе от ума“ почти при мне...» Знаменательное — ибо Кюхельбекеру отлично известно, *что* хотел сказать автор своей комедией, что он посвящен не только в план, но и в *мысль* ее. «...знаю, что поэт не был намерен писать подобные портреты: его прекрасная душа была выше таких мелочей».[12] Все это совпадает с возражениями Грибоедова Катенину по поводу «Горя от ума» в 1825 г.: «...портреты, и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них однако есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь» (Соч. С. 557—558).[13] Совпадают и высказывания о плане. Сравним:

Грибоедов

Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению <...> в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека <...> и этот человек разумеется в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих...

Кюхельбекер

В «Горе от ума» точно вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам... Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов — только. Это очень просто, но в сей именно простоте новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники (Проза. С. 228).

---

[12] *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 498. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Проза. С.).

[13] Речь идет о принципах сатирической типизации, впоследствии развитых Гоголем и Щедриным. Узнавание портретов — только начало художественного обобщения. В сказку «Иван, купецкий сын» Кюхельбекер вообще вводит историческое лицо, лорда Эльджина, ограбившего греческий Парфенон. У Кюхельбекера он покупает окаменевшую статую богатыря Булата.

Совпадают с грибоедовскими и позднейшие возражения Кюхельбекера.

«Сцены связаны произвольно». Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекают любопытство.	...эта критика толкует, что в «Горе от ума» есть обмолвки и противоречия — оно так, но потому-то творение Грибоедова и есть природа... И в природе такие же противоречия (Проза. С. 400).

В собственном драматическом творчестве Кюхельбекер широко использует элементы поэтики Грибоедова. Исследователи (Ю. Н. Тынянов, А. В. Архипова) указывали на традицию Грибоедова в «Аргивянах» Кюхельбекера.

Прослеживая его работу над текстом, можно увидеть стремление к упрощению языка, усилению динамики действия. Для произведений 1830-х гг. характерны живая разговорная речь, просторечье («Прокофий Ляпунов», отдельные сцены «Ижорского»). Текст «Прокофия Ляпунова» насыщен намеками, историческими воспоминаниями о недавних событиях, о казачьем атамане Болотникове, Пожарском, Голицыне, Шуйских и т. п. Все они приобретают характер внесценических персонажей и подобно внесценическим героям «Горя от ума» придают историческую перспективу, глубину и колорит повествованию — служат созданию индивидуального облика эпохи. В «Ижорском» (Кюхельбекер не раз в дневнике подчеркнет его злободневность) возникают изображения современного светского общества:[14] не портреты-карикатуры, но сатирические типы.[15] Единство взглядов Грибоедова и Кюхельбекера зиждется в первую очередь на выработанной еще в 1820-е гг. общности подхода к актуальным проблемам самобытности и народности. Разрабатывая жанр высокой трагедии, Кюхельбекер обратится в 1820-е гг. к одическому стилю. После 1825 г. он все больше склоняется к конкретности изображения, к поэтическому синтезу различных стилистических начал, что сближает его стилистику со стилистикой Грибоедова.[16]

Для понимания единства Грибоедов—Кюхельбекер важна дневниковая отметка от 27 мая 1845 г.: «Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я дока-

---

[14] Ю. Н. Тынянов указал на грибоедовское начало сцен бала в «Ижорском» (См.: *Тынянов Ю. Н.* Кюхельбекер о Лермонтове//Литературный современник. Л., 1941. № 7—8. С. 142—150).

[15] «...основой этой фантастической драмы является декабристская сатира и грибоедовско-крыловский реализм» (*Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961. С. 330).

[16] И. М. Медведева пишет: «...соединение языка лирической поэзии (элегии, оды) и живого народного языка <...> является особенностью стиля «Горя от ума» (*Грибоедов А. С.* Сочинения в стихах. Л., 1967. С. 49).

зывал преважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учеником Крылова; Пушкин тут несколько в насмешку назвал и Баратынского. Я на это не согласился; однако оставался при прежнем мнении. Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов, я и даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову; но слог только форма; роды же, в которых мы писали, гораздо высше басни, а это не безделица» (Проза. С. 429). В «Архаистах и Пушкине» Тынянов справедливо соотносит этот пассаж с борьбой за средний стиль против сглаженного слога карамзинистов, указывает на характерность в этом литературном сне позиции Пушкина, «слегка насмешливо выставившего Баратынского как достижение противоположной традиции». Однако вывод его о том, что «Кюхельбекер подчеркивает „низость рода", в котором писал Крылов, что он остается на страже высокой поэзии и практически пытается воскресить оду»,[17] думается, сужает проблему и не следует из текста Кюхельбекера. Тынянов проецирует вопрос о высокой поэзии в его трактовке 1820-х гг. на Кюхельбекера 1845 г., стремясь оправдать свою концепцию литературного движения 1820-х гг. Между тем вопрос об оде и других высоких жанрах для Кюхельбекера в 1840-е гг. вряд ли актуален. Оценка басни как менее значительного рода естественно вытекает из его эпических устремлений, из места басни в ряду других поэтических форм.[18] Крылов — учитель Грибоедова, Кюхельбекера и «даже Пушкина» (отметим это «даже» как знак отличия пушкинской позиции) в слоге, в смелом сближении книжного и разговорного языков, в умении проникнуться самым духом народного мышления, выразить сметливый и мудрый народный характер. В менее значительном жанре он решил те же проблемы, которые стояли перед Кюхельбекером и его товарищами.[19] Верность Кюхельбекера «дружине славян» и Грибоедову в первую очередь касается поисков самобытной формы, стремления выразить в своем творчестве народное содержание.

III

Говоря о проблеме народности у Кюхельбекера и Грибоедова, следует обратиться к так называемому «библейскому стилю» в гражданской поэзии начала 1820-х гг. Библейская тематика, библейская риторика в декабристской поэзии использовалась

[17] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 94—95.

[18] Белинский писал, что Крылов «один мог быть представителем целого периода литературы», но «ограниченность рода, избранного Крыловым, не могла допустить его до подобной роли» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 110—111).

[19] Характерно, что именно Крылову одному из первых читал Грибоедов в Петербурге «Горе от ума»; он горько иронизировал над отзывом Крылова, не понявшего своего ушедшего вперед ученика.

для выражения гражданского содержания. Поэтому Грибоедов, а следом и Кюхельбекер обратились к образу библейского царя Давида. Это — источник «библейских поэм» декабриста 1830-х гг. Известно, что к чтению Библии Кюхельбекера приобщил Грибоедов. «Прочел 30 первых глав пророка Исайи, — заносит Кюхельбекер в дневник 3 января 1832 г. — Нет сомнения, что ни один из прочих пророков не может с ним сравниться силою, выспренностью и пламенем: начальные пять глав составляют такую оду, какой подобной нет ни на каком языке, ни у какого народа (они были любимые моего покойного друга Грибоедова — и в первый раз я познакомился с ними, когда он мне их прочел в 1821 г. в Тифлисе)» (Проза. С. 77). В 1845 г. он опять вернется к этой теме: «Третьего дня я совершенно случайно вспомнил несколько стихов пьесы, которую я написал 24 года назад в Грузии, — на взятие греками Триполлицы. Я тогда только начал знакомиться с книгами Ветхого Завета, которые покойный Грибоедов заставил меня прочесть» (Проза. С. 429). Речь идет о стихотворении «Пророчество». Начало его, без сомнения, восходит к тому же источнику — IV книге пророка Исайи — что и пушкинский «Пророк». Кюхельбекер осмысляет один из важных эпизодов борьбы греков, раскрывая с помощью библейской символики политический смысл события, стремясь поднять его на новый уровень поэтического обобщения. Пушкин резко критиковал это стихотворение за несоответствие стиля и содержания. Но Кюхельбекер, а вместе с ним и Грибоедов этого несоответствия не чувствуют, вероятно, потому, что автор ставил целью воспеть современных героев, подчеркнуть стилем и духом стихов их родство с героями других времен и народов, не заботясь при этом о передаче национального колорита.[20] Но обращение к Библии, возможно, было связано и стремлением к передаче народности. И Грибоедов, и Кюхельбекер вслед за Гердером[21] рассматривают Библию помимо ее религиозного и культурологического значения и как памятник устного народного творчества.[22] В русском переводе Библии они видят важный памятник древнего русского языка, источник, мимо изучения которого не должен пройти подлинно самобытный писатель. Увлечение библейскими текстами стоит у Грибоедова в одном ряду с интересом к древнерусской литературе, русской старине, характерным для передовой русской молодежи 1820-х гг., видевшей в ней прежде всего героическое начало. Пафосом вольнолюбия пронизаны парижская лекция Кюхельбекера о русском языке в 1821 г., «Думы» и поэмы Рылеева и т. п. Те же мысли и чувства выражены в письме Грибоедова

---

[20] Пушкин в своем «Пророке» обращается к «библейскому стилю» и, следуя традиции высокого, ставит Пророка вне сферы национального.

[21] О значении Гердера в становлении литературной позиции Кюхельбекера см.: *Мазья М. Г.* Раннее переводное стихотворение Кюхельбекера «Песнь лапландца» // Русская литература. 1982. № 3. С. 160—164.

[22] *Гердер И. Г.* История еврейской поэзии. Тифлис. 1875.

В. Ф. Одоевскому из Киева от 10 июня 1825 г., в замысле его драмы «1812 год».

И тут возникает еще один важный аспект понимания народности Грибоедовым и Кюхельбекером, который необходимо особо подчеркнуть.

Известно вольнодумство Грибоедова, «проявлявшееся, в частности, в отношении к церковной обрядности». Его отмечали многие мемуаристы (Восп. С. 344). Кюхельбекер же неоднократно говорит о Грибоедове как о человеке верующем. «Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов», — читаем в его дневнике (Проза. С. 380). Рассматривая эту запись, комментаторы свода мемуаров о Грибоедове с уверенностью пишут: «Рассуждения мемуариста о набожности Грибоедова более всего отражают религиозные настроения самого Кюхельбекера» (Там же. С. 404).[23] Разумеется, в записи декабриста есть определенная аберрация. Но в чем ее суть?

Как известно, религиозные настроения Кюхельбекера носят далеко не однозначный характер. В его произведениях 1830-х гг. на «русскую тему» («Кудеяр», «Пахом Степанов», «Юрий и Ксения» и др.) религиозность выступает как составная часть русского национального характера, как категория этическая и вместе с тем неотъемлемая часть быта и нравов простого народа, т. е. входит в понятие народности. Служение героев библейских поэм богу понимается прежде всего как служение идеалам добра и справедливости, выражает активное начало «поздних» произведений декабриста. «Набожный Грибоедов», вероятно, и отражает высокую этическую оценку, неотъемлемую от понятия народности. При этом Кюхельбекер далек от религиозного догматизма. В религии любого народа, считает он, отражается его национальный дух. Именно с этих позиций судит он «Описание всех обитающих в русском государстве народов» Георги, подкрепляя свое мнение ссылкой на Грибоедова, который «был, без всякого сомнения, смиренный и строгий христианин и беспрекословно верил учению святой церкви; но, между тем, радовался, когда во мнениях нехристианских народов находил высокое, утешительное, говорящее сердцу и душе человека непредубежденного, не зараженного *предрассудками половинного просвещения* (выделено Кюхельбекером. — *М. М.*)» (Проза. С. 145). Широта взглядов в сочетании со «строгим христианством» означают человека подлинно высоких мыслей и чувств.

В связи с этим любопытно вспомнить Ф. Булгарина. Грибоедов якобы говорил ему: «В русской церкви я в отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрии Донском, Мономахе, Ярославе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение трогало их сердца, те же чувства одушевляли набожные души. Мы

---

[23] То же у М. В. Нечкиной в кн.: Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 117—118.

русские только в церкви, — а я хочу быть русским».[24] Конечно, нельзя не учитывать охранительную русофильскую подоплеку, стремление Булгарина отделить его «незабвенного Грибоедова» от «злодеев 14 декабря». Однако в его показаниях проступают и черты Грибоедова — подлинного патриота своей родины, видящего в русской старине оплот русской вольности.[25] Указывается понимание Грибоедовым преемственной связи поколений русских людей. Дух русской старины и чувства гражданина и патриота предстают у него в неразрывном единстве. Именно такое понимание народности живо воспринято было Кюхельбекером, неотъемлемой частью вошло в его творчество, отразилось в его трактовке фигуры Грибоедова — включая упоминание о его набожности.

Грибоедов оставил в душе Кюхельбекера глубокий след. Образ его, запечатленный в стихах и прозе декабриста, несомненно отражает не только личность великого русского писателя, но и внутренний мир самого Кюхельбекера. Грибоедов «из стаи той орлиной», и хотя он миновал каторгу и ссылку, в его судьбе отражается скорбная и трагическая участь людей 14 декабря 1825 г.

Н. И. Попова

ИКОНОГРАФИЯ А. С. ГРИБОЕДОВА

В 1929 г., к столетию гибели А. С. Грибоедова, в Москве были организованы две выставки: «А. С. Грибоедов. 1829—1929. Жизнь. Творчество. Театр» (на базе Государственного Театрального музея имени Бахрушина — ЦГТМ) и «А. С. Грибоедов и его время» (в Государственном Историческом музее — ГИМ).

На этих выставках были использованы материалы и документы многих музеев, архивов и частных собраний. Иконография Грибоедова была представлена как его прижизненными портретами, так и позднейшими работами, охватывая период от начала XIX в. до советского времени.

Особенностью выставок было то, что на них экспонировались не только оригиналы, но копии и фотографии тех портретов, которые по тем или иным причинам не могли быть представлены. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на художественном уровне выставок, но представляло большой интерес с источниковедческой точки зрения.

---

[24] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 31.

[25] В повести Кюхельбекера «Адо» (1824) в описании быта и нравов новгородцев, в воспроизведении колорита места и времени важное место занимает рассказ о службе в соборе Св. Софии, что не противоречит изображению «духа вольности» Новгородской республики.

Обе выставки были уникальным соединением почти всех известных на то время портретов писателя, которое было зафиксировано в вышедших тогда же, в 1929 г., каталогах. («По выставке в Государственном Театральном музее» — тир. 500 экземпляров, «По выставке в Государственном Историческом музее» — 1000).

Мы сочли необходимым восстановить иконографические разделы каталогов обеих выставок и прокомментировать их, чтобы выявить происшедшие изменения и уточнения в атрибуции портретов и указать их нынешнее местонахождение. Эти материалы войдут в первый раздел нашей статьи, которая строится следующим образом: вначале воспроизводится текст аннотации по каталогам, затем комментарий: описание портрета, изменения в атрибуции, его нынешнее местонахождение и сведения о том, где портрет воспроизведен.

Во втором разделе будут опубликованы иконографические материалы, не экспонировавшиеся на выставках, или вошедшие в научный оборот после 1929 г. *

I

Иконография А. С. Грибоедова по каталогу выставки «А. С. Грибоедов. 1829—1929. Жизнь. Творчество. Театр». ЦГТМ.

1. Ребенок (?) Фототипия.

Имеется в виду фотография с карандашного наброска, изображающая мальчика в 3/4 вправо, в рубашке с расстегнутым воротом, находящаяся в архиве Н. К. Пиксанова в ИРЛИ АН СССР. Переснята с фотографии, помещенной в «Альбоме выставки XII археологического съезда» в Харькове (М., 1903. № 113). Все фотографии из этого альбома в свою очередь были сделаны с фамильных портретов Грибоедовых, в 1903 г. являвшихся собственностью некоего Памфилова. Связь данного портрета с именем Грибоедова представляется недоказанной. Местонахождение оригинала неизвестно.

См.: *Цымбал Е. В.* «Загадки грибоедовских портретов» // Сов. музей. М., 1985, № 5.

2. Мальчик (?). С портрета, принадлежавшего Д. Г. Гинбургу; видимо, имелась в виду живописная копия, сделанная с портрета. В настоящее время в фондах ЦГТМ не числится.

Фотография с этого портрета находится в архиве Н. К. Пиксанова в ИРЛИ (инв. № 981/35). На ее обороте следующая надпись: «Портрет Грибоедова-отрока (из собрания барона

---

* Сведения о портретах А. С. Грибоедова из коллекции Государственного литературного музея подготовлены науч. сотр. З. В. Гротской, из коллекции Центрального Театрального Музея им. Бахрушина — науч. сотр. А. В. Смирновой.

Д. Г. Гинбурга, куда было приобретено из киевского собрания Идзиковского, к которому попало, по преданию, из смоленского имения Грибоедовых). Оригинал — масло. Н. Пиксанов». На портрете изображен мальчик в полный рост, в фас, с книгой в руке на фоне открытой балюстрады и парка.

Местонахождение оригинала неизвестно.

Впервые опубликован в книге «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». М., 1929 (с пометой «С неизданного портрета»).

3. (?) юноша. Масло. Неизв. худ. — Государственный Гомельский музей.

Сведений о портрете нет.

4. Фотография с миниатюры, рис. П. Каратыгина. 1820 г.

Оригинал миниатюры, экспонировавшейся на выставке 1929 г. в виде фотографии, в начале 1940-х гг. был приобретен ГЛМ, где находится и ныне.

Изображение поясное, в профиль, во фраке, с черным шейным платком, с высоким тупеем, хохлом на голове.

На обороте надпись, сделанная рукой сына художника П. П. Каратыгина (1832—1888): «26 августа 1881 г. Благороднейшему почитателю Грибоедова от П. К. Рисовано с натуры в марте 1829 года Петром Андреевичем Каратыгиным». Надпись не только отвергает датировку миниатюры 1820-м г., но ставит под сомнение прижизненность ее написания: Грибоедов погиб в январе 1829 г. По мнению М. Ю. Барановской, портрет мог быть автокопией, сделанной П. А. Каратыгиным в 1829 г. с более раннего портрета, рисованного с натуры (Лит. наследство. Т. 47—48. С. 367—368). На другом портрете Грибоедова, где он изображен сидящим за столом, Каратыгин повторил ту же высокую прическу, с тупеем на голове (см. раздел 1 № 9). Об этом втором портрете М. И. Семевский считал, что он написан Каратыгиным по воспоминаниям (Русская Старина. 1874. Май. С. 171). Не была ли и миниатюра написана П. А. Каратыгиным по воспоминаниям о Грибоедове в марте 1829? Воспроизведена в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 369.

5. Рисунок тушью с портрета, рис. П. Каратыгина. Находится в собрании ЦГТМ.

Изображение поясное, в профиль. Восходит к миниатюрному портрету работы П. А. Каратыгина. Сепия (?) Коричневая акварель (?). На обороте надпись: «Копия Гундырева с рис. Каратыгина. Оригинал в Академии».

6. Цветн. каранд., неизв. худ. Робильяра (?) 1824—1825 гг. Находится в ГПБ. Один из самых интересных прижизненных портретов писателя, вделан в переплет списка «Горя от ума», подаренного Грибоедовым Булгарину с надписью: «Горе мое поручаю Булгарину». В своих воспоминаниях Булгарин писал об этом портрете: «В 1824 году, в мае, Грибоедов получил позволение отправиться за границу на излечение болезни, но, прибыв в Петербург, остался там и прожил около года. В это время

упросил я его позволить списать с себя портрет собственно для меня. Это единственный портрет его».

Грибоедов изображен в 3/4 влево, с книгой подмышкой, облокотившимся на спинку стула.

Авторство Робильяра или О. Эстеррейха (по гипотезе П. С. Краснова в сб.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 257—262) оспорено исследованием М. Д. Ромма (ж.: Художник, 1983, № 7. С. 54—55). Автором портрета является М. И. Теребенев (1795—1864), исполнивший целый ряд акварельных и миниатюрных портретов, в том числе друзей Грибоедова: А. И. Одоевского и А. В. Всеволожского. Портрет выполнен гуашью, смешанной с акварелью.

Считается одним из самых достоверных портретов писателя, который явился оригиналом для получившей широкую известность гравюры Н. И. Уткина.

Воспроизведен (в черно-белом варианте) в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 151.

7. Миниатюра на кости, худ. Жигалева. 1826. — Государственный музей революции.

Связь с именем Грибоедова не доказана. В настоящее время миниатюра выведена за пределы грибоедовской иконографии.

Воспроизведена в альбоме «Русские портреты XVIII—XIX столетий». СПб., 1906. Т. 2. № 118.

8. Акварель, худ. Мошкова (?), 1827.

В настоящее время портрет находится в ГЛМ (поступил в 1935 г.)

Грибоедов изображен в 3/4 влево, в халате и белой рубашке, с чубуком. Надпись под портретом: «Грибоедов, списанный за два года до смерти, 32-х лет».

Известно несколько рисунков с изображением Грибоедова, которые академик живописи художник В. И. Мошков сделал в момент подписания Туркманчайского мира (см. раздел 1, №№ 158—160).

Воспроизведен в кн.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.

9. Акварель, худ. Горюнова (?)

В настоящее время портрет находится в собрании ВМП (Ленинград). Портрет поступил в Пушкинский Дом Академии Наук в 1919 г. от В. П. Всеволожского, потомка друга Грибоедова А. В. Всеволожского. Портрет носит эскизный характер. Грибоедов изображен в 3/4 вправо, в шинели с высоким воротником. По сравнению с портретом работы М. Теребенева, написанным в 1825 г., Грибоедов здесь выглядит старше, с заметно поредевшей шевелюрой. Это позволяет отнести дату написания портрета к последнему периоду жизни писателя, времени его приезда в Петербург весной 1828 г., когда и друзья писателя, и сам Грибоедов замечали происшедшую в его облике перемену. «Я там (в Персии), — говорил Грибоедов, по воспоминаниям К. Полевого, — состарился, не только загорел, почернел, почти

лишился волос на голове, но и в душе не чувствую прежней молодости». Принадлежность портрета кисти художника Горюнова не доказана. Сведений о художнике нет. Есть еще два приписываемых ему портрета: Н. В. Гоголя (холст, масло, ИРЛИ) и А. С. Пушкина (холст, масло, ВМП), но оба они выполнены в другой манере, ничего общего не имеющей с манерой художника, писавшего портрет Грибоедова.

Воспроизведен в кн.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 2.

10. Литография, раскрашенная П. А. Каратыгиным.

В настоящее время находится в собрании ВМП (Ленинград). Литография сделана с прижизненного рисунка, выполненного П. А. Каратыгиным, который считается утраченным. Основания, по которым лист атрибутировался как раскрашенный самим Каратыгиным, остаются невыясненными. На портрете Грибоедов изображен сидящим за столом на фоне театрального занавеса. Детали, которые Каратыгин ввел в композицию, — книги, раскрытые ноты, чернильный прибор, театральный занавес, орденская лента, должны были подчеркнуть многообразие дарований Грибоедова как человека, причастного литературе, театру, музыкально одаренного, да к тому же государственного деятеля. Эти детали давали повод считать, что портрет был написан весной 1825 г., когда на сцене Театральной школы шли репетиции «Горе от ума», в которых принимал участие и Каратыгин. Но изображение на портрете ордена св. Анны 2-й степени, которым Грибоедов был награжден после заключения Туркманчайского мира, заставляет отнести портрет к 1828 г., когда Грибоедов и Каратыгин виделись в Петербурге в последний раз.

Трактовка внешнего облика Грибоедова Каратыгиным отличается от всех других изображений писателя тем, что художник рисовал его с высоким тупеем, хохлом на голове. Но это обстоятельство противоречит воспоминаниям современников о внешнем облике Грибоедова 1828 г.

Заслуживает внимания замечание историка М. И. Семевского, который был дружен с Каратыгиным в 1870-е гг., о том, что этот портрет был написан Каратыгиным по воспоминаниям (см.: Русская Старина. 1874. Май. С. 171).

Воспроизведен в кн.: *П. Каратыгин.* Записки. М., 1929. Т. 2. С. 165.

11. Литография Мюнстера с рис. Бореля.

Находится в ЦГТМ. Другой лист — в Литературном музее ИРЛИ.

В рост, сидит в кресле, 3/4 влево, рука на столе с книгами. Под портретом факсимиле автографа. Впервые опубликовано в кн.: *Грибоедов А. С.* Собр. соч. М., 1858/Под ред. Е. Серчевского (с пометой: «С оригинала П. А. Каратыгина. Рис. Борель. Печ. Мюнстер»). «Прилагаемый при этом издании портрет Грибоедова, — замечал в предислови издатель, — срисован еще при

жизни его П. А. Каратыгиным, с семейством которого он был хорошо знаком. Этот портрет, как уверяют коротко знавшие Грибоедова, ближе знакомит с наружностью его, нежели доныне известный, гравированный академиком Уткиным». В отличие от оригинала Каратыгина П. Ф. Борель освободил композицию от целого ряда деталей: нот, театрального занавеса и орденской ленты. Бореля интересовала психологическая разработка образа Грибоедова, и, взяв за основу каратыгинский рисунок, в портретной характеристике он ориентировался на гравюру Уткина. Лист, хранящийся в ИРЛИ, имеет на картоне следующую надпись рукой известного исследователя П. А. Ефремова: «Изд. 1858 г. Рисован с натуры П. Каратыгиным, но *без* хохла, который он в 1874 году, почти через 50 лет, присоветовал Крамскому предпослать к оригиналу Уткина, когда Кр-ой писал Грибоедова для Третьякова».

Воспроизведена в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 191.

12. Фотография с наброска А. С. Пушкина на полях одной из его рукописей. Н. А. Пустаханов.

Неясно, какой из портретов Грибоедова имеется в виду. Известно несколько его портретов, нарисованных Пушкиным. Первый (по атрибуции А. Эфроса, оспоренной Т. Г. Цявловской), относится к ноябрю 1823 г. в черновике 2-й главы «Евгения Онегина». Второй — в черновике стихотворения «Предчувствие» 1828 г. Затем в ушаковском альбоме 1829 г. Есть еще один портрет Грибоедова, нарисованный Пушкиным на отдельном листе в 1831 г. Некоторые исследователи определяют портрет Грибоедова среди портретов декабристов, сделанных Пушкиным в 1826 г. (Подробнее об этом см.: *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 299—306).

13. Фотография с группы, масло, худ. Мошкова, 1828 г.

В настоящее время в фондах ЦГТМ фотографии не числится. В фондах ГЛМ находится картина неизвестного художника, изображающая группу лиц, в числе которых предположительно изображен Грибоедов. Картина поступила в 1941 г. от К. Ф. Арнинт под условным названием «Прием у посла». Портретное сходство изображенного лица с Грибоедовым не доказано, как и принадлежность картины кисти В. И. Мошкова. Возможно, экспонировавшаяся на выставке фотография была сделана именно с этой картины.

Сведения о якобы существовавших живописных полотнах художника В. И. Мошкова «Встреча Паскевича с Аббас-Мирзой» и «Подписание Туркманчайского мира» см.: Пушкин и его друзья/Под ред. И. Зильберштейна. М., 1937. С. 32—33. Воспроизведения с двух картин на эти сюжеты были опубликованы в 19—21 т. Литературного наследства как принадлежащие кисти В. Залесского. См.: Лит. наследство. М., 1935. Т. 19—21. С. 153, 175. Судя по манере, обе картины относятся к концу 1830-х гг. В 1935 г. они находились в собрании Гомельского музея. В картотеке ИРЛИ имеются сведения, полученные

от В. Н. Орлова, что картины были написаны для дворца Паскевича. В настоящее время местонахождение их неизвестно. Не является ли картина, полученная Литературным музеем, одной из работ художника Залесского? Кроме того, в Русском отделе Гос. Эрмитажа находится еще одна картина — «Сдача контрибуционных сумм в г. Тебризе», подписанная «М. Залесский. 1835».

С рисунков В. И. Мошкова на сюжет русско-турецкой войны сделал серию известных литографий не только художник К. Беггров (см. раздел II. № 158—160). Они послужили оригиналами для живописных работ художника. М. или В. (?) Залесского, это и явилось причиной того, что имя В. И. Мошкова ошибочно стало соединяться с работами Залесского.

14. Фотография с акварельного портрета, неизв. худ.

Сведений о портрете нет.

15. Миниатюра на кости, неизв. худ.

16. Миниатюра на кости, неизв. худ.

В тексте Каталога миниатюры не дифференцированы. Одна из них в 1936 г. поступила в ИРЛИ, откуда в ВМП. Сведений о второй не имеется. Можно предположить, что речь идет о миниатюре, опубликованной в Собрании сочинений Грибоедова под ред. В. Н. Орлова (М.; Л., 1940. С. 305), где она ошибочно атрибутирована как миниатюра работы Жигалева. В настоящее время она выведена за пределы грибоедовской иконографии. Следовательно, мы будем рассматривать только ту миниатюру, которая находится в Собрании ВМП в Ленинграде. Миниатюра выполнена на кости акварелью и гуашью. Оригиналом ее, по-видимому, явился портрет Грибоедова, гравированный Уткиным в 1829 г. На миниатюре художник повторил погрудное изображение Грибоедова в 3/4 влево, сохранил тот же костюм: сюртук с высоко завязанным черным шейным платком, из-под которого виден белый воротничок, светлое жабо и жилет с полосатой отделкой. Но облик Грибоедова на миниатюре очень омоложен. Если говорить о манере художника, то она ближе к традиции станковой живописи. В ней нет той тонкости прорисовки, той «взлетности», которая свойственна миниатюрной живописи, что в свою очередь подтверждает вторичность ее происхождения.

Воспроизведена в кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980 (на шмуцтитуле, в черно-белом варианте) и в альбоме «Пушкин и его время в изобразительном искусстве 1-й половины XIX века». Л., 1985. № 45.

17. Масло, неизв. худ.

Находится в собрании ЦГТМ.

На обороте надпись чернилами: «Александр Сергеевич Грибоедов в бытность его в гусарском полку». На портрете изображен гусарский офицер, в очках, в голубом доломане с серебряными шнурами, с медалью на георгиевской ленте, в накинутой шинели, отделанной мехом. Но Иркутский гусарский

полк, в котором Грибоедов служил в 1812—1815 гг., имел черные доломаны. По атрибуции научн. сотр. Эрмитажа Г. В. Вилинбахова, голубые доломаны были введены в русской армии с 1826 г. Их носили офицеры Белорусского гусарского полка, который принимал участие в турецкой кампании 1828—1829 гг. Медаль за участие в этой кампании, утвержденная в 1829 г., была на георгиевской ленте с изображением креста на поверженном полумесяце. Эта медаль достаточно четко просматривается на портрете. Полученная Грибоедовым в 1828 г. медаль за персидскую войну была на двойной ленте, голубой и черно-желтой, с изображением всевидящего ока. Следовательно, портрет офицера в голубом доломане не является портретом Грибоедова, тем более что в нем нет и портретного сходства с Грибоедовым (кроме очков).

(Воспроизведен в кн.: *Грибоедов А. С.* Собр. соч./Под ред В. Н. Орлова. М.; Л., 1940. С. 65).

18. Рисунок тушью, неизв. худ.

В настоящее время в собрании ЦГТМ не числится.

19. Гравюра Н. И. Уткина, 1829 г.

Находится в ЦГТМ и в других хранилищах. Впервые опубликована в первом номере журнала «Сын отечества» и «Северный архив» за 1830 г. в приложении к статье Булгарина «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» к годовщине смерти писателя. Гравюра Уткина стала самым известным изображением писателя, завоевавшим большую популярность. Грибоедов изображен в 3/4 влево, на фоне облаков. Оригиналом гравюры явился тот акварельный портрет писателя, который был написан весной 1825 г. по заказу Булгарина работы М. Теребенева (см. раздел 1, № 6). Рассказывая историю создания гравюры, Булгарин вспоминал: «В это время (с весны 1824 по весну 1825 г.) я упросил его позволить снять с себя портрет, собственно для меня. Это единственный портрет его. Зная, что доставим удовольствие многим, я и товарищ мой, Н. И. Греч, вознамерились издать оный. Знаменитый наш художник, Н. И. Уткин, исполнил наше желание». Один из исследователей творчества Уткина, Г. А. Принцева, выдвигает другую точку зрения на происхождение гравюры, возводя ее к миниатюре, опубликованной в Собрании сочинений Грибоедова (М.; Л., 1940. С. 305), где она ошибочно названа миниатюрой работы Жигалева. Однако связь этой миниатюры с именем Грибоедова представляется недоказанной.

Воспроизведена в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 217.

20. Гравюра, изд. П. Бекетова.

Находится в собрании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Автором гравюры был Н. И. Уткин, выпустивший ее в 1843 г. Портрет Грибоедова был помещен в овале с широким полем внизу, предназначавшимся для подписи. Текст подписи носил характер биографической справки: «Александр Сергеевич Грибоедов /Статский советник/ и Полномоч-

ный Министр /при Дворе Персидском/. Из собрания портретов, издаваемых Платоном Бекетовым».

Платон Петрович Бекетов (1761—1836) — двоюродный брат И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина, известный книгоиздатель, продолжавший традиции Н. И. Новикова. В начале 1820-х гг. Бекетов предпринял издание «Собрания портретов россиян знаменитых», куда вошло около 300 гравированных портретов с редких оригиналов. Портрет Грибоедова был издан после смерти Бекетова его наследниками. Это было первое массовое издание портрета писателя, рассчитанное на широкого читателя: лист продавался по цене 35 копеек, объявление о его продаже было напечатано на обложке к «Портретам именитых мужей российской церкви» (М., 1843).

Представляет интерес пробный оттиск этого листа, который находится в собрании ВМП, со следующей надписью чернилами внизу листа: «Александр Сергеевич /Грибоедов/ Статский Советник /и Полномочный Министр/ при Дворе Персидском /род: 1792 г.,/ умерщвл: 1829». На обороте надпись карандашом рукою Б. Л. Модзалевского: «Подпись руки Д. Н. Бантыш-Каменского. Гравюра Уткина. Экземпляр avant lettres (См. у Ровинского № 1). Б. М.» (в пояснении Б. Л. Модзалевского неточность: у Ровинского гравюра идет под № 2).

Текст Бантыш-Каменского, сохранившийся только на пробном оттиске, интересен введением даты рождения и упоминанием о гибели Грибоедова. Однако в «Словарь достопамятных людей русской земли», составленный Бантыш-Каменским и изданный в 1836 и 1847 гг., биографический очерк о Грибоедове не вошел.

Воспроизведена в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 245.

21. Акварельный рис. из альбома старообрядцев.

Находится в собрании ЦГТМ. Изображение напоминает образ на иконе. Писатель стоит в позе святого, с поднятой для благословения правой рукой, левая лежит на обложке книги. Портрет написан жидкой темперой.

Датируется второй половиной XIX в.

22. Гравюра на дереве. — Государственный музей изящных искусств.

Сведений о портрете нет.

23. Гравюра, исп. Гидан. — Государственный музей изящных искусств.

Сведений о портрете нет.

24. Литография Мюнстера с гравюры Уткина.

Находится в собрании ЦГТМ и в фондах ИРЛИ. Изображение поясное, в 3/4 влево. На изображении внизу с камня: «Борель/Съ гравюры Уткина. — Imp. Lith. A. Munster (Editeur). Stpbg». Под изображением «Издание Лит. А. Мюнстера» и печатный гриф «A. Griboedow».

Впервые была опубликована в кн.: Портретная галерея Мюнстера. СПб. 1869. Т. 2, № 25.

25. Литография Н. Зенгера.

Находится в собрании ЦГТМ и в фондах ИРЛИ.

Изображение погрудное, в 3/4 влево. С гравюры Н. И. Уткина.

Внизу: «Н. Зенгер», «А. С. Грибоедов».

26. Гравюра Хельмицкого.

Находится в собрании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в фондах ИРЛИ. Грибоедов изображен в 3/4 вправо, в очках, с книгой, опирающийся на спинку стула. Изображение в овале и в четырехугольнике. На изображении слева: «И. Хелмицкий». Под изображением гриф: «А. С. Грибоѣдовъ». Справа: «С акварельного портрета. Гравировал И. И. Хелмицкий». В качестве оригинала художник использовал портрет Грибоедова 1825 г. работы М. Теребенева. Гравюра была опубликована к 100-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, см.: Всемирная иллюстрация. 1895. Т. 53. № 2. С. 21.

27. Гравюра Серякова.

Находится в собрании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Оригиналом гравюры явился портрет Грибоедова работы И. Н. Крамского (холст, масло, 1873 г.). Комментируя публикацию портрета, М. И. Семевский в том же номере «Русской Старины» писал: «Долгом себе поставляем выразить И. Н. Крамскому глубокую признательность за сообщение редакции большой фотографической копии с его мастерского произведения. Копия в уменьшенном виде по формату „Русской Старины" исполнена С. Д. Левицким. Портрет рисован на дереве К. Ф. Брожем, гравировал его академик Л. А. Серяков». Портрет помещен в овале с подписью внутри овала: «Л. Серяков, 1874».

Была опубликована в журнале «Русская Старина» (1874 г. Май).

28. Гравюра с портрета Крамского.

В настоящее время в фондах ЦГТМ не числится.

29. Гравюра Грачева. — Государственный музей изящных искусств.

Находится в собрании Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и в фондах ИРЛИ.

Изображение погрудное, в 3/4 влево, в овале. В овале справа гриф: «Грачев». Внизу: «Грибоѣдовъ. род. 1795 г. + 1829 г.».

Воспроизведен в журналах «Живописное обозрение» (1879. № 4. С. 74), «Луч» (1890 г.).

30. Силуэт работы Н. Симонович-Ефимовой, 1920 г.

Сведений о портрете нет.

31. Силуэт работы В. В. А.

Находится в собрании ЦГТМ. Силуэт выполнен тушью на голубой бумаге с портрета работы Уткина. Изображение оплечное, в профиль. Надпись на обороте: «A. S. Gribojedoff. — V. A. Fecit Moscow, 1929». Вверху: «Дорогому Алексею Александровичу Бахрушину от Всеволода Арендта».

32. Бюст, гипс.

В настоящее время в собрании ЦГТМ не числится.

33. Бюст, бисквит.

Находится в собрании ЦГТМ. Изображение поясное. Автор — скульптор Н. Степанов.

34. Уменьшенная копия фигуры на памятнике в Тегеране работы Беклемешева. Бронза.

На выставку поступила от А. М. Святловской.

Сведений нет.

В фондах ВМП находится модель памятника работы скульптора В. А. Беклемешева (бронзированный гипс), сделанная в 1900 г.

Памятник воспроизведен в кн.: *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 1.

Иконография А. С. Грибоедова по каталогу выставки «А. С. Грибоедов и его время» ГИМ *

123. Грибоедов А. С. Позднейшее изображение работы И. Н. Крамского. Холст, масло.

Находится в ГТГ. Написан художником Крамским в 1873 г. по заказу П. М. Третьякова.

Рассказывая историю создания портрета, М. И. Семевский, издатель журнала «Русская Старина», близко знакомый с Крамским, писал: «Пересмотрев и сличив между собой все гравированные портреты Грибоедова, Крамской принужден был остановиться на литографированном портрете, приложенном к изданному Е. Серчевским „Собранию сочинений Грибоедова“ и снятом с акварели, рисованной по памяти артистом П. А. Каратыгиным. Сличив с этой литографией еще миниатюрный портрет на слоновой кости, снятый П. А. Каратыгиным с Грибоедова, художник на основании этих данных превосходно исполненным произведением постарался разрешить задачу трудную — написать *первый* действительно схожий портрет автора „Горя от ума“. Руководствуясь изустным рассказом П. А. Каратыгина о наружности Грибоедова, Крамской писал как бы „под диктовку" и воскресил талантливою кистью наружность славного писателя. Желая проверить себя и убедиться, действительно ли ему удалось уловить сходство, цвет и выражение лица, художник показывал портрет еще на мольберте некоторым лицам, лично знавшим Грибоедова, и все они были поражены удивительным сходством и тем выражением ума и грации, которым дышали черты Грибоедова».

Но не все современники художника разделяли восторженное отношение к портрету. «Крамской писал портрет Грибоедова с гравюры Уткина, — замечал П. А. Ефремов, — но испортил оригинал прибавкой высоты хохла над лбом. Это он сделал согласно рассказу П. А. Каратыгина, бывшего тогда при мне у М. И. Семевского».

* При воспроизведении аннотации Каталога сохраняется та нумерация, по которой числился портрет.

Портрет воспроизведен в кн.: А. С. Грибоедов в портретах, иллюстрациях, документах. Пособие для учителей средней школы/Под ред. В. Н. Орлова. Л., 1955.

131. Грибоедов А. С. Литогр. Изд. Мюнстера.

Находится в собрании ГИМ. См. раздел 1, № 24.

132. Он же. Гравюра Уткина. 1829.

Находится в собрании ГИМ. См. раздел 1, № 19.

133. Он же. Гравюра П. Константинова. 1857.

Находится в собрании ГИМ и в фондах ИРЛИ.

Поясное, в 3/4 влево, в очках, в сюртуке, в жилете, в белом жабо и черном галстуке. Внизу фон в виде облаков. Под изображением: «Грав. П. Константинов».

134. Грибоедов А. С. и Грибоедова Н. А. (жена писателя) (1812—1857). Фотография с рисунка.

158. Сдача контрибуционных сумм в г. Тавризе. Литография с рис. акад. В. И. Мошкова.

Находится в следующих музейных собраниях: ГИМ, ВМП, ГЛМ. Оригинал написан академиком живописи художником В. И. Мошковым, находившимся в составе русской миссии в 1828 г., в момент переговоров перед заключением Туркманчайского мира. Хранится в ГИМ. В 1830-е гг. по рисункам Мошкова были выполнены литографии. Лист «Сдача контрибуционных сумм в г. Тавризе» литографирован К. П. Беггровым.

Грибоедов изображен в фас, в центре, сидящим за столом. Воспроизведено в кн.: А. С. Грибоедов в портретах и иллюстрациях.

159. Свидание Паскевича с Аббас-мирзой в Дей-Каргане. 5-й справа Грибоедов. Литография К. Беггрова с картины В. И. Мошкова.

Находится в следующих музейных собраниях: ГИМ, ВМП, ГЛМ.

Воспроизведено в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 221.

160. Заключение мира в Туркманчае 10 февраля 1828 г. Литография с рис. В. И. Мошкова.

Находится в следующих музейных собраниях: ГИМ, ВМП, ГАМ. Литография выполнена художником К. С. Осокиным. Грибоедов изображен сидящим за столом, на переднем плане первым справа.

Воспроизведена в кн.: Лит. наследство. Т. 47—48. С. 223.

II

Материалы по иконографии А. С. Грибоедова, не попавшие на выставки или появившиеся после 1929 г.

1. А. С. Грибоедов. Бумага, карандаш. Рисунок М. Д. Резваго на списке «Горе от ума», сделанного А. И. Черкасовым. 1825.

Находится в собрании ГЛМ. Грибоедов изображен в профиль, под портретом — свиток нот и на нем очки Грибоедова. Справа монограмма художника (MR, 1825). На первом листе, над заглавием комедии, сохранилась дарственная надпись: «Милостивой государыне Софье Павловне Дарауер сия комедия в вечное и потомственное владение от начавшего копировать ее. Апреля 30 дня 1825 г. С. П. бург, вечер 9 часов». Подпись неразборчиво. Подпись установлена: А. И. Черкасов, член северного и южного обществ.

Воспроизведено в кн.: *Гладыш И. А., Динесман Т. Г.* Горе от ума. Страницы истории. М., 1971. С. 30.

2. А. С. Грибоедов.

Бум., акварель. В. И. Мошков (?). Авторская копия (?). 1827 (?).

Находится в собрании Краеведческого музея г. Зугдиди (Грузинская ССР).

Изображение поясное, в овале, в 3/4 влево, в халате, в белой рубашке с шейным платком. По манере письма и трактовке образа много общего с портретом работы В. И. Мошкова. Отличия в деталях одежды и костюма (другой халат, шейный платок поверх рубашки, отсутствует курительная трубка). По мнению И. С. Зильберштейна, авторство В. И. Мошкова бесспорно. (Пушкин и его друзья/Под ред. И. С. Зильберштейна. М., 1937. С. 32—33). По легенде, портрет был передан Екатерине Дадиани ее сестрой, Н. А. Грибоедовой на память о Грибоедове. В музей был подарен потомками Дадиани. Портрет не воспроизводился. Впервые о нем сообщ. И. Ениколопов. «Портрет Грибоедова в Зугдидском музее»//Заря Востока. Тбилиси, 1936. 12 ноября.

См.: Огонек (1983. № 3. С. 17), Лит. Грузия (1983. № 3. С. 221).

3. А. С. Грибоедов. Гравюра. Неизв. худ. 1839.

Находится в собрании ВМП. Портрет, выполненный резцом на стали (поясное изображение, в 3/4 влево, в восьмиугольнике), был приложен ко второму миниатюрному изданию «Горе от ума», вышедшему в свет в 1839 г., к 10-летию со дня гибели писателя. Комментируя его публикацию, во вступительной статье к изданию К. Полевой писал: «Желая всеми зависящими от нас средствами познакомить соотечественников наших с незабвенным Грибоедовым, мы прилагаем к изданию нашему портрет его, гравированный на стали в Англии. Надобно заметить, что оригинал нашего портрета был написан за несколько лет до смерти Грибоедова. В 1828 году совсем не был он так полон, и оттого черты лица его казались выразительнее». По замечанию Булгарина, этот гравированный портрет «списан с портрета», находившегося у сестры писателя, М. С. Дурново, сведений о котором до нас не дошло.

4. А. С. Грибоедов. Холст, масло. Художник Поливанов. 1854—1859.

Находится в собрании ВМП. Оригиналом портрета явилась гравюра Уткина. На портрете повторено поясное изображение Грибоедова, в 3/4 влево. В каталоге Литературного музея ИРЛИ, где до 1953 г. находился портрет, сохранился комментарий к нему, составленный Б. Л. Модзалевским: «А. С. Норов, в бытность свою министром, заказал художнику Поливанову написать с небольших гравюр портреты масляными красками в натуру несколько литераторов (Лермонтова, Гоголя, Грибоедова) для украшения приемной залы Министерства. Дата написания портрета определяется годами, когда Норов был министром народного просвещения (1854—1858)».

5. А. С. Грибоедов. Холст, масло. Художник Л. С. Игорев. Вторая половина XIX в.

Находится в Литературном музее ИРЛИ. Изображение поясное, в 3/4 вправо, в очках, с орденом Анны 2-й степени на шее, правая рука на крышке ларца с арабской вязью, на котором рассыпаны золотые монеты. На холсте надпись: «Л. Игоревъ».

Портрет был выполнен художником академиком живописи Л. С. Игоревым (1822—1893), хорошо знакомым с прижизненной иконографией Грибоедова. Трактовка образа Грибоедова относится к последнему периоду его жизни, после успешного заключения Туркманчайского мира: отсюда введение ордена св. Анны 2-й степени и золота на ларце, полученных Грибоедовым наград. Загадочной остается только надпись на ларце арабскими буквами, которая не поддается прочтению. Видимо, художник, не владея языком, срисовал буквы, символизируя связь Грибоедова с Востоком.

Воспроизведен фрагментарно в журнале Огонек (1979. № 7. февраль. С. 15. См. там же: Ковалевская Е. А.).

6. А. С. Грибоедов.

Грав. на дереве. Рис. П. Борель, грав. К. Крыжановский.

Находится в фондах ИРЛИ.

Изображение погрудное, в 3/4 влево, в круге, в четырехугольной рамке. С грав. Н. И. Уткина.

Воспроизведено в журнале Всемирная иллюстрация (1875. Т. 13. № 2).

Под портретом на картоне надпись рукою П. А. Ефремова: «Крамской рисовал портрет Грибоедова для Третьякова с гравюры Уткина, но испортил оригинал прибавкой высокого хохла надо лбом.

Это он сделал согласно рассказу П. А. Каратыгина, бывшего тогда (при мне) у Семевского М. И.».

7. А. С. Грибоедов.

Гравюра.

Находится в фондах ИРЛИ.

Поясное, в 3/4 влево. В очках, в сюртуке, с книгой, облокотившийся на спинку стула. С оригинала работы М. Теребенева.

Под изобр.: «Гравированъ у Ф. А. Брокгауза вь Лейпциге», внизу факсимиле подписи.

Вышел в приложении к Полному собранию сочинений А. С. Грибоедова. Пб., изд. А. Ф. Маркса, 1892 г.

8. А. С. Грибоедов.

Грав. на дереве. В. Матэ.

Находится в Литературном музее ИРЛИ.

Погрудное, в 3/4 влево, в сюртуке, в высоком галстуке, в очках. С ориг. И. Н. Крамского. Справа: «В. Матэ».

9. А. С. Грибоедов.

Бум., кар. Б. Л. Модзалевский. 1892 г.

Находится в фондах ИРЛИ.

Изображение поколен., в 3/4 влево, в очках, в сюртуке, в полосатом жилете, в высоком воротничке, сидит боком на стуле, закинув левую руку за спинку его, с книгой. Восходит к оригиналу М. И. Теребенева. На изобр. чернилами: «30 августа 1892. Б. М.». Под изобр. чернилами: «1795—1829». Карандаш. гриф. «Грибоъдовъ/22».

II. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГРИБОЕДОВА

В. А. Кошелев

А. С. ГРИБОЕДОВ и К. Н. БАТЮШКОВ (К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КОМЕДИИ «СТУДЕНТ»)

В 1948 г. Н. В. Фридманом была высказана гипотеза о том, что в художественной структуре комедии А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» (1817) содержатся яркие пародийные элементы, направленные против только что вышедшего первого (прозаического) тома «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова.[1]

Гипотеза эта, учтенная в некоторых изданиях Грибоедова, впоследствии была довольно основательно забыта. В недавних работах С. А. Фомичева[2] и В. П. Мещерякова,[3] по-разному освещающих вопрос о прототипе главного персонажа, она даже не упоминается. Между тем она приобретает несомненный интерес, если рассматривать комедию Грибоедова и Катенина как этап сложной и неоднозначной полемики «архаистов» и «новаторов».[4]

Комедия «Студент», написанная в июне—июле 1817 г., была несыгранным эпизодом литературной борьбы эпохи. Она не была поставлена (по предположению Н. К. Пиксанова, именно потому, что «была переполнена намеками на личности»[5]) и, вероятно, нигде, никак и никем из авторов не распространялась. До нас дошел единственный список «Студента» — и никаких упоминаний или даже намеков современников. Полновесная комедия в трех действиях, в которой содержались яркие

---

[1] *Фридман Н. В.* 1) Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820 гг.//Учен. зап. МГУ. М., 1948. Вып. 127. С. 191—195; 2) Проза Батюшкова. М., 1965. С. 56—59.

[2] *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума» (Комедия «Студент»)//От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 88—98.

[3] *Мещеряков В. П.* 1) А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX в.). Л., 1983. С. 41—51; 2) Новое о Грибоедове// Русская литература. 1985. № 1. С. 200—201.

[4] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 34—45.

[5] *Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч.: В 3 т./Под ред. и с прим. Н. К. Пиксанова, И. А. Шляпкина. СПб., 1911—1917. Т. 1. С. 292. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Соч. С.).

художественные находки, позволяющие считать ее важнейшим этапом «творческой предыстории» «Горя от ума» (С. А. Фомичев), не была пущена в «дело».

Рассуждения обоих исследователей сопровождаются оговорками о том, что появление «Студента» было «связано с одним мелким эпизодом журнальной борьбы»,[6] в центре обоих версий появляется фигура «литератора, отнюдь не принадлежащего к законодателям литературных вкусов».[7] Но в этом случае замысел Грибоедова и Катенина представляется по меньшей мере странным: отвечать полновесной пьесой на какой-то фельетон, написанный «мелким» литератором и напечатанный во второстепенном журнале, — не лишка ли, даже если учитывать некую «личную заинтересованность» оскорбленных драматургов? И потом «забыть» о написанной комедии и никак ее не использовать (что очень не похоже на Грибоедова, который несколько месяцев спустя пустил по рукам «фасесию», направленную против Загоскина же)?

Для первых десятилетий XIX в. использование пьесы как формы литературной полемики сопровождалось поисками новых полемических возможностей, которые представлял собственно драматургический жанр. Пьеса становилась трибуной для широкой литературной борьбы не потому, что драматург не мог найти какую-либо другую трибуну (подобных «трибун» у Шаховского, например, было более чем достаточно), а потому, что сценическая литературная полемика соединяла возможности литературной пародии и памфлета и, следовательно, оказывалась гораздо значимее. В «Липецких водах», например, пародия на стихи Жуковского соединялась с емкой сценической фигурой «жалкого» Фиалкина, который был вовсе не похож на Жуковского, — но это соответствие навязывалось особенностями собственно драматического жанра. Такого рода насмешка оказывалась направленной на «личности» и становилась особенно острой. Не случайно в ряду полемических выступлений «архаистов» первыми стоят комедии Шаховского, вызвавшие необходимость организации особого литературного общества, полемически противостоявшего именно драматической полемической установке (вне ее оказывается непонятной, например, «арзамасская» установка на театрализацию).

Поэтому литературно-полемические ассоциации «Студента» оказывались тесно связанными, во-первых, с сюжетом комедии, во-вторых, с субъектом пародии и памфлета — фигурой ее главного героя Евлампия Аристарховича Беневольского.

Смысл «Студента» — в том, что его герой, витающий в условно-литературных «эмпиреях», — оказывается эксцентричным, несерьезным и просто неумным в применении к живой

---

[6] *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума». С. 88.

[7] *Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие. С. 42.

действительности с ее далекими от условной литературной модели персонажами (каковы Звездовы, Саблин, Полюбин, Федька и пр.). Комедийная «глупость» Беневольского и его экстравагантность в бытовой атмосфере современного петербургского общества оказываются обусловленными именно его «прикосновенностью» к литературе, причем к литературе определенного сорта, которую Грибоедов и Катенин не принимают. В этом смысле ни Корсаков, ни Загоскин не укладывались в типологию странного поведения Беневольского: Корсаков, в восприятии К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского, — молодой «нахал»,[8] Загоскин при всех чертах провинциализма, воспринимался современниками как внешне «правильный» и трезво мыслящий человек.[9]

Кроме того, установка на литературную полемику в драматическом жанре требовала «узнаваемости» выводимого на сцену персонажа, например, особого сигнала узнаваемости (вроде стихотворений Фиалкина), дававшего возможность сопоставить его с выведенным на сцене «лицом»; причем «лицо» это в сознании зрителей должно быть четко определено. Скандал на представлении «Липецких вод» оказался возможным только потому, что стихи Жуковского были узнаны, а сам Жуковский — тут же сопоставлен с «жалким Фиалкиным». «Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, — пишет Ф. Ф. Вигель, — на которого обратилось несколько нескромных взоров. Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена...»[10] Ничего подобного не могло произойти на представлении «Студента» ни с Корсаковым, ни с Загоскиным: их не «узнали» бы просто потому, что не «знали». Журнальный псевдоним был известен очень узкому кругу лиц, да и при подобной установке сценического восприятия похожесть псевдонима выполняет роль второстепенную: Жуковский никогда не выступал под псевдонимом Фиалкин, однако же его моментально узнали.

Так что строить на основании похожего псевдонима гипотезу о близости героя «Студента» с Корсаковым или Загоскиным вряд ли возможно. Беневольский — говорящая фамилия, построенная на латинской основе, могла быть и не связана с «Северным наблюдателем».

1

Согласно гипотезе Н. В. Фридмана, именно «Опыты в прозе» Батюшкова стали основой для утрировавших их стилистику речей героя Грибоедова и Катенина. В тексте комедии исследо-

---

[8] В письме к П. А. Вяземскому от 27 июля 1814 г. Батюшков пишет о своей работе над сценарием праздника в Павловске: этот сценарий, несмотря на возражения Батюшкова, правили Державин и «какой-то Корсаков, который примешал свое» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1416, л. 67 об.).

[9] *Аксаков С. Т.* Биография М. Н. Загоскина. М., 1853. С. 14.

[10] *Вигель Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 62.

ватель отыскал ряд подтверждений этому наблюдению. Ограничимся их перечислением. 1. Сочинения Беневольского трижды в комедии названы «опытами» (Соч. С. 165, 168, 215), причем в конце пьесы оказывается, что герой выпустил уже отдельную книжку «Опыты в прозе и стихах». 2. Журналы, в которых Беневольский помещает свои «опыты», — виднейшие журналы «карамзинистского» круга, в которых печатался также и Батюшков (как и Беневольский — под инициалами). 3. Н. В. Фридман указал на три явные реминисценции из Батюшкова в тексте «Студента», которые намекали на содержание прозаического тома «Опытов...» Батюшкова: описание Петербурга, сопоставимое с аналогичным описанием в «Прогулке в Академию Художеств»; упоминание маркизы дю Шатле, героини очерка Батюшкова «Путешествие в замок Сирей»; рассуждение Беневольского о «развитии людскости», напоминающее аналогичное рассуждение Батюшкова в «Речи о влиянии легкой поэзии на язык».

Но эти наблюдения Н. В. Фридмана не объединены общей концепцией и, главное, не дают ответа на вопрос: какой же смысл имело для Грибоедова и Катенина это пародирование прозы Батюшкова в контексте литературной борьбы эпохи? Поэтому не лишне вновь обратиться к тексту «Студента» и к этим наблюдениям.

Так, Грибоедов и Катенин высмеивают не столько название «Опыты...», сколько общий контекст называния собственных «безделиц» — «опытами». Они склонны видеть здесь авторское кокетство Батюшкова: многочисленные «ужимки» по поводу предлагаемых сочинений, в то время как в глубине души автор чрезвычайно гордится ими. Название идет от Монтеня. Из него же взят эпиграф, предпосланный прозаическому тому (приводим в переводе с французского): «И если меня никто не прочитает, потерял ли я мое время, проведя столько часов в полезных или приятных размышлениях?» На фоне двойной отсылки к великому французскому мыслителю фраза: «никто меня не прочитает» — воспринимается иронически — тут уж поневоле прочитаешь! Вслед за эпиграфом — предисловие издателя (Н. И. Гнедича): «Скажу только, что случай, доставивший мне средства предпринять сие издание, я почитаю счастливейшим в жизни, ибо уверен, что удовлетворю желание просвещенных любителей словесности».[11] Ср. ироническую реплику Полюбина, «положительного» персонажа комедии Грибоедова и Катенина (Полюбин только что признался, что вообще не читает журналов): «Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского» (Соч. С. 168). Какими же «опыты» могут быть, если не «счастливыми»? «Успех» как бы запрограммирован их неумеренной рекламой. Неважно, что и как пишет Беневольский — важно, как преподносятся публике его творения. Не случайно же он заявляет о себе: «...я здесь известен»

[11] *Батюшков К.* Опыты в стихах и прозе. СПб., 1817. Ч. 1. С. 1—2.

(Соч. С. 215). Так что именование сочинений героя «опытами» имеет глубокий смысл и направлено именно против «Опытов...» Батюшкова.

Глубокий полемический смысл имеет и частое упоминание в «Студенте» журналов «Вестник Европы», «Сын Отечества» и «Российский музеум». Дело не только в том, что произведения Батюшкова печатались преимущественно в этих журналах, но и в том, что каждая публикация их в 1815—1817 гг. преподносилась публике как явление безусловно выдающееся и не подлежащее обсуждению с этой точки зрения. Так, статья «Нечто о морали, основанной на философии и религии» сначала появилась в «Российском музеуме» (1815. Ч. 4. № 12. С. 236—256), потом была перепечатана в «Сыне Отечества» (1816. Ч. 28. № 9. С. 81—106) со следующим предисловием издателя: «Издатель С. О. получил сию статью из Москвы при следующей записке: „Препровождаю к Вам *русское сочинение*, достойное быть напечатанным во всех русских журналах. Сочинитель его хочет быть неизвестным. Помещением оного в „Сыне Отечества“ вы одолжите многочисленных читателей сего журнала. Москва. Февраля 15, 1816“. Исполняя желание неизвестного, издатель свидетельствует ему при сем благодарение свое за сей подарок и жалеет, что публика лишена удовольствия знать, кому она обязана сею прекрасною статьею».[12] Когда же Н. И. Греч узнал о своей оплошности, он поместил следующее объявление: «По напечатании первого листа нынешней книжки увидели мы, что статья „Нечто о морали, основанной на философии и религии“ помещена уже в 12 книжке „Российского музеума“, и теперь только поняли желание сообщившего нам оную — „чтоб она была помещена во *всех* русских журналах“. Мы не жалеем о том, что повторили ее: изложенные в ней истины можно прочесть несколько раз, и всегда с новым удовольствием».[13] Год спустя та же статья вышла в составе «Опытов...». Естественно, что подобная назойливость (да еще вкупе с неумеренными похвалами) была воспринята как самореклама Батюшкова.

В «Студенте» эта тема детально развивается. «Разумный» персонаж комедии Полюбин специально оговаривается, что не читает ни названных журналов «и не то, что на это похоже» (Соч. С. 166). Беневольский в ответ на это усиленно советует не пренебрегать «Сыном Отечества»: «Зачните его читать, сделайте одолженье, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке» (Соч. С. 167). Совет двусмысленный: чтение журнала, чуждого Грибоедову и Катенину, поможет избавиться от чересчур «здравого рассудка». Далее, в разговоре с гусаром Саблиным, Полюбин, иронизируя над незадачливым писателем, вновь перечисляет эти журналы. Беневольский кокетничает: «Помилуйте, вы меня в краску вво-

[12] Сын Отечества. 1816. Ч. 28. № 9. С. 81, прим.
[13] Там же. С. 119—120.

дите вашей похвалою», «Пощадите скромность поэта», «Хоть это все очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу» (Соч. С. 168). Наконец, Саблин резюмирует по-военному: «И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?» (Соч. С. 168).

Рассуждения Батюшкова, введенные в текст речей главного героя «Студента», также очень функциональны. Сравните:

Беневольский «Сердце имеет свою память. Вы приметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? — в нем слышали вы голос пиитической совести» (далее следует реплика: «Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала») (Соч. С. 171).

Батюшков («О лучших свойствах сердца»): «Эта память сердца есть лучшая добродетель человека и не столь редка, как полагают некоторые строгие наблюдатели».[14]

Беневольский «С успехами просвещения, с развитием людскости, все пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна» (тирада прерывается нетерпеливым вопросом: «...что вы хотите сказать?») (Соч. С. 183).

Батюшков («Речь о влиянии легкой поэзии на язык»): «...язык идет всегда наравне с успехами оружия и славы народной, с просвещением, с нуждами общества, с гражданскою образованностью и людскостию».[15]

(«Нечто о морали...»): «все природа вам отдана снова: вот эмблема неверия и веры <...> сойдите и пройдите сквозь сию ничтожную преграду паров и призраков; она уступит вам без сопротивления; она исчезнет...»[16]

Авторы «Студента» создают «высокие» медитации героя с их претензией на глубокую философичность, отталкиваясь от действительных этико-философских рассуждений Батюшкова. При этом Грибоедова и Катенина не удовлетворяет не столько сама система подобных рассуждений, сколько форма их подачи — условная и изощренная метафоризация. Именно она оказывается в их глазах врагом естественности в искусстве: подобные метафоры становятся символами «условности», недопустимой в жизни. Наделяя Беневольского этой «условностью» сверх меры, Грибоедов и Катенин в качестве «шаблона» для ее развенчания разумели прежде всего писателя типа Батюшкова.

Вот восприятие этой метафоризации Катениным. На полях стихотворения Батюшкова «Мечта», возле строк:

Ночь сладострастия дает тебе призраки,
И нектаром любви кропит ленивы маки, —

Пушкин заметил, что «Катенин находил эти два стиха достойными Баркова».[17] Батюшкову и в голову не могла прийти воз-

[14] *Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1885. Т. 2. С. 142.
[15] Там же. С. 238.
[16] Там же. С. 139—140.
[17] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 270.

можность натуралистического истолкования этой изощренной метафоры. Для этого нужно было трезвое «катенинское» видение образа, совершенное отсутствие представления об условности поэтического языка (представления, в целом естественного для уровня поэтического сознания начала XIX в.). Умение стать свободным от условной поэтической изощренности в свою очередь требовало не меньшей изощренности практической.

А вот характерный пассаж Грибоедова. В письме к Н. А. Каховскому от 3 мая 1820 г. он сообщает о смерти доктора Кастальди, иронически описывает «чин погребения» и замечает: «М [азарович] сочинил эпитафию по-латыни, я русскую:

Из стран Италии — отчизны
Рок неведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни...
Далеко от своих смерть близкую обрел!

Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина:

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала. —
И доктора Кастальдия не стало!»

(Соч. С. 526)

У Грибоедова налицо противопоставление «исторической истины», заключающейся в прямом, без обязательных поэтических условностей, описании факта, — и длинного непрямого изображения, затемняющего факт и потому «дурного». Первая эпитафия не просто поэтична «по-батюшковски», но идет от характерных батюшковских «надписей» типа:

И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минуты радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастие сулила:
Но что ж досталось мне в сих радостных местах? —
Могила!

От родины его отторгнула судьбина;
Но лилиям отцов он всюду верен был...

О! милый гость из отческой земли!
Молю тебя: заметь сей памятник безвестный...

Иронически звучащая эпитафия Грибоедова построена на том же приеме сочетания антонимичных понятий, что и у Батюшкова (отчизна — чужбина; далеко — близкая и т. д.), создающем атмосферу условной возвышенности. Но подобная же «возвышенность» речений Беневольского, неестественная в бытовых ситуациях, составляет основу комизма в «Студенте».

2

Странное бытовое поведение Беневольского опять-таки содержит намеки на «Опыты...» Батюшкова, которые в восприятии Грибоедова и Катенина предстают ярчайшим художественным

выражением творческих устремлений «карамзинизма» вообще и поэтому осознаются в контексте основных особенностей литературы «карамзинского» направления, выделяясь, однако, как последняя «новинка».

Так, Беневольский постоянно мечтает о дальнейшей своей карьере, последовательно собираясь стать то «государственным человеком» («Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за бояриноам Матвеевым?») (Соч. С. 168), то военным («О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт!») (Соч. С. 170), то бескорыстным служителем муз («Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной...») (Соч. С. 207). Все эти возможности служения «добру» с упоминанием имен того же ряда (Леонид, Филипп Македонский, Лас-Казас, Говард, Долгорукий, Еропкин и т. д.) разбираются в очерках Батюшкова «О лучших свойствах сердца» и «Нечто о поэте и поэзии»; автор рассуждает о них возвышенно и горячо.

«Разумные» же персонажи «Студента» готовят Беневольскому другую участь: «Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе» (Соч. С. 179—180). Условно-литературное, метафорическое представление «карамзинизма» о жизненном «поприще» применяется к действительному положению конкретного «студента», и это неожиданное сопоставление разных возможностей осмысления житейского «поприща» вызывает комический эффект. В конце концов Беневольский получает место корректора в типографии и произносит горестный риторический вопрос относительно своих юношеских мечтаний: «...куда вы исчезли, заманчивые?..» (Соч. С. 217). Представление о «службе» оказывается несовместимо с мечтами о «поприще».

Грибоедов и Катенин как бы противопоставляют «поэтическую», условную ориентацию прозы карамзинистов естественной, «прозаической» ориентации действительной жизни. Вот первая фраза, как бы представляющая зрителю Беневольского:

«Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?» (Соч. С. 158—159).

Перед нами — типичный для карамзинизма описательный образ: вместо «швейцар» — «человек, вооруженный длинным жезлом», вместо «барин» — «господин здешнего дому». Такого рода перифразы часто встречаются в «Письмах русского путешественника» Карамзина, в сентиментальных «путешествиях», в «Опытах...» Батюшкова («Путешествие в замок Сирей», «Прогулка в Академию художеств»). Но в бытовой обстановке такого рода «представление» швейцара или барина оказывается

нелепым, и когда литературные «условности» становятся основой бытового поведения, тогда возникают и всякого рода экстравагантности вроде переодевания Беневольского на улице, у дверей дома Звездова (образец такого переодевания находим в «Письмах русского путешественника»[18]).

С этой точки зрения Беневольский противопоставлен «практическому» человеку — своему слуге Федьке. Перед нами условные «прозаик» и «поэт» в их отношении к жизни:

«Федька. ...есть хочется, ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь...» (Соч. С. 162).

Так, сочинив свое стихотворение, Беневольский начинает рассуждать возле заснувшего от его стиха Федьки: «Он спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремления, этого позыва души — туда! к чему-то высшему, незнаемому! — Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввыспрь из среды обыкновенности!» (Соч. С. 211). Это рассуждение конспективно повторяет некоторые мысли статьи Батюшкова «Нечто о поэте и поэзии».[19] Авторы «Студента» высмеивают это «вознесение ввыспрь», ибо оно оказывается далеко не безобидным в современной литературной политике и не нужно в современной литературе. Это «вознесение ввыспрь» невозможно без оборотной стороны, к которой устремлены мечтания Беневольского: «блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью», поиски «женщин милых, любительниц талантов», пропаганда «стишков маленьких, легких», стремление попасть в ряды «стихотворцев, которые уже стяжали себе громкую славу в двадцати, в тридцати из лучших домов», литературное «меценатство», желание получить «пенсион» за литературные труды и т. д. (Соч. С. 160—161). Видимый отрыв от «физических потребностей» оказывается пустой декларацией, ибо само «вознесение ввыспрь» способно принести немалые практические выгоды. Оно отнюдь не противоречит житейскому практицизму: «...здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят... Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звездова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за все придется важная сумма» (Соч. С. 161). Ближайшим «адресом» этого намека стало объявление о подписке на «Опыты...» Батюшкова, «которых, — как отмечал «Сын Отечества», — с нетерпением ожидают все истинные любители словесности».[20]

Интересно, что комедийный герой комедии «Студент» сам собирается писать комедию о встреченных им «трезвых» людях:

---

[18] Наблюдения над пластом прозы Карамзина в «Студенте» принадлежат Ю. П. Фесенко.

[19] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 2. С. 118—122.

[20] Сын Отечества. 1817. Ч. 39. № 28. С. 63 (вышел 13 июля).

«Какой сюжет для комедии богатый!» (Соч. С. 169). По мысли Грибоедова и Катенина, если бы Беневольский и вздумал написать комедию, то она вышла бы неестественной, удаленной от жизни, — как удален от нее, при всей условно литературной практической «цепкости», сам ее герой. Эта позиция авторов «Студента» раскрывает то попутное замечание, которое Грибоедов обронил в заметке «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады „Ленора“» (1816): «Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни взглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос...» (Соч. С. 367). Беневольский оказывается персонифицированным образом этих «мечтаний», органически противным «натуре».

В ткань прозаической комедии очень своеобразно вводятся стихи, которые читает Беневольский. Так, «любуясь на пожитки», неуклюже расставленные в гостиной Звездовых, он читает начальные строки «Моих Пенат» Батюшкова (Соч. С. 196), а собираясь на попойку с Саблиным, цитирует «Певца во стане русских воинов» (Соч. С. 196) и послание «К Батюшкову» Жуковского; цитаты воспроизведены неточно, по памяти, но это именно цитаты, а не пародии. Герой «Студента» как бы выступает от лица похожих на него поэтов, которые, по мнению Грибоедова и Катенина, в принципе, все одинаковы. Поэтому он «сыплет» цитатами из стихов Жуковского и Батюшкова, В. Л. Пушкина и Карамзина, из «Певца» А. С. Пушкина, только что опубликованного. Само же сочиняемое им «стихотворение» представляет собой концентрацию «ходячих» мотивов поэзии арзамасского круга.[21] Грибоедов и Катенин дают образец пародийной стилизации под «среднее» стихотворение карамзинистов, которое объединяет несложные мотивы «эпикуреизма», «мечтательности», «идеальности» и т. п. Но эти мотивы даются опять-таки в столкновении с «трезвой» житейской логикой, выразителем которой становится Федька, слушающий создание свого хозяина и по-своему его комментирующий:

«Беневольский. ...Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем лакеем, да вишь и увезли его» (Соч. С. 209).

«Беневольский. Души и чувств прельщением,
Как легким сновиденьем...

Федька. ...мне давича такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!» (Соч. С. 210).

Федька не просто «снижает» выспренние слова и образы — он демонстрирует иной уровень их восприятия. «Карамзинизм» непременно ставится в бытовые рамки — и обыденные «друж-

---

[21] Ю. Н. Тынянов поместил это стихотворение в качестве пародии на элегию Жуковского «Уединение» (Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв./Под ред. Ю. Тынянова. М.; Л., 1931. С. 199—203). Такая безусловная отсылка к Жуковскому вряд ли оправдана.

бы» и «сновидения» изнутри взрывают само «вознесение ввыспрь». Вот строки из стихотворения Беневольского:

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза<...>

(Соч. С. 210—211)

Их источник — стихи из послания Жуковского «К Батюшкову»:

Там ландыши перловы,
Там розовы кусты,
Тюльпан, нарцисс душистый
И тубероза — чистой
Эмблема красоты...

«Сколько цветов поэзии! А?» — спрашивает Беневольский. Федька покорно соглашается: «Нечего сказать, что много цветов-с» (Соч. С. 211). Метафорические «цветы поэзии» Федьке недоступны, а для авторов — просто смешны. Дело здесь не в том, что одно перечисление «цветов» не создает «цветов поэзии» — дело в разрушении самой изысканной «цветистости» литературы «карамзинистского» направления.

3

Однако с точки зрения задач литературной полемики для Грибоедова и Катенина гораздо интереснее оказывалась именно проза «карамзинистов» и прежде всего «Опыты в прозе» Батюшкова, ставшие едва ли не единственным прозаическим выступлением литературного общества «Арзамас». Уже по одному этому они привлекли к себе внимание и сторонников «Арзамаса», и его противников. Если стихи Жуковского или Батюшкова, воспринимаясь на фоне обширной «стиховой» традиции «Арзамаса» как образцовые, вызвали лишь хвалебные отзывы сторонников и «умолчание» противников (как «Стихотворения Василия Жуковского» или «Опыты в стихах» Батюшкова), то проза Батюшкова, лишенная этого традиционного «фона», уже при самом появлении своем вызвала отзывы и мнения самые разноречивые. «Арзамасцы» и литературные деятели, близкие к кружку, поспешили объявить прозу Батюшкова «образцовой»; [22] деятели ранних декабристских обществ во многом выявили несогласие с ее идеологической стороной; [23] собственно же литера-

[22] Как можно судить из ответных писем Батюшкова, его прозу восторженно оценили В. Л. Пушкин, А. Н. Оленин, И. И. Дмитриев, И. И. Мартынов и ряд других писателей (см.: *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. С. 455—476).

[23] См. замечания Н. М. Муравьева на полях «Опытов...», частично приведенные Л. Н. Майковым (*Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 2. С. 443—445 и след.).

турные противники «Арзамаса» (каковыми выступили «младшие архаисты») поспешили выразить негативное отношение к сборнику Батюшкова и с позиций внутрилитературных, с точки зрения задач «образования языка».

Дело осложнялось еще и тем, что проза Батюшкова, сочетавшая в себе традиции западной моралистической прозы «просветителей» с новыми романтическими тенденциями, становилась очень нетрадиционной в ряду прозаических выступлений его времени и была воспринята как шаг вперед в сравнении с «Письмами русского путешественника» Карамзина. Отказ от «сюжетного» повествования,[24] разработка преимущественных жанров историко-культурного очерка, искусствоведческого «эссе», историко-литературной статьи, «воспоминания» об эпизодах прошлого — все это ориентировало на отражение действительности «от первого лица» с непосредственно названным и выделенным структурообразующим «я» автора. Облик «я» между тем не мотивируется ни фигурой «путешественника», ни обликом спорщика-моралиста, ни каким-либо иным способом. Позиция «я», впитывая традиции французской моралистической прозы, одновременно склоняется к пародированию их, к парадоксу романтической иронии, пронизывающей художественное повествование. Проза Батюшкова представила переходные формы русской романтической прозы — и в этом смысле оказалась действительно весьма уязвимой для не принявших ее «трезвых» младоархаистов; причем уязвима именно в отношении к авторскому «я».

Так, структурно-речевой тип прозы Батюшкова в комедии Грибоедова и Катенина преображается в выспренних речах Беневольского, которые включены в нарочито бытовую, «заземленную» житейскую ситуацию, оттеняющую их неуместную витиеватость. Сам комедийный «шаблон» в данном случае играет роль второстепенную: «Студент» оказывается ярко выраженной «комедией характеров», среди которых образ Беневольского играет особую роль. Как в «Горе от ума» «25 глупцов на одного умного человека», так и в «Студенте» все персонажи противопоставлены Беневольскому: вне зависимости от их умственных и нравственных качеств, как «трезвые», житейски мыслящие люди — экстравагантному и «странному» человеку, витающему в условных, оторванных от действительности, литературных и ученых эмпиреях. Вот характерный пассаж:

«Беневольский. ...Я прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право...

Полюбин. Право, не надобно ни столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник» (Соч. С. 166).

---

[24] Единственное из дошедших до нас «сюжетное» произведение Батюшкова повесть «Предслава и Добрыня» (1810) в «Опыты...» включено не было.

Действительно, в чем-чем, а в малообразованности Беневольского не обвинишь: много читал, сыплет именами, многое «прошел». Но знание это, оторванное от действительных жизненных нужд, становится мнимым: «...не надобно ни столько прав, ни столько политики», надо лишь уметь естественно воспринимать жизнь — и в ней можно многого добиться. Беневольский этого не умеет — и поэтому его действительная начитанность и знание обращаются в свою противоположность. Поэтому понятие «студент», поставленное в заглавие комедии, оказывается расширительным. Формально Беневольский уже не студент: он «прошел полный курс» обучения в Казанском (провинциальном) университете и теперь устраивается на службу. Но внутренне он — «студент», ибо ложная, далекая от «натуры» учено-литературная направленность его знаний настолько глубоко вкоренилась в его личность, что стала как бы его вторым «я», от которого ему не избавиться. Это студент в смысле «студенческая кровь»; именно это выражение употребил Грибоедов в одной из позднейших эпиграмм:

Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы».

(Соч. С. 333)

Шире — это «студенческая» направленность литературной продукции, мнимая работа, мнимая ученость, мнимая талантливость. Подобного типа фигура — уже с другим освещением — была позже представлена Н. И. Надеждиным в облике «экс-студента Никодима Надоумко».[25]

В высказываниях Катенина и Грибоедова мы найдем много «уколов» подобному «нежитейскому» восприятию действительности литераторами чуждого круга. Вот единственный пример. В «Путевых письмах к С. Н. Бегичеву» (1819), рассказывая о «персидской учтивости» некоего Мегмед-бека, Грибоедов замечает: «Карамзин бы заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским» (Соч. С. 407). «Студенческая кровь» Карамзина, Жуковского и иже с ними противопоставляется естественному восприятию нормального человека.

Для Катенина же фигура Батюшкова в эту ситуацию вписывалась и биографически. С 4 июля 1806 г. до 3 марта 1810 г. П. А. Катенин вместе со старшим братом Григорием служил в канцелярии Министерства просвещения, где служил и Батюшков.[26] Они были знакомы и, вероятно, дружны: в письмах к Н. И. Гнедичу (бывшему сослуживцем Катенина и Батюшкова в 1806 г.) Батюшков часто спрашивает о «маленьком Катенине» (о Павле, младшем брате) и дает высокую оценку его «дарованию».[27] Батюшков, в ту пору недавний провинциал, окончив-

[25] *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972.
[26] ЦГИА, ф. 733, оп. 86. д. № 114.
[27] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. С. 43, 55, 142 и др.

ший второразрядный петербургский пансион, пользовался покровительством М. Н. Муравьева и вел жизнь «беспечного баловня»,[28] посещавшего модные литературные салоны и публиковавшего юношеские стихи. После 1806 г. Катенин и Батюшков не встречались до 1818 г., когда между ними произошла какая-то ссора.[29] В пору работы над «Студентом» представление о личности Батюшкова у Катенина было сходно с тем, которое отразилось в облике Беневольского-«студента».

Однако, соглашаясь с подобной оценкой, нельзя целиком игнорировать и мысль Л. Н. Майкова, едва ли не впервые обратившегося к изучению полемики Гнедича и Грибоедова: «Вообще этот спор носит на себе резкий отпечаток времени: личные отношения играли в нем более видную роль, чем различие или сходство литературных мнений».[30] Учет же этих «личных отношений» позволяет по-иному отнестись к известным уже фактам, заставляет обратить внимание по крайней мере, на три существенных литературно-бытовых момента.

1. Статья «О вольном переводе Бюргеровой баллады „Ленора“» не была подписана и, вероятно, авторство Гнедича скрывалось. В письме Батюшкова к Гнедичу от начала августа 1816 г. встречаем ряд указаний на это: «Я угадал птицу по полету. Свидетели тебе Вяземский и Пушкин. При них, прочитав критику на „Ольгу“, сказал: это Гнедич, либо Никольский, но скорее первый. И Вяземский, и Пушкин благодарят неизвестного от всей души». Несколько ниже: «Ходи, как Кромвель, в кирасе под платьем, не то умереть тебе под ножом писателей. Муравьев пишет ко мне каждую неделю и ныне спрашивает: кто автор критики на „Ольгу“? Он полагает, что это я, но я отрекусь, разумеется». Еще ниже: «Не страшись: мы никому не скажем наших догадок о сочинителе критики и не навострим кинжалов».[31] Как явствует из этого письма, Батюшков ознакомился не только с «Критикой» Гнедича, но и с «антикритикой» Грибоедова.

Указания Батюшкова очень «говорящие». Он отвечает Гнедичу на не дошедшее до нас письмо; в письме к ближайшему другу Гнедич ни словом не обмолвился о «критике»; Батюшкову пришлось «угадывать» его, да и то по признакам второстепенным (в разборе Гнедича цитируются две строки из ранней редакции ненапечатанной сатиры Батюшкова «Видение на брегах Леты», когда-то посланной Гнедичу и пр.); кандидатуру другого возможного автора «критики», П. А. Никольского (1790—1816), Батюшков отвел, потому что Никольский с начала 1816 г. находился в тяжелой болезни, а в июле — умер. Авторства Гнедича не «угадал» даже Никита Муравьев, в то время очень

---

[28] Там же. С. 67.

[29] См. письмо Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому от 28 июля 1918: Старина и новизна. Исторический сборник... Пг., 1917. Кн. 22. С. 29.

[30] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. С. 739 (прим.).

[31] Там же. С. 390—391.

близкий к Гнедичу и часто с ним общавшийся; более того, Муравьев предположил авторство Батюшкова, что тоже понятно: Батюшков был признанный член «Арзамаса», Гнедич же в тот период воспринимался «арзамасцами» весьма критически.[32] В сложившейся литературной ситуации от Гнедича не ждали подобного выступления: следуя «арзамасской» логике, он должен был выступить не защитником Жуковского, а его антагонистом: именно за неожиданную поддержку он «удостоивается» благодарности Вяземского и В. Л. Пушкина.

Поэтому для Грибоедова анонимный автор «критики на „Ольгу"» оказался, скорее всего, неугаданным: в его ответе, очень остром и нелицеприятном по тону, нет ни одного намека на Гнедича. «Критика» была воспринята как идущая непосредственно из лагеря «арзамасцев», и автор ее конструировался как последовательный «карамзинист».

2. В своей «антикритике» Грибоедов часто возражает не столько конкретным обвинениям Гнедича балладе Катенина «Ольга», сколько сконструированной им самим позиции «карамзинистов», представляющихся ему в облике «взыскательных неотвязчивых читателей» (Соч. С. 369). Поэтому в сравнении со спокойным и остроумным тоном «критики» ответ Грибоедова выглядел весьма задиристо. По поводу неприятия Гнедичем жанра баллады Грибоедов ядовито заметил: «...я не знал до сих пор, что чудесное в поэзии требует извинения» (Соч. С. 365). Но Гнедич обличал вовсе не «чудесное в поэзии», а мнимопоэтическое пристрастие к «ужасному»; «Какой ряд предвижу я убийц и мертвецов, удавленников и утопленников!» и т. д.[33] По поводу восклицания «ах!» в стихе Катенина «умер ли, ах! я умру» Грибоедов заметил, что оно «не пó-сердцу» рецензенту, ибо «вырывается от души» (Соч. С. 365). Гнедич между тем говорил совсем о другом: «Почему вы знаете, что поэт не хотел изобразить, например, как говорят люди спросонья — ведь Ольга только что проснулась. Для такого намерения... это *ах*! прекрасно! этот стих совершенно зевает». Грибоедов доказывает грамматическую правильность выражения «*под звон* колоколов» (Соч. С. 364). Но Гнедич выражал сомнение другого рода: «Когда же это было <...> чтобы войска входили у нас в города *под звон* колоколов?.. Итак, рать маршировала под звон колоколов», Гнедича не удовлетворила не грамматика, а образ: маршировать «под звон колоколов» невозможно! Подобных «образчиков логики г. рецензента» (Соч. С. 364), сконструированных Грибоедовым без учета действительной логики Гнедича, довольно много.

Поэтому естественным для статьи Грибоедова оказался и переход к развенчанию принципов поэтики Жуковского: он вер-

---

[32] См., например: Арзамас и Арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 128—129.

[33] «Критика» Гнедича цитируется по тексту первой публикации (Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 1—27).

но увидел в нем «половинчатое положение новатора-реформиста, сглаживающего острые углы литературных вопросов».[34] Поэтому мертвец в «Людмиле» похож на «аркадского пастушка» (Соч. С. 374), «живому человеку нельзя быть любезнее» (Соч. С. 372), а слова и рассуждения самой героини знаменитой баллады «почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать?» (Соч. С. 371). Причем Жуковский по литературной позиции объединяется с автором рецензии.

3. Но тут же Грибоедов совершает тактический промах, идущий опять-таки от того, что он не имел представления о действительном авторе «критики на „Ольгу"» и о его особенной позиции. В центре рассуждений Гнедича был вопрос о балладе как жанре, чуждом для русской литературы. В доказательство этого тезиса рецензент сочувственно цитирует «Урок волокитам» Загоскина, показывает «странный выбор предметов» в балладах вообще, приводит «погрешности» в балладе Жуковского «Людмила», соотнося их с «погрешностями» оригинала Бюргера, в которых готов видеть «картины в самом деле странные и несообразные с вероятием нашего народа». Следующий затем разбор «Ольги» имеет целью доказать не то, что Катенин плохой поэт, который по собственному произволу «испортил» оригинал, — но то, что сам оригинал не дает возможности для создания хорошего русского произведения. Рецензент выступает против самого замысла Катенина: приблизить «Ленору» к русским нравам и русскому языку, — сам жанр баллады не дает возможностей для такого «приближения». Отсюда многочисленные указания на «несообразности», типа: «В „Вестнике Европы" жених, чтоб обвенчаться, обходит *налой*, а в „Сыне Отечества" *олтарь*. Поэт из огня попадает в полымя. Налоя, имеющего эпитет венчального, у нас так же нет, как и погребального, а олтари у нас обходят только во время крестного ходу». Характерно, что Грибоедов подобные замечания Гнедича не оспаривает вовсе, как бы не видит их...

«Критика» Гнедича заканчивается той же мыслью о несоответствии жанра баллады русской поэзии: если уж непременно нужна баллада, то пусть лучше она будет привычной балладой Жуковского «Людмила» (которая «во многих местах нравится более, нежели самое сочинение Бюргера»), чем «новой „Ленорой"» в лице «Ольги»... Грибоедов, не понявший «осложненной» позиции Гнедича, воспринял лишь внешнюю сторону «критики» — предпочтение Жуковского Катенину. Восприняв это, он со всем молодым пылом накинулся на балладу Жуковского, от которой весь сыр-бор разгорелся, и сделал «в подражание рецензенту „Ольги"» ряд резких замечаний в адрес «Людмилы». Именно заключительная часть «антикритики» Грибоедова возмутила «арзамасских» друзей Жуковского.

---

[34] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 38.

Однако при этом Грибоедов в сущности лил воду на мельницу Гнедича! Тот двусмысленно высказался о балладе вообще, а о балладах Жуковского заметил, что их надуманность и неестественность искупаются лишь «красотой стихов». Грибоедов подверг язвительному сомнению и эту «красоту стихов», чем поставил точку под замыслом осторожного Гнедича: то, что рецензент «Ольги» не решился сказать сам, он сделал чужими руками, спровоцировав подобную «антикритику». Не случайно, что после статьи Грибоедова полемика о балладе затихла сама собой, — предмет для спора оказался исчерпан. Не случайно и то, что позднее, вплоть до 1820-х гг., появлялись лишь статьи, направленные против жанра баллады как такового. [35]

Батюшков превосходно понял логику и задачи статьи своего приятеля. Если В. Л. Пушкин в приписке к цитированному выше письму Батюшкова к Гнедичу призывал «бранить и наказать» «рыцаря Грибоедова», то сам Батюшков заметил: «Жаль только, что ты напал на род баллад. Тебе, литератору, это непростительно. Все роды хороши. Грибоедову не отвечай ни слова; и Катенин по таланту не стоил твоей прекрасной критики... Надобно бы доказать, что Жуковский поэт... тогда все Грибоедовы исчезнут». [36] Батюшков сам (в отличие от других «арзамасцев») относился к балладам Жуковского очень скептически (хотя и предпочел «примирительную» позицию), и понял тактическую победу Гнедича.

Гипотеза о «присутствии» Батюшкова в структуре комедии Грибоедова и Катенина «Студент» весьма интересно соотносится с другими «темными» моментами биографии и творчества Грибоедова.

Комедия писалась в июле 1817 г., 5 августа Катенин выехал (вместе с полком, где он служил) в Москву, с 9 июля Грибоедов начинает службу по ведомству Коллегии иностранных дел, 24 августа Батюшков приезжает из Хантонова в Петербург, в конце сентября выходит в свет второй, стихотворный том «Опытов...»

В письме к Катенину от 19 октября 1817 г. (Соч. С. 501—503) Грибоедов пишет о многочисленных литературных и нелитературных новостях: об «ахинее» Загоскина (рецензии на «Молодых супругов»), о своей «фасесии» против него, о «Пустодомах» Шаховского, о вечерах Шишкова, о подстрочном переводе «Семелы Шиллеровой» для А. А. Жандра и т. п. Но — ни слова о «Студенте». В первых строках, однако, Грибоедов упоминает о каком-то не дошедшем до нас предыдущем письме его к Катенину, которое было писано «не в духе» и могло обидеть приятеля. Далее Грибоедов роняет загадочную фразу: «Согла-

---

[35] Примеры их см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 148—155; *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 340 и след.; Русская литература XIX в.: Хрестоматия критических материалов. Харьков, 1959. Вып. 1. С. 124.

[36] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. С. 390—391.

сись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать» (Соч. С. 501).

О каких «новостях» идет речь? Если только о катенинских — то с чего «беситься» Грибоедову? Вероятно, речь идет о чем-то совместном, чем Катенин один был не вправе распоряжаться. Если мы предположим, что это литературные «новости» (а отношения Грибоедова и Катенина в тот период были прежде всего литературными), то, скорее всего, такой «новостью» могла быть комедия «Студент» (единственный дошедший до нас список которой хранился у Катенина).

Если же речь идет о «Студенте», то бешенство Грибоедова вполне объяснимо. Катенин в Москве вращается в кругах, близких к «Вестнику Европы» (Грибоедов даже просит его опубликовать там «фасесию», отвергнутую в петербургской печати). Литературная же Москва в восприятии Грибоедова — это прежде всего круг «холопов „Вестника Европы“», не чуждых «студенческих» настроений. Но если Катенин готов был (как в случае с публикацией «Ольги») вновь делать выпады литературным противникам, то Грибоедов, уловивший перемены литературной политики и тактики, посчитал это в данный момент ненужным и «взбесился».

Предположение это не более, чем гипотеза, но помогает объяснить и еще одну странность — известное свидетельство С. Н. Бегичева о том, что какие-то сцены «Горя от ума» были написаны еще в «доперсидский» период жизни Грибоедова. Анализируя это свидетельство на фоне образов «Студента», С. А. Фомичев пришел к выводу о правильности предположения Н. К. Пиксанова о том, что это свидетельство относится к другим опытам драматурга.[37] Возможно, что оно относится к тому же «Студенту»: список его Катенин, вероятно, давал читать тому же Бегичеву (в цитированном письме к Катенину Грибоедов указывает, что Бегичев «приятель» с «Вестником Европы») (Соч. С. 503). Так что эпизодическое знакомство Бегичева со «Студентом» могло впоследствии трансформироваться и «совместиться» с будущим «Горе от ума».

Однако осознание Грибоедовым задач «литературной тактики» не исчерпывает всех сложностей отношения его к проблематике «Студента». Намеченный здесь идеологически-литературный спор сказался на «странностях» литературной позиции Грибоедова вообще.

Поворот той же «студенческой» темы, опять-таки связанный с Батюшковым и его прозой, находим в единственном развернутом собственно литературном выпаде в комедии «Горе от ума» — в характеристике Репетиловым одного из членов «секретнейшего союза», собирающегося «по четвергам» у «князь-

---

[37] *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума». С. 97—98; *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М.; Л., 1928. С. 77.

Григорья». Эти строки писались летом 1823 г. и практически без изменений вошли в основной текст:

Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец! да он не пишет ничего;
Вот этаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать:
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок*, *взгляд* и *нечто*.
О чем бишь *нечто?* — обо всем;
Все знает; мы его на черный день пасем.

(Соч. С. 89—90)

Ближайшим литературным «адресатом» этого выпада оказывается ходячее представление о Батюшкове. *«Гений»*, который *«не пишет ничего»*. После 1817 г. Батюшков ничего не опубликовал под своим именем; представление о нем как о «замолкшем» поэте печатно утвердил П. А. Плетнев в 1821 г. в элегии «Б......в из Рима».[38] В 1823 г. Батюшков уже был в состоянии психической болезни, но этот факт оставался известен лишь друзьям поэта и тщательно скрывался от литературной общественности. Субъективное пожелание: *«Вот этаких людей бы сечь-то!»* — в отношении к Батюшкову часто высказывалось его друзьями. *«Все знает...»* — указание на эрудицию, проявившуюся в прозе Батюшкова и, по мысли Грибоедова, мнимую. *«Мы его на черный день пасем...»* — высказывание от лица некоей литературной группировки, избравшей Удушьева своим литературным «знаменем»; в качестве «знамени» «арзамасцев» чаще всего выступал именно Батюшков.[39]

Наконец, *«Отрывок, Взгляд и Нечто»*. С. А. Фомичев в комментарии к «Горю от ума» перечислил статьи Н. И. Греча, появившиеся в «Сыне Отечества» в 1824 г., в названии которых содержатся эти элементы.[40] Пример явно случайный: в традициях русской журналистики в начале 1820-х гг. довольно прочно утвердилась эта система обозначений прозаических статей. Но сама эта традиция восходила опять-таки к «Опытам в прозе» Батюшкова, где было представлено своеобразное единение «отрывка», «взгляда» и «нечто». *«Нечто... обо всем»* — это уже прямой намек на статьи Батюшкова: «Нечто о поэте и поэзии», «Нечто о морали, основанной на философии и религии», «О лучших свойствах сердца», «О характере Ломоносова» и т. д. — действительно «нечто обо всем»!

Это указание на Батюшкова было для Грибоедова очень значимым. Находившийся «в несогласии сам с собою», стремив-

[38] Сын Отечества. 1821. Ч. 68. № 8. С. 52.

[39] См. указание М. П. Алексеева: Лит. наследство. М., 1982. Т. 91. С. 657—658.

[40] *Фомичев С. А.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М., 1983. С. 171.

шийся и себе, и другим разъяснить сложную жизненную позицию свою — в том числе и в структуре образов «Горя от ума» — Грибоедов постоянно вынужден «отделять» Чацкого от его мнимых сторонников, внешне на него похожих. При этом «отделение» оказывается тем ярче и злее, чем внешне ближе оказывается Чацкому изображаемый персонаж. Чацкий именно потому так явно противопоставлен «шумному» Репетилову, что может создаться впечатление об излишней болтливости самого Чацкого. Очень «зло» введен в комедию Ф. И. Толстой-Американец: намек на «лицо» специально брошен: «Не надо называть: узнаешь по портрету...»; он тоже признан негативно «отделить» Чацкого от круга золотой молодежи: герой Грибоедова — вовсе не бреттер и не «дуэлист». Удушьев-Батюшков «отделен» от Чацкого по чисто внешним показателям «всезнайства» и рассуждения «обо всем» — отделен не как «лицо», а как носитель чуждой Грибоедову традиции.

И не только традиции. Реальные черты репетиловского «секретнейшего союза» проецируются Грибоедовым как «московские» черты: Репетилов попадает в дом Фамусова как бы одновременно и из «шумного заседанья» в доме «князь-Григория», и из Английского клуба. Между тем ни один из исследователей, проецировавших черты «секретнейшего союза» на реальные объединения «золотой молодежи» (или на ранние декабристские организации), не искал их в Москве, поскольку таковых в Москве 1820—1823 гг. практически не было.[41] Однако нечто подобное отыскивается в более ранний период. В феврале 1816 г. Батюшков, живущий в Москве в доме И. М. Муравьева-Апостола, пишет о том, что вокруг него организовался своеобразный литературный кружок: «Пушкины у меня бывают ежедневно, Толстой, Меншиков и Окунев. Соковнин дня три пропадал; вчера приехал ко мне пьяный, занял у меня сто рублей и отправился на болото, а потом на имянины к Апраксину...».[42] Здесь описывается одно из «около-арзамасских» объединений, возникшее среди московской молодежи и на короткий период сблизившееся с Батюшковым, Вяземским и другими «арзамасцами», жившими в Москве.

Состав этого объединения не менее пестр, чем состав «секретнейшего союза», и напоминает его не только тем, что здесь упомянут Ф. И. Толстой, но и самой случайностью соединения разных лиц. В. Л. Пушкин и А. М. Пушкин — поэты старшего поколения. Г. А. Окунев — автор посредственных французских стишков, которые любил читать, по замечанию Вяземского, «с большим восторгом и с произношением несколько гасконским».[43] Князь А. С. Меньшиков — флигель-адъютант Александра I. С. М. Соковнин, посредственный поэт, прославившийся своим неприличным ухаживанием за В. Ф. Вяземской. Описы-

[41] *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 420—436.
[42] *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т. 3. С. 371.
[43] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1886. Т. 8. С. 489.

вая «секретнейший союз», Грибоедов наделяет его чертами подобных «окололитературных» объединений случайных лиц, никакого отношения к декабристским организациям не имевших. Признаки его членов оказываются намеренно разнородными: у одного «вся английская складка», другой «поет? о! диво!», третий «крепко на руку нечист», четвертые «чудесные ребята», о которых «не знаешь, что сказать» (Соч. С. 89) и т. д. Словом,

Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,
А во-вторых таким вещам научат,
Каких конечно нам не выдумать с тобой.

(Соч. С.91)

Давая реальные жизненные «отсылки» к конкретным членам этого общества, Грибоедов как бы заново моделировал тот «портрет» чуждых литераторов, который стал основным противником его в полемике о «балладе» и в «несыгранной» полемике «Студента». Корни внутреннего «несогласия самого с собою», попытки переосмыслить своих друзей и переопределить «врагов» брали начало именно в «первых шагах» грибоедовского творчества. Так что речь шла не о «традициях», а о теперешнем Грибоедове, формирующемся, познающем себя соотносительно с собственным прошлым.

Именно на этом пути идеологически-литературного спора с «легкой поэзией», отталкивания от нее и ее переосмысления возникали и элементы «учебы» Грибоедова у Батюшкова, которые были подмечены Л. Н. Майковым, Н. В. Фридманом, С. А. Фомичевым.[44] Указаны совпадения некоторых художественных принципов поэзии и прозы Батюшкова и драматургии Грибоедова, выявлен ряд соответствий мотивов «Горя от ума» и очерка Батюшкова «Прогулка по Москве», афористических высказываний из его писем, раннего батюшковского «Перевода I-й сатиры Боало» и поздней «Элегии». Показательно, что Грибоедов не знал этих произведений: они были найдены и опубликованы уже во второй половине XIX в.

Выступая против Батюшкова, Грибоедов выступал не столько против самого поэта, сколько против того литературно-бытового образа Батюшкова, который закрепился в сознании воспринимающей эпохи. Его оппонентом стал не столько Батюшков, сколько ознаменованное им «направление». Но и здесь Грибоедов не стал только однолинейным и безусловным «противником», ибо спор его с Батюшковым осложнялся преодолением собственных эстетических противоречий. На пути этого «преодоления» как раз и возникали те «странные сближения», которые дают основания для сопоставления творческих обликов этих двух ярких русских поэтов.

---

[44] *Майков Л. Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. 2-е изд. СПб., 1896. С. 80—82; *Фридман Н. В.* 1) Проза Батюшкова. С. 45—64; 2) Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 69—72; *Фомичев С. А.* К творческой предыстории «Горя от ума». С. 96—97.

Я. Билинкис

«ГОРЕ ОТ УМА» В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Есть часто цитируемые слова К. Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны». Далее Маркс разъяснил: «...намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно».[1]

Положение это может быть отнесено к любому виду развития. При одном, однако, условии — когда речь идет о развитии художественном, нельзя говорить о «более высоком» и «низшем» в привычном смысле. Тут требуются ограничения. Язык ведь не повернется сказать, что «Горе от ума» просто «ниже» хотя бы и «Войны и мира» или романов Достоевского. Великая грибоедовская комедия — вовсе не «недоразвившийся» Островский и не «зачаточный» Чехов. Она живет и значима сама по себе, в своей целостности и единственности. За ее пределом и в иных соотношениях, в «составе» иного целого содержавшиеся в ней «начала» выглядят и живут уже по-другому. Но увидеть эти «начала» в «Горе от ума» рождающимися, представить себе «состав» грибоедовского создания историко-литературная перспектива помогает в немалой степени.

Больше того, мы и не можем сейчас читать, к примеру, «Пиковую даму», отрешившись от того, что «потом» было написано «Преступление и наказание». Два таких факта литературного процесса вступают в нашем сознании в связь настолько уже неразрывную и естественную, настолько постоянную, что и не всегда даже замечаемую. Так что предлагаемая тема, собственно, лишь выводит «наружу», делает явственной одну из «сторон» в наших отношениях с грибоедовской комедией, неотменно присутствующую, обязательную в любом последующем восприятии литературного прошлого вообще.

1

Грибоедов-драматург, как известно, начал свою деятельность обычными для десятых годов девятнадцатого века переводами-переделками с французского. Близки к ним оказались и оригинальные его пьесы той ранней поры. Все это были произведения «с интригой», с персонажами активными и деятельными. Но активность их сосредоточивалась всецело на устройстве собственных частных дел и судьбы. Фабула и сюжет оставались совершенно условными. Любовные коллизии не принадлежали

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 12. С. 731.

определенным характерам и не вводили их. Хотя уже развертывание интриги и проявления своей инициативы у действующих лиц говорили о новых устремлениях в русском обществе, о назревавшей потребности в людях, готовых к самостоятельному выбору и способных его совершить.

Комедия «с интригой» приходила к нам и утверждалась на русской почве как французская по происхождению — именно во Франции совершилась в самой классической форме антифеодальная революция, широко открывшая путь личностным развитиям по всей Европе. «...весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции, — отметит В. И. Ленин. — Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...».[2] «Мы вместе с Францией гордимся Французской революцией»,[3] — скажет в наши уже дни М. С. Горбачев в беседе с представителями французской общественности.

Героя «Горя от ума» на встречу с фамусовской Москвой Грибоедов приводит после трехлетнего пребывания его на Западе, впечатлениями от которого тот был, по-видимому, совершенно поглощен — за все эти три года он не написал в Россию ни слова. Вспомним, какими новыми для русских глазами, с какой уже широтой смотрел на Европу времен Французской революции Карамзин и как принципиально отличался этот взгляд хотя бы от фонвизинского.

Со свежим и новым взглядом является и Чацкий из-за границы. И еще: герой, так сказать, «дозрел» до любви. Он несется сейчас в Москву к Софье, с которой его связывают лишь полудетские общие воспоминания, как на крыльях. Душевное состояние его изливается удивительными стихами о том, как он торопился, как мчался в ветер и бурю.

Европейский опыт помог Чацкому и выработать новые понятия, и подняться до высокого индивидуального чувства. Развитие и развертывание личности берется Грибоедовым широко, и ему найдены в самом деле основательные опоры.

Потом в разных случаях Чацкого будут играть на сцене то борцом и идеологом, то пылким влюбленным. Дальнейшее историческое движение мало будет способствовать целостному развитию и целостному восприятию человека. Но в «Горе от ума» становление русской личности взято как охватывающее всего человека, пусть при этом стихии любовного чувства и не была отпущена ее собственная мера.

Когда Вл. И. Немирович-Данченко будет сетовать на то, что «большинство актеров играют» Чацкого «резонером», «перегру-

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 367.

[3] Встреча М. С. Горбачева с представителями французской общественности.//Правда. 1987. 30 сентября.

жают образ значительностью Чацкого как общественного борца», «как бы играют не пьесу, а те публицистические статьи, какие она породила»,[4] то он будет прав и в констатации сложившегося положения, и в стремлении своем вернуться к той целостности образа, какая «Горем от ума» задается. Впрочем, и самому Немировичу-Данченко, когда он впервые ставил Грибоедова на сцене Художественного театра, не удалось избежать сужения и односторонности — здесь Чацкий оказался почти что только влюбленным. Предложенная грибоедовской комедией как норма цельность личностного развития остается и посейчас задачей, от разрешения достаточно далекой. Утверждение Аполлона Григорьева, что Чацкий — «единственное *героическое* лицо нашей литературы»,[5] полно еще и поныне непреходящего исторического и художественного смысла.

О Чаадаеве (к связи с ним грибоедовского героя мы еще вернемся) О. Мандельштам в черновиках своей статьи о нем пометил: «Чаадаев был первым русским, в самом деле, идейно, побывавшим на Западе и нашедшим дорогу обратно. Современники это инстинктивно чувствовали и страшно ценили присутствие среди них Чаадаева.

На него могли показывать с суеверным уважением, как некогда на Данта: „Этот был там, он видел — и вернулся...“.

Чаадаев знаменует собой новое, углубленное понимание народности, как высшего расцвета личности, и России как источника абсолютной нравственной свободы. Наделив нас внутренней свободой, Россия предоставляет нам выбор, и те, кто сделал этот выбор, — настоящие русские люди, куда бы они ни примкнули. Но горе тем, кто, покружив около родного гнезда, малодушно возвращается обратно».[6]

Сказанное здесь во многом может быть отнесено к Чацкому. Да, фамусовская Москва не оценила появления Чацкого. Никто не испытал к нему «суеверного уважения». Но он-то «был там, он видел — и вернулся». И он окажется причастен к «пониманию народности, как высшего расцвета личности, и России как источника абсолютной нравственной свободы».

Усвоив на Западе новые для России просветительские представления, Чацкий ждет, жаждет теперь от своей страны ее собственного исторического движения, не подражательного по отношению к Западу, но самостоятельного, самобытного, выражающего особенное, свое, своеобразное. Можно, наверное, утверждать, что именно встреча с Западом сделала для Чацкого столь нестерпимым современное ему положение в России, побудила к нетерпеливой требовательной вере в ее собственные возможности. Таким образом, «Горе от ума» оказалось в непосредственном преддверии исторической коллизии западники — славянофилы.

[4] А. С. Грибоедов в русской критике. М., 1958. С. 297.
[5] Там же. С. 234.
[6] *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 268.

По поводу этой коллизии на страницах сегодняшнего журнала, в рецензии на новейшее исследование о славянофильстве, можно прочесть, что «в нашей науке этот вопрос до сих пор не решен исчерпывающим образом. Неясно, является ли русская культура частью общеевропейской культуры или же, несмотря на активное восприятие европейских идей на протяжении многих веков своего развития, она остается самостоятельной культурной единицей. Ни один из двух традиционных, полярных по своей сути ответов нас удовлетворить не может».[7]

В грибоедовской комедии никакого ответа и быть не может. Но вопрос, тот самый вопрос, уже встает. И Чацкий потому и возмущен всяческими заимствованиями, следованиями иноземной моде, что в самом деле проникся представлениями о постоянных переменах, о непрерывном движении, хочет всего этого же, но идущего изнутри, рождающегося заново в России. Перемены же, которые ему суждено обнаружить (приобретение новой роли Молчалиным и Скалозубом, внимание к Молчалину Софьи), его лишь обескураживают.

То, что очень скоро станет в одном случае западничеством, в другом — славянофильством, живет еще в Чацком нерасчлененно, неотграниченно одно от другого. Чем и отмечается исходная внутренняя связь обоих этих направлений, первоначальное даже их родство. А герой предстает не адептом какого-то одного течения, хотя бы и достаточно широкого, но не слишком счастливым выразителем глубиннейших и долговременных устремлений всей русской жизни, мучительно искавших свою дорогу. Гоголь скажет в «Выбранных местах из переписки с друзьями», что «Горе от ума» обличило «дон-кишотскую сторону нашего европейского образования».

Вульгарные социологи вменят Чацкому в вину его отношение к Молчалину, усмотрят тут зло сословного аристократизма. В 20—30-х гг. нашего века они не сумеют увидеть человека иначе, как в тесных рамках его классовой принадлежности. На самом деле в «Горе от ума» герой противостоит Молчалину, опираясь на то чувство собственного человеческого достоинства, которое в разночинцах тогда было развито неизмеримо меньше, чем в тех, кто имел за собою шестисотлетнее дворянство или что-нибудь вроде того.

«Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»[8] назовет В. И. Ленин Белинского. Только после Белинского определится у русских разночинцев их общественное самосознание. Тогда у Жадова из «Доходного места» Островского без каких бы то ни было прямых европейских воздействий появятся свои принципы и установки, хотя и он еще будет нетверд в их защите. Молчалин же

---

[7] *Ерофеев В.* От полярностей к смыслу//Новый мир. 1987. № 9. С. 257—258.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

весь нацелен на то, чтобы как можно скорей прикрыть свою безродность карьерой, самому о безродности этой забыть. И не за безродность совсем презирает его Чацкий. Норма человека, как открывалась она просветительскому сознанию, действительно оказывалась осуществленной в гораздо большей степени в Чацком, чем в Молчалине. Условия жизни в свете многим такое и поддерживали. Не случайно же Белинский в статьях о Пушкине столь вроде бы неожиданно произнесет панегирик светскому воспитанию. Уж Белинского-то в сословном аристократизме заподозрить вряд ли возможно...

«Горе от ума» обнаружило неизбежность крушения иллюзий и надежд Чацкого во встрече его с фамусовской Москвой. При этом действенно заявили себя и права самой «живой жизни», какая она реально есть, пусть предъявляемые к ней требования и проистекают из самых передовых понятий. Грибоедов с необходимостью вышел к обычному, будничному, повседневному человеческому существованию — и выяснилось, что у того, при низменности здесь многого, есть также и свое очарование: в простоте и патриархальной непосредственности отношений между людьми, в способности радоваться тому, что жизнь сама по себе дает, и еще и еще...[9] И так как все это открывалось под весьма и весьма далекими от совершенства, достойными обличения и осмеяния формами общественного уклада, то получалось, что у реальности, у жизни всегда есть и некие непреложные преимущества даже перед самыми высокими умозрениями. Грибоедовская комедия «изнутри», так сказать, себя обретала свой философский смысл, ограничивая в их значении любые отвлеченные построения, кладя начало тому содружеству с жизнью, какое будет свойственно затем всей русской литературе XIX столетия и в произведениях Пушкина, Тургенева, Островского, Достоевского, Толстого, Чехова составит их едва ли не главный «пафос» (если воспользоваться известным понятием Белинского).

История Чацкого в самой комедии не замкнута фабульными границами. Выше уже упоминалось о значении европейского периода жизни героя. А в конце своего московского пребывания он оказывается в разладе с собою самим. Догадываясь, что становится подчас смешон, он с тревогой обращается к Софье: «Я сам? Неправда ли, смешон?» И, получив утвердительный ответ, тотчас же снова принимается ораторствовать:

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож...

Остановившись на мгновение, «не впрямь ли я сошел с ума?» — спрашивает он уже у самого себя.

---

[9] См. об этом подробно: *Билинкис Я.* Драматургия А. С. Грибоедова// Грибоедов А. С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены. Л., 1987.

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто все еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями... чего-то ожидаю, —

путается Чацкий в словах в последнем своем монологе. Призрак возможного действительного безумия маячит перед ним. Актеры разных времен — от П. А. Каратыгина до В. П. Долматова — играли в Чацком нарастающую по ходу действия странность поведения.

Но эта возможность для него не единственна, не безусловна.

На репетициях по возобновлению в 1924—1925 гг. в Художественном театре спектакля «Горе от ума» Н. М. Горчаков записал такой диалог В. И. Качалова, который на этот раз играл Репетилова, с К. С. Станиславским, советовавшим актеру взглянуть по роли на Чацкого как на своего будущего соперника в Английском клубе:

«В. И. Качалов. Почему я, Репетилов, должен видеть в Чацком врага?

К. С. Потому что он собирается играть вашу роль.

После небольшой паузы, вызванной неожиданным ответом Константина Сергеевича, Василий Иванович, как-то очень пристально вглядываясь в выражение лица Станиславского, сказал:

— Я не предполагал, что Репетилов настолько умен, чтобы видеть в Чацком своего соперника на общественном поприще...

К. С. А что бы стал делать Чацкий, если бы остался в Москве? Поехал бы в Английский клуб?

В. И. Качалов. Вероятно, поехал бы...

К. С. Выступил бы в кружке князя Григория?

В. И. Качалов. Возможно, что и выступил бы...

К. С. Разнес бы в пух и прах Репетилова?

В. И. Качалов. Если бы не было более подходящего объекта, то обрушился бы и на Репетилова.

К. С. Вот в предчувствии всего этого Репетилов и предпочитает заняться сам «уничижением» себя. Чацкий не захочет повторять про Репетилова то, что тот сам про себя наговорил».[10]

Как видим, и приход в Английский клуб для Чацкого тоже отнюдь не исключен.

И, по-видимому, два приведенных и далеко не совпадающих варианта дальнейшей судьбы героя совсем не исчерпывают того, что Чацкого может ожидать, что с ним может произойти.

Предположения, «заложенные» на этот счет в «Горе от ума», оказались обращенными, в частности, и к развернувшейся поздней жизненной истории Чаадаева, которая почти невероятным образом совместила в себе разное из того, что в качестве альтернативных возможностей «мерцало» Чацкому. Объявленный

---

[10] Ежегодник Московского Художественного театра. 1948. М., 1951. С. 198.

безумным, Чаадаев и одиноко появлялся в светских гостиных, в том же Английском клубе, и продолжал вещать и пророчествовать, и уединенно пересматривал свои взгляды, пытаясь не отстать от времени, и впадал в приступы отчаяния, и, ломая свою эгоцентрическую натуру, тянулся в «человечье общежитье...»

Сама жизнь словно бы дописывала грибоедовскую комедию, подтверждая ее, вводя разного рода дифференцирующие и интегрирующие тенденции, ведя ее дело дальше.

2

Афронта, полученного им в Москве, Чацкий никак не предполагал. В своих высказываниях поначалу он ведь был только искренен, только откровенен. Не возмущался, а лишь недоумевал, повидав мир, московской неизменности. Москва, однако, удивит Чацкого и своей готовностью подняться против него, злобно ощериться и напасть.

Маркс говорил, что «высший героический порыв, на который еще способно было старое общество, есть национальная война».[11] И не кто-нибудь, а декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол спустя уже достаточно долгий срок после 1812 г., прочтя в первом из «Философических писем» Чаадаева рассуждения об отсутствии у России прошлого и будущего, убежденно заявит: «Человек, который участвовал в походе 1812 года и который мог это написать, — положительно сошел с ума».[12] Толстой в 1860-е гг., желая показать в истории пример широкого национального единства, обратится к поре 1812 г. и сможет там подобное единение действительно найти...

Чацкий, три года в Москве не бывший, и представить себе не мог, как примет она его. Его суждения покажутся сразу же и дикими, и опасными. И уважения к ним никто здесь не испытает ни малейшего. Ведь даже о грандиозных нововведениях Петра, многое в России перестроивших, историк Ключевский скажет: «Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем бесправии, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента свободного лица, гражданина».[13] Откликнуться Чацкому, понять его было некому. Так и возникла конфронтация его со всем его московским окружением.

На наших глазах в грибоедовской комедии разворачивается собственно процесс разделения прежде единой русской культуры на те две противостоящие друг другу культуры, на которые

---

[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 17. С. 365.
[12] *Тарасов Б.* Чаадаев. М., 1986. С. 372.
[13] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 356.

у каждой исторически развитой нации указывал В. И. Ленин. При этом и роль личности тоже радикально менялась.

В «Грозе» Островского потребуются собственная энергия и усилия Катерины Кабановой, чтобы поднять попираемые или в лучшем случае пренебрегаемые старые нормы нравственности, когда новые еще не сложились. И Катерина подымет их и обрушит их во всей их суровости на себя самое, коль скоро уместиться в них она уже не может.

Раскольников в «Преступлении и наказании» чувствует себя ответственным за состояние мира. Стук его сердца отвечает даже тому, как светит месяц на небе. И он обязывает себя что-то немедленно предпринять, если мир, по его мнению, устроен дурно. Пусть Достоевский заставит своего героя раскаяться в его решениях и образе действий. Подвига Раскольникова,[14] его готовности отвечать за все, что происходит «при нем», это не отменяет.

Анна Каренина в трудный и горький свой час «беспрестанно» повторяет: «Боже мой! Боже мой!» Она хотела бы оградить и ограничить себя старой моралью. Но «„ни Боже“, „ни мой“ не имели для нее никакого смысла... Она знала вперед, что помощь религии возможна только под условием отречения от того, что составляло для нее весь смысл жизни. Ей не только было тяжело, но она начинала испытывать страх перед новым, никогда не испытанным ею душевным состоянием». Личность у Толстого все больше оставалась на самое себя, должна была делать свой выбор и сама же за него отвечать. В ней же самой сосредоточивалась и высшая нравственная требовательность к себе и к миру.

Но в русской литературе личность оказывалась под контролем жизни всех других людей. Проверялась тем, что воспоследует для всех «других» из ее решений и выбора.

Раскольникова Достоевский винит за то, что, в отличие от Сони, он не себя принес в жертву, но отыскал того, кем якобы пожертвовать можно. Анну от Толстого защищает ее непреходящее чувство вины перед сыном, перед мужем — и все равно ее создатель не даст ей разрешения и выхода.

Чацкий — у истоков этого пути, который тогда только начинался. Ему не дано хоть что-нибудь в Москве изменить, хоть кого-то образумить. Однако и открывается, что, вовлекаясь в борьбу, покоряясь ее логике, преследуемый неудачами, Чацкий начинает посягать на быт уже как таковой, отвергает все, что отлилось в устойчивые, привычные формы. Он обличает гостей на вечере у Фамусова, не беря во внимание, что люди здесь собрались просто потанцевать, развлечься. Остановившись, он обнаруживает, что, по авторской ремарке, «все в валь-

[14] Эту заостренную формулировку мы противопоставляем распространившейся в последнее время версии о «самообмане» Раскольникова, о поглощенности якобы его на самом деле целиком собою и собственными наполеоновскими претензиями.

се кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам». С щемящей наглядностью предстает здесь одиночество героя. Но одновременно выясняется, что умозрительный максимализм его, объяснимый и во многом оправданный, не может выдержать испытания житейской реальностью.

Сделавший свой выбор в отношениях с фамусовской Москвой, он в сущности отказывает в праве на выбор Софье, которая тоже ведь поступает по-своему и не принимает навязываемого ей отцом Скалозуба.

Личность, только-только объявившаяся на русской почве, увиденная в героическом ореоле, проходит в комедии проверку весьма мало привлекательным повседневным бытом людей, в быту погрязших, — и проверка эта оказывается для нее обязательной. Воссоздание возможностей и значения личности с первых же шагов сопровождалось в нашей литературе обращением к жизни многих, всех, строгим и последовательным соотнесением одного с другим. Отсюда и проистекали дающие знать о себе в «Горе от ума» и впоследствии не иссякавшие тенденции эпичности в русском реализме.

Против Чацкого — общество, где люди связаны между собой непосредственной, патриархальной связью. Потому-то и знает Фамусов, когда вдова-докторша «должна родить». У того же Фамусова или Хлестовой есть своя яркость характеров, проявляющаяся и в их речи. Но личностности, своего подлинного выбора пути нет из них ни у кого. Напомним, что и сильных, деятельных, инициативных сподвижников Петра Пушкин обозначил как всего лишь «птенцов гнезда Петрова...» Странно было бы ждать в этих условиях личностности от людей фамусовской Москвы! Неудивительно, что самостоятельное уже поведение Софьи отец ее трактует лишь как повторение легкомыслия ее матери и своей жены. Ничего иного он предположить еще не умеет.

Но появление в Москве одного только Чацкого, который так мало преуспел, меняет здесь многое.

«Горе от ума» вводит ситуацию, где каждому приходится по отношению к Чацкому самоопределиться (в точном смысле этого слова). И каждый действительно делает свой выбор. Исторический парадокс, однако, состоит в том, что, совершив этот свой выбор, предприняв, таким образом, личностный уже, собственно, шаг, все по очереди присоединяются к складывающемуся и распространяющемуся мнению. Все не то чтобы еще не могут иметь своего мнения, но сознательно отказываются от него. Образующееся теперь единство носит уже совсем иной, чем прежде, отнюдь не патриархальный характер. Оно ничего не спустит тому, в ком усмотрит для себя малейшую опасность. В подобном единстве люди не то чтобы еще не могли обрести, но отказываются от возможности обрести лицо. «Мешается в толпу», — гласит одна из ремарок о Загорецком. Мелькающие

на фамусовском вечере г. N и г. Д. лишены имен и фамилий. Фамилии Молчалина и Загорецкого становятся нарицательными («Молчалины блаженствуют на свете», о Молчалине же — «в нем Загорецкий не умрет»)...

Становление личности формировало на противоположном полюсе безличность как некий особый феномен. И он нуждался в особых принципах изображения.

Грибоедов в «Горе от ума» их на наших глазах вырабатывает, превращая персонажей в типы. Когда фамилия Молчалина употребляется во множественном числе или в Молчалине выявляется Загорецкий, как раз и совершается этот процесс, что впрямую предоставлено нашему рассмотрению. Движение литературы здесь можно почти что пощупать руками. Грибоедовское завоевание войдет в плоть различнейших способов типизации, которые будут выдвинуты, будут использоваться потом едва ли не всеми без исключения художниками. Но и сам уже Грибоедов весьма многого на этом пути достиг. Его Молчалин, его Загорецкий, его Скалозуб и сейчас служат характеристике фигур и явлений, хотя под пером Грибоедова они возникли чуть не два века назад.

Устанавливаются в «Горе от ума» и связи иного рода между персонажами. Принципиально важна оказалась для последующего художественного движения, в частности, связь фигур Чацкого и Софьи. Чацкий, как уже говорилось, вырастал для Грибоедова из европейского просветительства, его идеи приносил в Москву. И в этом смысле он был своему создателю ясен. С Софьей все было в этом смысле гораздо сложней.

Она ведь тоже, как уже сказано, поступает по-своему, не следуя обычаю, традиции, авторитетам. Ее самостоятельность и решительность непонятны отцу, страшат Молчалина («...При свиданиях со мной в ночной тиши держались более вы робости во нраве, чем даже днем, и при людях, и в яве...», — говорит она о том, как он вел себя на свиданиях с нею).

Она умеет действительно вступиться за свой выбор. Перед отцом, перед Чацким, перед общественным мнением. Не боясь молвы.[15] Удары Чацкого по безродному, зависимому, несамостоятельному Молчалину Софья принимает на себя. А в конце отваживается посмотреть правде в глаза и испытывает полною мерой чувство стыда за совершенную ошибку. «...Себя я, стен стыжусь», — произносит она, когда все разъяснилось.

Своего Молчалина Софья придумала. На самом деле безродный секретарь Фамусова не мог быть таким, каким ей хотелось его видеть. Его «вкрадчивость», о которой она сама говорит, не могла сочетаться с чувствами высокими и искренними.

---

[15] В одном из ранних текстов пьесы в ответ на просьбу Молчалина быть в выражении своих чувств к нему не столь откровенной Софья говорила: «Не стану лгать, не уважаю света» (*Грибоедов А. С.* Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 2. С. 151). Затем мера решительности Софьи была усилена: «Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?»

Обманулась она вполне закономерно. Но ведь и для Чацкого он в своем преображении неожидан. А главное, не свидетельствует ли самая придуманность софьиного Молчалина, мера разрыва между Молчалиным реальным и нафантазированным ею о силе устремлений и фамусовской дочери к чему-то такому, чего нет в ее кругу?

Получалось, что личность может произрасти не на одних лишь передовых идеях и что личностные развития могут стать в свою очередь причиною столкновений и борьбы. Софья ведь именно в высшей точке своей самостоятельности, защиты сделанного ею выбора принимает против Чацкого крайние меры — распускает слух о его безумии. Тютчев впоследствии многое поведает о «поединке роковом» даже во взаимной любви, когда оба — суверенные личности. Достоевский расскажет, как самоотверженнейшие усилия Мышкина спасти Настасью Филипповну приведут ее к гибели...

Некоторым критикам замечательного спектакля по «Горю от ума» в Ленинградском Большом драматическом театре имени М. Горького показалось, что, подняв Софью до равенства в известном смысле с Чацким, Г. А. Товстоногов потерял главный конфликт пьесы. Но как раз заталкивание Софьи целиком в фамусовский круг бесконечно упрощает и конфликт, и драматическое действие, погружает их в достаточно элементарную интригу. Уже Вс. Мейерхольд пытался взорвать подобную трактовку комедии. Но нашел лишь, если можно так выразиться, «количественное» решение — ввел на сцену рядом с Чацким его единомышленников. А так как отношения с ними Чацкого в пьесе никак не прочерчены, даже не обозначены, грибоедовская многосложность комедии проявить себя не смогла. В спектакле 1962 г. выяснилось, что в самом своем отталкивании от фамусовского общества Софья все же с ним продолжает быть внутренне связана. В мечтаниях своих она по-фамусовски зависима от образцов (в ее случае — романтических). Против Чацкого она действует, не гнушаясь фамусовских средств и поддержки этого круга. И Чацкий страдает как от энергии Софьиного тяготения к самостоятельности, так и от недостатка этой же самостоятельности.

Да, у Пушкина были основания утверждать, что «Софья начертана неясно...» Но и самой этой «неясностью» многое обещалось. Прежде всего, пожалуй, тот особый подход к женским характерам, какой позволит увидеть в них, не втянутых в служебную иерархию, бóльшую свободу от обусловленности, предопределенности «средой». Анну Каренину меньше всего можно понять, исходя из ее положения в свете. И уже Софью никак не сведешь к какому-нибудь привычному для пьес ее времени амплуа!

«Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важ-

ное»,[16] — помечено у Ленина в «Философских тетрадях». Грибоедовская комедия ни в чем не ограничивала себя схватыванием только «различия и противоречия». Она едва ли не во всем прорубала дорогу к «самому важному».

3

В Репетилове Пушкин усмотрел сразу «два, три, десять характеров».[17] Человек этот действительно равно принят и в фамусовском кругу, и в «секретнейшем союзе». Он рад Скалозубу и мгновенно пускается в откровенности с Чацким, которого видит в первый раз. Многословно и почти искренне кается чуть не перед любым в своих винах...

Появление перед Чацким на фамусовском вечере большинства действующих лиц абсолютной обязательностью не обладает. Пьеса могла бы и обойтись без Горича или без Тугоуховских. И столь же не обязательно тем, кто выходит на сцену, выходить в такой именно последовательности. В этом смысле замечание Вяземского в адрес комедии, что «здесь почти все лица эпизодические, все явления выдвижные: их можно выдвинуть, вдвинуть, переместить, пополнить, и нигде не заметишь ни трещины, ни приделки»,[18] не лишено резона. (Впрочем, так же не обязательны еще «набор» и порядок появления друг за другом чиновников в «Ревизоре»).

Но место Репетилова закреплено очень твердо. Встретиться с ним Чацкий может, только потерпев уже поражение в Москве, ославленный безумным и покидающий дом Фамусова. Тут, в этом месте комедии, Репетилов, о чем у нас уже шла речь, оказывается в необходимом внутреннем «сцеплении» с героем, приоткрывает завесу над его возможным будущим. И Чацкому он, значит, не совершенно чужой, хоть тот об этом, конечно же, и не подозревает.[19]

Наконец, из речей Репетилова следует, что, «умишком понатужась», он может «каламбур родить», из которого уже другие «водевильчик слепят». То есть и к искусству он, получается, причастен.

Не случайно именно Пушкин выказал к этой фигуре внимание, заинтересовался ею. В его собственном Ленском, возникшем позднее, когда тот уже уходит из жизни, человеческое предназначение так еще и не определилось, и возможны, что называется, «варианты». Причем «варианты», далеко друг от друга отстоящие, даже противоположные. (Любопытно, что Белин-

---

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 128.

[17] А. С. Грибоедов в русской критике. С. 41.

[18] Там же. С. 95—96.

[19] Соотнесенность Репетилова с Чацким закреплена и театральной практикой: во множестве случаев одни и те же актеры играли Чацкого и Репетилова в разные годы или даже в одной постановке.

ский и Герцен, рассматривая будущее Ленского, останься он жив, разное предполагали наиболее вероятным). Татьяна удивила своего создателя, выйдя замуж, и Пушкин этой неожиданности как будто радовался...

Действительность предъявляла искусству свое многообразие, свою игру. И оно благодарно и многосторонне этому отзывалось. Гоголь вскоре займется Хлестаковым. Тургенев в артистизме Паншина из «Дворянского гнезда» найдет объяснение тому, что человек этот так легко отвернулся от Лизы, руки и сердца которой только-только просил, и поступил чуть не в рабство к незнакомой ему и внезапно появившейся Варваре Павловне. Из тех же переменчивости и легкости писатели России сумели вывести и не менее чем «всемирную отзывчивость» Пушкина. Она присуща стала и им самим — вплоть до Достоевского — так бесконечно от Репетилова далеким...

4

О создании в его кругу произведений для сценического исполнения Репетилов в «Горе от ума» рассказывает так:

> Ну, между ними я, конечно, зауряд.
> Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
> Однако ж я, когда, умишком понатужась,
> Засяду, часу не сижу,
> И как-то невзначай вдруг каламбур рожу,
> Другие у меня мысль эту же подцепят,
> И вшестером, глядь, водевильчик слепят;
> Другие шестеро на музыку кладут,
> Другие хлопают, когда его дают.

Нельзя не признать, что многие из водевилей, комедий, шедших в грибоедовское время на театре, рождались таким же именно или подобным образом. В создании некоторых из них и автор будущего «Горя от ума» принимал участие. Так, скажем, «Своя семья, или Замужняя невеста» сочинялась к бенефису комической актрисы М. И. Валберховой А. А. Шаховским, но он не поспевал к сроку, и потому к работе над комедией были привлечены Грибоедов и Н. И. Хмельницкий. Иногда удается установить, кому и что в написанном принадлежит, чаще — нет, настолько участники такого рода предприятий следовали привычному канону, а, точнее говоря, шаблону: каждый приготовлял для будущей вещи какой-то из ее блоков, который затем соединялся с тем, что изготавливалось другими. Разумеется, ни о какой художественной целостности произведения речи здесь быть не может.

У великого грибоедовского создания целостность есть.

Но, как ни неожиданным может такое показаться, это еще не решает вопроса об особом художественном мире в грибоедовской комедии, вопроса, который на поверку предстает достаточно сложным.

О Достоевском современный исследователь говорит, что его материалом явилась «не петербургская действительность как таковая... но петербургская действительность в формах гоголевского стиля, такая, какой ее увидел и „возвратил“ миру (не «в том же виде, в каком и взял») Гоголь».[20] Тут очень явственно, что Гоголь сотворил *свою* действительность, с которой — уже самой по себе — последующие художники могли вступать в разного рода отношения. Белинского изумило, с какой непреложностью «вяжется» странное действо в «Ревизоре», с какой неизбежностью принимают тут, по житейским понятиям совершенно безосновательно, Хлестакова за ревизора и невольно, неосознанно внушают ему эту роль. В мире «Ревизора», как и в любом другом гоголевском произведении, царят совсем особые законы, которым все и подчинено. У городничего, у Ляпкина-Тяпкина, у Бобчинского с Добчинским совсем особая логика, не подражающая логике действительности, но как бы продолжающая ее, выводящая наружу ее потенции (в данном случае не вполне явные и вполне абсурдные). И похожим образом, только еще при посредстве Гоголя и потому тем более сложно, строится мир произведений Достоевского — тоже особый.

Обращаясь же к «Горю от ума», мы находим тут непосредственно Москву со многими ее конкретностями тех времен. Москву, запечатленную остро, получившую от Грибоедова невытравимую мету. Но в главном ту самую Москву, что с разных точек зрения открывается нам и в документах, мемуарах, в переписке. Потому-то при изучении комедии столь существен реальный комментарий: соотнесенность изображенного с изображаемым тут нередко прямая или почти прямая, и как раз это имелось в виду автором, входит в тело произведения.

Именно реальная Москва была Грибоедову необходима для выяснения возможностей и судьбы Чацкого. Но это и ограничивало его в его художнической свободе, заставляло строго держаться реалий московского быта.

Замечательным завоеванием искусства в ту пору было решительное сближение его с действительностью, следование, даже подчинение ее объективному ходу. Еще и Белинский пройдет через период «примирения с действительностью» (не менее ведь того!), чтó будет важным шагом в его движении вперед. Но художественные обретения и здесь, как едва ли и не во всех иных случаях, не обходились без утрат. Поначалу сближение с действительностью сдерживало формирование у художников собственного художественного мира, который позволяет создать в произведении некую особую реальность.

В. В. Розанов уже в начале нашего века писал: «В превосходной обрисовке Николая Ростова — студента, улана, дворя-

---

[20] *Бочаров С. Г.* О стиле Гоголя // Типология стилевого развития нового времени. Классический стиль. Соотношение гармонии и дисгармонии в стиле. М., 1976. С. 445.

нина, мужа некрасивой и бесценно прекрасной Marie Болконской — показана... историческая и бытовая наша правда; до этих глубин постижения Грибоедов никогда не додумывался (ошибочный тип Скалозуба)».[21] Нет, конечно, Грибоедов не ошибся. Но нельзя и не увидеть, что в художественном мире книги Толстого о 1812 г. даже те, кто Грибоедову дал Скалозуба, открылись уже *разными* своими сторонами. Сам художественный мир Толстого сообщал им такое множество измерений, какого у Грибоедова еще быть не могло, хотя верно и обратное — чтобы «потом» появилась «Война и мир», «в свое время» нужно было явиться «Горю от ума».

5*

Признание Грибоедовым обязательности для себя законов реальности ставило его в новые отношения с его же созданием. Вспомним, что довольно скоро Бальзак назовет себя «секретарем французского общества...»

Г. А. Гуковским в его работах о Пушкине и Гоголе была разработана концепция развития отношений автора с его собственными художественными творениями, начиная с эпохи классицизма. Согласно ей, писатель-классицист видел себя выразителем не ему принадлежащей, но до него существующей и через него лишь словно бы поступающей в мир абсолютной и неподвижной истины. Романтик, напротив, в собственном представлении творил чуть не все из своей головы. Дальше, в искусстве реалистическом, в каждом данном случае такого рода отношения складывались уже на совсем иных основах.

Построение это в целом выглядит убедительным и поддерживается многими фактами. Классицист, скажем, не сам формировал жанровую структуру своего произведения — он следовал определенному жанровому канону. Произведения разных авторов, принадлежащие к одному жанру, были у классицистов соответственно ближе друг к другу, чем произведения разных жанров у одного и того же автора. В изобразительном искусстве классицисты рисовали самих себя на полотне как людей лишь определенного цеха, романтики же — уже как творцов и носителей высокого вдохновения. И т. д. и т. п. Но особенно интересен здесь, пожалуй, процесс перехода от времен общих, охватывающих всех художников эпохи представлений к времени, когда у каждого представления эти о своем назначении стали рождаться и утверждаться в их собственных созданиях. «Горе от ума» относится к такому переходному этапу. С Чацким ведь, как это отметили сразу же все, Грибоедов прежде всего поделился своими понятиями и упованиями. В конкрет-

---

[21] *Розанов В. В.* Литературные очерки. 2-е изд. СПб., 1902. С. 198.
* Раздел написан в соавторстве с М. Я. Билинкисом.

ную историческую атмосферу и ситуацию он своего героя лишь ввел, ими происходящее с Чацким объяснял. Вышел же Чацкий непосредственно, если можно так выразиться, из самого Грибоедова. В воссоздании фамусовской Москвы путь был другим — та словно бы сама себя писателю предъявляла, от него же требовались наблюдательность, острота взгляда, проникновения. Совсем незадолго до «Горя от ума» Крылов уходил в басню, надеясь спрятаться за некой отвлеченной и всеобщей истиной, басне якобы непреложно присущей, — по крайней мере, этот жанр он, видимо, воспринимал еще в классицистической традиции (на деле как раз крыловская басня и в этом с прошлым разрывала). Один из крыловских современников, А. Ф. Лабзин, как на «величайшее достоинство „Урока дочкам“» указывал на «совершенное отсутствие» в пьесе «самого автора».[22]

«Творец всегда изображается в творении и часто — против воли своей»,[23] — решительно заявил Карамзин. И в самой решительности высказывания уже было ощущение проблемы.

Для Пушкина рождение у него романа «Евгений Онегин», с лицами, как бы что-то отчуждающими в пользу своей самостоятельности, своего объективного существования от создавшего их художника, от свободы его воображения, от его власти над ними, с Татьяной хотя бы, словно внушившей поэту свое замужество, полно было, по-видимому, значения чрызвычайного и неожиданного. Он сам это значение отметил, опубликовав вместе с первой главой «романа в стихах» «Разговор книгопродавца с поэтом», где прямо обозначен новый взгляд художника на собственное творение, от него в известной степени отделяющееся. И Пушкин нашел свой ответ на новое положение вещей — он придал просто человеческому, даже житейскому в себе в том же «Евгении Онегине» новую действенность и силу. Надо согласиться с С. Г. Бочаровым, что «лирика „я“ в романе куда эмпиричнее, необобщеннее, чем собственно лирика Пушкина».[24] Мы в самом деле нигде — ни в каком-нибудь одном пушкинском стихотворении, ни даже во всех них, вместе взятых, — не узнаем о Пушкине так много житейских подробностей, почти интимных обстоятельств, как именно в «Онегине». Соответствующие цитаты у всех на памяти — они-то, между прочим, и составляют основной корпус того нашего знания о самом Пушкине, которое мы черпаем из его поэзии.

Уже одни хотя бы строки: «А та, с которой образован Татьяны милый идеал... О много, много рок отъял!» — прямо выражают собою неразрывное высокое единство в «Евгении Онегине» реального мира стоящих за романом живых людей, сотворенного из него мира художественного, сохранности живого и непосредственного чувства поэта в как бы уже отделившемся

[22] И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 119.
[23] *Карамзин Н. М.* Сочинения: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 60.
[24] *Бочаров С. Г.* Поэтика Пушкина. М., 1974. С. 123.

от него его создании. Когда столь близко знавший Пушкина Кюхельбекер констатировал, что «поэт в своей 3-й главе похож сам на Татьяну... везде заметно чувство, каким Пушкин преисполнен»,[25] то здесь едва ли не одинаково важны были и такая безусловная объективность Татьяны, что с нею можно было сравнить самого поэта, а не наоборот, и открытая «преисполненность» главы пушкинским «чувством».

В каждом из романов Толстого, у которого герои развертывают свои возможности, свой человеческий потенциал с небывалой дотоле «результативностью», автор отстаивает и собственные права творца тоже с большой энергией. «От себя» передает он, что происходит в душах персонажей, каков тут «механизм» внутренней жизни. В «Войне и мире» автор собственными открытыми усилиями ведет дело к образованию семей, которые призваны явить собою одно из важнейших оснований того широкого человеческого единения — мира, какое в книге утверждается. Сам автор тоже входит в складывающееся единство. Входит с назначением особым — объяснить пути истории, представить это единство как пример и прообраз должной, необходимой жизни всего человечества.

В «Анне Карениной» герои еще в большей степени, чем в «Войне и мире», отпущены на свободу. Однако творец и тут твердо дает о себе знать, заявляя уже в первой фразе романа, что «замок» (по его собственному выражению из письма 1878 г. С. А. Рачинскому) у него в руках, что первое и последнее слово принадлежит все-таки ему.

«Воскресение» же в сущности все целиком вылилось как единый, без точки от начала и до конца написанный монолог самого Толстого о жизни сущей и жизни должной. И судьбы лиц выступают в этом монологе почти только как проявления того мироустройства, какое Толстой безоговорочно и открыто отвергал. Так что перенесение «Воскресения» в его действительном содержании на сцену без «Лица от автора» оказалось в знаменитом мхатовском спектакле 1930 г. невозможным.

Драматургия и театр, на первый взгляд, прямое присутствие автора исключают по самой своей природе. Так оно и считалось. Но вот «Воскресение» потребовало вроде бы невозможного — и нашелся необходимый ресурс.[26] А затем в том же Художественном театре, где так неожиданно поставлен был последний роман Толстого, в прямом обращении к авторскому голосу искали ключ и к инсценированию «Мертвых душ», «Анны Карениной».

Казалось бы, полностью отступивший в тень ради своих героев, ради их самовыявления и самоосуществления автор властно возвращался.

---

[25] Дневник В. К. Кюхельбекера. Л., 1929. С. 42.

[26] В более раннем, 1910 г. мхатовском же спектакле по «Братьям Карамазовым» Чтец еще не представлял автора в его жизненной позиции и играл роль совершенно служебную.

«Горе от ума» задумывалось, по определению самого Грибоедова, как «сценическая поэма».[27] Самовыражение поэта и драматическое действие заложены здесь были изначально в некоем их единстве и неразрывности. Одной из сторон в драматическом действии стали, как мы помним, быт, повседневная жизнь фамусовской Москвы. И в другом случае автор назвал уже свое создание «драматической картиной»,[28] отметив тем присутствие в комедии повествовательного или даже эпического начала.

Самому своему создателю «Горе от ума», можно думать, изначально виделось уже и еще многим чреватым...

В. С. Баевский

СТИХ «ГОРЯ ОТ УМА» В СРАВНЕНИИ СО СТИХОМ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Среди немногочисленных сравнительных работ о Пушкине и Грибоедове нет сопоставительного исследования их стихосложения.[1] Между тем подобные наблюдения были бы весьма поучительны: перед нами два величайших поэта своего времени, в стихотворной речи они видели естественное и универсальное средство выражения, сознательно использовали и усовершенствовали ее «механизм» (слово Пушкина). Сравнение стихотворных систем двух поэтов естественно начать с соотнесения «Горя от ума» и «Евгения Онегина» — важнейших их произведений и одновременно произведений исключительного значения для всей русской поэзии, для всей истории русской литературы и даже русской общественной жизни. Интерес обостряется тем, что оба произведения создавались в значительной степени одновременно. К тому дню, когда Пушкин в чтении И. И. Пущина познакомился с комедией Грибоедова, у него уже были готовы три с половиной главы романа в стихах. Пушкин сразу же предсказал, что половина стихов «Горя от ума» войдет в пословицу, и сам ввел в главу шестую своего романа в стихах стих из 10-го явления последнего действия грибоедовской комедии: *И вот общественное мненье!* Тут же он в 38-м примечании сам указал источник цитаты. Эпиграф из «Горя от ума» украшает главу седьмую, Онегин сравнивается с Чац-

[27] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1959. С. 380.

[28] Там же. С. 514.

[1] *Гукасова А. Г.* Пушкин и Грибоедов (К вопросу об оценке Пушкиным комедии «Горе от ума»)//Пушкин в школе. М., 1951; *Городецкий Б. П.* К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума»//Русская литература. 1970. № 3; *Фесенко Ю. П.* Пушкин и Грибоедов (Два эпизода творческих взаимоотношений)//Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983.

ким в главе восьмой. Но подробное изучение стихотворного ритма «Евгения Онегина» показало его однородность во всех главах: во второй половине романа в стихах Пушкин разрабатывал ритм, найденный им до знакомства с комедией Грибоедова. В 1823—1824 гг., когда завершалась работа над «Горем от ума», Пушкин интенсивно писал «Евгения Онегина», закладывая фундамент своего романа в стихах, причем оба поэта работали независимо один от другого (глава первая пушкинского романа была опубликована после завершения Грибоедовым своей комедии).

Стих «Горя от ума» всегда рассматривается в связи с традицией русского и (реже) французского вольного стиха.[2] На первый взгляд иная постановка вопроса невозможна. Однако в настоящей работе вольный ямб Грибоедова изучается в сравнении с четырехстопным ямбом Пушкина.

Для этого из состава вольного (разностопного) ямба выбраны все четырехстопные стихи. Из 2221 стиха «Горя от ума» четырехстопные насчитывают 755, или 34%, или одну треть.[3] Настоящая работа посвящена сравнительному изучению ритма: ритм четырехстопного ямба из состава вольного ямба «Горя от ума» сопоставляется с ритмом четырехстопного ямба «Евгения Онегина». Будем иметь в виду, что стихи четырехстопного ямба в составе вольного могут испытывать «возмущающее» влияние стихов иного стопного состава; позже мы сравним их со стихом произведений Грибоедова, целиком написанных четырехстопным ямбом, и в то самое время, когда писалось «Горе от ума», в первой половине 1820-х гг. Но выводы, которые будут здесь изложены, настолько показательны, что сами по себе устраняют сомнения в закономерности сравнения четырехстопного ямба из состава вольного стиха «Горя от ума» с четырехстопным ямбом «Евгения Онегина».

Блок писал: «Как бы мы ни оценивали Пушкина — человека, Пушкина — общественного деятеля, Пушкина — друга монархии, Пушкина — друга декабристов, Пушкина — мученика страстей, все это бледнеет перед одним: Пушкин — поэт. Едва ли найдется человек, который не захочет прежде всего связать с именем Пушкина — звание поэта.

Что такое поэт? — Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Поэт, это — это носитель ритма».[4]

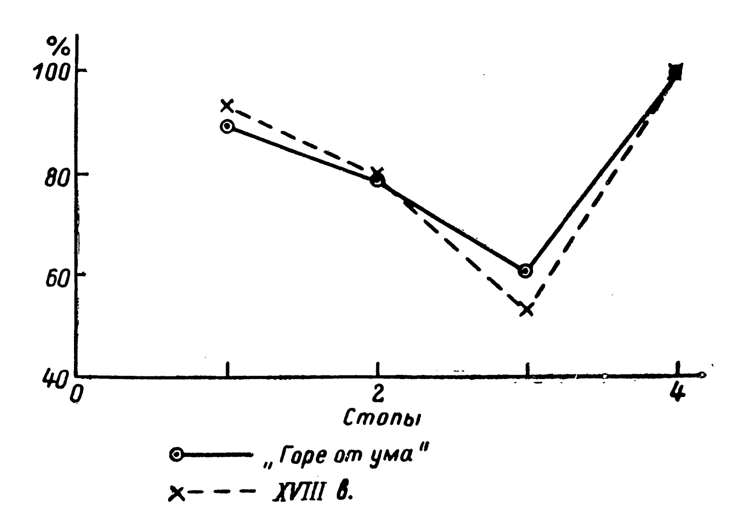
---

[2] *Филиппов В. А.* Проблема стиха в «Горе от ума». М., 1925. № 2 (отд. изд. М., 1926); *Штокмар М. П.* Вольный стих XIX века//Ars poetica. М., 1928; *Шувалов С. В.* О стихе комедии «Горе от ума» (К социологии ритмики комедии)//А. С. Грибоедов. М., 1929; *Томашевский Б. В.* Стих «Горя от ума»// Стих и язык. М.; Л., 1959; *Маймин Е. А.* Русский вольный ямб и стих «Горя от ума»//А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977; *Матяш С. А.* 1) Басенный и драматический вольный ямб // Русская литература. 1984. № 1; 2) Метр, синтаксис и рифма в композиции вольного стиха//Вестник Ленингр. ун-та. 1984. № 8. История, язык, литература. Вып. 2.

[3] *Томашевский Б. В.* Стих «Горя от ума». С. 155—156.

[4] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 404.

Если мы не будем понимать ритм просто как то или иное чередование ударных и безударных слогов, если за ним мы увидим «ритм-образ»,[5] то нас не удивит глубокое соответствие характеристик ритма и общих эстетических позиций поэтов.

Последняя стопа четырехстопного ямба всегда несет на себе 100% ударений; поэтому наши наблюдения распространяются лишь на первые три стопы. В «Горе от ума» на первую стопу приходятся ударения в 89.6% стихов, на вторую стопу — в 79.3% стихов, на третью стопу — 60.3% стихов.[6] В среднем от начала к концу стиха (строки) ударность стоп убывает, чтобы на последней стопе взлететь до 100%. Соответствие такому рисунку ритма находим в стихосложении XVIII в., где в среднем на первую стопу приходятся ударения в 93.2% стихов, на вторую — в 79.7%, на третью — в 53.2%[7] (рис. 1). Таким образом, стих «Горя от ума» совершенно явственно ориентирован на традицию XVIII в.

Стих высоких жанров классицизма был по преимуществу ораторским. В первую очередь это относится к четырехстопному ямбу, излюбленному в XVIII в. одическому размеру. В ораторском стихе поэт стремился сразу же выделить ударением начало стиха (строки);[8] часто там стояло обращение, междометие, глагол в повелительном наклонении: *О вы, недремлющие очи;*

---

[5] *Колмогоров А. Н.* Пример изучения метра и его ритмических вариантов // Теория стиха. Л., 1968. С. 147.

[6] *Штокмар М. П.* Вольный стих XIX века. С. 156. Используя данные этой прекрасной работы, отнюдь не утратившей своего значения, мы подвергли их проверке, чтобы устранить опечатки в таблицах.

[7] *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Београд, 1953. Табела 2.

[8] *Jakobson R.* Рец. на кн.: Тарановски К. Руски дводелни ритмови // Slavic Word. 1955. No. 4.

Но о, прекрасная планета; Да будет тое невредимо.[9] Последняя стопа была выделена ударением всегда, первая — почти всегда; средние стопы довольно часто оставались безударными. Этот рисунок ритма и придавал ямбу XVIII в. особенности ораторского стиха. Лексика, топика, синтаксис довершали дело.

И вот стих «Горя от ума» оказывается в некоторых отношениях похож на ораторский стих классицизма; в нем нетрудно выделить ритмико-синтаксические конструкции, похожие на приведенные выше примеры из Ломоносова: *О! если б кто в людей проник.*[10] *Ах! Чацкий, я вам очень рада* (Соч. С. 18); *Опрыскивай еще водою* (Соч. С. 41). Конечно, в основе стихотворной речи «Горя от ума» лежит говорное начало. Но ораторские, декламативные тенденции достаточно сильны, чтобы оказать решающее влияние на рисунок ритма.

Заметим, что ударность первой и второй стопы в ямбе «Горя от ума» несколько ниже, чем в ямбе XVIII в. Именно это обстоятельство можно рассматривать, как свидетельство ослабления установки на ораторскую речь за счет иных, разговорных интонаций.

Следует иметь в виду, что в начале XIX в. и еще много позже ритм в современном назначении этого термина не находился в поле зрения поэтов. Его осознали и стали изучать только поэты символизма, сперва А. Белый, потом В. Брюсов и другие. То или иное ритмическое оформление четырехстопного ямба возникало чисто интуитивно. Поэтому оно особенно убедительно указывает на стоящие за ним эстетические устремления. В случае Грибоедова оно ясно и недвусмысленно указывает на его литературную позицию младшего архаиста, который, как показал Ю. Н. Тынянов, сознательно ориентировался на жанровую и стилистическую систему классицизма. Тынянов отмечает и «декламационный момент» в драматическом стихе Грибоедова.[11] И вот мы видим, что сознательное следование жанрово-стилистическим принципам прошлого века влекло за собой бессознательное следование его стихотворному ритму.

Во избежание недоразумений необходимо сказать, что ориентация Грибоедова и других младших архаистов на традиции классицизма носила весьма ограниченный характер. Она была вызвана поисками наиболее убедительных средств для создания гражданской, порою революционной поэзии, для чего традиции карамзинизма — элегию, балладу, идиллию, «легкую поэзию» — они считали непригодными. Объективно с историко-литературной точки зрения младшие архаисты создавали литературу

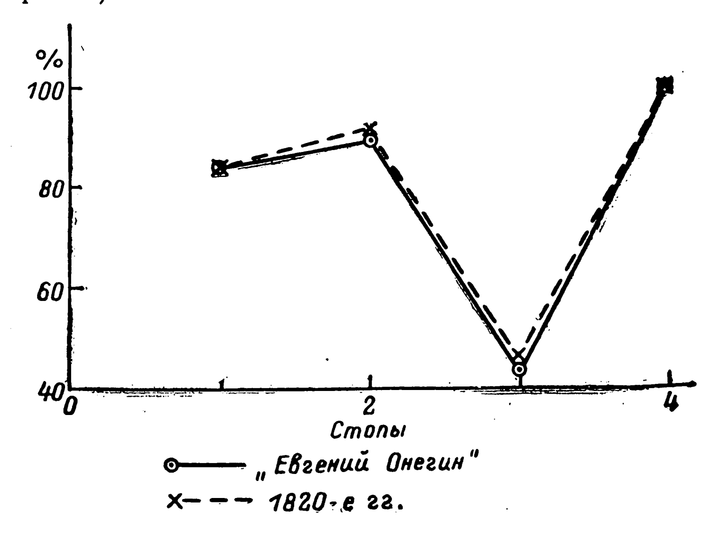
[9] Примеры заимствованы из кн.: *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. Риторика. СПб., 1794. С. 325, 326, 368.

[10] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 96. Далее ссылки на это издание даются в тексте (Соч. С.).

[11] *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин//Пушкин и его современники. М., 1968. С. 33.

предромантизма, романтизма и раннего реализма («Горе от ума»).

Совершенно иным рисунком ритма обладает стих «Евгения Онегина». На первой стопе здесь ударения в 84.4% стихов, на второй — в 89.9%, на третьей — в 43.1%.[12] На первой стопе ударений меньше, чем на второй — вот в чем главное отличие от четырехстопного ямба из состава вольного стиха «Горя от ума». На третьей стопе ударений значительно меньше, чем на второй, на последней, как всегда — 100%. Таким образом, перед нами волнообразный ритм с возрастающей амплитудой (см. рис. 2).

Этот ритм отражает общую эволюцию русского стиха в 1820-е гг. Литература от классицизма через различные формы предромантизма в эти годы переходила к романтизму, энергично овладевая новым кругом идей, новой поэтикой. В частности, от стиха ораторского, декламативного она обратилась к стиху напевному, разнообразно культивируя его основные формы — куплетную, песенную и романскую.[13] С начала 1820-х гг. во главе этого движения шел Пушкин — и в лирике, и в поэмах,[14] и в «Евгении Онегине», а вместе с ним — значительная часть поэтов-современников. У всех у них в среднем на первой стопе ударения — в 84.4% стихов, на второй — в 92.2%, на третьей — в 46.0%. Как видим, ритм стиха «Евгения Онегина» столь же близок к среднему ритму стихов 1820-х гг., сколь ритм четырех-

[12] *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Табела 3.

[13] *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969. С. 346—347.

[14] За исключением «Бахчисарайского фонтана»; см.: *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Табела 2.

стопного ямба из состава вольного стиха «Горя от ума» близок к ритму этого размера в XVIII в. (рис. 2).

Мы отмечали, что в комедии Грибоедова «декламационный момент» сочетается с «говорным моментом». Аналогичным образом в «Евгении Онегине» напевное начало интерферирует с говорным. В результате в «Евгении Онегине» складывается образ ритма, который противостоит образу ритма «Горя от ума». На место стремления ударением на первой же стопе сразу обозначить начало стиха (строки) приходит стремление к симметрии: первая стопа выделена слабее, вторая — сильнее, третья слабее, четвертая — сильнее. Симметрия, волнообразное движение естественны для стиха напевного типа.

Таблица 1

Ударения в четырехстопном ямбе (в %)

	1-я стопа	2-я стопа	3-я стопа
«Горе от ума»	89.6	79.3	60.3
«Евгений Онегин»	84.4	89.9	43.1
Стихосложение XVIII в.	93.2	79.7	53.2
Поэзия. 1820-е гг.	84.4	92.2	46.0
Стихотворения Грибоедова «Давид», «Телешовой»	93.7	85.0	51.2
Кюхельбекер, 1821—1824	89.9	86.7	49.1
Думы Рылеева	86.0	84.7	51.0
«Войнаровский» Рылеева	82.1	90.7	46.3

Теперь перед нами вырисовываются два совершенно различных образа ритма. Особенно хорошо это видно при взгляде на рис. 1 и 2. Один ритм — асимметричный, с падением процента ударений от первой стопы к третьей, обозначающий ударениями начало и конец стиха (строки), ориентированный на ораторскую, декламативную речь, ритм стихов XVIII в. и «Горя от ума». Другой ритм — симметричный, с волнообразным колебанием процента ударений и делением стиха (строки) приблизительно пополам, ориентированный на напевную речь, ритм 1820-х гг. и «Евгения Онегина».

В первой половине 1820-х гг. Грибоедов написал четырехстопным ямбом всего два стихотворения, 80 стихов: переложение библейского псалма «Давид» и прекрасное послание «Телешовой». Ударения по стопам распределены так: на первой — 93.7%; на второй — 85.0%; на третьей — 51.2%. Этот рисунок ритма еще ближе подходит к ритму стихов XVIII в., чем ритм четырехстопного ямба из состава вольного стиха «Горя от ума» (см. в особенности первую и третью стопу). Из общих соображений 80 стихов — слишком мало, чтобы делать достоверные статистические выводы, но в данном случае близость ритма

стихов XVIII в., «Горя от ума» и лирических стихотворений безусловно убедительна. Это один и тот же образ ритма, имеющего установку на ораторскую, декламативную речь. Приводим по одному показательному примеру из «Давида» и «Телешовой»: «И се! внезапно Богу сил»; «Но сердце! Кто твой восхищенный» (Соч. С. 332, 339).

Таблица 2

Количество форм четырехстопной строки (в %)

«Горе от ума»	В % от общего кол.	«Евгений Онегин»	В % от общего кол.
На все свои законы есть	36.2	Милее мне домашний круг	26.8
Да расходитесь. Утро. — Что-с?	8.1	И дождалась... Открылись очи	6.6
Вы глухи? Алексей Степаныч	16.0	И после во весь путь молчал	9.7
Уж день!.. Сказать им... Господа...	30.9	Обряд известный угощенья	47.5
Не жалуете никогда	2.9	И кланялся непринужденно	0.4
Я помешал! Я испужал!	5.9	Воображаясь героиней	9.0

Для удобства читателя все данные о распределении ударений по стопам, которыми мы пользовались и еще будем пользоваться, сведены в таблицу (табл. 1). Рассматривая ее, мы видим, что в «Горе от ума» третья стопа выделена значительно сильнее, чем во всех других рисунках ритма. Это требует объяснения. В четырехстопном ямбе в зависимости от распределения ударений по стопам возможны шесть разных форм. Все они есть и в стихе «Евгения Онегина», и в стихе «Горя от ума», но частота их там весьма различна. В табл. 2 приведены примеры каждой формы из романа и комедии с указанием, какой процент от общего числа стихов они составляют.[15] Теперь видно, что первые три формы, в которых ударение приходится на третью стопу, значительно преобладают в «Горе от ума», а последние три формы, в которых ударение на третьей стопе отсутствует, значительно преобладают в «Евгении Онегине». Грибоедов стремился насытить свой стих ударениями, по-видимому, стремясь к наибольшей звучности текста в условиях театрального спектакля. Косвенным подтверждением нашего объяснения может служить следующее обстоятельство: в XVIII в. ударность третьей стопы, близкая к грибоедовской, присуща только стиху Николева, Капниста и Крылова[16] — поэтов с большим драматургическим навыком.

[15] Данные по «Евгению Онегину» заимствованы в табл. 3 книги К. Ф. Тарановского, по комедии «Горе от ума» подготовлены нами.

[16] *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Табела 2.

С 1821 г. под сильное влияние Грибоедова попал Кюхельбекер. Это было очевидно для его современников.[17] Поразительным образом перемена общей эстетической ориентации отразилась на ритме его четырехстопного ямба. Если до конца 1810-х гг. он следовал общим тенденциям эпохи, то именно с 1821 г. рисунок ритма его меняется, причем так, что сближается с грибоедовским ритмом: на первой стопе у него — 89.9% ударений, на второй — 86.7%, на третьей — 49.1%.[18]

Близкий асимметричный образ ритма, хотя и не столь похожий на грибоедовский, наблюдается и у Рылеева. В его думах ударения стоят на первой стопе в 86.0% стихов, на второй — в 84.7% стихов и на третьей — в 51.0% стихов.[19] Любопытно, что резко отличен образ ритма поэмы «Войнаровский», написанной одновременно с думами. Академик В. М. Жирмунский не включил «Войнаровского» в число поэм, написанных в подражание «Кавказскому пленнику» Пушкина: для этого поэма Рылеева слишком своеобразна и самостоятельна. Но определенное влияние поэмы Пушкина в построении образов, в общем колорите, в ряде подробностей сомнения не вызывает, как и влияние южных элегий Пушкина, доходящее до заимствования отдельных стихов («Погасло дневное светило»). Эта зависимость «Войнаровского» от «Кавказского пленника» и лирики Пушкина сейчас же отозвалась в ритме, который стал волнообразным, симметричным: на первой стопе — 82.1% ударений, на второй — 90.7%, на третьей — 46.3%.[20]

Проделанный анализ позволяет более полно осознать своеобразие эстетической позиции Грибоедова и близких к нему поэтов. Пушкин, Баратынский, Вяземский новаторски перестроили ритм четырехстопного ямба, сделав его напевным. За ними пошла большая часть поэтов-современников. Эта реформа была особенно важна, потому что четырехстопный ямб стал господствующим стихотворным размером русского романтизма в 1820-е гг.: около половины всех стихотворений и поэм написано этим размером, точнее — 42.4%. Следующим по распространенности размером — вольным ямбом — написано лишь 13.0% стихотворений. Для того чтобы эти данные выглядели еще более выразительно, заметим, что в предыдущее десятилетие четырехстопный ямб составлял лишь 16.7% всего метрического репертуара, а в последующее — 25.4%.[21]

«Младшие архаисты — страстные новаторы в области стиха».[22] Опора на традицию классицизма позволила Грибоедову и близким к нему поэтам занять совершенно своеобразную эстетическую позицию, причем это своеобразие отчетливо проя-

---

[17] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 90—91.
[18] *Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. Табела 2.
[19] Там же.
[20] Там же. Табела 3.
[21] *Гаспаров М. Л.* Современный русский стих. М., 1974. С. 48.
[22] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. С. 43.

вилось и в образе ритма четырехстопного ямба. Их новаторство проявилось в архаизации ритма. Друзья Тынянова предлагали назвать его книгу вместо «Архаисты и новаторы» иначе: «Архаисты — новаторы».[23] Именно архаистами — новаторами в области стиха предстали в первой половине 1820-х гг. Грибоедов и его друзья.

А. Л. Гришунин

«ГОРЕ ОТ УМА» КАК ФОРМУЛА ЖИЗНИ

Бывают произведения литературы с *формульным* смыслом. Об одном из них писал А. А. Блок: «Шекспировский „Отелло“ устареет в те времена, когда изменимся мы; когда мы улетим от солнца, когда мы начнем замерзать, когда на земле вновь начнется другое, не наше движение — поползут с полюса зеленоватые, похрустывающие, позвякивающие глетчерные льды».[1]

Комедия «Горе от ума» обладает качеством исторической точности и была признана исторически точным отражением характера своего времени и места. Недаром установилось понятие «Грибоедовская Москва», на которое Н. К. Пиксанов указывал как на такое же живое историко-бытовое понятие, как Диккенсовский Лондон или Париж Виктора Гюго. Историки русской литературы и общественного движения широко пользовались комедией Грибоедова как достоверным свидетельством для характеристики Александровской эпохи.

Правда, сатирическая направленность «Горя от ума» обусловила некоторую односторонность изображения московского общества, так что Иван Киреевский, а затем и П. Вяземский замечали, что Грибоедов, изобразив фамусовскую Москву, не нарисовал Москву «светлую», пренебрег образованным кругом московского дворянства, — Москвой Языкова, Дельвига, Баратынского, самого Грибоедова...

Но примечательно то, что «Горе от ума» все пронизано идеологией декабризма. Ни в одном другом произведении русской литературы не отразился так полно тот идейный подъем, который так характерен для того времени. «Горе от ума» можно считать поэтической декларацией и художественным документом декабризма. Комедия вся пропитана политическими идеями своего времени, и самый ее конфликт — столкновение косного мира с новыми людьми и свежими веяниями — точно соответствовал основному конфликту времени перед восстанием 14 декабря. Поэтому А. Н. Пыпин относил Грибоедова к разряду

---

[23] *Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О.* Комментарии//*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 568.

[1] *Блок А.* Тайный смысл трагедии «Отелло» // *Блок А. А.* Собрание сочинений. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 385.

политических писателей и выводил, что «мысль Грибоедова была направлена серьезнее, чем у большинства тогдашних писателей»,[2] а историк В. О. Ключевский определил «Горе от ума» как «самое серьезное политическое произведение русской литературы XIX в.».[3] Это свойство комедии открывало возможность сопоставлять ситуацию «Горя от ума» с явлениями самой жизни. Русские люди мерили жизнь «Горем от ума», его персонажами.

А. И. Герцен вполне сознательно и серьезно, анализируя русскую жизнь, примерял Чацкого к декабризму, а также к самому себе и к членам своего кружка, говорил о возможности своего «союза» с Чацким, если бы тот «пережил» поколение, шедшее за 14 декабря, «сплюснутое террором». Чацкий для него — «это — то брожение, в силу которого невозможен застой истории...».[4] Еще ранее Герцена Н. П. Огарев решительно отделял Чацкого от Онегина и от «лишних людей»; для него Чацкий — деятельная натура, «живой человек» и «самый рельефный образ в целой комедии».[5]

Чацкий и есть то «светлое начало», которого так недоставало в «Горе от ума» Ивану Киреевскому и Вяземскому.

Чацкий нравился всем радикалам: петрашевцам, участникам кружка Сунгурова... Даже Д. И. Писарев в юности испытал сильное влияние «Горя от ума» и находил, что «...кроме некоторых слишком резко выставленных странностей „Горе от ума" могло бы послужить и нынешнему обществу полезным уроком».[6]

В статье «Пушкин и Белинский» (1865) Писарев замечал, что вместе с Бельтовым и Рудиным Чацкий изображает собой «мучительное пробуждение русского самосознания. Это люди мысли и горячей любви. Они тоже скучают, но не от умственной праздности, а от того, что вопросы, давно решенные в их уме, еще не могут быть даже поставлены в действительной жизни».

И Писарев говорит о «кровном родстве» «новейших реалистов» (то есть, «нигилистов» 1860-х гг.) «с этим отжившим типом».[7] Он, как и Герцен, примеряет Чацкого на себя.

Н. Г. Чернышевский в «Очерках Гоголевского периода русской литературы» ценил в «Горе от ума» не художественность в первую очередь, а сатирическую направленность; Чацкого, как и Н. А. Добролюбов, он считал неудачей Грибоедова. Но случайно ли старорежимная мать Веры Павловны Розальской

---

[2] *Пыпин А. Н.* История русской литературы. СПб., 1903. Т. 4. С. 329.
[3] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. 5. С. 320.
[4] *Герцен А. И.* Собрание сочинений. М., 1960. Т. 20. Кн. 1. С. 342.
[5] Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1961. С. LIII.
[6] Рукописи Д. И. Писарева в собрании Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР; Научное описание / Сост. К. Н. Григорьян. М.; Л., 1941. С. 33.
[7] *Писарев Д. И.* Сочинения. М., 1956. Т. 3. С. 337.

в романе «Что делать?» наделена «грибоедовским» именем «Мария Алексеевна»?

Чрезвычайно показательна для нашей темы трансплантация грибоедовских персонажей на страницы более поздних произведений Салтыкова-Щедрина, Достоевского, а еще ранее — Пушкина (в «Мыслях на дороге»), В. Ф. Одоевского... Это не что иное, как анализ современных, новых общественных процессов при помощи героев «Горя от ума», их предполагаемые модификации в новых исторических условиях. Таким образом, и в этом случае комедия Грибоедова выступает как некая мерка политической и всякой другой жизни, причем — в совершенно иные, новые времена.

Примечательно, что за тем же самым к комедии «Горе от ума» обращались не только прогрессивные, но и реакционные публицисты и литераторы. Вяземскому на его сетование по поводу «светлой Москвы» в «Северной пчеле» возражал Ф. В. Булгарин, любивший подчеркнуть свою дружбу с покойным Грибоедовым: «Один Грибоедов характеризует более эпоху, нежели сто Дельвигов, сто Баратынских и сто Языковых вместе взятых. <...> Если бы нам надлежало навсегда оставить Россию, и можно было взять с собою только *два* русские сочинения, мы взяли бы Басни Крылова и „Горе от ума“ Грибоедова. Все прочее, оставленное в русской литературе, заменили бы нам Шиллер, Гете, Байрон, Ламартин, Виктор Гюго и другие, но басен Крылова и „Горя от ума“ мы нигде бы не нашли». [8]

В катковском «Русском вестнике» 1885 г. помещена статья, подписанная инициалами «А. А.», — «Фамусов и Молчалин». [9] Можно подумать, что в ней анализируется «Горе от ума». — Ничуть не бывало! Это статья об истории дворянства в России, о современных (для 1885 г.) проблемах землеустройства, связанных с послереформенным кризисом помещичьего землевладения: бессильные Фамусовы вынуждены призывать на помощь неродовитых Молчалиных, и таким образом происходит деградация дворянства и оскудение русской жизни. Имена Фамусова и Молчалина выступают здесь только как иксы и игреки — для обозначения определенных социальных групп.

Афанасий Фет, любивший эпатировать публику своими крайними взглядами, который, проезжая мимо университета, плевал в его сторону, демонстративно одобрял «Горе от ума», придавая пьесе несвойственный ей, неожиданный, ретроградный смысл. 20 января 1876 г. он писал С. В. Энгельгардт: «Купил себе „Горе от ума“ и схожу с ума от этой прелести. Новей и современней вещи я не знаю. Я сам — Фамусов и горжусь этим». [10]

---

[8] Северная пчела. 1847. № 98. 3 мая.

[9] Русский вестник. 1885. № 7. С. 315—327.

[10] *Благой Д. Д.* Мир как красота // *Фет А. А.* Вечерние огни. М., 1971. С. 546.

Показательна также и борьба за Грибоедова славянофилов-«почвенников» (А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский) с «западниками». А. С. Суворин в 1886 г. под флагом «Горя от ума» выступил против Белинского; Белинского от этих нападок защищал А. Н. Пыпин и т. д.

То обстоятельство, что произведение Грибоедова могло быть использовано и противоположным лагерем — с опорой на Фамусова и сходных с ним персонажей — свидетельствует о том, что комедия Грибоедова верно отражала главные тенденции жизни, с какой бы стороны к ним ни подойти.

В 1912 г. Аркадий Горнфельд пишет: «Мы почти век <...> прожили с Чацким, век думали о нем, век питались им. Наша душевная история есть его история; он ею жил, он ею обогащался, не только мы им».[11] Горнфельд затрагивает очень большую тему: произведение и жизнь диффузируют, обогащают друг друга. И с опытом жизни меняется в нашем восприятии и само произведение. Это — свойство настоящей литературы. На нем основана добролюбовская, так называемая «реальная критика»; на нем же основаны и ленинские статьи о Толстом. Один из нагляднейших примеров такой диффузии дает «Горе от ума».

Изображенный Грибоедовым конфликт имеет универсальный характер и может быть типологически соотнесен со многими реальными проявлениями, и притом не только русской жизни. В. Ф. Одоевский применил ситуацию «Горя от ума» к последним годам жизни Бетховена, сравнив его с Чацким: великий композитор гневно обличал «Фамусовых музыкального мира», которыми сам он «был почтен сумасшедшим».[12]

Значение «Горя от ума» как формульного произведения о борьбе нового со старым хорошо прояснил И. А. Гончаров, когда в бесподобном своем этюде «Мильон терзаний» (1872) писал, что «Чацкий неизбежен при каждой смене одного века другим» и что «литература не выбьется из магического круга, начертанного Грибоедовым, как только художник коснется борьбы понятий, смены поколений».[13] Иначе говоря, в жизни и в литературе Чацкие возникают постоянно, и так будет всегда, пока существует развитие жизни. И это обеспечивает произведению Грибоедова долгую жизнь. Гончаров сам указал на двух великих «Чацких», переживавших «мильон терзаний»: это Белинский и Герцен. О Белинском, о его «горе от ума» сказал также А. В. Луначарский: «Белинский страшно умен и от этого горевал всю свою жизнь, потому что умному человеку в России времен Белинского было страшно жить».[14]

---

[11] *Горнфельд А.* О толковании художественного произведения//Русское богатство. 1912. № 2. С. 152.

[12] *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 114.

[13] *Гончаров И. А.* Собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 32.

[14] *Луначарский А. В.* Очерки по истории русской литературы. М., 1976. С. 61—62.

«Чацкими» были многие декабристы. В. К. Кюхельбекер, по Тынянову, был даже одним из прототипов Чацкого; был им и П. Я. Чаадаев. И до сих пор в глазах каждого сколько-нибудь образованного и вдумчивого читателя «Горе от ума» имеет трагический реально-исторический фон, связанный с судьбами Радищева, декабристов, Пушкина, Лермонтова, самого Грибоедова... Таковы Грибоедов и «Горе от ума» в современной советской поэзии (Б. Окуджава — «Грибоедов в Цинандали», Е. Евтушенко — «Пушкинский перевал», Б. Корнилов — «В селе Михайловском»):

> Острословов очкастых не любят цари...
>
> (Б. Окуджава)

«Горе от ума» — гениальная всеобъемлющая формула развития жизни. Это — чистейшая диалектика, отлитая в художественные формы. В этом секрет жизненности этого великого произведения — такой жизненности, в которой А. Блок усматривал даже загадку, характеризуя «Горе от ума» как «до сих пор неразгаданное и, может быть, величайшее творение всей нашей литературы».[15] Сам Блок охотно использовал «Горе от ума» при случае, проецируя его на те или иные жизненные ситуации. Например, в дневнике 29 октября 1911 г.: «В Москве Матисс, „сопровождаемый символистами“, самодовольно и развязно одобряет русскую иконопись — „французик из Бордо“».[16]

М. А. Якубова

А. С. ГРИБОЕДОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РАЗНОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», написанная в начале 20-х гг. прошлого столетия, уже через несколько лет после своего рождения породила многочисленные подражания, став неиссякаемым источником заимствований. Эти подражания и заимствования, вышедшие из-под пера как ведущих русских писателей, так и авторов «второго» ряда, не раз становились объектом литературоведческих изысканий. Но значение бессмертной комедии Грибоедова в развитии отечественной литературы столь велико, что разработку указанной проблемы нельзя считать завершенной.

Рукописные экземпляры комедии, а также периодические и непериодические издания прошлого все еще хранят немало случаев творческого обращения к «Горю от ума», обнаружение и анализ которых способны значительно расширить наши представления о популярности грибоедовского шедевра.

---

[15] *Блок А. А.* Собр. соч. Т. 6. С. 138—139.
[16] Там же. Т. 7. С. 78.

В свете вышеизложенного особенно интересным представляется анонимно изданная комедия с характерным названием «Чацкий в Баку», опубликованная в 1907—1908 гг. в еженедельном юмористическом журнале «Джигит».

Журнал этот издавался в Баку в 1907—1920-х гг. и пользовался большой популярностью в прогрессивных кругах азербайджанской общественности. На его страницах находили отклик наиболее значительные события как внутренней, так и международной жизни. Эти события зачастую преподносились читателям в острой сатирической форме. На страницах «Джигита» обличались пошлость, мещанство, взяточничество, казнокрадство, порочность бакинской «золотой» молодежи. Острого пера сотрудников «Джигита» не мог избежать ни городской голова, ни бакинские гласные, ни даже члены Государственной Думы и т. д. В статьях, фельетонах, юморесках и других произведениях в слегка завуалированной форме была дана целая галерея представителей самых различных слоев азербайджанского общества начала века.

Все эти вопросы нашли своеобразное отражение в комедии «Чацкий в Баку». Сопоставление сюжетной интриги и образной системы двух произведений лишний раз свидетельствует о популярности «Горя от ума» в дореволюционном Азербайджане.[1] В комедии «Чацкий в Баку» читатель (или зритель) вновь встречается с целым рядом героев «Горя от ума». Фамилии некоторых прообразов сохранены (Чацкий, служанка Лиза), других — несколько видоизменены (*Репов* — вместо *Реп*етил*ов, Фю*рюз*ов* — вместо *Фа*мус*ов*), третьих — полностью заменены (супруги Сморчковы — вместо супруги Горичи), но, главное, — все они легко узнаваемы.

В отличие от комедии «Горе от ума», состоящей, как известно, из четырех действий, «Чацкий в Баку» более лаконичен: он включает всего два действия. Место действия комедии «Чацкий в Баку», осовремененный сюжет которой разворачивается почти по тому же принципу, что и сюжет «Горя от ума», перенесено на бакинскую почву, в дом местного богача Фюрюзова и Общественное собрание. В начале пьесы читатель знакомится с бывшей актрисой Фарсовой, некогда любившей Чацкого, а в настоящее время находящейся на содержании у Фюрюзова и размышляющей о превратностях судьбы, заставившей ее пойти на этот шаг. Притворившись спящей при появлении Фюрюзова, она слышит, как тот демонстрирует ее своему другу Алтиеву в качестве новой и дорогостоящей покупки.

После ухода Фюрюзова и Алтиева в комнату врывается Лиза и сообщает о возвращении Чацкого. Интересно, что в эту сцену автор ввел описание сновидения, что, безусловно, восхо-

---

[1] О популярности «Горя от ума» в Азербайджане начала нашего столетия см.: *Якубова М. А.* Еще в начале века//Литературный Азербайджан. 1984. № 12. С. 111—112.

дит к комедии Грибоедова. Но, если в «Горе от ума» свой сон рассказывает, как известно, Софья, то в комедии «Чацкий в Баку» эту миссию выполняет Лиза. И если в сне Софьи центральное место занимает Молчалин, то в описании сна Лизы из комедии «Чацкий в Баку» речь идет о Чацком.

Второе действие нашей комедии разворачивается на балу в Общественном собрании вечером того же дня, подобно третьему действию «Горя от ума», где описан бал в доме Фамусова. Чацкий, как и его литературный предшественник, после трехлетнего отсутствия вернувшийся в родной город, приезжает на бал (прямо «с корабля на бал»!) в надежде встретить здесь Фарсову. Интерес представляет включенный в это действие диалог между главным героем и Семеновым, встретившимися здесь:

Чацкий

Что нового покажет мне Баку?
Сегодня нард, как и вчера!
Тот обыграл, а этот отдал игроку,
Все тот же толк и те же маклера.

Семенов

Гоненье на Баку! *Что значит видеть свет.*
Где ж лучше?

Чацкий

Где бакинцев *нет...*

(курсив мой. — *М. Я.*).

Как видно из подчеркнутых мест, диалог этот, с одной стороны, прямо восходит к «Горю от ума», а с другой, — в нем имеются и местные нюансы (бакинский нард, азартные игры, маклера).

И в дальнейшем, в течение всего действия Чацкий встречается со своими прежними знакомыми, которые составляют своеобразную галерею жителей дореволюционного Баку, но в то же время так напоминают героев грибоедовской комедии. Например, в речи Семенова легко улавливаются фразы, характерные сразу для двух персонажей «Горя от ума» — Скалозуба и Загорецкого: в ответ на речь Чацкого, критически рассуждающего о жизни и нравах бакинского света, Семенов замечает:

Мне нравится при этой смете
Искусно как коснулись вы покоя
От мух и пауков.

У Грибоедова Скалозуб в ответ на знаменитую речь Чацкого «А судьи кто?..» произносит:

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам...

В диалоге же с Реповым Семенов признается в своих «либеральных» взглядах словами Загорецкого:

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал...

Выше мы говорили о том, что прообразом Репова, представителя одного из банков, является Репетилов. Так, Репов, рассуждая о пользе вина, совсем по-репетиловски рассказывает о местном клубе, где *«напоят шампанским на убой»*...

И наконец, Чацкий. Из реплик персонажей комедии мы узнаем, что он, как и его однофамилец-предшественник, после трехлетнего заграничного путешествия возвращается в столицу, где в первый же вечер выступает с критикой местного общества:

Ну что ваш город, в том же виде.
У города и ныне граждане в обиде?
А как вопрос квартирный обстоит?
Все те же оглушительные цены,
И тот же алчный аппетит?
Ну, а вода? в ней нет-ли перемены,
Протухлая все, мутная на вид?
И сад ваш городской,
Все чахл, деревья все подбиты,
Ну, а колодцы те, куда порой
Летел бакинец, все еще открыты?
А мостовые? Улицы и ныне все без них?
А пыль, а пыль на мостовых
Слоями толстыми ложится и сейчас.
В дождь образуя записную грязь?
Народ, как встарь, по улицам гуляет
И чистит их все безвозмездно,
А город так же полагает,
Что все, что даром, то полезно,
А жизнь людей как? ценится ль дороже,
Или господствует все то же:
Чуть вышел из дому — страстей разгул,
Иль «руки вверх» иль ноги протянул,
А как насчет прекрасной половины,
Свободна жизнь ея, вольна, легка,
Или, как муха в паутине,
Живет, чтоб стать добычей «паука»?
Да, кстати, к дамам перейдем,
Что нынче так же, как издревле
Хлопочут дамы об одном,
Как бы одеться не дешевле
Своих подруг: затмить их туалетом,
На вечере «хозяйкой» щегольнуть,
Держать «амуры» под секретом.
И заграницей летом «отдохнуть»,
Чтобы затем в «салонном» разговоре
Отметить с томностью во взоре
Самодовольно-важным тоном
Ничтожество Баку пред Лиссабоном?
А их мужья? что нынче в их руках?
Билльярдный кий и те же карты,
Когда же жены на «водах»,
Их также ширятся азарты,

И по жене тоска, печаль
Несет без удержа в Кристаль
Уж на рассвете?..

Как видно из приведенного отрывка, речь Чацкого, хотя и далека в художественном отношении от грибоедовского шедевра слова, также страстна и обличительна, как и речь главного героя «Горя от ума».

В финале пьесы Чацкий узнает об измене Фарсовой, предпочтившей ему тупого и самодовольного богача Фюрюзова. Оскорбленный до глубины души, разочарованный в своих надеждах Чацкий произносит пылкую речь:

Слепец! где счастья я искал,
С кем был, куда попал!
Все карлики душой, развратом великаны,
Здесь нефтью и распутством бьют фонтаны,
Здесь уцелеть — большое чудо,
И счастлив тот, кто мог
Скорее вырваться отсюда.
Вон из Баку! *Сюда я больше не ездок!..*

Очевидно, что в литературном отношении герой рассматриваемой нами комедии несколько далек от образа бунтаря-одиночки из комедии «Горе от ума». Да и сам основной конфликт здесь низведен до противорчия между Чацким и окружающим его обществом, противоречия, лишенного той социально-политической остроты, что так характерна для гениального творения А. С. Грибоедова. Данное обстоятельство обусловлено, на наш взгляд, рядом причин, первой и наиболее важной из которых является эпоха, когда создавался «Чацкий в Баку». Опубликованная в период разгула черносотенного террора, последовавшего после разгрома первой русской революции (1905—1907 гг.), пьеса эта явилась свидетельством определенной смелости ее автора, хотя и скрывшегося под псевдонимом «Маска».

Другой, не менее важной, причиной является то, что автором бессмертной комедии «Горе от ума», комедии, ставшей явлением не только своего времени, но и последующих поколений, был гениальный поэт и драматург А. С. Грибоедов. Превзойти его трудно, приблизиться к нему — по плечу лишь большому и самобытному таланту. Таким качеством безвестный автор анализируемой азербайджанской комедии, к сожалению, не обладал.

И тем не менее значение рассматриваемой пьесы трудно переоценить. Сопоставление текстов обеих комедий показало, что неизвестный драматург является прекрасным знатоком «Горя от ума». Написанная под влиянием замечательного творения А. С. Грибоедова, пьеса «Чацкий в Баку» оказалась сатирой, обличающей быт и нравы дореволюционной азербайджанской столицы. Приведенный выше отрывок из речи Чацкого «Ну что ваш город...» — яркая иллюстрация тому. Немалый интерес представляют и персонажи комедии: Фюрюзов, Алтиев, Репов,

Снежин, Раева, Семенов и другие. Хотя появление некоторых из них эпизодично, но все они вместе взятые и каждый в отдельности являются яркими представителями чиновничье-буржуазного общества Баку.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что уже в дореволюционное время комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» была широко известна в прогрессивных кругах Азербайджана, а ее образы и сюжетная интрига творчески использовались ими в борьбе с социальной несправедливостью и негативными сторонами тогдашней жизни.

Г. И. Магнер

ВЗГЛЯД НА «МНИМУЮ ЭПИГРАММУ ГРИБОЕДОВА»

I

В марте 1940 г. «Литературная газета» опубликовала статью Г. И. Кублицкого, в которой было приведено неизвестное стихотворение А. С. Грибоедова (шестистрочная строфа), обнаруженное в Красноярске в рукописном собрании Г. В. Юдина:

Вы, коих беглый ум влечет
То к музам, то на поле брани,
Которым в руки он кладет
То кисть, то ветвия чекани,
Не будьте Вы
И в дружбе таковы.

А. С. Гриб.[1]

Литературоведы долго не обращались к этой публикации. Только в 1976 г. в журнале «Русская литература» (№ 3. С. 181—184) была напечатана статья П. С. Краснова «О мнимой эпиграмме Грибоедова». П. С. Красновым использована фотокопия стихотворения, полученная им из Красноярского краевого архива вместе с краткой справкой о том, что дата снятия копии неизвестна, а подлинник при передаче части коллекции Г. В. Юдина в Центральный государственный архив литературы и искусства не обнаружен. Как указывает П. С. Краснов, текст стихотворения опубликован в «Литературной газете» неточно: не соблюдена пунктуация подлинника (исследователем она не воспроизводится), напечатано «беглый» вместо «беглой». Подпись автора стихотворения читается на фотокопии как «А. Гри» или «А. Ери», но ни в коем случае не «Гриб.». Текст написан не рукой драматурга.

П. С. Краснов называет стихотворение «эпиграммой», исходя из предположения, что она относится к тому «роду прох-

[1] *Кублицкий Г.* Ценнейшее собрание рукописей // Литературная газета. 1940. 10 марта. № 14. С. 6.

лаждения прежней дружбы» с А. П. Ермоловым, о котором писал Грибоедов С. Н. Бегичеву 9 декабря 1826 г.,[2] и направлено против Грибоедова, хотя написано «не в обычном, зло высмеивающем стиле этого жанра, а в доброжелательном тоне», в нем «отмечаются все положительные качества Грибоедова и в лояльной форме рекомендуется не разрывать дружбу с Ермоловым». Временем создания «эпиграммы» П. С. Краснов считает промежуток между возвращением Грибоедова в Тифлис после освобождения из-под ареста по делу декабристов (3 сентября 1826 г.) и передачей Ермоловым командования отдельным Кавказским корпусом Паскевичу (28 марта 1827 г.).

Выводы П. С. Краснова опираются на анализ архивной фотокопии стихотворения. На листе, где оно было записано, имелось еще несколько записей. На верхнем обрезе — латинская, представленная исследователем в переводе: «Этот нерушимый оплот (дословно — «крепкая железная стена») не боится никакой вины (или «ошибок»)». На нижнем обрезе — русская: «Желательно мне знать, какой был на ето вам ответ (одно неразобранное слово) Грибоедова. 10 мая 1840 года, Тифлис». На правой стороне, перпендикулярно записи стихотворения, написано по-грузински: «Радует Ваш приезд сюда, в свое Отечество. Если спросишь, почему? Потому что приятно моему сердцу видеть в Иверии грузина, который в России является ведущим лицом и в деле справедлив». Здесь же еще одна запись по-русски: «Кто до редкостей не охотник? К<нязь> А. Чавчавадзе. 10 мая 1840. Тифлис». Как отмечает П. С. Краснов, две записи сделаны 10 мая 1840 г. в Тифлисе, и, по-видимому, грузинский текст появился тогда же (это же следует сказать и о латинском тексте). Отсюда исследователь делает вывод, что «10 мая 1840 г. несколько друзей собрались в Тифлисе и, рассматривая, по определению А. Чавчавадзе (тестя Грибоедова), редкую эпиграмму, сделали на ней свои замечания». Запись на нижнем обрезе представляется П. С. Краснову бесспорным доказательством того, «что эпиграмма атрибутирована Г. Кублицким неверно. Если бы Грибоедов был ее автором, то не было бы никакого смысла показывать ему его же произведение. А надпись утверждает, что она показывалась ему и собравшиеся интересовались реакцией драматурга».

Относительно владельца «эпиграммы», по словам П. С. Краснова, «имеются предположения», что им был М. П. Баратаев, симбирский губернский предводитель дворянства, в марте 1826 г. находившийся вместе с Грибоедовым под арестом по делу декабристов на гауптвахте Главного штаба. В 1839 г. Баратаев был назначен начальником Закавказского таможенного округа, в связи с чем переехал на жительство в Тифлис. Грузинская же запись, приветствующая приезд владельца «эпиграм-

---

[2] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 584. Далее ссылка на это издание дается в тексте (Соч. С.).

мы» в Тифлис, перекликается с одной строфой стихотворения Николоза Бараташвили «Могила царя Ираклия», посвященного тому же М. П. Баратаеву:

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаньями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга. [3]

(Перевод Б. Пастернака)

Данное предположение (к сожалению, П. С. Краснов не указывает, от кого оно исходит — от переводчика ли грузинской записи, или от другого лица) вполне убедительно и ценно тем, что устанавливает личности сразу двух участников беседы: владельца листа с текстом Михаила Петровича Баратаева и автора грузинской записи, великого грузинского поэта Николоза Мелитоновича Бараташвили.

По мнению П. С. Краснова, автограф попал к Баратаеву как к коллекционеру: «Известный в свое время нумизмат, Баратаев несомненно интересовался и автографами». Показать «эпиграмму» Грибоедову, как полагает исследователь, Баратаев мог в 1827 или 1828 г., встретившись с ним в Петербурге или на Кавказе.

Но кто же был автором эпиграммы? Вывод П. С. Краснова сводится к тому, что автор «принадлежит к ермоловскому окружению, еще не порвавшему с драматургом». Но в ермоловском окружении ни одного человека, кроме Грибоедова, с именем «А. Гри...» и никого с именем «А. Ери...» мы не знаем (если, конечно, не вообразить, что за росчерком «А. Ери...» скрывается сам Алексей Петрович Ермолов).

Неубедительно утверждение П. С. Краснова, что запись на нижнем обрезе, содержащая вопрос об ответе на «это» Грибоедова, «не оставляет никаких сомнений» в том, что автор «эпиграммы» — не Грибоедов. Надпись может говорить как раз об обратном. Ведь нет никакой гарантии, что под словом «это» подразумевается данное стихотворение. Если согласиться, что это так, то надо полагать, что ответ Грибоедова был сообщен М. П. Баратаевым участникам беседы устно. Но с не меньшим основанием можно допустить, что устно Баратаев пересказал собравшимся какой-то свой вопрос, заданный Грибоедову, а ответом Грибоедова на «это», т. е. на этот вопрос, является стихотворение.

Трудно представить, чтобы князь А. Г. Чавчавадзе, отец вдовы Грибоедова, один из самых близких к нему людей, безучастно отнесся к эпиграмме, направленной против его трагически погибшего зятя, просто как к экземпляру коллекции автографов: «Кто до редкостей не охотник?». Едва ли и Баратаев стал бы показывать такую эпиграмму тестю Грибоедова как вещь, достойную внимания с точки зрения коллекционера.

---

[3] *Бараташвили Н.* Стихотворения, поэмы, письма. Тбилиси, 1968. С. 82.

Не совсем ясна и обстановка, в которой, по представлениям П. С. Краснова, были сделаны замечания на листе, не связанные по смыслу ни со стихотворением (кроме вопроса об ответе Грибоедова), ни друг с другом. Вообще непонятно, зачем понадобилось Баратаеву представлять собравшимся «редкий автограф» для исписывания его вдоль и поперек относящимися и не относящимися к делу замечаниями.

Утверждение П. С. Краснова, что Баратаев как нумизмат «несомненно интересовался и автографами», не имеет под собой никаких оснований. Известно множество нумизматов, которые автографов не коллекционируют.

Все это заставляет серьезно усомниться в справедливости заключений П. С. Краснова.

II

Ввиду того что альтернативой сделанному исследователем выводу может быть только принадлежность стихотворения Грибоедову, автор этих строк обратился в Красноярский краевой архив с просьбой выслать фотокопию документа и одновременно к первому публикатору стихотворения Г. И. Кублицкому с вопросом об основаниях, по которым оно атрибутировалось Грибоедову. Из Красноярского краевого архива был получен ответ, что копии стихотворения в оставшейся части Юдинской коллекции не имеется. Не оказалось ее и в ЦГАЛИ (вероятно, единственная фотокопия была выслана Красноярским архивом П. С. Краснову). Зато Кублицкий дал новое направление поискам. Он указал, что первая публикация была осуществлена по данным Е. И. Владимирова, бывшего сотрудника Красноярского краевого архива, ныне краеведа, обнаружившего стихотворение в Юдинской коллекции.

Ефим Ильич Владимиров в письмах от 3 июня и 3 июля 1977 г. сообщил ряд ценных сведений о своей находке. В 1939—1940 гг. он по поручению директора архива М. П. Петрушина производил разбор Юдинской коллекции. Среди разрозненных рукописей его внимание привлекла небольшая бумажка, в четверть полулиста, со стихотворными строчками, подписанными «Ал. Гриб.» и другими текстами на русском, латинском и грузинском языках, а на обороте — на французском языке. Это был листок с «позолоченными» торцами из какого-то альбома или блокнота. Поскольку грузинский текст в Красноярске перевести не удалось, Е. И. Владимирову было поручено сделать это во время поездки в Москву в марте 1940 г. Перевод был осуществлен в Грузинском секторе редакции «Ведомостей Верховного Совета СССР». Редактор Грузинского сектора Николай Цхакая перевел эти строки так: «Рад приезду твоему, в старую свою отчизну. Если спросишь почему? Потому что сердцу радость, когда вижу в Иверии грузин, проникнутых рус-

ским чувством...» Не разобранное в фотокопии П. С. Краснова слово оказалось написанным по-грузински. Это слово — подпись жены Грибоедова: «Нина». Вся подпись — «Нина (по-грузински) Грибоедова».[4]

В личном архиве Е. И. Владимирова хранится сделанный им список с русских текстов подлинника и перевод иноязычных. Текст стихотворения, с неправильной пунктуацией (в отличие от первой публикации, не отражающей пунктуации подлинника) и написанием «будте» вместо «будьте», в целом имеет следующий вид:

Вы, коих беглой ум влечет,
То к музам, то на поле брани,
Которым в руки он кладет,
То кисть, то ветвия чекани.
Не будьте Вы
И в дружбе таковы.

Ал. Гриб.

По свидетельству Е. И. Владимирова, подпись «Ал. Гриб.» в подлиннике была совершенно четкой. Неполноту подписи в фотокопии, имеющейся у П. С. Краснова, Е. И. Владимиров объясняет тем, что фотокопия могла быть сделана с большими дефектами: в 1939—1940 гг. специальной фотолаборатории в архиве не было, и в случае необходимости носили дела в фотографию или в архив приходил фотограф (что касается инициалов «А. С.» вместо «Ал.» в публикации «Литературной газеты», выполненной по данным Е. И. Владимирова, то, очевидно, дело здесь в том, что буква «л» со скорописной петлей вверху в почерке Е. И. Владимирова легко могла представиться читающему соединением точки после инициала «А» с инициалом «С»).

На обороте подлинника были помещены французские стихи с подписью, прочитанной как «E. kel...» Сохранившийся у Е. И. Владимирова их русский перевод, сделанный в марте 1940 г. в Москве, к сожалению, изобилует неправильными оборотами речи, синтаксические связи между словами нарушены, даже смысл начальных строк восстанавливается с трудом. Похоже, речь здесь идет о том, что настоящие друзья — только те, кого судьба соединяет своими таинственными узами на основе искренней симпатии друг к другу, когда же к отношениям людей примешиваются эгоистические интересы, дружба исчезает. Лица с именем «E. kel...» в окружении Александра Чавчавадзе в Тбилиси мы не знаем. Но, поскольку это росчерк, в чтении вполне возможна ошибка. Представляется наиболее вероятным,

---

[4] Е. И. Владимиров описывает такую волнующую сцену: «Когда я показал свою находку Николаю Цхакая и его машинистке, то надо было видеть, с каким благоговением они рассматривали этот наидрагоценнейший листок! Юная машинистка, увидев подпись Нины Грибоедовой, разволновалась, приятно прослезилась, приложила к своим губам слово „Нина", начертанное по-грузински ровно сто лет тому назад!»

что в подлиннике стояло не «E. kel...», а «E. kat...» — сокращенное французское написание имени Екатерины Чавчавадзе, младшей дочери Александра Гарсевановича, которую в быту называли уменьшительным именем Эка. С 1838 г. Екатерина, выйдя замуж за мегрельского князя Давида Дадиани, жила в столице Мегрелии Зугдиди, но приезжала в Тбилиси к родным, где встречалась и с дальним родственником семьи, другом своего детства, горячо ее любившим, Николозом Бараташвили, чья запись имеется на том же листке.[5] Участие Екатерины в беседе с Баратаевым, товарищем Грибоедова по заключению, вполне естественно. Грибоедова Екатерина хорошо помнила: когда он женился на старшей сестре, ей было 12 лет. Грибоедов после отъезда в Персию неоднократно тепло вспоминал о Катеньке в своих письмах (Соч. С. 634, 642).

В целом то новое, что дает нам сообщение Е. И. Владимирова, усиливает сомнение в правильности заключений П. С. Краснова (вопрос о точном переводе грузинского текста, в связи с имеющимися расхождениями, остается пока открытым).

Присутствие Нины Грибоедовой делает еще менее вероятным предположение, что Баратаев демонстрировал собравшимся эпиграмму, направленную против Грибоедова, в качестве экземпляра коллекции редких автографов.

Факт записи стихотворения и автографов участников встречи на листке с «позолоченными» торцами говорит о том, что это листок из альбома. Так как записи Н. М. Бараташвили и Н. А. Грибоедовой-Чавчавадзе несомненно обращены к Баратаеву, ясно, что альбом принадлежал ему. Существование альбома М. П. Баратаева подтверждается письмом Николоза Бараташвили к брату его матери, известному грузинскому поэту Григолу Орбелиани. Бараташвили сообщает, что свое стихотворение «Могила царя Ираклия» (1842 г.) он записал в альбом Баратаева по его просьбе.[6] Вполне понятно, что вписывать в личный альбом Баратаева эпиграмму, направленную против Грибоедова, было бы совершенно неуместно.

Если принять, что в подлиннике под стихотворением стояла четкая подпись «Ал. Гриб.», то предположение об обсуждении участниками встречи эпиграммы, обращенной к Грибоедову, теряет под собой всякую почву. Однако поскольку возможны другие прочтения подписи, ставящие под сомнение («А.

---

[5] Попытка определить по тексту стихотворения в приближенном обратном переводе на французский язык, выполненном М. Л. Кулешовой (Московский университет, французский оригинал, воспроизведенный на странице альбома), привела к неожиданному результату. По единодушному мнению специалистов, преподавателей французской литературы Ленинградского университета и университета города Экс в Провансе (Франция), стихотворение не принадлежит ни одному из известных французских поэтов. По-видимому, автором стихов является то лицо, чьим именем они подписаны, — сама Екатерина Дадиани-Чавчавадзе.

[6] *Бараташвили Н.* Стихотворения, поэмы, письма. С. 134.

Гри...») или исключающие («А. Ери...») авторство Грибоедова, — для решения вопроса, кто был адресатом стихотворения, а кто его автором, обратимся к анализу самого текста.

III

Содержащуюся в стихотворении характеристику лица, к которому оно обращено, невозможно целиком отнести к Грибоедову. Если можно связать с именем Грибоедова положительные качества, перечисленные в первых двух строках: ум, влечение к музам, стремление «на поле брани», — то последующие две строки не находят соответствий в деятельности поэта. Ни «кисть», «ни ветвия чекани» не были ее атрибутами: «как рисовальщик Грибоедов был никакой, — говорит Н. К. Пиксанов, — хотя он иной раз и пытался зарисовать то, что видел»; [7] не был Грибоедов, насколько известно, и коллекционером монет или каких-либо других изделий из металла, украшенных чеканкой.

В то же время все перечисленные в стихотворении виды деятельности соответствуют фактам биографии М. П. Баратаева. Влечение Баратаева «к музам» выразилось в том, что в молодости он писал и даже печатал стихи. [8] Из показаний Баратаева следственной комиссии по делу декабристов видно, что он был автором масонского гимна. [9] Один из корреспондентов Баратаева, известный литератор М. А. Дмитриев, в стихотворном послании к Баратаеву (3 декабря 1824 г.) восторженно отзывался о его поэтическом даровании и остроумии, признавая свою неспособность состязаться с ним в поэтическом мастерстве:

Шалуньи Пинда прихотливы!
Кто не зовет, к тому и льнут. [10]

Влечение к «полю брани» проявилось у Баратаева гораздо ярче, чем у Грибоедова, который в боях никогда не участвовал. Баратаев же, родившийся в 1784 г., был ветераном войн с Наполеоном. Он принимал участие во многих сражениях, не раз вызывался в охотники. За храбрость и распорядительность в 1807 г. он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом, золотым крестом за Прейсиш-Эйлау и прусским орденом. В сражении при Альтенбурге, во время руководимой

---

[7] Из неопубликованного наследия Н. К. Пиксанова // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977. С. 270. Рисунки Грибоедова см.: Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. 3. С. 77. 79.

[8] *Савельев П. С.* Князь М. П. Баратаев // Известия имп. Археологического общества. СПб., 1857. Т. 1. Вып. 1. Стб. 20. См. об этом также: *Баюшев В.* Князь М. П. Баратаев // Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Симбирск, 1868. С. 229.

[9] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 199, л. 41.

[10] См.: *Баюшев В.* Князь М. П. Баратаев. С. 227.

им кавалерийской атаки на неприятельское каре, Баратаев получил ранение в ногу и в 1809 г. был уволен от службы,[11] оставшись, по его словам, «инвалидом с пулею в ноге».[12]

Непосредственными данными о «кисти» в руках Баратаева мы не располагаем, однако возможно, что избрание Баратаева в 1846 г. почетным вольным общником Петербургской академии художеств связано не только с его книгой («Нумизматические факты Грузинского царства»), но и с увлечением живописью: в протоколе об избрании сказано: «Во уважение любви и познания в художествах и пользы, принесенной оным».[13]

Особенно четким отражением увлечений Баратаева является упоминание в стихотворении «ветвий чекани»: он был выдающимся нумизматом. Страсть Баратаева к нумизматике была так велика, что явилась причиной расстройства его состояния. С молодости начав собирать древние монеты, он создал в своем имении Баратаевке под Симбирском великолепный нумизматический музей с единственным тогда в мире грузинским отделом. В 1844 г. Баратаев опубликовал большую книгу о грузинских монетах на русском, французском и грузинском языках «Нумизматические факты Грузинского царства», составившую «эпоху в грузинской нумизматике».[14] За этот труд и изобретенный им оригинальный способ копирования древних монет Баратаев был избран членом Парижской Академии Наук.[15]

В книге Баратаева были, в частности, упомянуты монеты, чеканенные в Тифлисе после присоединения Грузии к России.[16] На грузинских монетах, выпускавшихся Тифлисским монетным двором с 1804 по 1833 г., на лицевой стороне под эмблемой города — зубчатой короной — и надписью «Тбилиси» чеканились две перекрещивающиеся ветви, пальмовая и оливковая.[17] Они-то, очевидно, и названы в стихотворении «ветвиями чекани». К увлечению Баратаева нумизматикой, несомненно, относится и запись А. Г. Чавчавадзе «Кто до редкостей не охотник?»

Всё это позволяет сделать вывод, что интересующее нас стихотворение было адресовано Баратаеву. Автором этого стихотворения был его друг, пишущий ему о своем желании сохранить его дружбу. Подпись под текстом «Ал. Гриб.» или «А. Гри...» говорит в пользу того, что этот друг — Александр Грибоедов, товарищ Баратаева по заключению и поэт.

---

[11] Там же. С. 223—224.

[12] *Баратаев М. П.* Нумизматические факты Грузинского царства. СПб., 1844. Предисловие. С. VII.

[13] *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. СПб., 1866. Ч. 3. С. 65.

[14] *Савельев П. С.* Князь М. П. Баратаев. Стб. 20—22.

[15] Некролог: Князь М. П. Баратаев // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1856. Ч. 91, отд. 7. С. 107.

[16] *Баратаев М. П.* Нумизматические факты Грузинского царства. Распределение монет на разряды. С. 6.

[17] *Капанадзе Д. Г.* Грузинская нумизматика. М., 1955. С. 132. Табл. 16, № 192—197.

Поэтическая манера, в которой написано стихотворение, вполне согласуется с этой точкой зрения. Первые четыре строки пересыпаны архаизмами, в духе «архаистических увлечений» Грибоедова: «коих», «беглой», «влечет», «поле брани», «ветвия». Последние две строки написаны в стиле обычного дружеского послания с его живой разговорной речью. Размер здесь резко меняется, становится легким, стремительным, количество стоп в строках различно, как в «Горе от ума», и вся фраза предельно лаконична и выражает самую суть дела, как знаменитые грибоедовские афоризмы.

Сочетание тем «ума» и «влечения к музам» также характерно для Грибоедова:

В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным. [18]

Поводом, чтобы предостеречь Баратаева от попыток соединения несоединимых крайностей в выборе друзей, могли послужить взаимоотношения Баратаева с М. А. Дмитриевым, литературным недругом Грибоедова. Баратаев состоял в переписке и с ним, и с его знаменитым дядей, поэтом И. И. Дмитриевым [19] (по рождению оба были симбирцами, земляками Баратаева). В упомянутом стихотворном послании М. А. Дмитриева Баратаеву от 3 декабря 1824 г. имеется место, сходное по содержанию, синтаксическому построению и стихотворному размеру с исследуемым стихотворением:

Кто много видел, много жил,
Кого рубили, кто рубил,
Кто, каждым пользуясь мгновеньем,
Делил свой дельный недосуг
Меж пользой или наслажденьем,
Тот вечно музам лучший друг. [20]

Здесь также дана характеристика адресата, говорится и о его дружбе с музами, и о его действиях на «поле брани», и о разделении им своего «недосуга» между различными делами и увлечениями. Вероятно, в разговорах с Грибоедовым о литературе во время совместного пребывания в заключении Баратаев познакомил его с этим посланием Дмитриева. Живя в Симбирске, Баратаев мог и не знать, что в 1825 г. Дмитриев и его приятель А. И. Писарев выступили на страницах московского журнала «Вестник Европы» с резкими нападками на «Горе от ума», [21] что ими сочинялись и распространялись эпиграммы и сатирические стихи с грубыми выпадами против Грибоедова. [22] Грибоедов в направленной против

[18] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М., 1969. С. 45.
[19] *Баюшев В.* Князь М. П. Баратаев. С. 226.
[20] Там же. С. 227.
[21] Вестник Европы. 1825. № 6. С. 111—116; № 10. С. 108—119.
[22] Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века / Сост. В. Орлов. М.; Л., 1931. Т. 2. 1800—1840. С. 198—209, 218—219.

них эпиграмме назвал их «казенными бойцами», «холопами „Вестника Европы“» (Соч. С. 333). Эти оценки свидетельствуют о том, что литературно-эстетические разногласия имели под собой идейно-политическую основу. При таком положении сохранять дружеские отношения с обоими противниками было невозможно. Баратаев должен был сделать между ними выбор. По всей видимости, этим и было продиктовано стихотворное обращение к Баратаеву с призывом не раздваиваться в дружбе.[23] Тот факт, что стихотворение написано не рукой Грибоедова, не опровергает его авторства. Нам ничего не известно о каких-либо встречах Грибоедова с Баратаевым после их совместного пребывания в заключении в 1826 г. по делу декабристов, где у Баратаева, надо думать, альбома при себе не было. После освобождения из-под ареста Баратаев уехал в Симбирск, Грибоедов — на Кавказ. Предположение П. С. Краснова о встрече Грибоедова с Баратаевым в 1827 или 1828 г. в Петербурге или на Кавказе ничем не обосновано. В столицу Баратаев приезжал редко,[24] и о посещении им Петербурга в период пребывания там Грибоедова, с 14 марта по 6 июня 1828 г., нет никаких данных, а встреча на Кавказе исключается тем обстоятельством, что Баратаев, по его собственному свидетельству, впервые приехал на Кавказ в 1839 г.,[25] после назначения начальником Закавказского таможенного округа, когда Грибоедова уже не было в живых. Таким образом, стихотворение было написано скорее всего в заключении, и поэтому не могло быть внесено Грибоедовым в альбом Баратаева собственноручно.

Обстановку, в которой стихотворение было вписано в альбом Баратаева 10 мая 1840 г., можно попытаться представить. Присутствие среди участников встречи А. Г. Чавчавадзе, его дочерей и Николоза Бараташвили говорит о том, что встреча происходила в доме Чавчавадзе. Из содержания записей видно, о чем шел разговор. Говорили о приезде Баратаева в Тбилиси, о последствиях присоединения Грузии к России (запись Бараташвили), об интересе Баратаева к истории Грузии и его нумизматических увлечениях (замечание Чавчавадзе), о его аресте по делу декабристов (латинский текст), о Грибоедове (запись Нины Грибоедовой), о дружбе, связавшей Баратаева с Грибоедовым и семьей Чавчавадзе (запись Екатерины). В ходе визита Баратаев попросил своих собесед-

---

[23] Есть основания полагать, что Баратаев всецело принял сторону Грибоедова, вплоть до разрыва с Дмитриевым: в двухтомном собрании стихотворений последнего, вышедшем в 1865 г., нет ни указанного послания к Баратаеву, представляющего, несомненно одно из лучших стихотворений автора, ни каких-либо иных упоминаний о Баратаеве (*Дмитриев М. А.* Стихотворения. М., 1865. Ч. 1 и 2).

[24] *Савельев П. С.* Князь М. П. Баратаев. Стб. 20.

[25] *Баратаев М. П.* Нумизматические факты Грузинского царства. Предисловие. С. XII.

ников записать что-либо в его альбом, чтобы сохранить их автографы на память о дружеской встрече.

Один из присутствующих, намекая на политическое прошлое Баратаева, вывел на верхнем обрезе листа торжественную латинскую фразу: «Этот нерушимый оплот не боится никакой вины» [26] — и подвинул альбом сидевшему на другой стороне стола князю Чавчавадзе. Александр Гарсеванович сделал краткую запись на правом обрезе листа (слева лист был вшит в альбом), оставляя место остальным собеседникам, о своем понимании увлечения Баратаева грузинской нумизматикой: «Кто до редкостей не охотник?» Над текстом А. Г. Чавчавадзе, вплотную к нему (о таком расположении записей сообщает Е. И. Владимиров), Николоз Бараташвили написал о своем отношении к приезду Баратаева «в старую свою отчизну» и передал альбом Нине Александровне. Отношение Нины к Баратаеву определялось прежде всего тем, что он был другом ее горячо любимого мужа, и она вместо ответа на вопрос Баратаева, заданный в связи с записями в альбом, попросила его сообщить, «какой был на это вам ответ», сделав запись в самом низу листа, чтобы дать возможность Баратаеву вписать ответ Грибоедова на этот же вопрос. Екатерина, оставляя место на лицевой стороне листа для ответа Баратаева Нине, записала на обороте французские стихи с упоминанием об узах бескорыстной дружбы, которыми соединяет людей судьба. Альбом вернулся к Баратаеву. И тогда Баратаев, прочтя записи, вписал в середине листа обращенные к нему «шесть строк Грибоедова» и поставил подпись «Ал. Гриб.» или росчерк «А. Гри...». [27]

Из всего сказанного можно сделать вывод, что стихотворение, обнаруженное Е. И. Владимировым в Юдинской коллекции, правильно атрибутировано им А. С. Грибоедову, адресовано товарищу Грибоедова по заключению М. П. Баратаеву и внесено Баратаевым в собственный альбом 10 мая 1840 г., в Тбилиси, в доме А. Г. Чавчавадзе.

Это стихотворение намечает еще один аспект в изучении связей Грибоедова с участниками общественного движения

---

[26] Можно предположить, что это был Г. Д. Орбелиани, друг Александра Чавчавадзе, дядя Николая Бараташвили безответно любивший Нину Грибоедову, выдающийся грузинский поэт и мастер афоризма, один из идейных вождей грузинского заговора 1832 г., входивший вместе с А. Чавчавадзе в состав его республиканского крыла, близкого к декабризму (в упомянутом выше письме Н. Бараташвили к Г. Орбелиани указание о записи стихотворения «Могила царя Ираклия» в альбом М. П. Баратаева производит впечатление, что и Баратаев и его альбом Григолу Орбелиани уже знакомы).

[27] Сходство «Гри...» с «Ери...» на фотокопии, имеющейся у П. С. Краснова, объяснимо характерной особенностью почерка М. П. Баратаева: вместо прописной буквы «Г» он нередко ставил большую строчную «г» с верхним завитком в виде кольца, отчего она становилась очень похожей на прописную «Е», которую Баратаев писал с таким же кольцом, только выведенным справа налево (см., например: ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 199, л. 26 — слово «Господин»; л. 19 — слово «Егор»).

1810—1820-х гг., хотя роль Баратаева в движении (как и роль самого Грибоедова) еще недостаточно ясна.[28] Оба были освобождены из-под ареста с «очистительным аттестатом», однако понятно, что для современного исследователя заключения следственной комиссии не имеют обязательной силы. Латинская надпись: «Этот нерушимый оплот не боится никакой вины» — содержит многозначительный намек на фактическую виновность Баратаева. Люди, собравшиеся в тесном дружеском кругу 10 мая 1840 г. в доме А. Г. Чавчавадзе, видимо, знали и о Баратаеве, и о Грибоедове многое, чего не знаем мы сегодня.

О. А. Левченко

ГРИБОЕДОВ И РУССКАЯ БАЛЛАДА 1820-х гг. («ГОРЕ ОТ УМА» И «ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ»)

Участие Грибоедова в спорах вокруг романтической баллады началось в 1816 г. статьей в журнале «Сын отечества» по поводу двух переводов бюргеровой «Леноры». В дальнейшем у него не было прямых публичных выступлений по этому вопросу. Однако было бы заблуждением предполагать, что поэт и драматург, творческая активность которого к 1820-м гг. достигла расцвета, один раз проявив горячее участие в судьбе балладного жанра, утратил к нему интерес именно тогда, когда баллада вновь оказалась в центре литературной полемики. Отголоски полемики 1816 г. встречаем в «Путевых записках» (1818—1827) и письмах Грибоедова. Оригинальный вклад поэта в судьбу русской романтической баллады находим и в самом его поэтическом наследии.

В письмах друзьям конца 1810—1820-х гг. и в «Путевых записках» Грибоедов не однажды заводит речь о собственном литературном труде. Тяготы и заботы походного образа жизни во время пребывания на Кавказе не могут освободить его сознания от литературных ассоциаций, творческая мысль напряженно работает. Мысли о собственной писательской карьере и даже просто личной судьбе прорастают в атмосферу современной литературной действительности, перемежаются прямыми и скрытыми литературными реминисценциями. В одном из эпизодов «Путевых записок» Грибоедов говорит: «В виду у

[28] См. по этому вопросу: Восстание декабристов: Материалы. Л., 1925. Т. 8. С. 28; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1903. С. 366, 407—408; *Шебунин А.* Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи // Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 47; *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59. С. 609; *Демиховская О. А.* И. А. Гончаров и декабристы // Русская литература. Л., 1975. № 4. С. 108.

меня скала с уступами... я через ветхий мост... ходил туда; взлетел и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; не доставало только бороды».[1] Грибоедов сравнивает себя с героем баллады Грея, и последняя фраза бросает на весь эпизод иронический оттенок. Экзотические пейзажи Кавказских гор Грибоедов сравнивает с царством Жуковского: «Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского, над пропастями; туманы, туманы над горами».[2] Эта зарисовка воспроизводит мрачную атмосферу баллады-поэмы Жуковского «Двенадцать спящих дев» (полностью была опубликована в 1817 г.) и, может быть, совсем не случайно ниже в рукописи оставлен пробел скорее всего предназначенный для какой-нибудь импровизации. Какую-то балладную ассоциацию предполагает и описание эпизода ночевки в пути в горах: «... нет приступу и в середине замок; не понимаю — как туда всходят. Мы ночевали в ***, но не имели в виду страшилища...».[3] Эта строка также недописана.

В 1825 г. в письме к С. Н. Бегичеву, рассказывая о своей жизни и обществе, в котором ему приходится бывать, Грибоедов пишет: «Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов».[4] Лексическое своеобразие этой фразы связано с популярностью катенинского перевода «Леноры»,[5] а сам факт употребления Грибоедовым катенинского слова указывает, возможно, на определенный круг литературных ассоциаций. В этом письме Грибоедов делится с другом обстоятельствами своего увлечения Е. А. Телешовой: «... я расхолодел, хотя моя Людмила час от часу более ко мне жмется».[6] Е. А. Телешова танцевала партию Людмилы в балете «Руслан и Людмила», но Грибоедов подчеркивает: «моя Людмила» (т. е. не пушкинская), а ситуация, которой передается развязка этого романа, достаточно прозрачно намекает на эпизод баллады Жуковского «Людмила»: скачку Людмилы с мертвецом. Налет грустной иронии, следы душевной усталости на всем письме контекстуально оправдывают именно эту литературную ассоциацию, где Грибоедов отводит себе роль холодного мертвеца.

В 1822 г. появляется баллада Пушкина «Песнь о вещем Олеге», в 1824 г. Грибоедов получает возможность познакомиться с пушкинскими «Подражаниями Корану», среди которых девятое — баллада. К первой половине 1820-х гг. относится появление рылеевских баллад-дум, в 1824 г. появляется бал-

---

[1] *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.; Л., 1959. С. 400.
[2] Там же. С. 401.
[3] Там же. С. 401.
[4] Там же. С. 555.
[5] *Ильинская И.* О языке писем А. С. Грибоедова // Лит. наследство. М., 1946. Т. 47—48. С. 286.
[6] *Грибоедов А. С.* Сочинения. С. 555.

лада В. К. Кюхельбекера «Рогдаевы псы». Из выявленных нами 311 баллад, созданных в 1820—1830-е гг. разными поэтами, только 17% приходится на первую половину 1820-х гг., но 1824 г. является самым продуктивным. К этому же периоду относится и новая волна полемики, связанная с проблемой народности, которая еще раз ставит жанр баллады в центр внимания критиков. Это программные статьи О. М. Сомова («О романтической поэзии» 1823 г. и др.) и его полемика с А. А. Бестужевым по поводу баллады Жуковского «Рыбак» в 1821 г., обзоры Бестужева за 1823—1825 гг. в «Полярной звезде» и критические статьи Кюхельбекера. Все они так или иначе касаются поэзии Жуковского и затрагивают проблемы романтических жанров. Поэты и критики декабристского лагеря проявляют повышенный интерес к жанру баллады. И в 1825 г. Грибоедов создает стихотворение «Хищники на Чегеме», которое по ряду формальных признаков можно отнести к жанру баллады.

«Хищники на Чегеме» связано с фактом биографии Грибоедова: участии в столкновении с горцами на реке Малке. Оно представляет собой строгую строфическую систему. Строфа (всего их десять) состоит из семи хореических стихов. Выбор размера — четырехстопный хорей — симптоматичен. Связанный с фольклорным, песенным началом, четырехстопный хорей наряду с амфибрахием является самым балладным размером эпохи 10—30-х гг. XIX в. Этим размером написаны баллады П. А. Катенина «Ольга» и «Наташа». Что касается архитектоники строфы «Хищников», то и здесь заметно влияние катенинской балладной традиции. Различие заключается в том, что строфа «Ольги» имеет на один женский стих больше. Так же как и строфы «Ольги» и «Наташи», грибоедовская строфа завершается двумя мужскими стихами. Стихотворный размер и характер рифмовки неизменны на протяжении всех десяти строф. Это характерно и для баллад Жуковского: написанные различными стихотворными размерами, строфами разных типов, внутри себя они подчинены одному принципу рифмовки и строфической организации. В отношении жанровой принадлежности «Хищников» показателен и такой фактор, как объем текста. Наблюдения позволяют сделать вывод о том, что объем текста баллады колеблется в пределах восьми-десяти строф. Что касается ритмического рисунка строфы «Хищников», то он несколько отличается от традиционного ритмического облика четырехстопного хорея XIX в. — «четкого двухвершинного ритма с опорой на II и IV стопы».[7] Разность между процентом ударности сильной второй стопы и слабой первой составляет всего 11,6%, т. е. традиционный ритмический контраст в данном случае ослаблен, что свидетельствует об ориентации Гри-

[7] *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфа. М., 1984. С. 135.

боедова на стихотворную традицию XVIII в. Тематически стихотворение «Хищники на Чегеме» ориентировано на декабристскую поэзию: оно отражает борьбу горцев на национальную независимость. Стилистически все оно представляет собой яркий образец поэзии гражданского романтизма. Оригинальной же особенностью ее художественной системы является грибоедовская интерпретация образов горцев. «Хищники» — амбивалентный персонаж. Чтобы быть свободными, они должны совершить насилие над насилием. Однако Грибоедов показывает, что внутренний уклад жизни горцев самой свободы не предполагает. Таким образом, по своему идейному уровню, по глубине проникновения в психологию диких горцев, в их быт баллада «Хищники на Чегеме» делает шаг вперед по сравнению с традиционной романтической балладой, хотя в решении проблемы народности Грибоедов остается в целом в рамках поэзии декабристского романтизма. Имея в виду ряд формальных балладных признаков — размер стиха, строфичность, объем текста — и специфику идейного содержания стихотворения Грибоедова, мы можем рассматривать «Хищников на Чегеме» как попытку создания нового жанрового образца, на высших уровнях своей художественной системы преодолевающего рамки романтической балладной поэтики.

Но стихотворение «Хищники на Чегеме» — не единственное непосредственное соприкосновение Грибоедова с балладным жанром. Сон Софьи Павловны — это баллада-экспромт. «Страшная» баллада — первое, что приходит на ум Софье, чтобы как-то выпутаться из двусмысленной ситуации. С. А. Фомичев в комментарии к комедии «Горе от ума» называет автора, чья поэзия «... варьировала на разные лады...» [8] мотив сна. Это Жуковский. Но и сам сон, сымпровизированный Софьей, построен по сюжетной схеме романтической баллады. В наличии разлучаемые любовники и антагонист — персонаж из загробного мира (в сне Софьи Фамусов появляется из-под вскрывающегося пола), типичен его портрет: «Смерть на щеках и дыбом волоса» (ранняя редакция). Таким образом, балладные штампы налицо. Н. К. Пиксанов отмечал, что сон Софьи выглядит как инородное явление в художественной системе «Горя от ума», [9] но не дает этому исчерпывающего объяснения. Исходя из наших наблюдений, можно предположить, что в рассказе Софьи о ее сне исследователь почувствовал отзвук романтической балладной традиции, хотя бы и взятой в пародийном плане. Конечно, этот фрагмент стилистически отличается от реалистического в своей основе стиля «Горя от ума». Но можно предположить, что в комедии есть и еще одна деталь, пародирующая романтическую балладу. В ремарке к первому явле-

---

[8] *Фомичев С. А.* Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Книга для учителей. М., 1983. С. 61.

[9] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971. С. 267.

нию первого действия говорится о том, что из-за закрытой двери в спальню к Софье слышится дуэт фортепиано с флейтой. Софья, дочь богатого чиновника, втайне встречается по ночам с бедным, незнатным молодым человеком Молчалиным. Они музицируют, и Молчалин играет на флейте. Молчалин по известным причинам скрывает от окружающих свою «любовь», Софья, напротив, не всегда осторожна («Что мне молва?»). Любовная интрига Софьи и Молчалина в пародийном ключе воспроизводит сюжет баллады Жуковского «Эолова арфа» (1814): Минвана, дочь знатного феодала, отвергая притязания именитых витязей, отдает свое сердце бедному певцу Арминию:

Минвана забыла
О сане своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.[10]

Во время встреч Арминий напоминает Минване об их сословном неравенстве и боится огласки, Минвана, упоенная любовью, ведет себя неосмотрительно. Что касается текстуальных совпадений, то здесь можно указать только на один случай, касающийся эпизода прощания Арминия и Минваны и реплики Софьи (действие I, явление 4):

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...

Горячей рукою
Ей руку пожал
И тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...[11]

Софья

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет...
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит.[12]

Выстраивая из спародированного мелодраматического сюжета «Эоловой арфы» любовную интригу, Грибоедов травестирует идеальную любовь Софьи к Молчалину, тем самым низводя ее до уровня комического. Идеальный балладный любовник, бедный певец Арминий — и подлец Молчалин, играющий роль идеального любовника, трагический финал судьбы Минваны — и унизительный обман, открывающийся в конце концов Софье, изгнание Арминия разгневанным отцом Минваны — и последняя сцена в комедии, когда оскорбленная Софья велит Молчалину покинуть их дом. На фоне этих параллелей Молчалин и Софья выглядят, как травестированные балладные герои. И драматический сюжет балладного сна Софьи «работает» на комический эффект: введенный в сниженную авантюрно-быто-

[10] *Жуковский В. А.* Стихотворения. Л., 1956. С. 337.
[11] Там же. С. 340—341.
[12] *Грибоедов А. С.* Сочинения. С. 16.

вую ситуацию, он травестирует и романтическую балладу ужаса.

В восприятии Пушкина комедия Грибоедова носила на себе многие черты легкой комедии, жанра, в котором уже не раз проявлял себя Грибоедов.[13] С традициями легкой комедии XVIII в. комедию Грибоедова связывает прежде всего сюжетная линия Софья—Молчалин—Чацкий, т. е. любовная интрига. Грибоедов мог использовать типичную комедийную ситуацию и для более конкретной цели — пародии, направленной на определенный объект — баллады Жуковского, тем более что весьма сдержанно отзывался о сатирических экскурсах А. А. Шаховского в поэзию Жуковского. Грибоедова и Шаховского связывало очень многое. Они принадлежали к одной литературной среде, сотрудничали как драматурги, поддерживали дружеские отношения. Соглашаясь с Шаховским в оценке творчества Жуковского, Грибоедов вместе с тем холодно отзывался о художественных достоинствах комедий Шаховского. В письме к Катенину в октябре 1817 г. Грибоедов говорит о новой комедии Шаховского «Пустодомы»: «Ах! кстати он совершенно окончил свою комедию... развязка преаккуратная...».[14] И далее, говоря о том, что в числе одураченных будут и зрители, заканчивает: «...ну да это не мое дело, я буду хлопать».[15] Более откровенно высказывание Грибоедова по поводу персонажей комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды», где он говорит уже и о самом авторе, «...который почти не живет в вещественном мире и все со своими идеальными Холминскими и Ольгиными».[16] В своей комедии Грибоедов не только использовал опыт традиционной комедийной поэтики, но выступал и как новатор. Если персонажи Шаховского были, с точки зрения Грибоедова, нежизненны, то Софья и Молчалин были взяты прямо из реальной жизни, из «вещественного» мира.

Таким образом, выявляется конкретный эпизод в поэтическом состязании Грибоедова с самым известным драматургом-комедиографом той поры Шаховским, который в начале драматургического пути Грибоедова выступал как его наставник. Такое состязание было вполне в духе времени. Что касается гипотетического объекта, на который был направлен пародийный момент комедии, то баллада, как было показано выше, и в период завершения Грибоедовым своей комедии продолжала оставаться в сфере его внимания.

Два факта творческой биографии Грибоедова — стихотворение «Хищники на Чегеме» и предполагаемый пародийный момент в комедии «Горе от ума» — вносят новые яркие штрихи в полемику о романтической балладе, которую поэт начал в 1816 г. и продолжил в середине 1820-х.

---

[13] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 138.
[14] *Грибоедов А. С.* Сочинения. С. 502.
[15] Там же. С. 502.
[16] Там же. С. 395.

О. С. Муравьева

ЗАМЫСЕЛ А. С. ГРИБОЕДОВА: ТРАГЕДИЯ «ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ»

Грибоедов вошел в историю русской литературы как автор комедии «Горе от ума». Но поскольку жизнь его оборвалась в самом расцвете лет, вопрос о том, был ли он автором одного произведения, или ему суждено было создать не менее значительные творения — остается спорным. В связи с этим понятен интерес к сохранившимся замыслам, планам, отрывкам из задуманных Грибоедовым произведений. Одно из них — трагедия «Грузинская ночь», над которой, согласно свидетельствам С. Н. Бегичева и Ф. В. Булгарина, Грибоедов работал в Грузии с сентября 1826 по май 1827 г. Обоим Грибоедов читал в 1828 г. сцены из «Грузинской ночи», но относительно законченности произведения свидетельства современников расходятся. Из рассказа Булгарина следует, что Грибоедов сочинил «план романтической трагедии и несколько сцен», Бегичев же говорит о ней как о законченном произведении, приводя слова самого Грибоедова («...есть у меня написанная трагедия»).[1] Так или иначе, до нас дошли только две сцены, одна из которых, видимо, именно та, которую читал Грибоедов и Булгарину, и Бегичеву (разговор князя с кормилицей), а также сюжетная канва произведения в пересказе Булгарина.

«Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиятка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели (Али), злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели (Али) вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели (Али) несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлоб-

[1] *Бегичев С. Н.* Записка об А. С. Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 30—31; воспоминания Булгарина см.: Там же. С. 346, 347.

ленной кормилицы! Она требует ружья, чтоб поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Оба гибнут в отчаяньи».

Нужно сказать, что у исследователей творчества Грибоедова, обращавщихся к «Грузинской ночи», эти свидетельства друзей Грибоедова не вызывают особенного доверия. Г. А. Гуковский в книге «Пушкин и русские романтики» придерживается мнения, что пересказ Булгарина «передает тот характер изложения, который он усвоил от самого Грибоедова».[2] Но он сомневается в том, что трагедия с таким сюжетом могла быть завершена, так как видит в ней неразрешимые художественные противоречия. В. С. Шадури в книге «Грибоедов и грузинская культура» пишет: «Едва ли <...> содержание „Грузинской ночи“ было бы таким добродетельно-поучительным в духе классических трагедий, каким его рисует Булгарин».[3]

Для того чтобы оценить справедливость этих выводов, следует разобрать подход того и другого исследователя к интерпретации грибоедовского замысла. Г. А. Гуковский включает анализ «Грузинской ночи» в русло своей концепции развития реализма в русской литературе и видит смысл трагедии в изучении народного сознания, в социально-историческом обосновании национального характера и на этом основании заключает, что эта трагедия — «потрясающе сильное выступление против крепостного права, против феодализма».[4] В. С. Шадури, во многом присоединяясь к концепции Гуковского, ставит «Грузинскую ночь» в ряд произведений русских писателей на грузинскую тематику, подчеркивая их критический характер; а также рассматривает трагедию с точки зрения антикрепостнических убеждений Грибоедова. В результате В. С. Шадури интерпретирует замысел Грибоедова таким образом: «...в „Грузинской ночи“ крепостная женщина, смиренная, пассивная и добрая старуха, уже дошла до сознания необходимости открытой борьбы против своего угнетателя, для чего она идет „на союз“ с адскими силами мщения».[5] Это рассуждение характерно тем, что логическое развитие основной мысли, звучащей совершенно правдоподобно (смысл произведения в критике крепостничества) придает предполагаемому сюжету несколько пародийный характер. Гуковский, видимо, это почувствовал и, не представляя себе, как можно сочетать в художественном единстве социологический анализ и «духов» как активных действующих лиц, пришел к неизбежному в логике его рассуждений выводу, что трагедия не могла быть завершена.

---

2 *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946. С. 268.
3 *Шадури В. С.* Грибоедов и грузинская культура. Тбилиси, 1946. С. 47.
4 *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. С. 268.
5 *Шадури В. С.* Грибоедов и грузинская культура. С. 49.

Итак, мы видим, что предлагаемые концепции приходят в противоречие с известным нам сюжетом. Но прежде чем решительно отвести свидетельства современников, сделаем попытку пересмотреть не сюжет, а концепцию.

Уязвимым местом существующих интерпретаций является, на мой взгляд, то обстоятельство, что они не учитывают специфику «Грузинской ночи» как драматического произведения. Между тем содержание драматического произведения отличается некоторыми специфическими особенностями; ставит ряд безусловных ограничений в отношении предмета изображения, способов психологического анализа, закономерностей развития действия и т. д. Таким образом, сохранившиеся отрывки «Грузинской ночи» позволяют судить о трагедии с гораздо большим основанием, чем о произведении эпического жанра, ибо здесь нам на помощь приходят закономерности поэтики драмы.

Рассмотрим с этой точки зрения дошедшие до нас отрывки трагедии Грибоедова, оставляя пока в стороне пересказ Булгарина. Нам известен жанр этого произведения, его название, тема, сюжетная коллизия и, наконец, оформившийся конфликт, являющийся, как известно, движущей силой драмы, определяющий характер драматического действия.

То, что в основе сюжета «Грузинской ночи» лежит глубочайший социальный конфликт, определяющий структуру и быт общества, совершенно очевидно. Очевидно и то, что при понимании крепостного права как противоестественного обладания человека человеком, отношения между крепостными и их владельцами изначально чреваты трагедией; а такая специфическая черта грузинского крепостничества, как обмен людей на вещи или животных, предельно заостряет и обнажает проблему. Казалось бы, общественный быт предлагает уже готовый трагический конфликт, который остается только перенести в драму, а интерпретация его при соответствующих взглядах автора представляется однозначной. Но на самом деле у нас в общем, очень мало оснований это утверждать. Единственно, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что противоречия, порожденные крепостным правом, лежат в основе сюжетной коллизии трагедии — т. е. создают взрывоопасную ситуацию, являющуюся предпосылкой конфликта. Но утверждать, что содержанием трагедии является «выступление против крепостного права, против феодализма», как писал Г. А. Гуковский, было бы опрометчиво. Представим себе, что до нас дошли только те отрывки из «Ромео и Джульетты», где речь идет о феодальных распрях, и на этом основании мы делаем вывод, что эти-то распри и являются для Шекспира предметом художественного истолкования, а смысл трагедии «Ромео и Джульетта» в выступлении против феодализма. Если мы хотим представить себе содержание драматического действия, мы должны определить характер драматического конфликта. Как писал теоретик драмы С. В. Владимиров, «в драматическом конф-

ликте совмещаются, накладываются друг на друга коллизии действительности и коллизии познания».[6] Действительность поставляет ситуации, таящие в себе антагонистические противоречия, а драма их реализует в том или ином действии, развивающемся по своим внутренним законам. При этом пружиной действия в драме непременно должны быть характеры, а не внешние обстоятельства, как это возможно в эпосе.

Пока во всем этом нет противоречия концепции Гуковского; можно представить себе трагедию, где предметом столкновения героев-антагонистов является сам институт крепостного права. Но сохранившиеся отрывки не дают оснований для такого предположения. Князь и кормилица говорят вовсе не о крепостном праве, обсуждают вовсе не саму возможность торговать людьми; каждый из них занят своими личными переживаниями, и речь идет только о том, как поступить в рамках существующего порядка. Общественные противоречия, таким образом, заключены во внешних обстоятельствах, но они не переходят во внутреннюю ситуацию трагедии. Так же как, например, в трагедиях Расина противоречие между чувством и долгом, личным и гражданским содержатся в фабуле, но драматические конфликты лежат совсем в иной плоскости — в сфере чувств, перипетии которых и составляют драматическое действие.[7]

В соответствии с законами художественного мира трагедии трагический конфликт возникает в столкновении героев, которыми владеют противоположно направленные и взаимоисключающие жизненные цели. И чтобы этот конфликт был достаточно острым, достаточно «трагичным», в каждой из этих враждебных друг другу целей должна быть своя субъективная правота, каждый из героев должен в какой-то степени вызывать сострадание. Если поражение или гибель одного из героев выглядит заслуженным наказанием и только, напряжение падает, катарсиса не происходит, и произведение получает наивно-дидактический характер.[8] Вспомним здесь мнение Вяземского, которое полностью разделял Пушкин: «Трагик не есть уголовный судья».[9] Это обстоятельство исключает однозначно-разоблачительный пафос произведения возможный, скажем, в сатирической комедии.

В дошедших до нас сценах «Грузинской ночи» завязывается классический и крайне напряженный трагический конфликт. Диалог князя и кормилицы насыщен антагонизмом настолько, что это уже почти не диалог, а два монолога, которые не связывают говорящих в каком-то едином, пусть и враждеб-

---

[6] *Владимиров С. В.* Действие в драме. Л., 1972. С. 52.

[7] Там же. С. 49.

[8] *Эйхенбаум Б. М.* О трагедии и трагическом // Сквозь литературу. Л., 1924. С. 79.

[9] *Пушкин А. С.* Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» // Полн. собр. соч. М. Л., 1937—1949. Т. 12. С. 228.

ном разговоре, но лишь все больше расталкивают их в разные стороны. Две темы — бессильное страдание и возмущение матери и бессильное же раздражение и гнев князя — развиваются почти не пересекаясь и быстро достигают той черты, за которой какое бы то ни было общение становится невозможным и начинается активная вражда. Инициативу берет в свои руки кормилица, и именно ее намерения и действия определяют характер конфликта. Теоретически на основе сложившейся коллизии могли возникнуть самые разные конфликты; скажем, кормилица могла задумать план освобождения своего сына, могла поднять на бунт крепостных князя или, напротив, искать справедливости у верховных властей. Но конфликт уже обозначился здесь совершенно определенно: кормилица собирается безжалостно мстить и призывает к себе на помощь злых духов, преступая при этом собственные представления о совести и законе.

«...Прочь совесть и боязнь!..
Ночные чуда! Али! Али!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным...»

Таким образом, приблизительное содержание драматического действия в общих чертах можно предвидеть: ожесточенное мщение, в ходе которого поднимается такая стихия зла, в которую неотвратимо погружаются как справедливо наказываемая жертва, так и благородный мститель. Отметим, что такого рода действие вполне способно развернуться именно в рамках рассказанной Булгариным фабулы.

Обратим теперь внимание на «злых духов», которые так мешали Г. А. Гуковскому выстроить свою концепцию «Грузинской ночи». Оставаясь в рамках социально-исторического анализа, Гуковский объясняет появление «духов» стремлением драматурга раскрыть внутренний мир героини, «проникнуть в глубины психики изображаемого народа».[10] Но тут же ему приходится признать, что Грибоедов избрал не самый удачный путь для достижения этой цели. В самом деле, такие действующие лица, как духи, привидения и тому подобные, — необыкновенно требовательны; чтобы сохранить художественную достоверность, они нуждаются в совершенно особой атмосфере произведения. (Вполне вероятно, что Фамусов, например, верил в домовых, и его внутренний мир это как-то могло охарактеризовать, но нетрудно вообразить, насколько нелепым был бы такой персонаж, как домовой, в художественной атмосфере «Горя от ума»).

Попытаемся интерпретировать «духов» «Грузинской ночи» не как художественный просчет Грибоедова, но как знак осо-

---

[10] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. С. 268.

бой художественной реальности. Нужно отметить, что именно сцены с «духами» позволяют связать «Грузинскую ночь» с такими значительными литературными традициями, как традиции Гете и Шекспира. Французский исследователь Лирондель в книге «Шекспир в России» первым указал на сходство этой сцены со сценами ведьм в «Макбете». Ю. Д. Левин в главе из коллективной монографии «Шекспир и русская культура», присоединяясь к этому мнению, добавил, что заклинания кормилицы сходны с заклинаниями Жанны Д'Арк из «Генриха VI», призывающей злых духов перед последним сражением.[11] В. М. Жирмунский в книге «Гете в русской литературе», говоря об интенсивном влиянии Гете на русскую литературу второй половины 20-х гг. XIX в., не упоминает «Грузинскую ночь» и утверждает даже, что творчество Грибоедова «протекает в сфере далекой и чуждой поэтическому миру Гете».[12] Между тем, «Грузинская ночь» естественно включается в круг произведений, называемых Жирмунским «примыкающими» к «Фаусту» или «подсказанными им, таких как „Дзяды" Мицкевича или „Ижорский" Кюхельбекера». Нужно назвать здесь и «Ночь на 24 июня» А. Дельвига, обнаруживающую явные переклички с I-ой частью «Дзядов». Интересно отметить, что в этих двух произведениях Мицкевича и Дельвига, так же как в «Грузинской ночи», «духи», «привидения» — образы из народной мифологии — оказываются самым непосредственным образом связаны с темой крепостного права. Мы не можем утверждать, что в «Грузинской ночи» прослеживается влияние «Дзядов», но заслуживает внимания аналогичный подход к явлению, схожесть образного строя произведений.

Нужно сказать, что связь «Грузинской ночи» с литературной традицией, восходящей в конечном счете к «Фаусту», отметил и Г. А. Гуковский, но, последовательный в своих рассуждениях, признал ее чуждой основным закономерностям творчества Грибоедова и, следовательно, художественно неплодотворной.[13] Между тем эта традиция кажется столь чуждой Грибоедову лишь в том случае, если видеть в нем только автора комедии «Горе от ума», художника, воспринимающего мир под таким только углом зрения. Если же посмотреть шире на творческую личность Грибоедова, его интересы, его дружеские и литературные связи, мы убедимся, что он всегда обладал потенциальными возможностями создавать произведения совершенно иного плана. По свидетельству Бегичева, Грибоедов уже в середине 1810-х гг. «знал почти наизусть Шиллера, Гете и Шекспира».[14] А. Бестужев отмечает в своих воспоминаниях, что Грибоедов был особенно горячим поклонником

---

[11] Шекспир и русская культура. М.; Л., 1965. С. 138.
[12] *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 119.
[13] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. С. 269—270.
[14] *Бегичев С. Н.* Записка об А. С. Грибоедове. С. 26.

Гете.[15] Известно, что Грибоедов был в близких дружеских отношениях с Кюхельбекером, ориентирующимся на драматургию шекспировского образца, увлеченного идеей разработки романтической мифологии. Причем, именно Грибоедов еще в 1821—1822 гг. побуждал Кюхельбекера изучать Шекспира. Наконец, Грибоедов тесно общался с Мицкевичем и Дельвигом в 1828—1829 гг., т. е. именно тогда, когда создавались их, упомянутые выше, произведения.

Таким образом, и собственные литературные вкусы Грибоедова, и интересы его друзей не только не препятствовали, но и способствовали тому, чтобы он увлекся идеей создания произведения, тяготеющего к традициям Гете и Шекспира, к поэтике, допускающей романтические коллизии и фантастические образы. Можно возразить, что все это — и любовь к Гете, и знание Шекспира, и соответственно настроенные друзья — всегда было к услугам Грибоедова, однако не отозвалось никак в «Горе от ума». Но к услугам художника всегда — весь художественный опыт прошлого: и культурные традиции, и народное творчество, и образцы великих произведений искусства, и все многообразие современной общественной жизни. Художник же выбирает те образы и традиции, обращается к тому жизненному материалу, к которому влечет его внутренняя потребность и историческая необходимость. «Горе от ума» создавалось в обстановке общественного подъема, «кипения умов», жажды перемен и веры в них. Здесь так пригодился острый критический ум Грибоедова, его общественный и политический темперамент, ядовитое остроумие, глубокое знание русской сатирической литературы и французской драматургии. Но все эти черты, которые так блистательно проявились в комедии «Горе от ума», отнюдь не исчерпывали творческую индивидуальность Грибоедова. Когда наступила новая эпоха, характерная резким спадом социальной активности, историческим пессимизмом, но и глубоким философским осмыслением проблем истории и общественной жизни, Грибоедов и здесь оказался во всеоружии. «Веселость его исчезла», но проявилось другое; он ориентируется теперь на творчество Шекспира и Гете, давно занимавшее его, но прежде лежавшее в стороне от его собственных художественных исканий. Он задумывает писать не резкую социальную критику и сатиру, которую мы от него ждем, а романтическую трагедию, далекую от правдоподобия быта, трактующую общественные конфликты под знаком вечных проблем и ценностей жизни. С этих позиций он и подходит к острейшей проблеме современности — проблеме крепостного права — в трагедии «Грузинская ночь».

Подводя итоги, можно сказать, что пересказ Булгарина кажется нам вполне вероятным сюжетом для той трагедии, кото-

---

[15] *Бестужев А. А.* Знакомство мое с А. С. Грибоедовым // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 98—99.

рую обещают дошедшие до нас сцены. Разумеется, рассуждения о произведении, полным текстом которого мы не располагаем, заведомо гипотетичны; нам неизвестно, закончил ли Грибоедов «Грузинскую ночь»; нам трудно судить о ее художественной ценности. Но все же, анализ замысла и отрывков позволяет представить стройное художественное целое; произведение, которое могло бы стать новым, но закономерным этапом творчества Грибоедова, и которое естественно вошло бы в контекст современной ему литературы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБЛ — Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Москва
ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея, Москва
ГПБ — Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Ленинград
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства, Москва
ЦГАОРСС — Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства, Москва
ЦГИА — Центральный гос. исторический архив, Ленинград
ЦГТМ — Рукописный отдел Центрального гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва
ВМП — Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Москва
ГАВО — Гос. архив Владимирской области
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов, Москва
ЦГИАМ — Центральный гос. исторический архив, Москва
ЦГВИА — Центральный гос. военно-исторический архив, Москва
ГТГ — Гос. Третьяковская галерея, Москва
ГЛМ — Гос. литературный музей, Москва

СОДЕРЖАНИЕ